

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

**Журнал Сибирского
федерального университета
Гуманитарные науки**

**Journal of Siberian
Federal University**

Humanities & Social Sciences

2023 16 (12)

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

2023 16(12)

Издание индексируется Scopus (Elsevier), Российским индексом научного цитирования (НЭБ), представлено в международных и российских информационных базах: Ulrich's periodicals directory, EBSCO (США), Google Scholar, Index Copernicus, Erihplus, КиберЛенинке.

Включено в список Высшей аттестационной комиссии «Рецензируемые научные издания, входящие в международные реферативные базы данных и системы цитирования».

Все статьи находятся в открытом доступе (open access).

ЖУРНАЛ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА Гуманитарные науки

JOURNAL OF SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY Humanities & Social Sciences

**Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки.
Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.**

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (СФУ)

Главный редактор Н.П. Копцева. Редактор О.Ф. Александрова
Корректор Т.Е. Бастрыгина. Компьютерная верстка И.В. Гревцовой

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-28723 от 29.06.2007 г.,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия*

№ 12. 26.12.2023. Тираж: 1000 экз.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя: 660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 79, оф. 32-03

*Отпечатано в типографии Издательства БИК СФУ
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82а.*

<http://journal.sfu-kras.ru>

Подписано в печать 14.12.2023. Формат 60х90/8. Усл. печ. л. 18,2.
Уч.-изд. л. 17,8. Бумага тип. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 20510.

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ: 16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Н. П. Кошцева – доктор философских наук, зав. кафедрой культурологии (Сибирский федеральный университет).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Е. Е. Анисимова**, д-р филол. наук, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- О. Ю. Астахов**, д-р культурологии, профессор, Кемеровский государственный институт культуры.
- А. Ю. Ближевский**, д-р пед. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Б. Бухарова**, канд. экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- З. А. Васильева**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Д. Н. Гергилев**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- К. В. Григоричев**, д-р социол. наук, профессор, Иркутский государственный университет.
- Д. Григорова**, профессор Софийского университета им. Климента Охридского (Болгария).
- С. В. Девяткин**, канд. филос. наук, доцент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.
- С. А. Дробышевский**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Егорова**, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина.
- Е. В. Зандер**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Т. Х. Керимов**, д-р филос. наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.
- А. С. Ковалев**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Колеров**, канд. истор. наук, действительный государственный советник РФ 1 класса, Информационное агентство Regnum, г. Москва.
- В. И. Колмаков**, д-р биол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- А. А. Кроник**, профессор, Университет Ховарда, США.
- Л. В. Куликова**, д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- В. Ю. Леденева**, д-р социол. наук, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.
- О. В. Магировская**, д-р филол. наук, доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- П. В. Мандрыка**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Б. В. Марков**, д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
- М. В. Москалюк**, д-р искусствоведения, Сибирский государственный институт искусств им. Д. А. Хворостовского, г. Красноярск.
- В. Г. Немировский**, д-р социол. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, г. Москва.
- Н. П. Парфентьев**, д-р истор. наук, д-р искусствоведения, профессор истории, заслуженный деятель науки РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. В. Парфентьева**, д-р искусствоведения, профессор, член Союза композиторов России, заслуженный деятель искусств РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. Н. Петро**, PhD, профессор общественных наук, Университет Род-Айленда, США.
- Р. В. Светлов**, д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
- А. В. Смирнов**, д-р филос. наук, член-корреспондент РАН, Институт философии РАН, г. Москва.
- О. Г. Смолянинова**, д-р пед. наук, профессор, академик РАО, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- А. Н. Тарбагаев**, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист России, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Г. Тарева**, д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет.
- К. Б. Уразаева**, д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Казахстан).
- И. В. Шишко**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

CONTENTS

Daniil O. Nikulin The Examination Essays for the Rank of Volunteer, II Category, as a Source on History of the First World War	2086
Valentina N. Asochakova and Svetlana S. Chistanova The Iconographic Tradition of Prienisei Siberia: Notes on the History of Formation and Regional Specifics	2097
Alexey K. Kirillov Cooperators in the Township Court: on the Issue of Business Models of Siberian Butter-Making in the Early 20th Century	2104
Evgeniya V. Komleva The Birthplace of M.V. Lomonosov, the Village of Denisovka through the Eyes of the Krasnoyarsk Merchant M. K. Sidorov (1865)	2113
Alexander S. Kovalev Training and Retraining of Disabled People in Hospitals of Krasnoyarsk Region during the Great Patriotic War	2121
Valentina N. Asochakova and Nadezhda Ya. Artamonova Parish Clergy of the Khakass-Minusinsk Territory in the 18th-19th Centuries: Origin, Population and Personnel	2135
Zoya Iu. Dorzhu and Irina D. Shmit Place and Role of the Prosecutor's Office in the State System of Tuvan People's Republic (1921–1944)	2145
Tatiana A. Medvedeva Universities and Local Communities: From Past to Future (Case of Tomsk, Russia)	2153
Daria N. Nesterenko and Nadezhda L. Khait To the Issue of Change in the Attitude of the Authorities to the Phenomenon of Prostitution in 1917–1929 (On the Materials of Yenisei Province)	2166
Tatiana S. Kissler New Communications in the Arctic (Taimyr Case Study)	2177
Elena M. Starobina, Inna S. Ishutina, Ludmila A. Kozhushko, Tatiana S. Chernyakina, Oksana N. Vladimirova, Yana S. Rocheva, Vladimir I. Raduto and Matvei D. Khodakovskiy On Expanding the Opportunities for Disabled People to Lead an Independent Lifestyle in Their Chosen Place of Residence and Integration into the Local Community	2193
Vladimir I. Krasikov and Vyacheslav I. Kudashov How Social Networking Algorithms and Psychosocial Vulnerabilities Shape Participants in Radical Online Communities	2208
Natalia A. Antonova, Ksenia Yu. Eritsyan and Larisa A. Tsvetkova Digitalization of the Social Environment: University Students' Preferences for Online and Offline Mental Health Counselling	2216
Nikolay M. Terebikhin Geosophy and Geopoetics of the Russian North: Myth, Symbol, Ritual	2227
Andrei M. Sergeev The Individual's Living Space and Ways of Understanding It	2236
Tatiana A. Tolmacheva and Elena G. Tareva Accent Bias in ELF Context: A Scoping Literature Review (2002–2022) to Identify Ways to Global Citizenship	2248
Anna P. Dvoretzkaya, Aleksander V. Slabukha and Nikita O. Pikov Sacred Space and Temple Architecture of Pre-Revolutionary Yeniseisk: Formation and Development	2263
Natalya N. Pimenova, Anna A. Shpak and Ksenia A. Degtyarenko Digital Art Studies: A Possible Typology of Art Databases	2273
Denis V. Dunas, Dariana A. Babyna, Olga A. Boyko, Sergey A. Vartanov, Darya M. Vyugina, Anna N. Gureeva, Anna A. Gladkova, Elena A. Salikhova, Anna V. Tolokonnikova and Geliya S. Filatkina Reflection of Metanarratives in Youth Online Communities (on the Example of VK and Telegram)	2285
Ruslan V. Pavliukevich, Aleksandra V. Sabenina and Mikhail D. Sever'ianov Housing Conditions of Divnogorsk Residents in the Late 80s of the XX Century	2298

EDN: XDNLDX
УДК 930:355.01

The Examination Essays for the Rank of Volunteer, II Category, as a Source on History of the First World War

Daniil O. Nikulin*

*The Institute of History SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Received 16.04.2022, received in revised form 20.10.2023, accepted 25.10.2023

Abstract. The article deals with examinations for the rank of volunteer, II category, written in Novonikolaevsk during the First World War. As part of the exams, applicants wrote essays describing their personal experience on a given topic. Some topics had a direct connection to the war, such as “The first day in the barracks”, “The first days of the war with Germany”, etc. Due to being dedicated to different topics, they touch upon a wide range of aspects of the War, such as the perception of the war and the enemies of Russia by the population, barracks life. The essays have some distinct qualities as a historical source, as, not unlike letters or memoirs, they describe personal experience in a free style. Nevertheless, they remain written for assessment by examiners and on a given topic, limiting the applicants in their sincerity, making the essays similar to a degree, while at the same time making a comparison of views of different people on the same topic possible. The texts of the essays do not contain any information that might be impossible to obtain from other sources. However, they still constitute a significant addition to other, more widespread and widely used sources on the history of the First World War. The results is grounded on the principles of historicism and objectivity, and its results present value for the future historical study on the Russian army, allowing to diversify historical sources commonly used for that purpose.

Keywords: World War I, volunteer, personal account, test, essay, perception of war.

Research area: history.

Citation: Nikulin D. O. The Examination essays for the rank of volunteer, II category, as a source on history of the First World War. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2086–2096. EDN: XDNLDX

Экзаменационные сочинения на звание вольноопределяющегося II разряда как источник по истории Первой мировой войны

Д. О. Никулин

*Институт истории СО РАН
Российская Федерация, Новосибирск*

Аннотация. В статье на материалах Государственного архива Новосибирской области исследуются сочинения по русскому языку – часть экзамена на звание вольноопределяющегося II разряда, сдававшегося в Новониколаевске в годы Первой мировой войны. В этих сочинениях соискатели звания описывали свой личный опыт согласно заданной теме. Сочинения потенциальных вольноопределяющихся не входят в число наиболее рассматриваемых в историографии источников и в целом малоизучены, хотя обладают определенным своеобразием. Цель настоящей статьи – выявить и классифицировать информацию, содержащуюся в сочинениях, охарактеризовать их как источник, выявить их достоинства и недостатки. Сочинения, с одной стороны, описывают личный опыт авторов и написаны в свободном стиле, с другой – писались на проверку на заданную тему, что делает их в известной степени унифицированными и позволяет сопоставлять между собой опыт разных лиц, на первый взгляд, в одинаковой ситуации. Для статьи нами отобраны сочинения, по тематике имеющие непосредственное отношение к войне: «Первый день в казарме», «Первые дни войны с Германией» и др. Автор приходит к выводу, что, хотя в сочинениях отсутствует какая-либо особая информация, недоступная из других исторических источников, они являются весомым дополнением при изучении разнообразных аспектов проблематики Первой мировой войны: восприятия населением войны и противников России в ней, казарменного быта, работы органов власти по проведению мобилизации и так далее. Заслуживает внимания и тот факт, что большинство соискателей звания к моменту написания сочинения уже состояли на военной службе. Это вызывает дополнительный интерес, так как в историографии в контексте вольноопределяющихся традиционно чаще упоминаются те из них, кто приобрел этот статус еще при поступлении на службу.

Ключевые слова: Первая мировая война, вольноопределяющийся, источник личного происхождения, экзамен, сочинение, восприятие войны, Новониколаевск.

Научная специальность: 5.6.1 – отечественная история.

Цитирование: Никулин Д. О. Экзаменационные сочинения на звание вольноопределяющегося II разряда как источник по истории Первой мировой войны. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2086–2096. EDN: XDNLDX

Introduction. In the last decade, interest in the history of the First World War, which received relatively little attention in Soviet period, has increased. The main historical sources for the period were office documentation, memoirs

written much later, and periodicals, the authors of which had limited access to information about the war due to secrecy. However, these sources were divided into varieties that were less studied. In particular, during this period, at civilian

educational institutions, military personnel undertook examinations for the title of volunteer. Essays on given topics, some of them directly related to the ongoing war, were an integral part of these examinations. These writings had a certain specificity that distinguishes them from other sources.

The study of essays written as part of the examination for the title of volunteer has not yet been popular enough in historiography. In general terms, this topic was touched upon by D.B. Tereshkina, who considered them within the Novgorod gubernia from the perspective of the authors' perception of the everyday life surrounding them (Tereshkina, 2018, 2019), and L.V. Kotovich, whose view of the essays written in Novonikolaevsk included considering them as a source on military history, but was somewhat incomplete (Kotovich, 2014). Thus, despite having characterized in general terms the perception by the population of their duty and the beginning of the war, L.V. Kotovich did not touch upon the arrival of recruits and militia warriors to service, the daily routine in the barracks, or the knowledge of the population about the causes of the war. The study of the volunteers themselves as a military category was one-sided in historiography as well. In most publications they are considered recruits who entered the military service in a certain status, and practically nowhere is it said about them as military personnel who wanted to improve the conditions of their service by becoming a volunteer, or a "volnoper", as the volunteers were informally called in the army (Kurdiuk, 2008; Volkov, 1993).

The topic of our study is relevant not only to the part of historiography that directly studied the sources of interest to us, but to that which uncovered the main plots described in these works as well. Therefore, E.S. Seniavskaia, a well-known military psychologist, touched upon the main aspects of the mentality of the soldiers of the First World War in her monograph: the abstractness of propaganda and the lack of understanding of the reasons for the start of the war. The author noted that in nobles, merchants and city dwellers patriotic feelings, especially at the beginning of the war, were extremely strong. She at the same time noted

such wartime elements as the development of the image of the enemy in the minds of the population, which included propaganda about the atrocities and depersonalization; among other sources, evidence of such propaganda is contained in the writings we are considering (Seniavskaia, 1999). The importance of studying the psychology of soldiers was noted in the articles of other authors, highlighting such points as the patriotism of the population characteristic of the start of the war, the difficulty of leaving family behind, lack of awareness about the causes of the war, and unsuccessful propaganda work (Gorbacheva, 2013; Kholodov, 2014; Khubulova & Sosranova, 2015).

The Volunteers

First, let us clarify the status of volunteers for the reader. They voluntarily entered the military service before the result of the draw. Volunteers were divided into three categories. The 1st category included those who had passed the test from the course of educational institutions of the 1st category (i.e. higher education). Volunteers of the 2nd category passed the tests from the course of educational institutions of the 2nd category. Those who passed the tests according to a special program fell into the 3rd category. Initially, according to the law of 1874, volunteers of the 1st category spent three months in active service, the 2nd category spent six months, while the 3rd spent two years; changes in the Charter on military service of 1912 equalized them in this respect, obliging all volunteers to serve two years of active service. The only exceptions were those who successfully passed the examination for an officer rank, but even for them service time was only reduced to one and a half years.

Volunteers had certain privileges – for example, they could hold only combat positions, choose a military unit for service themselves, could not be assigned to household work, and, if possible, they received a separate room in the barracks. Commanders of units were responsible for their education and lifestyle. In addition, volunteers who were in the first and second categories could receive certain positions in excess of vacancies in the selected unit and opt to serve in the guards, artillery and engineering

troops (with the consent of the commanders). In the guards and cavalry, volunteers supported themselves, in other branches of the military they were on state support.

Volunteers received career privileges as well: after passing a special test, a volunteer could be promoted to non-commissioned officer after two months of service (1st category), 4 months (2nd category), 1 year (3rd category), and, again, over vacancies. Volunteers could enter a junker school having not served and in any rank, but after passing a test in combat education in accordance with a special program. For promotion to an officer rank, before the changes of 1912 it was necessary to serve: three months in the 1st category, or six months in the 2nd, or three years in the 3rd. In addition, it was necessary to conduct a full course of field training. The edition of the Charter of 1912 gave volunteers two opportunities to become an officer: to pass an examination for the rank of ensign at the end of the first year of service or, in the second year of service, an examination for the rank of second lieutenant.

Thus, the status of a volunteer provided wide opportunities for career growth, and even those who failed to take advantage of them significantly improved their conditions of service. Therefore, it is not surprising that military personnel tried to move into this category; some, as will be seen below, tried to do this repeatedly.

The funds of the State Archive of the Novosibirsk Oblast contain a number of documents related to examinations for the title of a volunteer II category, including essays. First, the willing person wrote a petition addressed to the director of the educational institution (in our case, the director of the Novonikolaevsk *Non-classical Secondary School*), asking to be allowed to take the examination. As a rule, said petition included a photograph and, for military personnel, a permission from the immediate army superior. After the examination, there remained a final writing and a draft on the Russian language test in the form of essays, as well as an examination paper on arithmetic. We do not consider the arithmetic works of applicants in the current article, but they may be of interest for future research. If successful, the

applicant received a certificate from the school stating that he has the right to enter the service as a volunteer.

In our study, we analyzed 47 essays written by 43 authors, both military personnel (28 people) and civilians (15 people), on various topics related to the First World War. Of the military personnel, three were from the training unit of the 17th Siberian Rifle Depot Regiment, three have been evacuated from the front for treatment, and two held the rank of sub-ensign (sub-ensigns were not full-fledged officers, despite the consonance of this rank with the officer rank of ensign, and were closer in status to non-commissioned officers). Two more were Cossacks. As for the civilians, there were eight peasants, four city-dwellers and two nobles among them, with the status of one more of them remaining undetermined. One of them, an Ufa local K.M. Lukanin, wrote the essay “Recapturing our trenches”, in which he describes a battle as if he took part in it; however, there is no evidence of his military service in the examination documentation. K.M. Lukanin might have obtained the information necessary for the essay from the newspapers. We will consider the essays in order according to their topic; this will allow us to compare them more clearly and provide a more unified understanding of each of the topics.

“The First Day in the Barracks”

The most common plot in these essays, mentioned by almost every writer, is undoubtedly their longing for home. For example, A. Alekhin “remembered a home holiday that I would spend in a circle of my relatives and comrades”¹; a gefreiter of the training unit of the 17th Siberian Rifle Depot Regiment A. Andreichuk “thought about his mother, whom [he] left at home alone to fend for herself”². I. Rastorguev, a militia warrior, 2nd category, of the 17th Siberian Rifle Depot Regiment, “remembered both the former life and the family left far away in the homeland, and heavy boring thoughts fell on the heart”³. A rifleman of the same regiment, O. Filippovich, “did not get to

¹ SANO. F. D-157. Оп. 1. OP. 1. D. 61. L. 18.

² SANO. F. D-157. Оп. 1. OP. 1. D. 61. L. 32.

³ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 65. L. 4об.

sleep, because different thoughts came to mind: about parents, comrades”⁴.

In contrast, some of the soldiers tried to write essays full of confidence in victory over the enemy, even though it took place in the spring – autumn of 1916, after the Great Retreat had happened. For example, P. Boukolovsky, a nobleman of the Tomsk province and a non-commissioned officer of the 33rd Yellets Infantry Regiment, drafted early in 1917, was wounded and sent to the rear to recover. He noted that “our brothers are bravely fighting the enemy, not sparing their own lives... In an instant, I changed, vigor and courage appeared”⁵. P. Nekrasov, a non-commissioned officer and a peasant of the Tomsk province, drafted in 1917, was dismissed from an infirmary to a vacation. He described the work of his company commander as follows: “[he] announced that we were now soldiers and must forget civil matters for the time being, devoting ourselves to the study of military affairs and discipline... He spoke so well that we, in a moment of spiritual patriotic impulse, shouted “Hurray!””⁶.

However, the soldiers expressed their fighting spirit in terms that are more mundane as well. The same P. Boukolovsky wrote, “got used to everything. After some time, [we] were already fit and in a position where it is the duty of every soldier to be”⁷. Soldiers generally wrote about their enthusiasm at the beginning of the service with apparent sincerity: I. Korolev, a junior non-commissioned officer of the training unit of the 17th Siberian Rifle Depot Regiment, was told by a friend, even before the service, that “life in service is very good”⁸, and I. Rastorguev described a similar conversation in the army: ““Don’t be sad, countryman!” One of my comrades brought me out of my thoughts. “Here we’ll make war with the Germans and go home again!””⁹.

The transportation of soldiers to the barracks and their accommodation upon arrival, another significant topic, was reflected in the writings as well. A junior non-commissioned

officer of the 17th Siberian Rifle Depot Regiment V. Mozharov briefly covers the process of selecting military personnel: “We were led into a large room, where a commission of doctors examined and sent us to the next room – the office... We had been standing in front of the office for a long time. Two soldiers came and, having divided our party into several unequal parts, led us to company dispositions”¹⁰. S. Doronin, a junior non-commissioned officer of the training unit of the 17th Siberian Rifle Depot Regiment, on the way to his destination “had to spend the night in a large brick barn, which used to be a stable. The barn was cold, there was no bed, and I laid down right on the straw”¹¹. I. Korolev and his comrades “were driven into a barrack that was not inhabited... [We] took a place near a window, where there was a lot of straw, but the straw was wet”¹². However, the barracks to which the soldiers eventually arrived seemed to meet their requirements. A. Andreychuk describes his barracks as “big” and “made of stone”; Y. Kupavtsev’s barracks were “a vast room lined with beds in a strict order”¹³. To I. Rastorguev it seemed that “you can get comfortable in it. The first thing I noticed was the new pine bunks, which smelled so pleasantly of resin”¹⁴.

The authors of the essays quite rarely mention offenses on the part of old-timers, characteristic of the Russian army of a later period. This in itself is understandable, as it is likely that the examinees avoided topics that could make a bad impression on the examiners. Nevertheless, as a militia warrior 2nd category of the 17th Siberian Rifle Depot Regiment M. Chazov recalled, “the lower ranks who were in the barracks met us very unfriendly, shouted, laughed at us, which I considered an insult and a sad situation for myself”¹⁵. The above mentioned A. Alekhin had an unpleasant experience on his first day too: “I was a stranger, everyone walked around me, and some approached me

⁴ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 65. L. 39.

⁵ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 61. L. 55

⁶ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 64. L. 29ob.

⁷ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 61. L. 55ob.

⁸ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 63. L. 17ob.

⁹ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 65. L. 4ob.

¹⁰ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 64. L. 23.

¹¹ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 62. L. 24.

¹² SANO. F. D-157. OP. 1. D. 63. L. 17.

¹³ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 63. L. 28.

¹⁴ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 65. L. 4.

¹⁵ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 65. L. 44. “Lower ranks” is an Imperial Russian term for “enlisted personnel”.

with different ridicule...”¹⁶. However, the mentions of offenses are limited to insults, without any descriptions of beatings.

“The first days of the war with Germany”

Among the works written on this topic, each one affects a specific city or village; these works are patriotic – because of both the authors and those they describe. Thus, P. Abashev, a gefreiter of the 8th company of the 17th Siberian Rifle Depot Battalion, notes the high level of patriotism among the youth of Tomsk: “Many of the youth expressed their desire to become volunteers”¹⁷. K. Borisov, a peasant of the Nizhny Novgorod province writing about Novonikolaevsk, proclaimed the unity of the Russian people: “All of Russia, as one person, rose up, and military trains rolled to the land that the enemies had already stained with the blood of civilians”¹⁸. F. Dolgopolov, a peasant of the Tambov province, noted the perception of the war by the women of Novonikolaevsk: “although the women cried at first, they then began to pray to God that He help our miraculous heroes to defeat the enemy”¹⁹. S. Umanets, a gefreiter of the 10th company of the 17th Siberian Rifle Depot Battalion, wrote about increased hostility towards the Germans in the village of Belovskoye, Ishim uyezd: “everyone was overwhelmed with the desire to face the insidious enemy chest to chest and repay him for all the insults and oppressions that the cunning Germans have been bringing to us Russians for many years”²⁰. The conclusions of V. Yashkov, a militia warrior 1st Category of the 17th Siberian Rifle Depot Battalion evacuated from the front, are interesting as well. Having been on the front, he became convinced of the complexity of the task Russia was facing: “we still need to fight the enemy for a long time and in order to defeat him, we need everyone, both those

drafted to the army ranks and those remaining in cities and villages, to act together, and only then can we achieve a complete victory”²¹. Y. Kupavtsev, writing about Novonikolaevsk in his essay, sums up: “Russia does not remember such great patriotism. Starting from the luxurious chambers of a nobleman, and ending with the wretched hut of a fisherman”²².

One of the forms of expression of the patriotic rise were demonstrations and prayers. They were mentioned, for example, by P. Abashev: “near the chapel of the Iverskaya Icon of the Mother of God, I saw a mass of people with uncovered heads already serving a prayer service”²³. The senior clerk of the 9th company of the 17th Siberian Rifle Depot Battalion K. Alsin notes that in the city of Tatarsk “unusually there was a lot of life. The topic of conversation, as in the villages, was the war”²⁴. V. Kartashov, a tradesman of the city of Borisoglebsk, clarifies that “all along their journey, the demonstrators sang the national anthem and wished a long life to the Sovereign Emperor and the Allied Powers”²⁵.

Charity has become one of the most active ways to contribute to the common cause. K. Borisov notes that such activities started at the beginning of the war: “in July 1914, societies formed in the city, which enthusiastically set about sending help to families of lower ranks”²⁶. Nobleman of the Kovno province S.G. Tolochko mentioned in his essay, “In the summer they [students] went to work in the field, which brought great benefits to the fatherland”²⁷. The rifleman of the 5th company of the 17th Siberian rifle depot battalion T. Ivanov described that in August 1914, “many boys and girls with mugs and flowers walked along the streets of Barnaul, carrying signatures in large letters, urging people to donate to the wounded”²⁸.

In general, expectations from the war were optimistic. K. Alsin noted that “every-

¹⁶ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 61. L. 18.

¹⁷ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 66. L. 20ob. “Volunteers” mentioned here are named “Okhotniki” in the original text, which is a different category than the volunteers of the main topic, who are named “volnoopredelyayuschiesya” in the original texts. These categories had a number of differences, the main one being that the “okhotniki” were not necessarily educated.

¹⁸ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 66. L. 59.

¹⁹ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 66. L. 98.

²⁰ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 68. L. 56.

²¹ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 68. L. 84ob.

²² SANO. F. D-157. OP. 1. D. 67. L. 55.

²³ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 66. L. 20ob.

²⁴ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 66. L. 35ob.

²⁵ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 67. L. 10ob.

²⁶ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 66. L. 59.

²⁷ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 68. L. 44ob.

²⁸ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 67. L. 3.

one believed in the power of Russian arms and a quick victory over the enemy"²⁹; according to F. Dolgoplov, "warriors happily went to defend their homeland and said: "we will teach the German a lesson"... Maybe soon there will be no kingdom of this ferocious and brutal German people"³⁰. Y. Kupavtsev wrote, "Everyone firmly believes in the victory and crushing of the despicable Teutons"³¹, and V. Yashkov mentioned, "Experienced people were quite confident in an imminent victory in their assumptions"³².

The rather contradictory level of knowledge of the population regarding the war did not contribute to the accuracy of the forecasts. K. Alsin describes his meeting with a messenger who delivered the announcement of mobilization in this way: "The rider was already shouting from a distance: "mobilization!" I took an interest and asked what kind of mobilization it was. He showed me a red package, which actually said, "urgent for mobilization". I asked, "whom will we fight?" Both the driver and the rider could not reliably answer this question for me"³³. Y. Kupavtsev paints a dramatic picture of the beginning of the war: "On July 18, 1914, Germany treacherously, without declaring war, attacked our borders. [Germany] crossed the border and only then declared war on us. She was joined by her ally, Austria-Hungary, attacking our eastern border"³⁴. A junior non-commissioned officer of the 13th company of the 21st Siberian Rifle Depot Regiment I. Larkin turned out to be more knowledgeable: "In June, 1914, the war with Germany began; because of our Orthodox Christians of Serbia. Russia rallied for Serbia against Austria, and Germany rose against Russia and concluded an alliance with the Turks and Bulgaria. But as Russia had not been defeated by anyone before, then our allies rose up for us: France, England, Japan, Belgium and Montenegro"³⁵. S. Tolochko, on the contrary, argued that Russia had allies because of her military weakness, and

S. Umanets argued that "such an unexpected declaration of war was only unexpected for us, as the Germans had been preparing for this for a long time"³⁶.

Some of the examinees described the course of the mobilization, which they witnessed from different sides of the events. T. Ivanov on "July 16, 1916... Was the duty clerk for management. In the first hour of the night, a hasty telegram was received, which I sent to the military chief. At one o'clock in the morning the military chief came and ordered to hastily report to the police department. On July 18, the first groups of reserve lower ranks arrived"³⁷. A sub-ensign of the 4th company of the 21st Siberian Rifle Depot Regiment M. Matskov noted the role of military chiefs as well: "on the appointed day of mobilization, the reserve had to appear at the assembly points of uyezd military chiefs; presenting their ticket, they made up teams that were sent by railways on trains and steamboats to the nearest military units"³⁸. S. Tolochko mentions a riot of the mobilized in the city of Novonikolaevsk: "soldiers walked around the city in crowds and raised a riot. So they broke four wineries in the city of Novonikolaevsk. But this joke didn't go well for them. A small detachment of soldiers was put up against them, who were ordered to shoot. When they had lost several of their comrades, they stopped these jokes of theirs"³⁹.

Another topic affected in the writings are the first news from the war, which were mostly favorable. F. Dolgoplov recalled that "when everyone had found out that our troops, having defeated the Germans and captured many prisoners and weapons, were moving forward, everyone was very happy with our victory"⁴⁰, V. Kartashov mentioned "the news of the defeat of the Austro-German troops near Lublin and Tomashev"⁴¹. Y. Kupavtsev, writing about the first months of the war, notes: "having defeated the Germans near the Vistula River, our valiant army crossed the border of Prussia. They then took the city of Lyk and began to move fur-

²⁹ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 66. L. 36.

³⁰ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 66. L. 98-98ob.

³¹ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 67. L. 56.

³² SANO. F. D-157. OP. 1. D. 68. L. 84.

³³ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 66. L. 35-35ob.

³⁴ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 67. L. 55.

³⁵ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 67. L. 63.

³⁶ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 68. L. 56.

³⁷ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 67. L. 3.

³⁸ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 67. L. 77.

³⁹ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 68. L. 44-44ob.

⁴⁰ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 66. L. 98.

⁴¹ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 67. L. 10.

ther, which saved the French capital, Paris”⁴². A “son of a peasant” of the Ryazan province, A. Poskryakov, claimed that the news of early victories brought great joy to his village: “a Russian soldier went to the army with good feelings, with the hope of victory over the enemy”⁴³. S. Umanets showed awareness of the heroes of the war: “There were many miraculous heroes who performed feats, about whom there was no rumor before the present war, such as: Kozma Kryuchkov, Panasyuk, Makukha and many other heroes”⁴⁴. K. Borisov touched upon the topic of war crimes and their influence on the creation of the image of the enemy among the population: “the atrocities of the impudent Teutons and Swabians began to be attributed by the illiterate people to some kind of unbelief of the Germans in the true God”⁴⁵.

“Seeing the Recruits off”

Another topic on which many essays were written was “Seeing the Recruits off”. In addition to such obvious aspects of this phenomenon as a sad parting with relatives, there are several less trivial stories here. For example, the consultations that recruits received from those who previously served are repeatedly mentioned. A. Alekhin wrote the following about this: “upon being accepted for military service, recruits go home for a short time... In their free time they go to old soldiers to learn how young soldiers are treated and to practice military maneuvers”⁴⁶. A. Bocharov wrote the same: “they make inquiries with the reservists, i.e. those who already served in the military, [what] to do”⁴⁷.

An integral part of seeing off the recruits were festivities and prayers. A. Alekhin wrote that at the end of the prayer service, “the recruits gathered in a group and left the church, singing a song, and their wives and mothers echoed them with cries and shouts”⁴⁸. A senior non-commissioned officer of the 1st company of the 22nd Siberian Rifle Depot Regiment,

M. Bulanov, “very often came across a half-drunk crowd of villagers”⁴⁹, and a peasant of the Vyatka province S. Klekovkin noted that “upon the announcement of the draft to young people, in the villages, the locals begin playing harmonica with songs. This cheerful revelry makes everyone understand that the call is coming”⁵⁰.

The course of sending recruits to their units is described, taking into account all the essays, more or less completely. K. Kochengin pointed out that “the village elder went around all the recruits and ordered them to get ready for the assembly”⁵¹, while A. Bocharov mentioned the volost administrations: “at the appointed date they are all going to the volost or village administrations, where, after assessment, they are sent to places where there is military presence”⁵². One of those applicants about whom there was no information on military service, N. Zabrodin, noted the great importance of a military chief: “Everyone goes to the military chief in the morning to be drafted... They examined us, some were told that they were released due to illness, others had an exemption, and all the rest were fit for service, and they said that tomorrow we would be sent to the designated city”⁵³. After that, according to I. Larkin, “the military chief sends them in groups to some regiment”⁵⁴.

The “Seeing the Recruits off” topic, as expected, has some common motifs with “First Day in the Barracks”, in particular, the recruits’ perception of arriving at the service. According to essays on this topic, recruits went into the army with a doomed sense of duty. A. Bocharov recalled that “the duty of every citizen, with the onset of a certain age, is to go into military service to guard and protect: the Tsar, the Faith and the Fatherland, both from domestic and foreign enemies”⁵⁵. G. Vlasov, a peasant in the Samara province, “sincerely envied his brother [who was entering service], calling him lucky... I told my mother that there

⁴² SANO. F. D-157. OP. 1. D. 67. L. 55ob-56.

⁴³ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 67. L. 124.

⁴⁴ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 68. L. 56.

⁴⁵ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 66. L. 60.

⁴⁶ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 66. L. 27.

⁴⁷ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 66. L. 66.

⁴⁸ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 66. L. 27ob.

⁴⁹ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 66. L. 69.

⁵⁰ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 67. L. 21.

⁵¹ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 67. L. 41.

⁵² SANO. F. D-157. OP. 1. D. 66. L. 66.

⁵³ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 66. L. 115.

⁵⁴ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 67. L. 61–61ob.

⁵⁵ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 66. L. 66–66ob.

was nothing to cry for: after all, the brother was going to protect us from the Germans”⁵⁶. L. Karpov recalled that the recruits “know that they are going to a good cause, to defend the Faith, the Tsar and the Fatherland”⁵⁷. A senior non-commissioned officer of the 23rd Siberian Rifle Depot Regiment S. Semenov argued, “after all, we are neither the first nor the last”⁵⁸.

Other topics

In addition to the topics we have indicated, some servicemen wrote essays on the routine of weekdays and holidays in the barracks. In view of the small number and uniformity of these works, we confine ourselves to Tables 1 and 2 as an example.

Table 1. Weekdays in the barracks according to sub-ensign of the 7th company of the 17th Siberian Rifle Depot Regiment I. Zhavoronkov*:

Time	Event
5.30	Getting up
–	Washing
–	Prayer
–	Breakfast, tea, half an hour
до 11.30	Training
12.00	Prayer, dinner
–	Two-hour rest
13.30	Getting up, tea
15.00	Training in fields on near the barracks
17.30	End of training
19.00	Supper
22.00	The end of the artisans' work
23.00	Going to bed

* The table is based on SANO. F. D-157. OP. 1. D. 79. L. 50a-50aob.

Finally, an Ufa tradesman K. Lukanin wrote a single essay with the title “Recapture of our trenches”. He briefly described the different stages of a battle: “soon we began to approach the position... the enemy began to bombard us

⁵⁶ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 66. L. 79–79ob.

⁵⁷ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 67. L. 15.

⁵⁸ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 68. L. 9.

with artillery fire. The battalion quickly scattered into a chain and already in a chain, it had to make its way into the trenches of the front line... Having reached the trenches, our battalion remained lying in them until evening, waiting for the command to advance... With the onset of evening, we were ordered to move forward... The closer we approached, the more and more frequent the shooting became... Fifty paces from the enemy trenches, we shouted hurray! And almost everyone forgot themselves during the bayonet fight”⁵⁹.

Conclusion

Thus, as we could see, essays for the title of a volunteer have their own originality. In

Table 2. Holidays in the barracks according to sub-ensign of the 7th company of the 17th Siberian Rifle Depot Regiment I. Zhavoronkov*:

Time	Event
5.30	Getting up
–	Washing
–	Prayer
–	Breakfast, tea, half an hour
–	Examining and repairing equipment
8.30	A prayer, rest in the barracks or going off-duty
12.00	Dinner
–	Two-hour rest
14.00	Rest in the barracks, while artisans work
19.00	Supper and going to bed
22.00	Artisans end work and go to bed

* The table is based on SANO. F. D-157. OP. 1. D. 79. L. 50a-50aob.

particular, they combine the characteristics of different varieties of sources: like letters, essays are documents of personal origin, but they correspond to a single theme and are written for examination. Thus, they contain the most important details on not the entire military service, but on what can be presented on the specified topic. In addition, the fact that the essays were written on a given topic makes it possible

⁵⁹ SANO. F. D-157. OP. 1. D. 80. L. 11.

to compare them with each other. Some military personnel failed the examination and later rewrote the essay, on a different topic, which sometimes turned out to be military; thus, such essays provide an opportunity to study the perception of different stages of a military path by the same author.

As is obvious from the topics of the essays cited, they are a source on the history of both the rear and the front, and contain such diverse information as: the psychology of the combatant, the propaganda of the belligerents, the course of mobilization, and the daily routine. All this information taken together makes it possible to carefully reconstruct the path of a drafted Russian soldier, starting from the declaration of war (“The first days of the war with Germany”) and departure from home (“Seeing the recruits off”) through “The first day in the barracks” to “Weekdays” and “Holidays” on service, and, finally, at the war itself in “Recapturing your trenches”. Such a variety is available on the materials of just one archive, although the works are by no means specific to

Novonikolaevsk or the whole of Siberia, which opens up extensive possibilities for their study. These sources are the evidence of the military personnel’s transition to the category of volunteers after entering the service, which, though not so rare, was rarely touched upon in historiography.

Nevertheless, essays on the title of a volunteer are only an auxiliary source, and are not self-sufficient, since they do not contain any information absent in other types of sources. For example, the patriotism of the beginning of the war, combined with a lack of understanding of its causes and goals, and the tactics of warfare are known to us from memoirs and army manuals (for example, the Field Service Charter), and information about the psychology of a combatant is known from soldiers’ letters home. Another disadvantage of essays as a source stems from the same fact that they were written on a given topic and for examination, because of which the examinees might have been less sincere than if they wrote letters.

References

Gorbacheva L. O. Ofitsial'naya propaganda i formirovaniye obraza vruga v rossiyskom obshchestvennom soznanii v gody Pervoy mirovoy voyny [Official propaganda and the formation of the image of the enemy in the Russian public mind during the First World War]. In: *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity]. Yekaterinburg, 2013, vol. 13, 170–181.

Kholodov V. A. Pervaya mirovaya voyna v vospriyatii russkikh soldat [The First World War in the Perception of Russian Soldiers.]. In: *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, 2014, 1(31), 220–225.

Khubulova S. A., Sosranova Z. V. Ego-dokumenty kak istoricheskiy istochnik po Pervoy mirovoy voynе [Ego-documents as a historical source on the First World War]. In: *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, 2015, 1, 116–122.

Kotovitch L. V. “V kazhdom ruskom cheloveke yest' patriotizm: dobrovol'tsy Pervoy mirovoy voyny o lyubvi k Otechestvu” [“Every Russian person has patriotism: World War I volunteers about love for the Fatherland”]. In: *Vtoryye Yadrintsevskiyе chteniya. Materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu nachala Pervoy mirovoy voyny (Omsk, 29–30 oktyabrya 2014 g.)* [The Second Yadrintsev readings. Materials of the II All-Russian scientific-practical conference dedicated to the 100th anniversary of the beginning of the First World War]. Omsk, 2014. 52–54.

Kurdyuk A. A. “Leytenanty” Pervoy mirovoy, ili o putyakh proizvodstva v ofitsery, primenyavshixsya v russkoy armii s sentyabrya 1914 g. po noyabr' 1917 g [“Lieutenants” of the First World War, or about the ways of promotion to officers used in the Russian army from September 1914 to November 1917]. In: *Armiya i obshchestvo*, 2008, 3, 159–168.

Seniavskaia Ye. S. *Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii* [The Psychology of war in the XX century: the Historical Experience of Russia]. Moscow, 1999. 383 p.

Tereshkina D. B. Povsednevnost' v ekzamenatsionnykh sochineniyakh 1915–1918 gg. v fonde Novgorodskoy muzhskoy gimnazii GANO. Novgorodika – 2018 [Everyday life in examination essays

1915–1918 in the fund of the Novgorod male gymnasium GANO. Novgorodika – 2018]. In: *Povsednevnyaya zhizn' novgorodtsev: istoriya i sovremennost'*. Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [*The everyday life of Novgorodians: history and modernity*. Materials of the VI International Scientific Conference]. Velikiy Novgorod, 2018, vol. 1, 298–304.

Tereshkina D. B. Geroi-“dvoyechniki” v stenakh Novgorodskoy muzhskoy gimnazii (obzor dokumentov f. № 385 GANO) [The heroic “D-students” within the walls of the Novgorod male gymnasium (review of documents a. No. 385 GANO)]. In: *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik*, 2019, 18(28), 254–274.

Volkov S. V. *Russkiy ofitserkiy korpus [Russian Officer Corps]*. Moscow, 1993. 219 p.

List of abbreviations

SANO – State archive of Novosibirsk oblast

EDN: XJAUVI
УДК 130.2, 93

The Iconographic Tradition of Prienisei Siberia: Notes on the History of Formation and Regional Specifics

Valentina N. Asochakova and Svetlana S. Chistanova*

*Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation*

Received 26.06.2022, received in revised form 20.10.2023, accepted 25.10.2023

Abstract. This article examines an element of the religious landscape of Prienisei Siberia in the 18th and 19th centuries as the decoration of Orthodox churches. During this period, the Russian Orthodox population was more than twice as large as the indigenous population. The indigenous population is the Khakass, they are the most ancient inhabitants of the Khakass-Minusinsk territory. The iconostasis was the main ornament of an Orthodox church. The iconostasis is a wall with three doors, on which several rows of icons were placed; it separates the altar from the central part. The icon was the most convenient and understandable part of the religious cult. The Orthodox of Siberia only knew about 40 of the huge majority of the saints. In the pre-revolutionary period, several centers of iconography were formed in Siberia. The authors pay special attention to the formation of the Krasnoyarsk iconography school and the influence of the South Russian style, the St. Petersburg and Moscow art schools on it. Archive materials allow us to note the rise of folk icon-painting in the second half of the 19th century; the authors link it with the migration movement after the abolition of serfdom. An analysis of the sources leads to the conclusion that the religious landscape of the southern Prienisei region changed during this period. The need of the big region for a large number of temple and house icons was caused by the spread of Orthodoxy. This led to the emergence and development of the art of church decoration in Siberia. A regional specific of the icon painting tradition of Prienisei Siberia is the “Siberian baroque”, which is characterized by borrowing themes from Central Russian and Southern Russian icons, and producing new themes with ethnic motifs of the indigenous population.

Keywords: religious landscape, the Prienisei Siberia the Khakass-Minusinsk region, the Khakass, icon-painting, icon, Krasnoyarsk school of icon painting, “Siberian Baroque”.

Research area: history.

Citation: Asochakova V.N., Chistanova S.S. The Iconographic Tradition of Prienisei Siberia: Notes on the History of Formation and Regional Specifics. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2097–2103. EDN: XJAUVI

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: chistanovass2417@gmail.com, asocvn@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5714-3729 (Asochakova); 0000-0003-1347-7302 (Chistanova)

Иконописная традиция Приенисейской Сибири: история формирования и региональные особенности

В. Н. Асочакова, С. С. Чистанова

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Данная статья исследует такой элемент религиозного ландшафта Приенисейской Сибири XVIII–XIX вв., как убранство церковных храмов. В указанный период русское православное население в два с лишним раза превышало коренное. Коренное население – хакасы, являются самым древним населением Хакасско-Минусинского края, в этногенезе хакасов принимали участие группы тюркского, кетского, самодийского и монгольского происхождения. Главным украшением православного храма был иконостас. Икона являлась наиболее удобной и понятной частью религиозного культа. Православным Сибири из громадного большинства святых было известно всего около 40. В дореволюционный период в Сибири сложилось несколько центров иконописания. Авторы уделяют особое внимание формированию красноярской школы иконописи, влиянию на нее южнорусского стиля, петербургской, московской художественной школ. Архивные материалы позволяют отметить подъем народного иконописания во второй половине XIX в., авторы связывают его с переселенческим движением после отмены крепостного права. Анализ источников позволяет сделать вывод об изменении религиозного ландшафта юга Приенисейского края в описываемый период. Потребность огромного края в большом количестве храмовых и домовых икон была вызвана распространением православия. Это привело к появлению и развитию в Сибири искусства по изготовлению церковного убранства. Особенность иконописной традиции Приенисейской Сибири выражается в «Сибирском барокко», которое характеризуется заимствованием сюжетов среднерусских и южнорусских икон, продуцированием новых тем с этническими мотивами коренного населения.

Ключевые слова: религиозный ландшафт, Приенисейская Сибирь, Хакасско-Минусинский край, хакасы, православие, иконопись, икона, красноярская школа иконописи, «Сибирское барокко».

Научная специальность: 5.6.1 – отечественная история.

Цитирование: Асочакова В. Н., Чистанова С. С. Иконописная традиция Приенисейской Сибири: история формирования и региональные особенности. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2097–2103. EDN: XJAUVI

Introduction

Artistic culture in Siberia developed within the framework of traditional church art. Thanks to religious construction the Russian Orthodox Church promoted the appearance and development of stone construction in

the region, the dissemination of experience which was used in secular construction, the acquaintance of the population with the leading trends in architecture and painting, developed aesthetic needs and tastes in harmony with the time.

Theoretical Framework

“Cultural landscape” as “historically changing system of relations between society and religious communities in a certain geographical space in the context of ethnic, socio-economic, cultural and political processes” (Religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia, 2014) has a complex multilevel structure, part of which is a “religious landscape”. The elements of the “religious landscape” include Orthodox architecture (churches, houses of prayer, chapels).

Khakass-Minusinsk Territory as a historical and cultural area was formed in the XVII–XVIII centuries. Its specificity is determined by special geographical boundaries and natural-climatic conditions (sharply continental climate, heterogeneous landscape consisting of steppe and mountain territories). The indigenous population, the Khakasses, are the most ancient population of the Khakass-Minusinsk Territory. Groups of Turkic, Ketian, Samoyedic, and Mongolian ethnicity took part in its ethnogenesis. The appearance of Russians on the territory of the region in the beginning of the 18th century is connected with changes in the geopolitical situation in Southern Siberia. By the last third of the XVIII century, the Russian Orthodox population is already more than two times more than the indigenous (Bykonina, 1981) (Butanaev, 1997). Russian settlers were aware of themselves as Orthodox and recreated the familiar environment, carrying with them work skills and cultural traditions. A total of 88 Russian settlements emerged during the hundred years of inclusion of the Khakass lands into Russia, and 18 Orthodox churches were built.

The place of chapels and houses of prayer in the religious landscape of Khakassia we have already considered in one of our articles (Asochakova, 2016). The subject of this article is another element of the religious landscape – the decoration of Orthodox churches in the Khakass-Minusinsk territory in the XVIII–XIX centuries.

Statement of the Problem

The interior of the Church, in terms of Christian canons, embodied the image of the

world as God’s creation, traditionally it consisted of three parts: the narthex – the entrance room, in the center – the space for prayer and ceremonial activities, in the east – the altar, there were placed the throne with the cross, the Gospel and the monstrance. The iconostasis is a wall with three doors (the central ones are “royal”) on which several rows of icons were placed. It separated the altar from the central part of a church. The iconostasis was the most important decoration of an Orthodox church. The Russian type of the iconostasis was formed at the end of the 19th century, in Siberia they started to be made in the 17th century, in the Prieniseisk region – in the 18th century. At first in a decorative wooden carving elements of the South Russian style were traced, then influence of the Petersburg and Moscow art schools increased. The first woodworkers were Egor, Ivan and Grigory Busygin and Alexei Pospelov. Egor Busygin was a retired soldier from Tobolsk, an experienced master of iconostasis at the local craftsmen’s shop. Busygins often were contracted for construction work in the Siberian districts in the late 18th – first half of the 19th centuries. A. Pospelov came from Tobolsk townsfolk and also often worked on iconostases.

The Krasnoyarsk iconostasis school was formed, 11 iconostases by Krasnoyarsk craftsmen were found in the churches of the Prienisei region. (Isaeva, 1996) The first iconostasis masters were Ivan Fedorov, Iakov Rostov, Stepan Belozarov. (Decrees of Tobolsk Ecclesiastical Consistory on appointments and transfers of priests, on permission to build a new church in Irbinsky village) The creation of iconostasis, as a rule, took one or two years, they were made according to “special drawings” or on the model of existing iconostases (Shumov). Ivan Fedorov made an iconostasis for Irbin Church of Catherine the Great (1783) (Decrees of Tobolsk Ecclesiastical Consistory on appointments and transfers of priests, on permission to build a new church in Irbinskii village). Its description, made by P. Sharov, an assistant of Yenisei provincial architect, is stored in the case of the closure of the church (1830). The iconostasis was transferred to the Karaulno-Ostrozhsky temple. There was an iconostasis made by Iakov

Rostov and decorated with carvings by Stepan Belozherov in Baraita church (Evtikhiev, 1894).

The esthetic needs and tastes of the Orthodox population were realized primarily in iconography. The icon was the most familiar and convenient part of the religious cult. In recent years interest to the history of the Siberian icon has intensified. In Siberia iconography has passed some stages in its development. For the third stage of the Siberian iconography (last quarter 17th century – the beginning of 20th centuries) are characteristic: “life-like” writing; since 18th century – style of baroque; since 19th century – coexistence of secular tendencies and Old Russian traditions (Prokhorova, 2012). The emergence and development of iconography in Western Siberia was examined by N. G. Velizhanina (Velizhanina, 1985) (Velizhanina, 1999), features of iconography and stylistics of iconography in Eastern Siberia were studied by H. H. Isaeva (Isaeva, 1996), Altai – Stepankaya T. M. (Stepanskaya, 1998), Krasnotsveta L. G. (Krasnetsvetova, 1999).

The following means of expressing the sacred are distinguished in Orthodox iconography:

- 1) timelessness, or one-timeness, meaning that all the events shown in the icon take place at the very same time;
- 2) impassivity of the faces, deprivation of external human emotions;
- 3) conventionality, that is, it is not the object itself that is depicted, but its idea;
- 4) inverse perspective, which has points of convergence not in the back of the picture plane, but in the person in front of the icon;
- 5) the front and background in icons are not perspective-imaginative, but semantic;
- 6) the source of light is the figures and faces themselves (luminosity), and the color has only a symbolic function;
- 7) gold, a symbol of God’s light, is actively used, conveying the radiance of the nonvital world;
- 8) writing the name of the depicted, which is equal to its manifestation (Alekseyev, 2003).

The Orthodox people of Siberia knew only about 40 of the huge majority of saints. In the Khakass-Minusinsk territory Michael the Archangel, Nicholas the Wonderworker,

the Mother of God, especially her Kazan version, and the Trinity were especially revered. The icons were carried to the faraway land by governors, tradesmen, migrants, and Kazaks. Sometimes icons were bought together; in the liturgical practice of Siberia in remote villages, temporary settlements, and hunting lodges, a “secular” icon replaced the iconostasis, and a simple house became a house of prayer. Temple and home icons were placed in wooden caskets and were decorated with metal frames or foil.

Results

The city of Eniseisk became the center of iconography in the Prienisei region. The first iconographers appeared in Yeniseisk in 1669; in 1691 Moscow iconographers I. Vladimirov and F. Alexeyev were exiled here, and in 1693 they were relocated to Krasnoyarsk. A complex of local icons appeared in the middle of the 18th century. In the last quarter of the 18th century there were already 10 icon painters living in the city. The increase in the number of iconographers was due to large-scale church buildings and an increase in the demand for icons, which led to the development of iconography. Masters from fairly distant places began coming here: M. Pushkarev, I. Mylnikov, D. Kurochkin, the Khozyainovs, D. Pushkarev, and G. I. Rostov. The iconographers Khozyainovs were from the peasants of the Abakan village, M. Pushkarev was a peasant from the Urals city of Chelyaby who had been granted freedom.

Martyn Khozyainov was a significant figure in the history of artistic culture in Krasnoyarsk. Together with his brother Ivan, he mastered his father’s craft. His father Khozyanov was not only in charge of the family, but also among the iconographers. It was he who travelled to the Krasnoyarsk Consistory with samples of icons to present them for attestation, he decided not to go to Tobolsk because of the distance, violating the order of the Tobolsk Consistory of September 19, 1786. “He presented the icons of his son Martyn, I. Agapitov, V. Gatilov and A. Pushkarev for a certificate of skill. For more than 20 years a burgher from Krasnoyarsk Grigory Rostov and about 30 years Stephan Belozherov studied painting by Martyn Khozyainov (Velizhanina, 1995).

At first, the iconographic tradition in Siberia was influenced by folk motifs, Ukrainian, Central and Northern Russian artistic styles. As a result of the secularization of church lands in 1764, church institutions lost their staff of iconographers and had less control over iconography. During this period iconography reflected everyday religious consciousness, a folk version of Orthodoxy, and a synthesis of Christian doctrine with ethnic beliefs.

The most revered saint of the Khakasses was St Nicholas. His icons hung in almost all Khakass yurts, and churches were always full on St Nicholas Day. Sometimes, however, the icon was replaced by a tea label with a portrait of the owner of a tea factory in Irkutsk, who looked like a saint, and whom some mistook for Saint Nicholas. (Gladyshevskii, 2004)

The following features were oriented to the representations of the indigenous peoples of Siberia: semi-relief representations, transitions from the light convex parts of figures or objects to shaded ones were sharper than in the Russian iconographic canon, where a smooth multi-layered ochre image was adopted. Khakasses' images of gods were more voluminous. Another original feature of some Siberian icons was orientation on the local ethnic type of the population – on the icons there is an almond-shaped oriental cut of the eyes, and the male icons have a lop-sided Tatar mustache (Velizhanina, 1985). Icons were made on canvas and boards.

The rise of folk iconography took place in the second half of the 19th century. At that time, following the abolition of serfdom, a migrant movement rushed into Siberia. The share of folk icons in the total mass increased, and a trend in iconography oriented towards the tastes of peasants was formed.

In the pre-revolutionary period there were about a dozen iconography centres in Siberia: in Suzun, Kolyvan and others. The Suzun centre focused on the artistic tastes of peasants; the Kolyvan centre was oriented towards the townspeople. For churches of the Prieniseisk region icons were produced in Yeniseisk and Krasnoyarsk. Masters were guided by West Siberian models from Tobolsk and Tyumen. Although, as N.N. Isayeva, an art historian

from Krasnoyarsk, noted, they were heavily influenced by Ukrainian works and Central and Northern Russian artistic traditions. In the collection of the Minusinsk Museum of Regional Studies there is a unique icon of M. Khozyainov "The Scandal of Christ", dated 1799. (Isaeva, 1996) It is possible that the Khozyainovs used reproductions of paintings by Western European masters and followed the academic direction in icon-painting. But "original" icons painted by Siberian artists were also common.

The Tobolsk Archbishop's House reviewed icons, tried to regulate the painting of icons, it began to issue certificates, work permits. In the 1780s, it was forbidden to paint icons in Russia without the permission and approval of the eparchial authorities, and Christians were forbidden to make orders for icons based on their own designs. Production of icons was reduced, with imported products partially satisfying demand. Icons could only be sold by special permission. In the 1820s, the spiritual consistory allowed the sale of icons within the Tobolsk eparchy to the peasants of Vladimir province, Fedor Erikhov, Melnikov, Tikhonov, Anton Safronov, a peasant of the landowner Kurakina, and others. In some years the income from sale of icons reached 10 thousand. This indicates an increase in the number of churches, the orthodox population, and the increased need for cult objects. (On permission for Flor Erikhov to trade in icons)

Conclusion

Siberian icon-painting was characterized by so-called "Siberian baroque", the Ukrainian influence connected with the activities of Tobolsk metropolitans (before Barlaam), the borrowing and reproduction of new subjects and themes from Central and Southern Russia, and the ethnic motifs of the indigenous population.

Migration processes contributed to changes in the religious landscape of the southern Prienisei region. Russian migrants preserved, recreated and transmitted Russian Orthodox culture in Siberia in general, and in Khakassia in particular. The emergence and development of the art of church decoration in the region is closely connected to the spread of Orthodoxy, which caused the huge region to need a large number of temple and house icons.

References

- Alekseyev S. V. *Zrimaya Istina [Visible Truth]*. Saint Petersburg, Neva, Moscow, Obrazovanie, 2003. 416 p.
- Amogolonova D. Buddhism in Christian State: Competition in Buryat Spiriyual Space in Late-Imperial Russia. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2017, 10(12), 1829–1839.
- Asochakova V. N. Religiozniy landshaft Khakasii: k istorii kul'tovykh sooruzhenii v kontse XIX – nachale XX vv [Religious landscape of Khakassia: to the history of religious buildings in the late XIX – early XX centuries]. In: *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova [Bulletin of the Katanov Khakass State University]*, 2016, 16, 10–13.
- Butanaev V. Ia. *Etnicheskaya kul'tura khakasov [Ethnic culture of the Khakass]*. Abakan, 1997. 352 p.
- Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii. [Religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia. Ed. by P. K. Dashkovsky]. 1: Late antiquity – early XX century. Barnaul, Alt. University, 2014. 214 p.
- Bykonya G. F. *Zaselenie russkimi Priyenseiskogo kraia v XVIII v. [The settlement of the Yenisei region by Russians in the 18th century]*. Novosibirsk, 1981, 248 p.
- Gladyshhevskii A. N. *K istorii khristianstva v Khakasii [To the history of Christianity in Khakassia]*. Abakan, Izd-vo Khakasskogo gos. universiteta, 2004. 136 p.
- Evtikhiev A. *Istoricheskoe opisanie Barait'skogo prikhoda [Historical description of the Barait parish]*. In: *Yenisei diocesan bulletin*, 1894, 5, 87–91; 6, 109–110.
- Isaeva N. N. *Khudozhestvennoe nasledie Priyenseiskogo regiona (XVIII – nachalo XIX vv.). Problemy ikonografii i stilia: avtoref. dis. ... dokt. iskusstvovedeniia [Artistic heritage of the Yenisei region (XVIII – early XIX centuries). Problems of iconography and style. Doct. Art sci. diss. Abstr.]*, Krasnoyarsk, 1996. 44 p.
- Krasnetsvetova L. G. Ikonopisnoe nasledie Altaia [Icon-painting heritage of Altai]. In: *Siberian icon*. Omsk, Irtysh-92, 1999, 216–218.
- Moskaliuk M., Grishchenko A. Siberian Identity in Traditions and innovations of art culture. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2020 13(6), 914–923.
- O razreshenii torgovat' ikonami Floru Erikhovu [On permission for Flor Erikhov to trade in icons]. In: *Gosudarstvennoe byudzhethnoye uchrezhdenie Tiimenskoi oblasti «Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske» [State budgetary institution of the Tyumen region “State Archives in Tobolsk”]*, f. 156. – Op, VI, 1824, D. 157, 159, 160, 161, 183.
- Prokhorova T. V. *Sibirskaya ikona XVI–XIX vv.: stanovleniye i razvitiye ikonograficheskoy traditsii: [Siberian icon of the 16th-19th centuries: the formation and development of the iconographic tradition. Cand. Art sci. diss. Abstr.]*. Novosibirsk, 2012. 24 p.
- Shumov K. Iu. *Spravka ob ikonostase Blagoveshchenskogo pridela Blagoveshchenskoi tserkvi v g. Krasnoyarske [Historical information about the iconostasis of the Annunciation side-chapel of the Annunciation Church in Krasnoyarsk]*, 2011. Available at: http://naov.ru/articles/47_ikonostas-blagoveshenskogo-pridela-blagoveshenskoyi-cerkvi.html (accessed 1 November 2021)
- Stepanskaya T. M. *Sluzhili Otechestvu na Altae: Kn. dlia chteniia po khudozh. Kraevedeniuu [Served the Fatherland in Altai: Book. for reading by artist. local history]*. Barnaul, Piket, 1998. 135 p.
- Ukazy Tobol'skoi dukhovnoi konsistorii o naznacheniiakh i perevodakh sviashchennikov, o razreshenii stroit' novuiu tserkov' v s. Irbinskom, [Decrees of Tobolsk Ecclesiastical Consistory on appointments and transfers of priests, on permission to build a new church in Irbinsky village]. In: *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archives of the Krasnoyarsk Territory]*, f. 592, Op. 1, D. 70, L. 356.
- Ukazy Tobol'skoi dukhovnoy konsistorii o naznacheniiakh i perevodakh sviashchennikov, o razreshenii stroit' novuiu tserkov' v s. Irbinskom [Decrees of Tobolsk Ecclesiastical Consistory on appointments and transfers of priests, on permission to build a new church in Irbinsky village]. In: *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archives of the Krasnoyarsk Territory]*, f. 592, Op. 1, D. 70, L. 8.

Velizhanina N. G. U istokov sibirskoi ikonopisi [At the origins of Siberian icon painting]. In: *Cultural and everyday processes among the Russians of Siberia in the 18th beginning. XX century*, Novosibirsk, 1985, 153–166.

Velizhanina N. G. *Tipologiya sibirskoi narodnoi ikonopisi [Typology of Siberian folk icon painting], Aborigeny Sibiri: problemy izucheniia ischezaiushchikh yazykov i kul'tur [Proceedings of conference "Aborigines of Siberia: problems of studying endangered languages and cultures"]*, Novosibirsk, 1995, 2: Archeology. Ethnography, 112–113.

Velizhanina N. G. *O svoeobrazii ikonopisi Zapadnoi Sibiri [About the originality of the icon painting of Western Siberia]*. In: *Siberian icon*, Omsk, 1999, 194–200.

Zagvazdin E. The History of the Transfiguration (Abalak) Churchyard in the 17th Century. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2020, 458, 136–143.

EDN: XNROHL
УДК 94(47).08

Cooperators in the Township Court: on the Issue of Business Models of Siberian Butter-Making in the Early 20th Century

Alexey K. Kirillov*

*Institute of History SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Received 20.07.2022, received in revised form 20.10.2023, accepted 25.10.2023

Abstract. Rarely used sources – records of township courts – help the author to reveal a business model used by Siberian butter producers of the late Russian empire period. The author brings to close consideration decisions of Tulinskoye township court discovered recently in the regional archive of Novosibirsk. Information from court records lets the author establish two facts previously unknown. 1) The practical work of Siberian butter-making cooperation was accompanied by numerous conflicts between cooperative organizers and ordinary members; 2) The reason for these conflicts was the organizers' desire to fasten local milk deliverers to certain butter-making factories through the system of contracts and penalties. These facts contradict to the usual arrangement of cooperatives of the early 20th century. The conclusion says that Siberian butter-producing *artels* were in fact private businesses disguised as cooperatives in order to have legal opportunity to get hold of some part of milk market and thus avoid competition for raw materials.

Keywords: late imperial Russia, cooperative studies, economic history, siberian studies.

Research area: history.

Citation: Kirillov A. K. Cooperators in the township court: In the issue of business models of siberian butter-making in the early 20th century. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2104–2112. EDN: XNROHL

Кооператоры в волостном суде: к вопросу о бизнес-моделях сибирского маслоделения начала XX века

А.К. Кириллов

Институт истории СО РАН

Российская Федерация, Новосибирск

Аннотация. Опираясь на редко используемые источники – решения волостных судов, – автор реконструирует бизнес-модель, использовавшуюся маслоделами дореволюционной России. Непосредственному разбору подвергнуты недавно введённые в научный оборот решения Тулинского волостного суда из Государственного архива Новосибирской области. Сведения из «книг на записку решений суда» позволяют автору установить два прежде неизвестных факта: 1) деятельность сибирской маслодельной кооперации сопровождалась многочисленными столкновениями между организаторами и рядовыми членами кооперативов; 2) причиной этих столкновений было стремление организаторов закрепить поставщиков молока за определёнными маслодельными заводами посредством системы контрактов и штрафов. Эти явления противоречат обычному устройству кооперативов в начале XX в. Вывод гласит, что сибирские маслодельные артели были, по существу, частными предприятиями, замаскированными под кооперативы с целью законным путём подчинить себе часть молочного рынка и тем самым избавиться от необходимости конкурировать за сырьё.

Ключевые слова: дореволюционная Россия, история кооперации, экономическая история, история Сибири.

Научная специальность: 5.6.1 – отечественная история.

Цитирование: Кириллов А. К. Кооператоры в волостном суде: к вопросу о бизнес-моделях сибирского маслоделения начала XX века. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2104–2112. EDN: XNROHL

Introduction

One of the concepts popular with economists in the first quarter of the 21st century is the business model. This concept was used even before it became famous. At least for the period from 1975 to 1994 the researchers counted 166 articles at scientific periodicals, the titles of which contain this term (Zott, Amit, Massa, 2010). An explosion of interest to business models in the second half of the 1990s was a consequence of the success of dotcoms – commercial Internet projects. Their creators seemed to make money out of nothing: without erecting factory buildings, without investing huge capitals, they managed to become rich and influential people.

The slogan “money makes money” faded before the implemented dream of “getting rich with one’s own brain”.

Existing definitions of business model are too diverse, there is no room for a single generally accepted definition (Peric, Durkin, Vitezic, 2017). In the very broad sense, a business model is the idea that underlies any business, even if it has not been formulated clearly. As the experienced manager and professor David Teece put it, “Whenever a business enterprise is established, it either explicitly or implicitly employs a particular business model that describes the design or architecture of the value creation, delivery, and capture mechanisms it

employs” (Teece, 2010: 172). However, business model researchers have something in common: they all describe success stories. Search for a business model encourages finding out a peculiar managerial invention in every success story. Identifying business models is not concerned with describing success of new technologies; it is something to do with explaining how it was possible, on the basis of technologies already created by others, to launch one’s own business. This is why two Danish researchers from Aalborg University, looking for the roots of the study of business models, send us to the monographs of the 1960s, the titles of which contain the words “corporate strategy”, “organizational structure”, “management theory” (Nielsen, Lund, 2014). It is logical that the historical study of business models also refers to the times when this concept itself did not even exist. In a book translated into different languages of the world three professors of the University of St. Gallen (Switzerland) proposed aphoristic names for 55 business models, real examples of which cover the last century and a half (Gassmann, Csik, Frankenberger, 2014).

One of the outstanding success stories of pre-revolutionary Russia concerns the butter production at Siberia. Prime-minister Peter Stolypin in his joint report with Alexander Krivoshein about their trip to Siberia in 1910 tried to impress its readers with the fact that the Siberian butter-making gave Russia twice as much gold as the Siberian gold production. He meant the price of butter exported from Siberia to the world market. After the emergence of the Trans-Siberian Railway, which made possible selling this perishable product in distant markets, the West Siberian butter-making began to grow rapidly in the 1890s. This branch started practically from zero; by 1907 it came to the creation of the Union of Siberian Butter-Making Cooperatives, one of the offices of which worked as far as in London.

Butter-making factories would be created not only by cooperators, but also by private entrepreneurs. However, it was the cooperatives that became famous as the main organizers of the Siberian butter-making boom. Cooperation was in the 19th century as much a symbol of the era of change as a steam locomotive.

Although cooperative scholars use to trace the idea of cooperation several centuries back to famous philosophers, the start of practical spread of cooperation around the world is associated with the Rochdale Cooperative in Great Britain (Holyoake, 1900). The British example was taken up by the Germans (Notz, 2021); the names of Hermann Schulze-Delitzsch and Wilhelm Raiffeisen were recognized universally among Russian cooperators of that epoch. Cooperative ideas had penetrated into Russia immediately after their spread in the West; mass attempts to implement them began in the 1860s; and in the 1890s it came to the approval of the first model charters for cooperatives. The decade between the Revolutions of 1905 and 1917 became the era of their rapid growth: trade cooperatives, consumer cooperatives, production cooperatives, credit cooperatives became ubiquitous in Russia (Korelin, 2009).

Cooperation is more than a profit-making technology; it is an instrument to change society. Cooperation allows to get away from the opposition of the capitalist’s and wage workers’ interests. All the members are equal in a cooperative, they make decisions together and share the profits, and everyone has a chance to be elected chairman. Not surprisingly, one of the main ideas of the American political organization “The Order of the Knights of Labor” (1869) was “to abolish as rapidly as possible, the wage system, substituting co-operation therefore” (Gourevitch, 2015: 136). Over the following century and a half, faith in cooperation as the main driving force of social transformation waned. But to this day, cooperative enterprises are considered by the cooperation inspirers as a mode of existence of modern economy, alternative to monopolies and private capital (Williams, 2007).

It was in this sense that cooperation history was studied by the recognized master of the late Soviet historical science Konstantin Tarnovskij. In his last monograph, written “for the desk drawer” and published posthumously, he reflected on “democratic capitalism” as one of the historical alternatives of Russia at the dawn of the 20th century (Tarnovskij, 1995). Eurocentrism being inherent in historians of

European Russia, Tarnovskij does not mention Siberian butter-making. However, Siberian authors – contemporaries as well as historians – make up for this omission.

On the whole recent publications about the history of Siberian butter-making are panegyric. But sometimes the reader discovers details that do not correspond to the general serenity of the articles. Historians write about the “superstitions of the peasants”, who were often hostile to butter factories, and sometimes staged real butter riots (Skobelev, 2010; Ermachkova, 2015). The authors quote with pleasure the delusional rumors transmitted by peasants about the dangers of separators, but when it comes to explaining the reasons, they do not go further than pointing out the difference in material interests between those who sell their milk to the factory and those who do not (since they don’t have enough milk). This should be understood so that the cooperative members were all on the same side of the barricade; the dividing line runs outside the cooperatives. In this, modern authors seem to repeat the conclusions of Sergey Shvetsov, a well-known public figure and expert on peasant life. It was he who, with reference to local informants, used the name “butter riots” as early as 1902 while the trail was still warm (Shvetsov, 1902). It is true that Shvetsov summed up his search for the causes of those “wild and cruel” pogroms with the conclusion about “the clash of primitive forms of economy and the general conditions of life of the Siberian village with capitalism that burst into it in the form of butter-making, being generated somewhere outside by conditions alien to this village and therefore abstruse to it”. At the same time, Shvetsov’s essay creates a more complex picture due to small observations that the author leaves aside from clearly formulated conclusions.

Shvetsov describes the strife between the peasant majority and butter-making experts – strangers to the village community, who would initiate the cooperatives. Whatever we think about the reasons for this discord, it can be considered proven by Shvetsov’s descriptions that the peasants’ hostility did not concern cooperators in general, but the initiators of cooperatives, who were strangers to the peasant mass-

es both by their previous residence place and by their way of life (that tended to aristocratic habits). Ordinary cooperators in all the pogrom stories are present only as a background, which is implied, but is not playing a role. Thus the butter-making cooperative ceases to be in our eyes a community of equals, some other image begins to emerge.

The question arises about the essence of this intra-cooperative inequality. A hint at the answer is contained in an article intended to introduce contemporary economists to the pre-revolutionary butter-making (Nikolaev, 2016). In general the article accords with its enthusiastic advertising name, but some internal flaws of the cooperative system are mentioned as well. Trying to estimate them in general, the author applies the cliché of “commune holdovers”. The author sees the holdovers’ manifestation in the *artel* (cooperative) contract fixing fines for those who fail to deliver milk to the cooperative factory. Certainly, a fine for violating a voluntarily concluded contract is by no means a commune holdover. But the very presence of a whip where, it seemed, everything was decided by a carrot, draws attention to itself. We get one more link in the chain, the end of which is still hidden from our sight.

Leonid Goryushkin, who was himself grown up in a Siberian village (although during the collectivization) and began his path to the Academy of Sciences by studying the pre-revolutionary peasantry, felt the internal problems of cooperation deeper than others. Cooperation appears in Goryushkin’s monograph as a negative phenomenon; in particular, the author says directly that “the *kulaks* used the butter-making cooperation” in their own interests – “to increase their capital by attracting funds from the middle peasants” (Goryushkin, 1967: 209–211, 286–287). Translating from the language of the late Soviet era (“*kulaks*”), we understand that cooperation in the eyes of Goryushkin was a form of production that gives the main benefit to the organizers (entrepreneurs), and does not at all create equality. The idea that the dividing line runs within the cooperation (not outside) is formulated very clearly. But what way might a cooperative, in which everyone is equal according to the char-

ter, be turned into a tool for the exploitation of workers by entrepreneurs? Goryushkin does not disclose this. This is revealed to us by the decisions of township courts.

Discussion

The New York University professor Jane Burbank has shown that decisions of township courts offer material for studying diverse aspects of the Russian peasant life (Burbank, 2004). Still it is not the source that is used often. Though a mass source, decisions of township courts are a rare one. Each year, in each of the thousands of Russian townships, courts composed of peasants would make hundreds of decisions on disputes between peasants. All decisions of each township court would be recorded in a special “registration book” (journal), fastened with a cord and sealed with the wax seal of the peasant chief (*krest'yanskiy nachalnik*, Siberian analogue of *zemskiy nachalnik* at European Russia). The vast majority of these “books” have not survived to this day. One of those that survived, composed at 1914, belongs to the Tulinskoye township (*volost*) of the Barnaul district (*uyezd*), Tomsk province (*guberniya*). During the entire year, only three lawsuits related to butter-making were examined in this court. All three are lawsuits by representatives of butter-making *artels* against peasants.

Decision # 29¹ refers to the *artel* created in the village of Borozdina. The record of the case is scarce; although the opening formula mentions witnesses who appeared at the trial, nothing is said about their testimony. It is not clear on what basis the court considered the complaint unfounded and denied satisfaction. But the positions of the parties are clearly indicated: Evsey Verbitsky, accredited representative of the Borozdina butter-making *artel*, “testified that Sergey Dmitriev signed up to them in the *artel* and now is refusing from that”, while Sergey Dmitriev “testified that he did not give any obligations as for joining the *artel*”. The dispute, therefore, was about membership in the cooperative – and this is precisely the theme that appears again in both lawsuits filed

¹ State Archive of the Novosibirsk Region. Fund D-78. Op. 1. L. 47ob.– 49.

by representatives of the Tulinskoye butter-making *artel*.

On the same day, March 28, 1914, the suit of the Tulinskoye *artel* against five “peasant members of the *artel*”² was considered (decision # 35³). Alexander Kirillovich Verbitsky is recorded as accredited representative of the cooperative. The degree of his kinship with Evsey Verbitsky (whose middle name we do not know) cannot be established, but the coincidence of surnames is certainly not accidental⁴.

The amount of the claim against each of the peasants ranged from 10 to 20 rubles according to the number of cows they possessed (5 rubles for each). Thus, the cost of defeat in the litigation for all defendants was significant, for some of them – comparable to the price of a cow.

The trespass of the Tulinskoye peasants in the description of the plaintiff is very similar to the case of Borozdina: “they left the *artel* arbitrarily by which they violated the contract.” The defendants objected more extensively than in the previous case. The peasants “declared that they did not sign the *artel* contract, and we only asked how many cows they had in the *artel*, but they did not agree and now do not agree, and if they had agreed, then Kladov, as a literate person, should have signed himself, and the illiterate should have asked someone to sign”. Despite the confusion with “we” and “they”, it

² Six men were named in the suit, but pretensions to one of them were settled during that month when the suit was waiting for consideration.

³ State Archive of the Novosibirsk Region. Fund D-78. Op. 1. L. 55ob.– 58.

⁴ Two more people with the same family name are found among 196 decisions of Tulinskoye court of that year. Epifan Evseevich Verbitsky (probably a son of the Borozdina *artel* representative) is registered as a witness for a quarrel at Borozdina village (decision # 145), Gavril Kirillovich Verbitsky (probably a brother of the Tulinskoye *artel* representative) – as a witness in a land dispute in the Tulinskoye village (# 138) and the defendant in a dispute related to the lease of land by him from one of the residents of Tulinskoye (# 139). We learn from these decisions that Gavril was assigned to the village of Borozdina, and lived in Tulinskoye. These two villages were closest to each other; their allotments certainly had a common border. In view of all the above, there can be no doubt that all the four Verbitskys known to us were relatives. The Verbitsky clan combined grain farming and butter-making, expanding both of them beyond the borders of Borozdina village to the township center Tulinskoye.

is clear that this entire sentence conveys the replies of the defendants. It can be doubted how accurately this scanty *pisar's* (secretary's) record reflects the issues discussed, but we surely get a general description of what happened: the peasants came to the cooperative organizers to find out conditions under which their participation was possible, and the result of this conversation was interpreted by the parties differently.

Unlike his colleague (and probably his relative), the representative of the Tulinskoye artel presented to the court a contract, the most important points of which are known to us in the narration of the township *pisar'*. This contract gives some food for reflections, since the only literate peasant of all the defendants (Konstantin Kladov) was not recorded in it. At the same time, the plaintiff did not single out Kladov from the general number of defendants, so we can think that the degree of desire of all the defendants to join the artel was equal, as well as the way the organizers treated them.

The following reconstruction of events seems logical: the peasants came “for reconnaissance” to the cooperative organizer; in general they were disappointed by the conditions offered to them, which is why Kladov did not sign the contract; on the other hand, the peasants did not clearly demand the organizer to keep their names away from the members list. Meanwhile, a usual form of confirmation of commitment in a semi-illiterate Russian village was not only a signature of different person “for the illiterate” (the defendants pointed out the lack of this kind of signature), but even simple mentioning the name of a person with an indication of his illiteracy as an excuse for the absence of his signature. The cooperative organizer had therefore the opportunity to “interpret the doubts” about the outcome of the conversation in his favor and write down the illiterates at his own discretion. Still he could not himself write down Kladov: it was well known in the village who was literate and who was not. The surname of Kladov under the contract without his handwritten signature would have been an obvious fraud.

In this scenario the inclusion of Kladov in the number of those sued acquires special significance. It proves that the main argument in

favor of the claim from the point of view of the *artel* representative was not even the contract as such (in which there was no Kladov's name), but the very situation, the validity of which was supported by the contract. Alexander Verbitsky believed that the mere fact of the conversations was already sufficient to consider the conversations' participants obliged in the face of the *artel*.

The court used the same approach: assessment of the situation, not of the documents. But their opinion was different: “The township court, seeing from the explanation of the defendants and from the delivered contract that Kladov was not written down in the contract at all, the remainders Zelentsov, Usov and Kungurtsev, although they were written down, in the court's opinion they did not agree to join the *artel*, and therefore [the court] decided: to deny the claim of the representative Verbitsky”.

This decision appeared one of only three Tulinskoye court decisions canceled that year by the district assembly of peasant chiefs. On October 31, 1914, the peasant chiefs decided to recognize Kladov not guilty, but to recover the money requested by the plaintiff from the rest. Thus peasant chiefs, unlike the peasants, used not the essential approach but the formal legal approach: whoever is not recorded – let him have a good luck; who is recorded – should be held responsible. It is not clear why they used this approach: whether because they insisted on the formal side of the matter; or because they supported the *artel* organizers in essence but still did not consider it possible to violate the formal side too grossly and therefore did not support Kladov's accusation.

In any case, the decision # 35 allows us to see some part of what was not unclear: the system of fines not only existed, it was actively used already at the stage of acquaintance of the peasants with the *artel*. The cooperative membership did not seem very attractive to the peasants, and the organizers used any pretext for creating a basis to forcibly fix the peasants in the *artel*.

One more question remains unanswered: what exactly embarrassed the peasants about the *artel*? The answer to this question is given

to us by decision # 132⁵, adopted by the same Tulinskoye court on September 26 on a lawsuit filed on July 1, 1914.

This time it was the Tulinskoye peasant Vasily Kiprianovich Gulyaev who acted as a representative of the Tulinskoye butter-making *artel*⁶. He wanted to get 30 rubles from his fellow villager Efim Grigoryevich Zelentsov. In support of his position, he presented a contract dated December 21, 1913, “in which, among other things – at paragraph 5 it is expressed: We, comrades, undertake to work together in mutual benefit, not to deliver milk from our cows to any other factory. However, if any of us undertakes to deliver his milk to some other factory, then he is obliged to pay, i.e. to have paid in favor of the *artel* a penalty of 5 rubles from each cow, and that the defendant Efim Zelentsov is indeed listed in the contract with 6 cows from which, as the representative explains, Zelentsov does not deliver milk”.

The defendant tried to dismiss the charge in the same way as his predecessors did in the hearing of March 28. But – apparently – Gulyaev reminded something to him, as result of which Zelentsov had to add a clarification, shedding new light on the state of affairs with cooperation in the village of Tulinskoye. “The defendant peasant Efim Grigoryevich Zelentsov explains that he does not give milk from his 6 cows to the butter-making *artel* in the Tulinskoye village because he did not agree [to participate] in the company of the butter-making *artel*, but they brought him in arbitrarily as an illiterate. He added that he ordered himself his cows be enlisted in the butter-making *artel* but he did not agree to the clause of the agreement terms

concerning penalty which is why he does not consider himself obliged to pay 30 rubles to the Tulinskoye butter-making *artel*”.

The additional testimony changes the picture almost to the opposite! It turns out that the peasant did not reject dealing with the *artel*, he just wanted more favorable conditions than those offered by the general contract. Even the township court judges (benevolent to “*artel* victims”, as we have seen) did not support the defendant in such circumstances, and awarded the victory to the *artel* representative.

The question remains open as to the similarities and differences between the stories that served as the basis for decisions # 35 and # 132. The similarity of the initial positions of the defendants (“was listed against my will”) provokes assumption that the backgrounds were also the same (“ordered myself to enlist the cows”). But this assumption does not match the circumstances of Konstantin Kladov, who refused to sign, and the other defendants in the case # 35 were in one company with him.

In any case, Decision # 132 is useful as it shows the apprehensions of the peasants concerning the butter-making cooperatives. They were not averse to participating in this business but did not want to take on onerous obligations in the form of the penalty. On the contrary this point was a key condition for the organizers of the *artel*. Hardly having received at least one payment for their milk, the cow owners have already found themselves forced to pay the penalty that tied them firmly to the *artel*. The masters of the *artel* did not even need to prove the delivery of milk to other factories; it would suffice that a peasant registered (by someone) in the *artel* contract did not deliver milk to “his” cooperative.

Conclusion

Now when we see that the penalty was not just one of the conditions of the contract but a tool (or rather a weapon) used actively to expand the circle of *artel* members it is reasonable to think about the sense of this system. The matter is that the arrangement of the cooperatives that we saw differed significantly not only from the general cooperative ideal, but also from the model that the officials of the

⁵ State Archive of the Novosibirsk Region. Fund D-78. Op. 1. L. 179ob.– 182.

⁶ Strictly speaking, nowhere is it said that there was only one butter-making cooperative in Tulinskoye; it can be assumed that Verbitsky and Gulyaev represented different cooperatives. But in this case, probably, the clerk (pisar' who wrote down the decisions) would have noted this, instead of using one designation for both (“Tulinskoye butter-making *artel*”). Speaking about Gulyaev the author of the protocol emphasizes that the first thing he did in the court was producing his procuration to represent the interests of the *artel*. The same was not reported about the Verbitskys: perhaps their rights seemed unquestionable to the pisar'. However, regardless of whether Verbitsky and Gulyaev represented the same *artel* or different ones, both proceedings are important for the overall picture.

Ministry of Finance tried to introduce specifically in the butter-making production and specifically in Western Siberia. According to the official and publicist Alexander Murashkinsev, the standard charter was applied in 1902 to all butter-making cooperatives of the Tobolsk province (next to Tomsk), in which fines were imposed only for “spoilage of milk” (dilution with water), the most terrible punishment being expulsion from *artel* (Murashkinsev, 1902: 5). This charter by itself implies the presence of some difficulties in the cooperative development, including the refusal of *artel* members to deliver milk to their factory. But still, *artel* acts as a real cooperative, where all milk deliverers turn out to be not just suppliers of raw materials, but comrades, owners, and recipients of profit from a common enterprise. On the contrary, the cooperatives that we saw at the Tulinskoye township were organized, in fact, as private enterprises. One or several organizers, who formed the core of *artel*, invested their capital (and therefore nothing is said in the court records about entrance fees), and then proceeded to put together, by any means, a circle of members sufficient for the sustainable operation of the factory.

The meaning of cooperation in this case is fundamentally different from the classical scheme. In the classical model, the main difficulty is the creation of start-up capital, and it is overcome by the mandatory entry fees of cooperators. In our case, obviously, the initiators did already have capital. A cooperative was needed only to make sure that milk suppliers do not run away to competitors. This is the essence of the Siberian butter-making cooperation as a special business model.

By the beginning of the 20th century butter-making had already become a well-

known technology at Siberia; modern equipment could easily be bought (on credit as well) in the Siberian hinterland; refrigerators (“ice vans”) for the transportation of butter ran in abundance along the Trans-Siberian Railway; the distribution system for the vast world market was established thanks to large trading firms. The technological chain was thus debugged; it was easy to create a new butter-making enterprise. The bottleneck in the system, from the point of view of the entrepreneur-buttermaker, turned out to be raw materials; success depended upon the number of peasants who were ready to deliver milk of their cows to the factory. To protect oneself from the competition of already existing butter-making factories as well as possible new ones, to secure reliably a share of the market sufficient to have income – this is what the cooperative form was used for.

Theoretically, this model does not look very reliable: there is no such cooperative from which it would be impossible to withdraw. In practice, as we have seen, the model worked. Be it for the lack of juridical competence, or of purposefulness, it is sure the peasants used to find themselves *artel* members regardless of their unwillingness to play by the proposed rules.

Such a business model differs sharply from any of the 55 models presented in the above-mentioned book by Swiss authors. Their models are designed only and exclusively for voluntary participation: Western citizens know how to defend their rights. In Russia at the beginning of the 20th century, the violent growth of a large sector of the economy turned out to be based on the business model of “voluntary-compulsory” fixing of suppliers of raw materials by factories that were cooperatives in form, but private enterprises in essence.

References

Burbank J. *Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside (1905–1917)*. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2004. 374 p.

Ermachkova E. P. Kooperativnoe maslodolie v istoricheskoy lokalistike Priishim'ya rubezha XIX–XX stoletij [Cooperative Butter-Making in the Local History of Ishim Region of the late 19th and early 20th centuries]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, 9 (162), 167–172.

Gassmann O., Csik M., Frankenberger K. *The Business Model Navigator: 55 Models That Will Revolutionise Your Business*. Upper Saddle River, NJ, FT Press, 2014. 400 p.

- Goryushkin L. M. *Sibirskoe krest'yanstvo na rubezhe dvuh vekov [Siberian peasantry in the late 19th and early 20th centuries]*. Novosibirsk, Nauka, 1967. 412 p.
- Gourevitch A. *From Slavery to the Cooperative Commonwealth: Labor and Republican Liberty in the Nineteenth Century*. Cambridge University Press, [electronic version], 2015. 253 p.
- Holyoake G. J. *The History of the Rochdale Pioneers. 1844–1892*. 3d edition revised and enlarged. London, Swan Sonnenschein & Co, Lim; New-York, Charles Scribner's Sons, 1900. 192 p.
- Korelin A. P. *Kooperaciya i Kooperativnoe Dvizhenie v Rossii. 1860–1917 gg. [Cooperation and Cooperative Movement in Russia, 1860–1917]*. Moscow, ROSSPEN, 2009. 391 p.
- Murashkincev A. A. *Kooperativnoe maslodeliye v Zapadnoj Sibiri [Cooperative Butter-Making in the Western Siberia]*. St.-Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova, 1902. 26 p.
- Nielsen C., Lund M. A Brief History of the Business Model Concept. In: *SSRN Electronic Journal*, 2014. March. DOI: 10.2139/ssrn.2579439.
- Nikolaev A. A. Kak Sibir' v nachale XX v. okazalas' v centre mirovoj trgovli maslom [How Siberia at the dawn of the 20th Century Found Itself in the Center of the World Butter Trade]. In: *EKO*, 2016, 6, 36–49.
- Notz G. *Genossenschaften. Geschichte, Aktualitaet und Renaissance [Cooperatives. History, Up-to-dateness and Revival]*. Stuttgart, Schmetterling Verlag, 2021. 266 p.
- Peric M., Durkin J., Vitezic V. The Constructs of a Business Model Redefined: A Half-Century Journey. In: *SAGE Open*. 2017. July–September: 1–13. DOI: 10.1177/2158244017733516
- Shvecov S. P. “Molochnye bunty” v Sibiri i ih prichiny [“Milk Riots in Siberia and Their Reasons]. In: *Russkoe bogatstvo*, 1902, 3, 96–118.
- Skobelev K. V. “Molochnye bunty” v Sibiri v nachale XX v. [“Milk Riots” in Siberia in the early 20th century]. In: *Omskij nauchnyj vestnik*, 2010, 3 (88), 17–20.
- Tarnovskij K. N. *Melkaya promyshlennost' Rossii v konce XIX – nachale XX v. [Small industry in Russia in the late 19th – beginning of the 20th centuries]*. Moscow, Nauka, 1995. 269 p.
- Teece D. J. Business Models, Business Strategy and Innovation In: *Long Range Planning*, 2010, 43, 172–194. DOI:10.1016/j.lrp.2009.07.003194.
- Williams R. C. *The Cooperative Movement: Globalization From Below*. Ashgate Publishing Limited, 2007. 230 p.
- Zott C., Amit R., Massa L. *The Business Model: Theoretical Roots, Recent Developments, and Future Research*. IESE Business School – University of Navarra. Working Paper WP-862. June, 2010. Rev. September 2010. Available at: <http://www.bmcommunity.sitew.com/fs/Root/8jif5-AmitZottMassa.pdf>

EDN: VSLSAE
УДК 316.334.55:37.091.001.7(470.11)»1865»

The Birthplace of M.V. Lomonosov, the Village of Denisovka through the Eyes of the Krasnoyarsk Merchant M.K. Sidorov (1865)

Evgeniya V. Komleva*

*Institute of History SB RAS,
Novosibirsk, Russian Federation
Russian National Library,
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 21.03.2023, received in revised form 20.10.2023, accepted 25.10.2023

Abstract. The article presents the characteristics of the description of the homeland of Mikhail Vasilyevich Lomonosov of the village of Denisovka, Arkhangelsk province, compiled in 1865 by an outstanding representative of domestic business – Krasnoyarsk merchant of the 1st guild Mikhail Konstantinovich Sidorov, who proved himself not only in the field of entrepreneurship, but also in the study of the Russian North, charity in the field of enlightenment and public education. A handwritten text preserved in the Russian State Historical Archive, intended for the Lomonosov Committee, contains information about the state of the Den, the occupations of its residents, and the problems of the local school. It is of no less interest from the point of view of how the author’s worldview positions are reflected in it: patriotism, respect for Russian history, worries about competition with foreigners, concern for the spread of literacy. At the same time, the active character of M. K. Sidorov is emphasized by the detailed project inserted into the manuscript on reforming the public education system in Denisovka and the villages adjacent to it.

Keywords: M. V. Lomonosov, Denisovka village, Russian merchants, ego texts, M. K. Sidorov, worldview, public education.

Research area: the history of Russian merchantry.

The work was supported by the RSF within the framework of scientific research “The emergence and development of the autobiographical tradition in the Russian written culture of the late 16th – early 20th century in the context of studying changes in the consciousness of a person of the New Age”, project no. 22–78–10135, <https://rscf.ru/project/22–78–10135/>

Citation: Komleva E. V. The Birthplace of M. V. Lomonosov, the Village of Denisovka through the Eyes of the Krasnoyarsk Merchant M. K. Sidorov (1865). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2113–2120. EDN: VSLSAE

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: feodal@history.nsc.ru
ORCID: 0000-0002-6975-3516

Родина М.В. Ломоносова – деревня Денисовка глазами красноярского купца М.К. Сидорова (1865 г.)

Е.В. Комлева

*Институт истории СО РАН,
Российская Федерация, Новосибирск
Российская национальная библиотека
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация. Представлена характеристика описания родины Михаила Васильевича Ломоносова – деревни Денисовки Архангельской губернии, составленного в 1865 г. выдающимся представителем отечественного бизнеса – красноярским купцом 1-й гильдии Михаилом Константиновичем Сидоровым, проявившим себя не только в сфере предпринимательства, но и исследования Русского Севера, благотворительности на ниве просвещения и народного образования. Сохранившийся в Российском государственном историческом архиве рукописный текст, предназначенный для Ломоносовского комитета, содержит информацию о состоянии Денисовки, занятиях ее жителей, проблемах местной школы. Не меньший интерес он представляет и с точки зрения того, какое отражение в нем нашли мировоззренческие позиции автора: патриотизм, уважение к русской истории, переживания из-за конкуренции с иностранцами, забота о распространении грамотности. При этом деятельный характер М.К. Сидорова подчеркивается вставленным в рукопись детальным проектом по реформированию системы народного образования в Денисовке и прилегающих к ней селениях.

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, деревня Денисовка, русское купечество, этотексты, М. К. Сидоров, мировоззрение, народное образование.

Научная специальность: 5.6.1 – отечественная история.

Исследование выполнено при поддержке РФФ в рамках проекта «Возникновение и развитие автобиографической традиции в русской письменной культуре конца XVI – начала XX в. в контексте изучения изменений в сознании человека эпохи Нового времени», проект № 22–78–10135, <https://rscf.ru/project/22-78-10135/>

Цитирование: Комлева Е. В. Родина М. В. Ломоносова – деревня Денисовка глазами красноярского купца М. К. Сидорова (1865 г.). *Журн. Сиб. фе-дер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2113–2120. EDN: VSLSAE

Введение

Двух наших выдающихся соотечественников – Михаила Васильевича Ломоносова и Михаила Константиновича Сидорова, 200-летие со дня рождения которого приходится на 2023 г., связывает не только

региональное происхождение – Поморье, но и безграничная любовь к Русскому Северу, активная деятельность по его изучению и хозяйственному освоению. Биограф М.К. Сидорова, «в области экономики и практического приложения трудов первого», А. А. Жилин-

ский даже сравнивал того с Ломоносовым, считая, что они представляют собой «два полюса русской действительности целых столетий, между которыми заключена убогая, невежественная, во всем отсталая Россия...» (Жилинский, 1918: 3). Сам Михаил Константинович глубоко уважал и чтит память великого ученого, и когда был образован Ломоносовский комитет для организации торжеств по случаю 100-летия со дня кончины Михаила Васильевича, не остался в стороне: в августе 1865 г. он съездил на родину Ломоносова в деревню Денисовку и в сентябре составил ее подробное описание¹, в 1866 г. пожертвовал 300 руб. на возведение там нового памятника первому русскому академику и учреждение стипендии его имени в Архангельской мужской гимназии (Ламин, Ноздрин: 2007: 121). Из характеристик Денисовки, появившихся во второй половине XIX – начале XX вв., наиболее всеохватывающая и известная принадлежит перу священника А. Н. Грандилевского, который подробно осветил историю поселения, занятия и культуру его жителей (Грандилевский, 2008). Что касается сообщения М. К. Сидорова, хранящегося в его личном фонде в Российском государственном историческом архиве, то оно занимает всего пять исписанных с обеих сторон листов *in folio* и, несомненно, заслуживает внимания не только с точки зрения того, что собой представляло место рождения русского гения в 1860-х гг., но и как свидетельство о мировоззрении жившего в то время одного из известнейших отечественных предпринимателей.

О мировоззрении М. К. Сидорова

При знакомстве с текстом описания Денисовки прежде всего хочется отметить то исключительно уважительное отношение автора к Ломоносову, которое пронизывает всю рукопись. Будучи по делам в Карелии, М. К. Сидоров «счел обязанностью побывать на месте родины М. В. Ломоносова»². К поездке этой он хорошо подготовил-

ся, освежив в памяти подробности жизни ученого, что позволило обращение к впервые опубликованному в 1859 г. двухтомнику тогда молодого талантливому литератору С. В. Максимова «Год на Севере» (Максимов, 1859) – работе, открывшей «в русской литературе тему Севера» (Плеханов, 1984: б). По ходу изложения своих впечатлений Михаил Константинович делает отступления, напоминая различные обстоятельства, связанные с Ломоносовым: например, указывает, что последний «выучился читать от крестьянина Ивана Шубного»³. Характерно, что Ломоносов был дорог Сидорову в первую очередь как человек, положивший начало «русской науке, русскому слову» и вызвавший «к жизни русский ум»⁴. Обострившаяся во второй половине XIX в. конкуренция за право использования природных богатств Арктики, боль за то, что регион всюду эксплуатируется предприимчивыми западноевропейцами, – все это сказалось на восприятии Сидоровым личности Ломоносова – выходца из русского крестьянства, которого автор сообщения о Денисовке противопоставлял иностранцам, в частности Э. И. Бирону.

Еще одна черта мировоззрения М. К. Сидорова, отразившаяся в рукописи, связана с присущим ему православным взглядом на мир и смысл человеческого существования, обусловленный этим интерес к жизни и истории Русской православной церкви. Михаил Константинович пишет, что посетил Денисовку 29 августа 1865 г. в сопровождении священника Холмогорского женского монастыря о. Захария Колчина. Думается, что это можно объяснить не только тем, что последний был наиболее образованным человеком из числа местных жителей, но и глубоким религиозным чувством, которое, без сомнения, было присуще М. К. Сидорову, воспитанному в православной традиции в религиозно настроенной семье, лично знакомому и состоявшему в переписке с рядом священнослужителей, в том числе входивших в верхние слои церковной иерархии. В небольшом

¹ Сообщение М. К. Сидорова в Ломоносовский комитет о родине М. В. Ломоносова – деревне Денисовке (1865 г.) // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–5 об.

² Сообщение... // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

³ Сообщение... // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

⁴ Сообщение... // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

по объему текста сообщения он приводит услышанные от священника сведения, что «на... месте, где стоял дом Ломоносова, ныне на второй день праздника Пасхи, т.е. 5 апреля сего года в день столетия памяти Ломоносова совершена была панихида»⁵, вкрапляет предания, связанные с историей Церкви и судьбой видных представителей духовенства. Так, он упоминает о патриархе Филарете, первом епископе Холмогорском и Важском Афанасии (Любимове), известном «пламенным защищением Православия на соборе Московском и поездкою его в Белое море с Петром Великим» и погребенном в Холмогорском соборе, рожденном в деревне Куростровке архиепископе Екатеринославском и Таганрогском Анастасии (Ключарёве)⁶.

Денисовка и окрестности

Что же собой представляла малая родина Михаила Васильевича Ломоносова в середине XIX в.? В 1860-х гг. в Денисовке, расположенной недалеко от Холмогор, на Курострове (так называлась «средняя часть большого острова – тесное кольцо деревень, расположившихся вокруг Палишиной горы» – место, отличавшееся высоким спросом среди черносошных крестьян (Морозов, 1975), насчитывалось всего 10 крестьянских домов⁷ (у С.В. Максимова – «деревушка в пять дворов» и «скорбный вид окрестности деревни Денисовки» (Максимов, 1859, т. 2: 467, 475). Согласно сохранившейся в Поморье до наших дней традиции давать прозвища деревням⁸, было у Денисовки и еще одно распространенное в народе и весьма говорящее название – Болото. Дом Ломоносова не сохранился, земля же, на которой он некогда стоял, принадлежала крестьянину Г.А. Шубному. Автор рукописи предпринимает усилия, насколько возможно, выяснить все обстоя-

тельства детства и юности великого ученого: подробнейшим образом описывает место расположения усадьбы Ломоносовых, знакомится с документами с собственноручной подписью Михаила Васильевича, пытается представить, что мог тот видеть, выходя на крыльцо, с кем общаться, о каких важных событиях слышать. М.К. Сидоров даже полез на колокольню Куростровской церкви удостовериться, могла ли Денисовка войти во владение некоего Баженина – крестьянина близлежащего села Вавчуг, за строительство кораблей на собственных верфях чуть было не пожалованного Петром I во дворянство. Согласно преданию, если бы тот не отказался принять царскую милость, то, вполне возможно, семья Ломоносовых оказалась бы в крепостном состоянии⁹. И хотя современные исследователи эту легенду ставят под сомнение (Гостев: 2019, 41), Сидоров, основываясь на сообщении С.В. Максимовым народном предании (Максимов, 1859, т. 2: 477–478), в нее искренне верил. Обращает он внимание и на еловый лес, где «старообрядцы погребают своих покойников» и в котором мог скрываться маленький Миша «от злой махечи, когда занимался науками»¹⁰.

Среди факторов, которые могли оказать влияние на формирование характера и интересов юного Ломоносова М.К., Сидоров отмечает и общий нравственный настрой и внутренний дух поморцев: «Белое море было первое из Русских морей, которое увидело на своих водах своего Государя, на нем возникло первое наше кораблестроение, наша заморская торговля, впервые появился наш русский флаг, жители прибрежья Белого моря были первыми деятелями на море, первыми работниками первых заводов у нас в России: соленых, железных, медных и первыми добывателями серебра и золота, не потому ли этот же север создал и первого нашего ученого?»¹¹

Особое внимание Михаил Константинович уделил историческим лицам, бывавшим недалеко от Денисовки, рассказы о ко-

⁵ Сообщение... // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.

⁶ Сообщение... // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.– 2 об.

⁷ Сообщение... // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

⁸ Напр.: Долгощёла – Турки, Тимощёла – Горшки, Целегора – Рекоставы, Соянцы – Бобыли и пр. Мезенский краевед и литератор Н.Ф. Окулов даже сочинил по этому поводу ряд частушек.

⁹ Сообщение... // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 8. Л. 2 об.

¹⁰ Сообщение... // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 8. Л. 2 об.

¹¹ Сообщение... // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 8. Л. 2 об.– 3.

торых могли повлиять на Ломоносова: кроме уже упомянутых выше церковных иерархов, это, конечно, Петр I, а также сосланные в Холмогоры значительно позднее Анна Лепольдовна, Антон Ульрих Брауншвейгский и один из их сыновей Петр Антонович. Показательна положительная оценка личности и деятельности Петра I, которого М.К. Сидоров почитал в первую очередь за смелые замыслы и энергию, с которой тот выводил экономику и международный статус России на уровень ведущих европейских держав. При этом Сидоров как купец обращает внимание на факты, связанные с торговлей, например, на то обстоятельство, что Петр I «в 1703 году отпустил из Архангельского порта в Голландию одной только осетровой икры и клея достойное удивления количество, а именно 6302 пуда икры и 9307 пуд клея карлука. Сколько же нужно было иметь осетров, если из 300 осетров получается только один пуд клея?»¹²

Школа в Денисовке

Будучи членом Московского комитета грамотности, М.К. Сидоров во время своей поездки по Архангельской губернии в 1865 г. специально обращал внимание на состояние местных учебных заведений. Об этом в том числе свидетельствует и составленная по его просьбе священником Ануфриевым записка о приходском училище в Керетском селении Кемского уезда¹³. Осмотрел М.К. Сидоров и сельскую школу в Денисовке, располагавшуюся «чрез дом от места, где был дом Ломоносова» и открытую в 1844 г. (в октябре 1868 г. на ее основе было создано Ломоносовское училище, переведенное в дом крестьянки И.Е. Лопаткиной – родственницы ученого) (Торжественное открытие, 1868: 12, 18). Интересно, что хорошо осведомленный А.Н. Грандильевский ничего не пишет про учебное заведение в Денисовке, упоминая лишь о начальной школе грамоты, появившейся на Курострове в 1837 г. благода-

ря священнику местной церкви о. Иоанну Васильеву, который сам же и вел в ней занятия; 8 ноября 1850 г., в день тезоименитства Михаила Васильевича Ломоносова, по инициативе Архангельской палаты государственных имуществ была открыта Куростровская одноклассная школа (Грандильевский, 253). Что касается школы в Денисовке, то в середине 1860-х гг. она переживала не лучшие времена: число учащихся сократилось вдвое по сравнению с начальным периодом ее существования. Местные жители объясняли это по-разному: и появлением в той же волости двух новых школ, и непродуманной организацией и низким качеством обучения в казенном учебном заведении («...для целого прихода заведено одно училище, ходить в это училище приходится далеко, да и часто совсем напрасно, только для баловства, потому случается зачастую, – ученики соберутся, а учитель не придет, и выходит, что ученики подождут, побалуют да и расходятся»¹⁴).

Как человек необыкновенно энергичный, ратовавший за развитие народного образования на всех уровнях, вносящий на это щедрые пожертвования и неоднократно выступавший с проектами учреждения новых учебных заведений, в частности, на территории Сибири¹⁵, Михаил Константинович и в этом случае не мог не выдвинуть конкретные предложения для изменения ситуации. «По моему разумению, – писал он, – вышло бы более пользы, если бы училища особого не заводить, а установить, что в каждой деревне ученики собирались по очереди в каждом доме и в этот назначенный дом приходил учитель»¹⁶. Оплату следовало производить со сборов с крестьян, таким образом,

¹⁴ Сообщение... // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 8. Л. 4–4 об.

¹⁵ [Сидоров М.К.] Ответ на вопрос об устройстве ремесленной школы в Сибири // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 3. Л. 106 – 13; Акт об открытии в Туруханском Троицком монастыре школы для обучения грамоте инородческих и туземных детей и др. (1863 г.) // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2, 5–6; Записка М.К. Сидорова о проекте организации мастерской по изготовлению карандашей при Александринском приюте (1867 г.) // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–2 об.

¹⁶ Сообщение... // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 8. Л. 4 об.

¹² Сообщение... // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

¹³ Материалы об открытии приходского училища в Керетском селении Кемского у. Архангельской губ. (1865–1866 гг.) // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–4.

учитель, находясь в зависимости от них, «не мог бы поступать так, как поступают настоящие казенные учителя». М.К. Сидоров подробно расписал выгоды, которые он усматривал при такой организации дела: и дети не так сильно отрывались бы от хозяйственных дел, и младшие бы ребяташки, находящиеся в этой же избе, приобщались бы к грамоте, и родители, помимо прочего, лучше бы заботились о чистоте помещения. В качестве учителей могли служить отставные солдаты и пономари. Подумал он и о размере жалованья, и о том, каким образом можно было бы собрать необходимую сумму. Между прочим, он призывал раскошелиться зажиточных граждан: «Да не худо было бы на такое полезное дело пожертвовать и другим сословиям, ведь крестьяне работники других сословий, от их грамотности им было бы немало пользы, отчего бы не взять копейку, другую с купца и с чиновника, из этого сбора могла бы составиться большая сумма». Он даже предлагал пойти дальше и создать следующую ступень народного образования: «особые школы, которые надо устроить так, чтобы соответствовали промыслу каждой местности, т.е. главнейшим учением в этих школах должно быть то, каким промыслом или ремеслом занимаются жители в местности, где учреждается школа». В целом же, по мысли Сидорова, рост грамотности в крестьянской среде привел бы к оживлению местной хозяйственной жизни – мелкой промышленности и торговли¹⁷.

Эту включенную в сообщение и напрямую с ним не связанную концепцию развития образования можно назвать настоящим, хорошо продуманным и обоснованным проектом, в котором отлично отразились деятельный характер и стиль работы Михаила Константиновича. Многие другие сохранившиеся как рукописные, так и опубликованные материалы из оставленного им обширного интеллектуального наследия свидетельствуют о том, что этот неординарный человек был способен в короткие сроки продумать, сформулировать, обосновать и четко прописать самые мас-

штабные и смелые идеи, связанные и с системой народного образования, и с развитием инфраструктуры и хозяйственным освоением труднодоступных и малонаселенных территорий. Надо сказать, что как вышеизложенный, так и все другие проекты Михаила Константиновича в области народного просвещения отличались практической направленностью, т.е. содержали анализ хозяйственных нужд конкретного региона и обусловленной ими потенциальной сферы применения выпускниками полученных в учебном заведении знаний. Это относится к идее создания и Технологического университета (Горно-технического института) в Сибири, и мастерской по изготовлению карандашей при Красноярском Александринском приюте, и училища для инородческих детей при Туруханском Троицком монастыре. Однако большинство подобных замыслов М.К. Сидорова не находило отклика у властей. Так и по поводу предложений М.К. Сидорова о Керетском приходском училище, сформулированных на основе упомянутой выше записки местного священника, управляющий Архангельской палатой государственных имуществ Л. Любвицкий 1 февраля 1866 г. написал: «Поднявший этот вопрос [...] Сидоров имеет неточные сведения...»¹⁸.

Память о Ломоносове

Мы уже говорили о том, насколько уважительно относился М.К. Сидоров к личности М.В. Ломоносова. В этом контексте большое значение он придавал сохранению исторической памяти о великом соотечественнике. С несомненной грустью он описывает судьбу деревянного памятника ученому, установленного в Денисовке при праздновании столетия со дня его кончины. Памятник этот, «сходный с памятником в Архангельске, иллюминированный красками», не просуществовал и пяти месяцев, бесследно исчезнув: «Его разрушила сильная погода, а материалы растащены»¹⁹. То, что жители

¹⁷ Сообщение... // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 8. Л. 4 об.– 5 об.

¹⁸ Материалы об открытии приходского училища в Керетском селении Кемского у. Архангельской губ. (1865–1866 гг.) // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 24. Л. 5 об.

¹⁹ Сообщение... // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.

Курострова совершенно не помнили и, соответственно, не чтили своего великого земляка, отмечал и С.В. Максимов (Максимов, 1859, т. 2: 467–468). Горечь вызывал и еще один факт: «...владелец места, принадлежащего некогда Ломоносову, русский крестьянин Гаврило Шубный, занимающийся резьбою из кости [...] вырезывает исключительно иностранные буквы на пуговицах, отправляемых за границу. Так что я [т.е. М.К. Сидоров. – Е.К.], желая приобрести несколько пар пуговиц для членов Ломоносовского комитета с русскими буквами, должен был довольствоваться пуговицами также с иностранными буквами»²⁰. Итак, по наблюдению Сидорова, «на месте родины Ломоносова почти ничего не осталось, что бы напоминало его, а между тем невольно желалось, хотя в чем-нибудь найти следы проведенных им здесь первых годов жизни, хотелось угадать, что из окружающего интересовало его и породило в нем любовь к знанию?»²¹ Находя такое положение недопустимым, Михаил Константинович с готовностью принял участие в сборе средств на возведение нового памятника Ломоносову на его малой родине, что в конце концов вылилось в учреждение в Денисовке Ломоносовского сельского училища, призванного заменить «собой монумент в память об отце русской Литературы» (Грандильевский; 1859, т. 2: 254).

²⁰ Сообщение... // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

²¹ Сообщение... // РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.

Список литературы

Гостев И.М. Колыбель российского флота: Архангелогородский период // Петр Великий, российская власть и общество в эпоху перемен: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Юрия Николаевича Беспятых. Сер. «Труды Санкт-Петербургского института истории РАН». СПб.: Историческая иллюстрация, 2019. С. 32–61.

Грандильевский А.Н. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Описание ко дню двухсотлетнего юбилея от рождения сего первого русского ученого. Архангельск: Архангельская областная научная библиотека им. Н.А. Добролюбова, 2008. 336 с.

Жилинский А.А. Россия на Севере (к описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск: изд. ком. по увековечиванию памяти М.К. Сидорова, 1918. 153, [2] с.

Ламин В.А., Ноздрин Г.А. Сибирский купец Михаил Константинович Сидоров // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков: Сб. биографических очерков. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. С. 113–123.

Максимов С.В. Год на Севере. Максимов С.В. Год на Севере. СПб.: В типографии И. И. Глазунова и Комп., 1859. Т. 1. Белое море и его побережья. СПб., 1859. 638, IV с.

Заключение

Таким образом, составленное М. К. Сидоровым описание Денисовки, отражая состояние родины М.В. Ломоносова в середине XIX в., подчеркивает мировоззрение одного из наиболее ярких представителей русского купечества: прежде всего патриотическую направленность и его взглядов, и его деятельности, в том числе неравнодушие к развитию северных территорий России (в данном случае Поморья), настойчивое стремление улучшить жизнь местного населения, внести вклад в развитие народного образования и благоустройство региона. Представляя тип энергичного предпринимателя, способного генерировать смелые идеи и ориентированного прежде всего на их практическое воплощение, Михаил Константинович не просто осматривал и описывал увиденное, но давал всему оценку, подчас жесткую, и предлагал конкретные меры по исправлению ситуации. Несомненно, и проявление в тексте присущего автору христианского восприятия действительности, его интереса и уважения к прошлому России. Все вышперечисленное делает сохранившийся источник ценным свидетельством и о социально-экономическом развитии Русского Севера, и о внутренних убеждениях и взглядах патриотически ориентированной части делового мира Российской империи пореформенного периода.

Максимов С. В. Год на Севере. СПб.: В типографии И. И. Глазунова и Комп. Т. 2. Поездка по северным рекам. СПб., 1859. 514, [IV] с.

Морозов А. А. Родина Ломоносова. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1975. 480, [10] с. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/M/morozov-aleksandr-antonovich/lomonosov/4> (дата обращения: 16.03.2023).

Плеханов С. Литературная экспедиция // Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. С. 1–7.

Торжественное открытие Ломоносовского училища в деревне Денисовке 3-го октября 1868 г. Архангельск: В Губернской типографии, 1868. 27 с.

Список сокращений

РГИА – Российский государственный исторический архив

References

Gostev I. M. Kolybel' rossiiskogo flota: Arkhangelogorodskii period [The Cradle of the Russian Fleet: the Arkhangelsk period]. In *Petr Velikii, rossiiskaya vlast' i obshchestvo v epokhu peremen: Sb. st. k 70-letiyu so dnya rozhdeniya Yuriya Nikolaevicha Bespyatykh. Ser. «Trudy Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN»*. SPb.: Istoricheskaya illyustratsiya [Peter the Great, Russian power and society in the era of change: Collection of articles on the 70th anniversary of the birth of Yuri Nikolaevich Bespyatykh. Ser. "Proceedings of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences"], St. Petersburg, Historical Illustration, 2019, 32–61.

Grandilevskii A. N. The birthplace of Mikhail Vasilyevich Lomonosov. Description of the bicentennial anniversary of the birth of this first Russian scientist [Rodina Mikhaila Vasil'evicha Lomonosova. Opisanie ko dnyu dvukhsotletnego yubileyu ot rozhdeniya sego pervogo russkogo uchenogo]. Arkhangelsk, Arkhangelsk Regional Scientific Library named after N. A. Dobrolyubov, 2008, 336 p.

Lamin V. A., Nozdryn G. A. Sibirskii kupets Mikhail Konstantinovich Sidorov [Siberian merchant Mikhail Konstantinovich Sidorov]. In *Lichnost' v istorii Sibiri XVIII–\$ 5X vekov: Sb. biograficheskikh ocherkov [Personality in the history of Siberia of the 18th – 20th centuries: Collection of biographical essays]*. Novosibirsk: Publishing House "Owl", 2007, 113–123.

Maksimov S. V. God na Severe. T. 1. Beloe more i ego pribrezh'ya. [A Year in the North. Vol. 1. The White Sea and its coasts]. Maximov S. V. A year in the North. St. Petersburg: In the printing house of I. I. Glazunov and Comp., 1859, 638, IV p.

Maximov S. V. God na Severe. T. 2. Pоеzdka po severnym rekam [A year in the North. Vol. 2. Train along the northern rivers]. St. Petersburg, In the printing house of I. I. Glazunov and Comp., 1859. 514, [IV] p.

Morozov A. A. Rodina Lomonosova [The homeland of Lomonosov]. Arkhangelsk, North-Western Book Publishing House, 1975, 480, [10] p. Available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/M/morozov-aleksandr-antonovich/lomonosov/4> (accessed 16 March 2023).

Plekhanov S. Literary expedition. In *Maksimov, S. V. God na Severe [Year in the North]*. Arkhangelsk, North-Western book publishing house, 1984, 1–7.

Torzhestvennoe otkrytie Lomonosovskogo uchilishcha v derevne Denisovke 3-go oktyabrya 1868 g. [The grand opening of the Lomonosov School in the village of Denisovka on October 3, 1868]. Arkhangelsk, In the Provincial Printing House, 1868, 27 p.

Zhilinsky A. A. Rossiya na Severe (k opisaniyu zhizni i deyatel'nosti M. K. Sidorova) [Russia in the North (to the description of the life and work of M. K. Sidorov)]. Arkhangelsk, Publishing committee on perpetuating the memory of M. K. Sidorov, 1918, 153, [2] p.

EDN: TBKEBM
УДК 94 (571.51) + 331.538.2 + 364.4

Training and Retraining of Disabled People in Hospitals of Krasnoyarsk Region during the Great Patriotic War

Alexander S. Kovalev*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 10.03.2022, received in revised form 20.10.2023, accepted 25.10.2023

Abstract. Based on archival materials, introduced into scientific circulation for the first time, the practice of implementing one of the directions of the state social policy towards the disabled in 1941–1945 is considered – training and retraining of invalids of the Great Patriotic War in hospitals of the Krasnoyarsk region. The formation of legislation that regulated the process of occupational rehabilitation of front-line soldiers, including labor training, the way of functioning of social services departments for the training of invalids of the Patriotic War, the organization and management of the system of occupational retraining of disabled people in various state and public structures are analyzed. The main principles of organizing and implementing the policy of training and retraining of disabled people in hospitals of the Krasnoyarsk region are presented. The administration of hospitals, together with the social services departments and public education authorities, selected candidates for training, indicated the most demanded occupations for training, and organized classes in special courses. The main problems of labor training of disabled people and ways to overcome them are revealed, the evaluation of the effectiveness of educational activities carried out in 1942–1944 is given. The training and retraining of invalids of the Patriotic War was an integral element of the professional and labor rehabilitation of front-line soldiers. The Soviet government continued to actively implement the practice of “pragmatic humanism”, on the one hand, in conditions of total war, in an effort to remove as much of the disabled citizens as possible from state support, and on the other hand, in order to help the disabled to actualize their hidden resources.

Keywords: disabled people, the Great Patriotic War, vocational training and retraining, evacuation hospitals.

Research area: history.

Citation: Kovalev A. S. Training and retraining of disabled people in hospitals of Krasnoyarsk region during the Great Patriotic War. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2121–2134. EDN: TBKEBM

Обучение и переобучение инвалидов в госпиталях Красноярского края в годы Великой Отечественной войны

А.С. Ковалев

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. На архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот, рассматривается практика реализации одного из направлений государственной социальной политики в отношении инвалидов в 1941–1945 гг. – обучение и переобучение инвалидов Великой Отечественной войны в госпиталях Красноярского края. Анализируются становление законодательства, которое регулировало процесс профессиональной реабилитации фронтовиков, в том числе трудовое обучение, порядок работы органов социального обеспечения по обучению инвалидов Отечественной войны, организацию и управление системой профессионального переобучения инвалидов в разных государственных и общественных структурах. Изложены основные принципы организации и реализации политики обучения и переобучения инвалидов в госпиталях Красноярского края. Администрация госпиталей совместно с органами социального обеспечения и народного просвещения проводила отбор кандидатов для обучения, указывала наиболее востребованные профессии для обучения и организовывала занятия на специальных курсах. Выявлены основные проблемы трудового обучения инвалидов и пути их преодоления. Дана оценка результативности проводимых образовательных мероприятий в 1942–1944 г. Обучение и переобучение инвалидов Отечественной войны было органичной частью профессионально-трудовой реабилитации фронтовиков. Советская власть продолжала активно реализовывать практику «прагматического гуманизма», направленную на то, чтобы, с одной стороны, в условиях тотальной войны снять с государственного обеспечения как можно большую часть нетрудоспособных граждан, а с другой – помочь инвалидам актуализировать скрытые ресурсы.

Ключевые слова: инвалиды, Великая Отечественная война, профессиональное обучение и переобучение, эвакуогоспитали.

Научная специальность: 5.6.1 – отечественная история.

Цитирование: Ковалев А. С. Обучение и переобучение инвалидов в госпиталях Красноярского края в годы Великой Отечественной войны. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2121–2134. EDN: ТВКЕВМ

Введение

После принятия Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, которым были установлены основные принципы инклюзивного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья, «маятник»

общественного мнения и государственной образовательной политики в отношении того, нужно ли учить лиц с инвалидностью, в очередной раз качнулся в сторону того, что все, даже самые необучаемые, должны получить возможность реализовать право на образование.

Безусловно, через организацию профессионального образования инвалидов с их последующим трудоустройством обеспечивается их социализация, обучение и переобучение были призваны быть одним из факторов успешной социальной адаптации инвалидов. При этом вот уже 10 лет ведется научная и общественная дискуссия о том, с чего нужно начинать инклюзивное образование, которого будто бы прежде никогда не было. Исторический опыт Советской России в расчет почему-то не принимается, хотя практика обучения инвалидов стала формироваться еще в 20–30-х гг. XX в (Kovalev, 2011).

Конечно, вовлекая инвалидов в образовательный процесс, органы советской власти в межвоенный период преследовали крайне прагматические цели – вернуть как можно больше инвалидов в число активных работников, чтобы решить проблемы кадрового обеспечения политики индустриализации. Но именно тогда были заложены «инклюзивные принципы» профессионального обучения инвалидов без отрыва от производства, когда последних обучали здоровые работники или же сами инвалиды становились инструкторами.

Дальнейшее развитие политика обучения и переобучения лиц с инвалидностью получила в годы Великой Отечественной войны, когда были актуализированы уже имевшиеся достижения, а также скорректирован курс с учетом того, что резко возросла численность военных инвалидов. Конечно, здесь тоже сыграла свою роль потребность экономики в дополнительной рабочей силе, но не менее важным было создание максимально результативной системы обучения инвалидов Отечественной войны. Начиная с 1941 г. органы социального обеспечения занимались организацией трудоустройства инвалидов. Однако очень скоро выяснилось, что многие из них не имеют должной профессиональной подготовки, поэтому одним из видов социальной адаптации инвалидов Отечественной войны параллельно становится организация обучения и переобучения инвалидов новым профессиям. Одним из субъектов образовательного процесса были призва-

ны стать эвакуогоспитали, развернувшие свою деятельность в тылу.

Обсуждение

Вопросы организации профессионального обучения инвалидов Отечественной войны в 1941–1945 гг. нашли определенное отражение в современной отечественной историографии. Ряд исследователей анализируют его в контексте реализации государственной социальной политики в отношении нуждающегося населения в целом (Abuzyarova, 2007; Nasonov, 2010; Polynsky, 2015; Seregina, 2010; Zinich, 2019; Zinich, 2021; Zolotareva, 2013). В некоторых публикациях отражается опыт организации образовательного процесса для инвалидов войны в отдельных регионах РСФСР (Giniatullina, 2021; Grishina, 2015; Korobetsky, 2020; Okolotin, 2019; Russkih, 2009; Zolotareva, 2014). В историографии Сибири проблемы обучения и переобучения инвалидов в годы Великой Отечественной войны в разной степени затрагиваются в работах А.В. Шалака, А.В. Сергеева, Е.В. Хабаровой, Д.Г. Хаярова (Khabarova, 2015; Khayarov, 2010; Sergeev, 2000; Shalak, 2015), в публикациях красноярских историков Л.Э. Мезит и В.Н. Шевченко (Mezit, 2016; Shevchenko, 2019). Однако во всех этих исследованиях процессы обучения и переобучения рассматриваются поверхностно, фрагментарно, не отражена роль госпиталей в реализации образовательной политики в отношении инвалидов войны.

Исходя из степени изученности, основная цель представленного исследования – на материалах Красноярского края проанализировать становление и развитие обучения и переобучения инвалидов в госпиталях в годы Великой Отечественной войны.

Исследование

Как отмечает Л.Э. Мезит, «обучение инвалидов войны, подготовка квалифицированных специалистов для различных отраслей народного хозяйства» стали «огромным делом не только органов социального обеспечения, но и всей общественности.

В Красноярском крае в годы войны была создана целостная система... обучения инвалидов войны, что позволило улучшить их материальное положение, остаться общественно полезными членами общества» (Mezit, 2016: 72).

Обучение и переобучение инвалидов Отечественной войны осуществлялось через военные отделы районных комитетов ВКП (б) и проходило на курсах трудового обучения в системе органов социального обеспечения, в домах инвалидов (спецдомах), в артелях системы кооперации инвалидов, в большинстве отраслей народного хозяйства существовала сеть курсов, специально предназначенная для обучения инвалидов различным профессиям, практиковалось индивидуальное ученичество через прикрепление инвалида к передовику производства или инженерно-техническому работнику (Zinich, 2019: 157). Но чаще всего начиналось на заключительной стадии лечения в госпиталях.

Первым документом, который определил особенности обучения и переобучения инвалидов Отечественной войны, стала Инструкция Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР и Санитарного управления Красной Армии от 16 июля 1941 г. «О порядке трудоустройства и направления на обучение инвалидов войны»¹. Согласно ей, местные отделы социального обеспечения должны были установить непосредственную связь с военно-лечебными учреждениями, в которых военнослужащие Красной Армии находились на излечении. Совместно с ними они были обязаны обеспечить краткосрочное обучение инвалидов некоторым видам работы: резьба по дереву, выпиливание лобзиком, сборка и ремонт точных механических, электрических и иных приборов, переплетные работы, плетение из сутажа, тесьмы, окантовка гравюр, зеркал, раскраска по стеклу, художественный шрифт, ручная пошивка, вычисления на арифмометре, счетах и т.п. Длительность

учебного курса не указывалась, но говорилось о том, что подготовка должна вестись в таком объеме, чтобы после выписки инвалид мог бы легко трудоустроиться. Профиль обучения выбирался лечебным учреждением по согласованию с ВТЭК.

31 октября 1941 г. НКССО РСФСР направил на места Инструктивное письмо «Об организации в госпиталях работы по подготовке к трудовой деятельности инвалидов Отечественной войны»², в соответствии с которым в госпиталях должна была проводиться деятельность по следующим направлениям: разъяснительная работа по вопросам профессионального обучения; определение профиля обучения в госпитале, а также вида обучения после выписки из госпиталя; организация обучения в самом госпитале и систематическое наблюдение за инвалидами в процессе обучения; организация индивидуальных консультаций по профилям, обучение которым не может быть организовано в госпитале.

Комиссия по трудоустройству и обучению при госпитале проводила с ранеными коллективные беседы о возможностях обучения, выясняла желание инвалида приобрести новую квалификацию, делала заключение о рекомендуемом профиле, условиях обучения. Полученные сведения вносились в профконсультационную путевку, которая вместе с другими документами поступала во ВТЭК для утверждения рекомендованного профиля обучения. Обучению при госпиталях подлежали лица с легкой или средней степенью инвалидности. Лица с тяжелыми заболеваниями или недостаточной общеобразовательной подготовкой сразу после излечения направлялись для обучения в артели кооперации.

При госпиталях следовало создавать оборудованные классы-мастерские с разными видами обучения, которые охватывали бы всех подлежащих обучению. В целях «более правильного расходования средств,

¹ О порядке трудоустройства и направления на обучение инвалидов войны // Возвращение к трудовой деятельности инвалидов Отечественной войны: Сб. постановлений и инструкций. Л.: Лениздат, 1943. С. 28–33.

² Об организации в госпиталях работы по подготовке к трудовой деятельности инвалидов Отечественной войны // Возвращение к трудовой деятельности инвалидов Отечественной войны: Сб. постановлений и инструкций. Л.: Лениздат, 1943. С. 73–78.

использования преподавательского состава и оборудования» при госпиталях следовало создавать учебные группы по 10 человек. Обучение следовало проводить при помощи приглашенных специалистов по рабочим планам и программам, утвержденным местным собесом под руководством инструктора по труду и обучению в госпитале, и под систематическим наблюдением врача-эксперта.

Постановлением СНК РСФСР от 22 мая 1942 г. «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны»³ и Постановлением СНК СССР «О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны»⁴ от 20 января 1943 г. обязанность организации обучения инвалидов Отечественной войны всех III групп и персональная ответственность за исполнение были возложены на заведующих местными отделами социального обеспечения.

19 мая 1943 г. появился приказ Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР № 62 «О состоянии работы органов социального обеспечения РСФСР по пенсионному обслуживанию и трудовому устройству инвалидов Отечественной войны». В нем нарком А. Н. Сухов критиковал краевые отделы социального обеспечения, многие из которых «...до сих пор не приступили к профессиональному обучению и переобучению инвалидов II группы. Некоторые отделы социального обеспечения решают эти вопросы весьма примитивно, без учета индивидуальных особенностей, запросов инвалидов и характера их инвалидности. В ряде случаев все дело обучения сводится к подготовке счетоводов, киномехаников, сапожников (особенно в госпиталях), т.е. работников несложной квалификации. Обучение таким специаль-

ностям, как токарному, слесарному, чертежному, граверному, электромонтажному, гармонному, телеграфному, столярному, скорняжному, ковровому, часовому делу, пчеловодству, птицеводству, художественной резьбе по кости, дереву, камню почти нигде не проводится»⁵.

В целях улучшения работы органов социального обеспечения он распорядился расширить круг профессий по обучению инвалидов Отечественной войны, учитывая индивидуальные особенности и характер инвалидности, а также предписал в качестве инструкторов по обучению и переобучению шире привлекать инвалидов труда, имеющих соответствующую специальность. Комплектование учебных заведений системы социального обеспечения отныне следовало производить только за счет инвалидов I и II групп, исключив III группу.

Инструкция Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР № 5-М от 3 июня 1942 г. «О врачебно-трудовой экспертизе инвалидов Отечественной войны»⁶ определяла перечень показаний и противопоказаний к профессиональному обучению инвалидов.

ВТЭК выясняла возможность и целесообразность обучения новой профессии в том случае, если дефект или заболевание не позволяли инвалиду вернуться к работе в прежней или близкой к прежней профессии. В этом случае для инвалида могло быть два варианта: трудоустроиться на другую работу или пойти на переобучение. Вторая возможность была «особенно показана» в случаях, когда речь шла о молодом инвалиде. В случае если у него было среднее образование, но он еще не успел приобре-

³ О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны // Возвращение к трудовой деятельности инвалидов Отечественной войны: Сб. постановлений и инструкций. Л.: Лениздат, 1943. С. 18–19.

⁴ О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны. Постановление СНК СССР от 20 января 1943 года № 73 // Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942–1943. Ленинград: Ленинград. газет.-журнал. и кн. изд-во, 1944. С. 107–108.

⁵ О состоянии работы органов социального обеспечения РСФСР по пенсионному обслуживанию и трудовому устройству инвалидов Отечественной войны // Возвращение к трудовой деятельности инвалидов Отечественной войны: Сб. постановлений и инструкций. Л.: Лениздат, 1943. С. 62–68

⁶ О врачебно-трудовой экспертизе инвалидов Отечественной войны // Возвращение к трудовой деятельности инвалидов Отечественной войны: Сб. постановлений и инструкций. Л.: Лениздат, 1943. С. 34–48.

сти квалификацию, ему рекомендовали обучение «профессиям более высокого типа: (бухгалтер, калькулятор, педагог, слесарь по точной механике, киномеханик, зубной техник, токарь, конструктор и др.). Также молодым инвалидам советовали получить высшее образование.

В Инструкции приводились конкретные примеры. Скажем, инвалиду 22 лет со средним образованием, у которого были ампутированы три пальца левой кисти и голень в нижней трети, было рекомендовано обучение на токаря мелких деталей (с учетом целой правой руки), а также обучение в качестве киномеханика, механика телеграфных аппаратов и т.п.

Лицам молодого возраста, не имевшим никакой квалификации, со слабой общеобразовательной подготовкой рекомендовали обучение «профессиям ремесленного типа» (портной, сапожник, шапочник). Еще был вариант, при котором молодой инвалид мог повысить свой общеобразовательный уровень и пойти учиться другой, более престижной профессии, но получить образование без трудовых навыков было невозможно. Сначала такой инвалид должен был обучиться какому-то ремеслу и начать работать, и уже потом пробовать свои силы, без отрыва от производства на новых профессиональных курсах, получая профессию учетчика, счетовода, бригадира в колхозе, телеграфиста, почтово-телеграфного служащего, слесаря, сверловщика и т.п. Естественно, что при рекомендации профиля обучения ВТЭК должна была учитывать возможность в связи с состоянием и возрастом освоить образовательную программу, а также дальнейшую возможность трудоустройства по выбранной профессии в условиях местожительства.

Не только Наркомат социального обеспечения, но и представители отдельных отраслей принимали самое активное участие в обучении инвалидов Отечественной войны. Так, 23 октября 1942 г. Народным комиссариатом торговли СССР и Народным комиссариатом социального обеспечения РСФСР было издано совместное письмо «О порядке подготовки кадров для торгов-

ли и общественного питания из инвалидов Отечественной войны», в котором были даны рекомендации о порядке подготовки кадров для торговли и общественного питания из числа инвалидов Отечественной войны.

Обучение было организовано по следующим специальностям: директора магазинов, столовых и их заместители, продавцы, повара, буфетчики, кладовщики, счетоводы, калькуляторы, инспекторы по заготовке плодов и овощей, мастера по солению, квашению и сушке овощей, специалисты по изготовлению и ремонту тары, столеры и плотники, слесари и токари, рабочие по изготовлению игрушки, штамповщики мелких деталей, специалисты ручного швейно-массового производства, рабочие по вязке трикотажных изделий, обувщики-ремонтники. Характерной особенностью обучения по этим специальностям называлось то, что они в них испытывают острую нужду местные организации, а они «не требуют длительной подготовки».

Порядок обучения был следующим: теоретическое обучение начиналось в группах, организуемых при госпиталях, по программам техминимума для конкретной категории работников, а производственное обучение осуществлялось путем производственной практики на конкретном рабочем месте после выписки из госпиталя. Для зачисления в группы по подготовке директоров магазинов, столовых и их заместителей, а также счетных работников требовались знания в объеме не ниже 4–5 классов средней школы.

В зависимости от сложности квалификации обучение занимало от 1 до 3 месяцев. Инвалиды Отечественной войны, отобранные для работы в системе Наркомторга, сразу после того, как покидали госпиталь, направлялись в распоряжение отделов кадров местного торгового отдела (конторы или главка) для зачисления на работу, продолжая практическое обучение в течение двух месяцев, при этом получая в полном объеме заработную плату, как если бы они были приняты на полную ставку (около 200 руб. в месяц).

Дополнительным требованием к отбору инвалидов для профессионального обучения было получение курсантами-инвалидами общеобразовательной подготовки – ко дню выписки из госпиталя инвалиды должны были освоить не только профессию, но также курс арифметики и русского языка в объеме 5–7 классов средней школы.

Несмотря на то что обучение инвалидов Отечественной войны начинается еще летом 1941 г., в Красноярском крае первые данные удалось обнаружить только за первое полугодие 1942 г. В этот период больше всего инвалидов обучалось при госпиталях (52, 1 %), затем шли группы обучающихся в спецдомах и интернатах для инвалидов Отечественной войны (38 %), еще 9,9 % обучались в классах и на курсах в прочих организациях и учреждениях. Наибольшей популярностью среди инвалидов пользовались профессии счетного или финансового работника, что вполне объяснимо, поскольку конторский труд был вполне по силам даже самым слабым инвалидам. Впрочем, возможно, это было связано и с тем, какие реальные курсы могли предложить больным и раненым эвакуогоспиталям⁷.

Порядок обучения в госпиталях был подробно прописан в специальной инструкции⁸, утвержденной Наркомздравом и НКССО РСФСО 29 сентября 1942 г. В ней указывалось, что эвакуогоспиталям должны были в первую очередь провести отбор кандидатов для обучения, определить наиболее актуальные и востребованные профессии для обучения и организовать первые занятия в виде специальных курсов.

Кандидаты для обучения отбирались лечащим врачом эвакуогоспиталя из числа больных и раненых. Предварительно в каждой палате он должен был провести разъяснительную работу о значении трудового обучения, выяснить общеобразовательную

и специальную подготовку инвалида, его основную профессию и новые трудовые предпочтения, доинвалидный и предполагаемый послеинвалидный «профессиональный маршрут», личные склонности и психологические установки.

Профессиональному обучению в госпитале подлежали лица, которые по состоянию здоровья были комиссованы или освобождены от службы на срок 6–12 месяцев, если становилось очевидно, что по характеру дефекта, функциональных нарушений или отсутствия квалификации человек не сумеет приспособиться к какому-либо виду труда без предварительного обучения. При этом было определено, что лица высокой квалификации, занимавшиеся умственной или производственной деятельностью (педагоги, врачи, инженеры, агрономы, мастера, начальники цехов, токари и другие «специалисты высоких разрядов», т.е. «лица, обладающие большим опытом практической работы по своей специальности»), в профессиональном обучении в госпитале не нуждаются.

Все остальные подлежали обязательному обучению, для чего врачам следовало выделять больных и раненых, срок лечения которых в госпитале предполагался не менее 1–2 месяцев. Обучение следовало начинать в период, «когда острые явления болезненного процесса миновали и больной находится в таком состоянии, что обучение не может оказать отрицательного влияния на течение заболевания и не препятствует проведению лечения».

Согласно указаниям Главного военно-санитарного управления Красной Армии от 29 мая 1942 г. рекомендация профессий для трудового обучения возлагалась на лечащих врачей и начальников медицинских отделений госпиталей. Инструктирование лечащих врачей по вопросам предварительной подготовки к трудовой деятельности инвалидов следовало производить силами врачей-экспертов – представителей городских (районных) отделов социального обеспечения.

При рекомендации профиля обучения следовало учитывать:

⁷ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 563. Там же. Л. 11.

⁸ Инструкция о порядке проведения подготовки к трудовой деятельности инвалидов Отечественной войны в эвакуогоспиталях // Возвращение к трудовой деятельности инвалидов Отечественной войны: Сб. постановлений и инструкций. Л.: Лениздат, 1943. С. 100–109.

– функциональное состояние организма и особенности течения заболевания в сопоставлении с условиями и требованиями намеченной профессии, необходимость участия в будущей профессии пораженного органа, степень физического и умственного напряжения работника;

– возможность получить подготовку в течение 1–2 месяцев в таком объеме, чтобы после выписки из госпиталя сразу приступить к работе по вновь приобретенной специальности;

– возможность реализации обучения в местных условиях и дальнейшего трудоустройства по месту жительства;

– целесообразность обучения той или иной профессии с точки зрения требований промышленности военного времени;

– уровень общеобразовательной и специальной подготовки, основные профессиональные и прочие навыки, имевшиеся до призыва в армию.

Для обучения инвалидов в госпиталях рекомендовались новые профили. Так, при наличии общеобразовательной подготовки не ниже 6–7 классов можно было получить профессию счетовода, учетчика, бригадира колхоза, секретаря сельсовета, библиотекаря, телеграфиста, сортировщика почты, заведующего магазином, продавца, бухгалтера, плановика, товароведа, калькулятора, оптика, киномеханика, механика телеграфа. Имевшие общеобразовательную подготовку не ниже 9 классов могли пойти в корректоры. Лица без достаточного образования могли найти себя в профессии обувщика, шапочника, портного, часовщика, механика швейных и пишущих машин, животновода, полевода или другого работника в системе сельского хозяйства. Также совместно с отделами социального обеспечения и народного образования для инвалидов, имеющих незаконченное и законченное среднее образование, при госпиталях могли быть открыты 1–2-месячные курсы по подготовке к поступлению в вузы, техникумы, педагогические училища.

Наркомат социального обеспечения при этом указывал, что список профилей не должен применяться формально, и если у ин-

валида имеются определенные навыки или твердая установка на обучение другой профессии, то целесообразно оказывать ему индивидуальную консультационную помощь по интересующему его профилю обучения.

Окончательный отбор и установление профилей обучения для комплектования курсов производились из числа намеченных кандидатов начальником отделения и лечащим врачом при участии председателя госпитальной ВТЭК. Рекомендованный профиль обучения вносили в историю болезни и профконсультационную карту больного.

После этого для непосредственной организации курсов по трудовому обучению начальник медицинской части госпиталя обращался в местный отдел социального обеспечения. В первую очередь курсы организовывались в госпиталях, выделенных для протезирования.

Обучение счетоводов и корректоров могло проводиться в любом госпитале. Для обучения другим профессиям, требующим более сложного оборудования, госпиталь должен был выделить специальное помещение, организовать классы и мастерские, которые обслуживал персонал госпиталя. В случае невозможности организации курсов по намеченному профилю в конкретном госпитале из-за недостаточного количества кандидатов (менее 7 человек) или отсутствия соответствующего помещения обучающихся переводили в другие госпитали по договоренности начальников госпиталей.

Все учебные помещения следовало обеспечить отоплением, освещением, необходимой мебелью, хозяйственным инвентарем, а также необходимыми техническими приспособлениями (например, специальными сиденьями для сапожников-инвалидов), профессиональной одеждой (передниками, халатами и т.п.).

Курсы открывались местными отделами социального обеспечения совместно с командованием госпиталей, с привлечением хозяйственных организаций – промкооперации, коопинсоюза, местной и легкой промышленности, комбинатов, органов хозяйственного учета, отделов народного образования, земельных отделов и т.д.

Районные (городские) отделы социального обеспечения непосредственно руководили всей работой по обучению в госпиталях обслуживаемого района (города). Они договаривались с хозяйственными организациями об обеспечении курсов преподавательским и инструкторским персоналом, материалами для производственной работы, учебными пособиями. В некоторых случаях преподаватели могли быть выделены из числа сотрудников госпиталя или из состава больных, обладающих соответствующей квалификацией.

Организация обучения возлагалась на одного из преподавателей по обучению в госпиталях или на преподавателя, освобожденного от обучения тому или иному предмету. Оплата его труда производилась за счет средств местного отдела социального обеспечения.

На всех подлежащих обучению инвалидов лечащий врач составлял личное дело, куда помимо личных сведений вносились: диагноз с функциональной характеристикой, данные об общеобразовательной и специальной подготовке, об основной профессии и прежних занятиях, рекомендуемый профиль обучения, фамилия врача.

На каждый цикл обучения при госпитале заводился журнал посещаемости и успеваемости, который заполнялся преподавателями, отмечая начало, перерывы и окончание занятий. Причины пропуска или прекращения занятий (например, в связи с изменениями состояния здоровья) указывались лечащим врачом.

Ежемесячно госпиталь был обязан предоставить в местный отдел социального обеспечения отчет о проведенной работе по трудовому обучению, в котором указывалось количество обучающихся по каждому профилю, число лиц, окончивших обучение, и количество прекративших обучение с указанием причин отсева.

Длительность курсов устанавливалась не дольше 2 месяцев. Раненые и больные, приступившие к занятиям на курсах, по возможности оставались в госпитале до окончания срока обучения и эвакуации не подлежали. Занятия на курсах прово-

дились по программам, утвержденным отделами социального обеспечения. Исходя из того, что после окончания курсов вновь получивший профессию инвалид должен был немедленно приступить к трудовой деятельности, главное внимание уделялось практическим занятиям. По окончании курса организовывались проверочные испытания, которые проводили педагоги при участии командования и политсостава госпиталя, а также представителей отдела социального обеспечения.

Окончившие курс обучения получали удостоверение с печатью военно-лечебного учреждения и за подписью всех перечисленных членов комиссии и указанием профиля обучения, а также оценкой об успеваемости. Выбывшие до окончания срока обучения инвалиды также получали справку о пройденном курсе занятий по тому или иному циклу для продолжения обучения в дальнейшем.

Обучение в красноярских госпиталях развертывалось крайне медленно до тех пор, пока в процесс обучения не вмешались руководящие партийные организации. Решением от 25 июня 1942 г. Красноярский городской комитет ВКП (б) закрепил за госпиталями все производственные промышленные предприятия города для организации цехового обучения. На них были возложены обязательства: закончить к началу июля 1942 г. выделение специалистов-инструкторов, снабдить госпитальные мастерские инструментами, материалами и начать занятия⁹.

На 1 ноября 1942 г. 600 из 882 инвалидов в Красноярском крае (74,8 %) проходили обучение в госпиталях, где были организованы трудовые курсы, мастерские с действующими процессами. Некоторые госпитали заключали договоры с заводами, выполняли заказы на оборонные детали¹⁰. В госпиталях также осуществлялось обучение навыкам самообслуживания и передвижения. В лечебно-трудовых мастерских при госпиталях края инвалидов обучали ремонту часов, фотоделу, станочным, столярным и дру-

⁹ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 563. Л. 12.

¹⁰ Там же. Л. 19–21

гим профессиям (Puzin etc., 2018: 370–371). В красноярских эвакогоспиталях работали курсы радиотехников-телефонистов, шоферов, сапожников и портных, причем последние обслуживали и раненых, и персонал госпиталя. Мастерская, по сути, превращалась в отдельное предприятие госпиталя¹¹.

В конце 1942 г. в Красноярский краевой учебно-производственный комбинат ЦСУ Госплана пришла докладная записка (точную дату, авторство и адресанта установить не удалось) по вопросу обучения инвалидов Отечественной войны, находящихся на лечении в госпитале. В ней сообщалось, что в госпиталях в 1943 г. предполагается осуществить набор специальной группы. Предусматривалось провести тщательный отбор тех, кто мог в нее войти:

- определялась возможность для инвалида заниматься по состоянию здоровья (так, лежащие больные исключались вовсе);
- нахождение в госпитале в течение всего периода обучения;
- необходимость обязательного переобучения, т.е. наличие у больного такой специальности, к которой он однозначно не сможет вернуться по характеру полученного ранения.

Комплектование групп проводилось следующим образом. Сначала учебный комбинат непосредственно связывался с эвакогоспиталем, выявлял желающих получить ту или иную квалификацию, а также имеющееся у инвалида образование. После этого потенциальных учащихся включали в список, который утверждал лечащий врач, военрук и начальник госпиталя. Далее назначалась отборочная комиссия в составе представителей госпиталя, учебного комбината и органов социального обеспечения. Комиссия никакого экзамена не проводила, решающим фактором было только желание инвалида вернуться к трудовой жизни. Краевой же собес, в свою очередь, занимался после прохождения инвалидами курсов трудоустройством выпускников.

Общий госпитальный учет раненых в Красноярске позволил вести подготовку курсов слесарей, киномехаников, работ-

ников сельского хозяйства, кладовщиков и т.п. Также согласно директиве НКССО был заключен договор с трестом молочно-свиноводческих совхозов и учебным комбинатом ЦСУ Госплана СССР по подготовке 90 бухгалтеров из числа инвалидов Отечественной войны. Кроме того, в госпиталях проходили занятия образовательного профиля для повышения общей квалификации раненых. После выписки из госпиталя наиболее способных направляли для дальнейшего обучения по программе бухгалтерского цикла¹².

Недостатком, как отмечалось в докладной записке, в организации обучения инвалидов была разве что «текущность обучающихся: отправка в дома отдыха, повторные операции, отправка в дома инвалидов, отправка за протезами, различные другие не предусмотренные обстоятельства»¹³.

24 марта 1943 г. в Красноярске состоялось расширенное совещание Комиссии по трудоустройству и трудовому обучению инвалидов Отечественной войны, на котором присутствовали заместитель начальника управления местным эвакуационным пунктом № 49 военврач 2-го ранга Левин, начальник 2-го отдела капитан Попов, начальник эвакогоспиталя № 1515 военврач 1-го ранга Свидлер, начальник госпиталя № 984 военврач 2-го ранга Сакун, помощник начмеда госпиталя № 985 Щетинкина, представитель крайздрава профессор Балакирев, представитель крайсовета Камэш.

В ходе заседания военврач Сакун сообщил, что в госпитале, которым он руководил, трудовое обучение инвалидов Отечественной войны было организовано «исключительно своими силами, при помощи сведущих людей» из числа раненых, при госпитале работали курсы счетоводов и финансистов. Щетинкина из госпиталя № 985 рассказала о том, что в их учреждении тоже были организованы курсы счетоводов, финансистов, а также директоров домов культуры.

Говоря о проблемах обучения инвалидов в госпиталях, военврач Сакун пожало-

¹¹ ГАКК. Ф. П-7960. Оп. 1. Д. 364. Л. 21об.

¹² ГАКК. Ф. П-7960. Оп. 1. Д. 364. Л. 23–23об.

¹³ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 563. Л. 42об-43.

вался, что закрепленные для организации образовательного процесса предприятия легкой промышленности, обещавшие помочь, ничего не сделали – в частности, паровозовагоноремонтный завод, отвечавший за организацию слесарного обучения¹⁴.

Военврач 1-го ранга Свидлер обнаружил еще одну серьезную проблему – он просил разрешения задерживать выпуск инвалидов, заканчивающих трудовое обучение, поскольку на предприятиях, куда они могли бы трудоустроиться, с большой охотой их не ждали, своевременно не обеспечивая надлежащие материально-бытовые условия, и многие инвалиды, окончившие курсы при госпиталях, после выписки «оказывались в подвешенном состоянии», т.е. фактически – просто на улице.

В ходе обсуждения перспектив трудового обучения инвалидов в госпиталях было высказано много разных пожеланий к его улучшению. Так, профессор Балакирев предложил обязать госпитали представить план трудового обучения раненых и организовать при краевом отделе социального обеспечения комиссию, которая бы обеспечивала организацию мастерских, снабжала оборудованием, сырьем, а также своевременно направляла инструкторов. Заместитель начальника управления местным эвакуационным пунктом № 49 военврач 2-го ранга Левин рекомендовал крайисобесу полностью взять на себя руководство трудовым обучением и трудоустройством инвалидов, получив помощь со стороны партийных и государственных организаций¹⁵.

К сожалению, найти полные сведения о результатах обучения инвалидов в госпиталях за 1943 г. не удалось, но, так или иначе, даже с учетом всех перечисленных проблем в красноярских госпиталях в 1943 – первой половине 1944 гг. обучение прошли 367 инвалидов Отечественной войны, которые приобрели следующие профессии: 130 чел. стали поварами, 22 – пчеловодами, 40 – председателями колхозов, 28 – шоферами, также было подготовлено 14 портных, 25 сапожников, 12 заведующих

столовыми (Mezit, 2016: 72). Всего в 1944 г. в Красноярском крае в эвакуогоспиталях еще 882 инвалида закончили свое обучение, что составляло 49,5 % всех выпускников, еще 170 чел. (19,5 %) продолжали учиться – такое незначительное количество объясняется быстротечностью курсов¹⁶.

1944 г. вообще стал самым продуктивным в плане привлечения к обучению инвалидов Отечественной войны в Красноярском крае и их выпуска с новой профессией. Общая численность обучающихся выросла в 4,5 раза, при этом всего 6,15 % из них не успели закончить обучение к концу года. Чаще всего в госпиталях организовывались курсы счетно-бухгалтерского профиля, инвалиды осваивали их быстрее всего – из общего числа прошедших обучение 95 % успешно прошли курсы. Впрочем, те, кто обучался «бытовым» профессиям, не отставали (94 %), чуть хуже ситуация была с теми, кто обучался на других профилях (89 %), но это связано с тем, что к этой группе относятся специфические профессии, подготовка к которым требовала больших затрат и времени.

Заключение

Обучение и переобучение инвалидов Отечественной войны стали органичной частью профессионально-трудовой реабилитации раненых фронтовиков. Они дополняли практику их трудоустройства, предоставляя инвалидам самого разного возраста, не имевшим образования и опыта, возможность получить новую профессию и попробовать начать заново новую мирную жизнь.

Прибегая к подобной практике, советская власть продолжала активно реализовывать зародившуюся еще в 1930-х гг. модель социальной политики, которую автор настоящего исследования в одной из своих предыдущих работ назвал «прагматическим гуманизмом» (Kovalev, 2018). С одной стороны, она была направлена на то, чтобы снять с государственного обеспечения как можно большую часть нетрудоспособных граждан, что было крайне важно в услови-

¹⁴ ГАКК. Ф. П-42. Оп. 5. Д. 71. Л. 37.

¹⁵ ГАКК. Ф. П-42. Оп. 5. Д. 71. Л. 37–37об.

¹⁶ ГАКК. Ф. П-42. Оп. 5. Д. 364. Л. 2–3.

ях тотальной войны, когда любые ресурсы, в том числе финансовые, должны быть максимально использованы для достижения Победы. С другой стороны, государственные органы власти искренне желали помочь вернувшимся с фронта инвалидами гражданам восстановить свои силы и вернуться к полноценной трудовой жизни, к самообеспечению в условиях нехватки средств для социальной защиты в полном объеме.

Конечно, государству в условиях продолжающейся войны были нужны любые рабочие руки, однако можно уверенно говорить о том, что «прагматический» аспект государственной социальной политики окончательно начинает уступать место «гуманистическому». В то же время нельзя утверждать, что возвращение инвалидов к трудовой деятельности станет постоянным трендом социальной политики советской власти. Как и в годы индустриализации, профессиональная реабилитация инвалидов средствами обучения и переобучения, была связана с тем, что у государства не было достаточных финансовых возможностей для социального обеспечения нуждающихся в помощи. Социальная защита ветеранов Отечественной войны пока еще не стала неотъемлемой частью государственной идеологии и практики, какой она будет в послевоенные десятилетия. Пока это была вынужденная мера, направленная в большей степени на активизацию жизненных сил и социальную адаптацию лиц, потерявших здоровье на фронте, в ходе которой профессиональные знания и умения позволят инвалиду стать более самостоятельной единицей общества.

Именно этой цели была подчинена организация профессионального обучения и переобучения инвалидов Отечественной войны. Для ее достижения органы социального обеспечения открывали курсы при госпиталях, обучение при которых стало наиболее результативным и продуктивным. Его преимуществом было то, что «курсантами» становились увечные фронтовики, которые уже в процессе выздоровления включались в образовательный процесс и, благодаря приобретенной профессии,

опираясь на свой потенциал, могли быстрее преодолеть последствия инвалидности, к которой они оказались не готовы.

Обучая инвалидов, органы социального обеспечения не просто стремились занять их какой-то деятельностью, но и фактически пытались закрыть потребность экономики в рабочих местах, занятых ремесленниками и представителями рабочих специальностей. Именно поэтому впервые законодательно было закреплено право на обучение инвалидов, при этом действие закона распространялось на территорию всего Советского Союза.

Приобретение новой профессии давало не только возможность получения стабильного дохода, но и реализации своих умений и способностей в условиях, когда, казалось бы, жизнь теряла всякий смысл. Если исходить из современного понимания реабилитации, которая предполагает восстановление социально-ролевой функции инвалида с целью предоставления ему возможности максимально независимой жизнедеятельности в условиях инвалидности, то стоит отдать должное советскому государству, которое, обучая и трудоустраивая инвалидов, старалось обеспечить осуществление таких возможностей. Советской власти в период продолжавшейся войны удалось создать необходимые условия, которые способствовали расширению самостоятельности в профессиональной сфере и вовлечению инвалидов в общественную деятельность.

Советское государство во многом опередило время. В то время как в других развитых государствах система профессионально-трудовой реабилитации военных инвалидов только начинала создаваться, в нашей стране уже в 1942–1944 гг. были реализованы отдельные принципы инновационного подхода к обучению нетрудоспособных, о которых могут мечтать даже сегодняшние сторонники инклюзивного образования: 1) был обеспечен равный доступ к получению образования – в этот период просто не существовало никакого перечня заболеваний, которые лишали бы инвалида право на обучение; 2) создавались специальные

условия, которые учитывали индивидуальные потребности лиц с инвалидностью; 3) профессиональное обучение инвалидов дополнялось мерами социальной поддержки и дальнейшего трудоустройства; 4) был создан конкретный алгоритм сопровождения инвалида, приобретающего или восстанавливающего трудовые навыки: диагностика квалификации → обучение в госпитале → перевод и доучивание в спецдоме или инвалидной артели → проведение аттестации → дальнейшее трудоустройство.

В целом историческая значимость практики обучения инвалидов в годы Великой Отечественной войны определяется тем, что ее основные принципы получили свое развитие во второй половине XX века, многие из них нашли отражение в современном законодательстве, регламентирующем реализацию основных направлений профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации граждан с инвалидностью.

Список литературы / References

Abuzyarova D. A. Social'naja zashhita invalidov vojny v 1941–1945 gg. [Social welfare of war invalids in 1941–1945]. In: *Inzhenernye tehnologii i sistemy [Engineering technologies and systems]*, 2007 2, 146–150.

Giniatullina L. M. Doma-internaty dlja invalidov vojny Bashkirskoj ASSR (1942–1951 gg.) [Homes for war invalids of the Bashkir ASSR (1942–1951)]. In: *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura [Society: philosophy, history, culture]*, 2021, 6(86), 94–102.

Grishina O. A. Organizacija proizvodstvennogo obucheniya invalidov ve-likoj otechestvennoj vojny na Kubani v 1941–1945 godah [Organization of industrial training of disabled people of the Great Patriotic War in the Kuban in 1941–1945]. In: *Istorija i obshhe-stvoznaniye [History and public education]*, 2015, XII, 62–66.

Khabarova E. V. Social'noe obespechenie naselenija Respubliki Altaj v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Social security of the population of the Altai Republic during the Great Patriotic War]. In: *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij [Theories and problems of political research]*, 2015, 1–2, 33–42.

Khablieva L. Ch., Sosranova Z. V. Gosudarstvennaja politika v oblasti soci-al'nogo obespechenija invalidov vojny v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na primere Vladikavkaza) [State policy in social security of war invalids during Great Patriotic War (by Example of Vladikavkaz)]. In: *Nauchnyj dialog [Scientific Dialogue]*, 2018, 3, 221–232. DOI: 10.24224/2227–1295–2018–3–221–232.

Khayarov D. G. Problemy adaptacii invalidov Otechestvennoj vojny v za-padnosibirskom regione v 1941–1945 gg. [Problems of adaptation of the disabled of the Patriotic War in the West Siberian region in 1941–1945]. In: *Interjekspos Geo-Sibir' [Interexpo Geo-Siberia]*, 2010, 6, 106–109.

Korobetsky I. A. Reshenie social'nyh problem invalidov vojny v Oren-burzh'e v 1941–1945 gg. [The solution of social problems of war invalids in Orenburg region in 1941–1945]. In: *Desjatye Bol'shakovskie chtenija. Orenburgskij kraj kak istoriko-kul'turnyj fenomen [Tenth Bolshakov readings. Orenburg Region as a historical and cultural phenomenon]*. Orenburg, 2020. 180–185.

Kovalev A. S. Professional'noe obuchenie i pereobuchenie invalidov v Sibiri (1920–1930-e gg.) [Vocational training and retraining of disabled people in Siberia (1920–1930s)]. In: *Social'naja pedagogika: vyzovy XXI veka [Social pedagogy: challenges of the XXI century]*. Krasnoyarsk, 2011, 3–10.

Kovalev A. S. *Mezhdru iskljucheniem i integracij: netrudosposobnoe naselenie Sibiri v fokuse social'noj politiki Sovetskogo gosudarstva 1920–1930-h gg. [Between exclusion and integration: the disabled population of Siberia in the focus of the social policy of the Soviet state of the 1920s-1930s]*. Krasnoyarsk, 2018. 331 p.

Mezit L. E. *Reshenie social'nyh problem naselenija Krasnojarskogo kraja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Solving social problems of the population of the Krasnoyarsk region during the Great Patriotic War]*. Krasnoyarsk, 2016. 96 p.

Nasonov K. A. Social'noe obespechenie voennosluzhashchih Krasnoj Armii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: sushhnost', sodержание i sovremennoe zna-chenie [Social security of Red Army servicemen

during the Great Patriotic War: essence, content and modern meaning]. In: *Armija i obshchestvo [Army and Society]*, 2010, 3, 65–70.

Okolotin V. S. Organizacija pomoshhi invalidam Velikoj Otechestvennoj vojny v Ivanovskoj oblasti v 1942 godu [Organization of assistance to disabled people of the Great Patriotic War in the Ivanovo region in 1942]. In: *Gosudarstvo, obshchestvo, cerkov' v istorii Rossii HH–XXI vekov [State, society, church in the history of Russia of the XX–XXI centuries]*. Ivanovo, 2019. 585–589.

Polynsky A. S. Gosudarstvennaja politika v oblasti social'nogo obes-pechenija i trudoustrojstva invalidov vojny v predvoennyj period i gody Velikoj Otechestvennoj vojny [State policy in the field of social security and employment of war invalids in the pre-war period and the years of the Great Patriotic War]. In: *Vestnik Cheljabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]*, 2015, 2(42), 190–199.

Puzin S. N., Dmitrieva N. V., Shurgaya M. A., Solovyova N. N., Filatkina N. V. Iz istorii gosudarstvennoj sluzhby mediko-social'noj jekspertizy v Rossii [From the history of the state service of medical and social expertise in Russia]. In: *Istorija mediciny [History of Medicine]*, 2018, 4, 370–371.

Russkih N. V. Social'naja politika gosudarstva po otnosheniju k invalidam Velikoj Otechestvennoj vojny v 1941–1945 gg. (na primere Kirovskoj oblasti) [Social policy of the state in relation to the disabled of the Great Patriotic War in 1941–1945. (on the example of the Kirov region)]. In: *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija [Almanac of modern science and education]*, 2009, 7–1, 118–120.

Seregina L. V. Trudovoe pravo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Labor law during the Great Patriotic War]. In: *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2010, 8(164), 139–148.

Sergeev A. V. Social'naja adaptacija invalidov v period Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.) v Zapadnoj Sibiri [Social adaptation of disabled people during the Great Patriotic War (1941–1945) in Western Siberia]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]*, 2000, 4(20), 126–128.

Shalak A. V. Social'naja rehabilitacija invalidov Velikoj Otechestvennoj vojny v Vostochnoj Sibiri (1941–1950 gg.) [Social rehabilitation of disabled people of the Great Patriotic War in Eastern Siberia (1941–1950)]. In: *Kul'tura. Nauka. Obrazovanie. [Culture. Science. Education]*, 2015, 2(35), 92–100.

Shevchenko V. N. Dejatel'nost' lechebno-trudovyh internatov Krasnojarskaja po rehabilitacii invalidov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Activity of medical and labor boarding schools of Krasnoyarsk region on rehabilitation of disabled people during the Great Patriotic War]. In: *Gumanitarnye problemy voennogo dela [Humanitarian problems of military affairs]*, 2019, 3, 130–134.

Zinich M. S. *Povsednevnaia zhizn' naroda v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The daily life of people during the Great Patriotic War]*. Moscow, 2019. 349 p.

Zinich M. S. «Social'nyj vyzov» voennogo vremeni: invalidy Velikoj Otechestvennoj vojny [“Social challenge” of wartime: invalids of the Great Patriotic War]. In: *Vyzov" v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii: isto-rija i sovremennost' [“Challenge” in the daily life of the population of Russia: history and modernity]*. Sankt-Peterburg, 2021, 54–59.

Zolotareva V. Yu. Social'naja adaptacija invalidov Velikoj Otechestvennoj vojny [Social adaptation of disabled people of the Great Patriotic War]. In: *Problema sootnoshenija estestvennogo i social'nogo v obshchestve i cheloveke [The problem of the correlation of natural and social in society and man]*, 2013, 4–1, 137–149.

Zolotareva V. Yu. Obuchenie invalidov Velikoj Otechestvennoj vojny v Zabajkal'e v 1941–1950 gg. [Training of disabled people of the Great Patriotic War in Transbaikalia in 1941–1950]. In: *XX–XXI veka v istorii Rossii: aktual'nye problemy [XX–XXI centuries in the history of Russia: current problems]*. Penza, 2014, 45–48.

Список сокращений

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

EDN: SCPJZL
УДК 271.2–726.1(571.51/.52)

Parish Clergy of the Khakass-Minusinsk Territory in the 18th-19th Centuries: Origin, Population and Personnel

Valentina N. Asochakova* and Nadezhda Ya. Artamonova

*Katanov State University of Khakassia
Abakan, Russian Federation*

Received 15.05.2023, received in revised form 20.10.2023, accepted 25.10.2023

Abstract. The Russian Orthodox Church in pre-revolutionary Russia played a crucial role in integrating the indigenous peoples of Siberia into the Russian state. In each region of Siberia the clergy had regional specifics and socio-demographic features. The analysis of church documentation revealed the main parameters of the parish clergy of the Khakass-Minusinsk territory in the XVIII–XIX centuries, its demographic parameters, population, education, personnel. Peculiarities of management practices, the course and results of the formation of the parish clergy in rather softened form reflected the all-Russian phenomena, which were identified in the Khakass-Minusinsk region. A comprehensive study showed that the abolition of the succession of priests and churchmen did not lead to a renewal of the clergy in the south of the Prienisei region. In fact, the clergy remained a closed class corporation until the revolution.

Keywords: Russian Orthodox Church, parish clergy, Khakass-Minusinsk territory, estate, Prienisei Siberia, clergy, Yenisei parish school.

Research area: history.

The study was supported by the Russian Science Foundation grant project No. 23–28–10111, <https://rscf.ru/project/23–28–10111/> with parity financial support from the Government of the Republic of Khakassia

Citation: Asochakova V. N., Artamonova N. Ya. Parish Clergy of the Khakass-Minusinsk Territory in the 18th-19th Centuries: Origin, Population and Personnel. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2135–2144. EDN: SCPJZL

Приходское духовенство Хакасско-Минусинского края в XVIII–XIX вв.: происхождение, численность, личный состав

В. Н. Асочакова, Н. Я. Артамонова

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Российская Федерация, Абакан*

Аннотация. Русская православная церковь в дореволюционной России играла важнейшую роль в интеграции коренных народов Сибири в состав российского государства. В каждом регионе Сибири духовенство имело региональную специфику, социально-демографические особенности. На основе анализа церковной документации определены основные параметры приходского духовенства Хакасско-Минусинского края в XVIII–XIX вв., его демографические параметры, численность, образование, личный состав. Выявленные в Хакасско-Минусинском крае особенности управления, практика, ход и результаты формирования приходского духовенства в несколько смягченной форме отражали общероссийские явления. Комплексное изучение показало, что упразднение наследования должностей священно- и церковнослужителей не привело к обновлению духовенства на юге Приенисейского края, оно фактически до революции оставалось замкнутой сословной корпорацией.

Ключевые слова: Русская православная церковь, приходское духовенство, Хакасско-Минусинский край, сословие, Приенисейская Сибирь, клир, Енисейское приходское училище.

Научная специальность: 5.6.1 – отечественная история.

Исследование выполнено при поддержке грантового проекта Российского научного фонда № 23–28–10111, <https://rscf.ru/project/23–28–10111> / при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия.

Цитирование: Асочакова В. Н., Артамонова Н. Я. Приходское духовенство Хакасско-Минусинского края в XVIII–XIX вв.: происхождение, численность, личный состав. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2135–2144. EDN: SCPJZL

Introduction

The Russian Orthodox Church (hereinafter referred to as the ROC) is actively involved in modern social processes and cultural construction. Thus, it participates in the modernization of the state, developing in addition to the direct internal religious life and various activities focused on society as a whole. This is a dynamic, multidimensional, culture-creating process. The study of the sociocultural activities of the Russian Orthodox Church in Prienisei Siberia in the second half of the 19th – early

20th centuries makes it possible to determine its contribution to the social modernization of the Siberian region. The solution to this fundamental problem is achieved by studying the main directions of the socio-cultural activities of the church at different stages of economic and cultural transformations of Russian society.

The Russian Orthodox Church in pre-revolutionary Russia played a crucial role, including in the process of integrating the peoples inhabiting the territory of Siberia into the Russian state. White clergy maintained a corporate

community. Thus it had regional specificity and socio-demographic features. Factors determining regional specificity were natural and geographic conditions, the level of economic development, social and ethnic environment, church and administrative structure. The relationship between clergy and parishioners depended in turn on the personality of the priest and the degree to which he was involved in the daily life of the parish. Throughout the eighteenth and nineteenth centuries the clergy of the Khakass-Minusinsk clergy evolved. Its demographic parameters, structure, duties, and role were changing.

Theoretical framework

In modern historiography, the problems of studying the formation, evolution, legal status, appearance, functions of the Orthodox clergy have received an impetus to development in connection with the application of new approaches, the expansion of the source base, the development of methodology and methods of source analysis.

The works that have appeared in the last decade cover various aspects of the history of the Russian Orthodox Church (ROC). The problem of the role of the Russian Orthodox Church in the accession and incorporation of the indigenous peoples of Siberia into the Russian Empire in the seventeenth and nineteenth centuries remains relevant. The famous Irkutsk historian L.M. Dameshek notes the joint offensive of the Russian Orthodox Church and the state toward the indigenous peoples of Siberia and the role of missionary congresses in this process. In his view, the congresses were designed to develop unified political, ideological, and organizational measures aimed at consolidating the position of the “supreme and predominant” church in Siberia and planting “Russianness” among the indigenous population. I.I. Yurganova considers this problem using Yakutia as an example. She notes that Orthodoxy has become one of the main means of integrating the region’s ethnic groups into the all-Russian socio-economic structure as part of the process of inter-civilizational interaction (Dameshek; Yurganova).

In connection with the development of the Russian Orthodox Church in modern

Russia, the question of what clergy is. Historian N.A. Mitrokhin, author of a major study on the modern ROC, explains the concepts of “clergy”, “priest”, and “deacon” in his Dictionary of Terms. The works of L.I. Goremykina and S.V. Ivanov characterized the issues of registration of the legal status of the clergy and its evolution (Goremykina; Ivanov). The peculiarities of the social and legal status of the clergy of the Yenisei province are considered in the work of E.V. Bolonkina (Bolonkina). If we summarize the approaches of Russian scholars to the identification and characterization of characteristics that shape the Orthodox clergy as a social group, we can combine them into several factors. First, these are worship and other activities to meet the religious and spiritual and moral needs of the laity. Second, the special and well-subordinated organizational structure of the group, oriented toward relative isolation from the outside world and even – from parishioners. Second, the special and well-subordinated organizational structure of the group, oriented toward relative isolation from the outside world and even – from parishioners. Third, the presence of a specific culture with its inherent mentality, manners and way of life.

A significant part of the works is devoted to the functions and activities of the clergy in different spheres of science and public life, educational activities. A study by L.N. Kharchenko is devoted to identifying the role of the ROC in the cultural development of Siberia and the participation of Orthodox clergy in the activities of the Imperial Russian Geographical Society in the second half of the 19th and early 20th centuries (Harchenko). I.S. Chernova analyzed the activities of clergy in the secular periodicals of Siberia. She noted that some representatives of the clergy (A.I. Smirnov, A.A. Sakharov, A.I. Makushin, P.I. Makushin, V.E. Pudovikov, M.Y. Pisarev, M.V. Zagoskin, S.S. Shashkov, A.V. Adrianov and others) became journalists, editors and publishers (Chernova). B.V. Khorina analyzed the role of the Orthodox clergy in the study of the Yenisei province. The topic of clergy activities in the development of parochial schools in Eastern Siberia was covered (Khorina; Lifanova; Lebdeva).

Undeniable are the conclusions of a number of researchers on general and local factors in the formation of the clergy. S. V. Smokotin rightly believes that the formation of the clergy in general, and in Tomsk province in particular, was influenced by various factors. First, the absence of celibate for the parish clergy, which led to the formation of a fairly large spiritual estate. Secondly, the state regulation of staff in parishes, and thirdly, the requirement of education as a prerequisite for ordination (Smokotin). Socio-demographic, worldview characteristics, and everyday life of the clergy in Russia and in individual regions have been analyzed (Mironov; Semenchuk; Kruglikov). The attention of historians is attracted by ethos as an intermediate level between “real” and “proper,” as the correlation of normative values with their practical activity and worldly behavior. A number of works are devoted to the concept of Christian culture, the normative and holistic orientation of clergy at the Russian and local levels (Oglezneva; Prakht; Rozov; Shustrova; Belova; Dribas).

As a development of research tools is of interest the methodology of glocalization, which reflects modern theoretical and practical trends of restoration, preservation, enrichment of traditional general cultural, spiritual and moral values, rooted in the history and culture of the country. Appeal to the theory of glocalization will help to identify, minimize the risks associated with a tough response to the pressure exerted on the spiritual foundations of society by the processes of globalization, leading to the extremes of new archaic and destructive socio-religious practices (Bek; Mitrokhin; Mchedlov).

Problem Statement

Church parishes are the key, primary link in the official and ideological sphere of state activity. The clergy, and especially the clergymen, are state employees of the clergy department. Parish clergy of the Khakass-Minusinsk territory was part of the white clergy of the Russian Empire. At the same time it differed in a number of socio-demographic parameters. Over the course of the 18th and 19th centuries it gradually evolved and became more profes-

sional while separating itself from the parish community. The multifarious tasks of the parish clergy led to considerable difficulties in forming its personnel. On the whole, this had an impact on the tasks facing the parish clergy.

Let us consider how the parish clergy was formed in the Khakass-Minusinsk region, its personal composition, social dynamics, genealogical relationships of priests and clergy, and demographic characteristics.

Methods

The source base of the study is mainly represented by clerical documentation of Orthodox parishes. It was a significant amount of documentation: confessional lists, clerical records. They can be attributed to mass sources, transitional from clerical to statistical. The clerical (formularial) sheets contained ordinal information on the parish, education, service record, awards, family status, biographical information on the parish, family composition, the behavior of the clergy, fines, punishments, the amount of land (homestead, arable, hayfield). Quantitative methods of information extraction and analysis allow clerical vouchers to be considered a representative source for the study of parish clergy. In addition, the vestiges contain information on the composition of the parishioners.

Published sources (legislative) in combination with clerical vestiges, confession lists and other forms of clerical sources allow us to characterize the parish clergy of the Khakass-Minusinsk region in the XVIII–XIX centuries: the formation of its personnel, social dynamics, genealogical relationships priests and clergy, demographic parameters.

The application of the methodology of biographical analysis, combined with the methodology of glocalization, as a process combining differently directed, contradictory trends, characterized by different degrees of interpenetration, complementarity and confrontation of the “global” and “local” allows us to solve research problems.

Discussion

The policy of the Russian government toward the clergy is characterized in three direc-

tions. The first direction is an increase in the educational level of clergy and churchmen. The second is the control of their moral condition and behavior. The third is the limitation of the number in accordance with the staff and, as a consequence, the formation of a closed estate. Consider the example of the clergy of the Khakass-Minusinsk Territory, how these tasks were solved in reality.

The stages of formation and evolution of the estate in the Russian Empire in the XVIII–XIX centuries determined the dynamics and nature of the process.

In the 18th century the clergy remained a semi-privileged class: under Peter I they were not subject to the per capita tax and recruitment duty, in 1724 they were exempted from military service.

In 1767 the Synod forbade the clergy to use corporal punishment against priests. In 1771 this order was extended to deacons as well. But under the sentence of the secular authorities, the clergy were not exempt from punishment. Unlike the nobility (and after the Letter of Compliments of 1885 for towns) the merchants and the prominent citizens, the clergy were also exempt from punishment. Paul I approved the proposal of the Synod to relieve priests and deacons of all physical punishment, but it was not implemented. Only under Alexander I, in 1801, were priests and deacons exempted from corporal punishment, and in 1808 members of their families. Church clergy, on the other hand, did not receive this privilege until 1862.

The 1722 decree sanctioned the hereditary succession of church seats, since “the children of the clergy were to be educated in schools and trained for priestly and deaconal posts”¹. The staff schedule and the first revision forbade “perekhozhiye charters” and assigned the clergy to the churches. It also facilitated the hereditary transfer of church seats. One of the reasons for the further development of hereditary law was the requirement of professional education for appointees. It was verified by tests by the bishops. Hereditary posts became hereditary in the first place. In the second half of the 18th century priestly posts were filled by children of clergymen. The community’s right to hire them

was abolished completely. Now a parishioner could receive a post only after his priestly ordination.

After the revision of the taxpayers in 1744, access to the clergy from other estates was severely restricted. In 1823 the Russian clergy obtained official approval of the right of kinship for appointment to church office. The rules “On the filling of clerical vacancies” boiled down to the following points. First, to admit orphans from among the clergy serving in churches at public expense in colleges. The second was to appoint graduates to fill the places of the aged, the sick, and the dead. Third, to grant to male orphans in schools a share of the revenues of deacon’s and vicar’s offices, which are left idle for a certain period of time. Fourth, to assign widows and female orphans of advanced years “to the maidens in churches for half the income of the vicar, or for a special voluntary handout from the parishioners”². The rules had been in force for 43 years. As the diocesan authorities noted, they showed “their disadvantages: the difficulties of the bishops, who were forced to prefer kinship to dignity”; vacant places in parishes, enrolled for the daughters of clergymen, remained idle until their majority; the salary of clergy, already meager, was shared with those admitted for maintenance; on the whole, the clergy were convinced of their right to transfer parishes by inheritance and kinship. In 1866 they were officially abolished, but the practice of transferring places by inheritance and kinship persisted throughout the pre-revolutionary period of the history of the Russian Orthodox Church.

In the formation and evolution of the clergy an important role was played by decrees of 1832 and 1860–1870. The first formalized its position as a special estates in the state. A complex of subsequent measures abolished class isolation, eliminated hereditary priestly positions in parishes (1867), and changed the material situation of the clergy. The sons of clergymen were allowed to enter gymnasiums (1864), secular schools (1867), and any civil service (1869). In 1871 the rights of the children of clergy became equal to those of the

¹ PSZ-I. T. VI. № 4022. P. 27.

² Irkutskiyeyeparkhial'nyyevedomosti.1867. № 46. 18 noyabrya. S. 333.

children of personal nobility, by adding them to hereditary honorary citizens. Eliminating the insularity and heredity of the clerical estate, the state allowed the clerical service to secular people, including the tax categories. Thus the general trend in the evolution of the clergy was to expand privileges. We will not write about the reform to reduce the staff and the number of parishes (1869), as it was abolished at the end of the 1870s.

The demographic characteristics of the clergy in Russia in the late 19th century are based on data from the All-Russian census of 1897³. In 1860 there were 37,800 priests, in the 1890s there were 38,000, by the end of the 19th century – 44,000, in 1904 there were 47,700 priests, in 1913–50,400. – By the middle of 19th century there were one priest for 1,365 people, and one person of clergy – for 85 people (Mironov). In the Yenisei province the clergy constituted a very insignificant part of the population, 0.5 % (Khorina).

In the territory of the Khakass-Minusinsk territory the first parishes were formed at the beginning of the 18th century. At first priests were transferred from various parishes of the Tobolsk diocese, mainly from Achinsk uyezd and Krasnoyarsk. In contrast to the European part of Russia, they came from local Cossacks, *posadkii* and peasants. Since Krasnoyarsk uyezd with its rapidly growing population lacked ministers, parishioners, just as in the 17th century, often chose them from their own milieu, paying for them until the next census, or “forever” (Bykonina). For example, Ivan Mnoghrshny, a Krasnoyarsk orderer, was a descendant of the Chernigov colonel Vasily Mnoghrshny, and the Krasnoyarsk priest was his son. A Krasnoyarsk priest Nikita Tobolkin and others served in the Balakhta church.

In 1826–1828, a revision of the Tobolsk diocese and western Siberia revealed a low level of qualifications among the parish clergy. As a solution to the staffing problem, a large group of clergymen was sent to Siberia from the western regions of Siberia, and in January 1843, from

the dioceses of the European part of Russia. In the parishes of the Khakass-Minusinsk territory served Voskresensky, from the Mariinsky District; Ponomarev, from the Penza Province; and Nigritzky, Lyubutsky, Levitsky, Iakimensky, and Serebrennikov, from the Kaluga and Voronezh provinces⁴.

In general, their share was small, discouraged by harsh climatic conditions, long distances and the complexity of service compared to European Russia.

By the end of the 18th century, the hereditary parish clergy was mostly formed: about 94 %. By the end of the first quarter of the 19th century, 96.4 % came from the families of priests and churchmen. In the parishes of the Khakass-Minusinsk Territory church seats were transferred by inheritance and kinship throughout the entire period under study. From the second half of the 18th century parish clergy clusters appeared in the Khakass-Minusinsk territory: Konovalovs – 25 people including 47 children; Kovrigins – 20 (42); Tokarevs – 8 (24); Evstyugins – 7 (18); Evtihievs – 6 (12); total 66 people (143 people including children). The Tobolkines served in Balakhtinsky – the priest Mark Tobolkin was succeeded by his son Peter. The Konovalovs family established themselves in the Karaulno-Ostrozhsky parish, the Tokarevs in the Minusinsky, the Konovalovs in the Uzhursky. The Popovs, Pushkarevs, Inozemtsevs, Kovrigins, Yartsevs, Tyushnyakovs, Suslov, Evtikhievs, their children and grandchildren served in different parishes throughout the pre-revolutionary period. Thus, about 48 % of the parish clergy consisted of several surnames.

In the second half of the 18th century the preconditions for the transformation of the clergy into a closed estate were formed. The clergy of the Khakass-Minusinsk territory had a sufficient intrasocial reserve. In 1775, there were 30 male children for 13 clergymen and 12 clergymen, of whom only one was unsuitable for service in the parish. – In 1812, 16 clergy-

³ Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 goda / Pod red. N.A. Troynitskogo. SPb: Izd. Tsentr. stat. komitetom M-va vn. del, 1905. Vyp. 6. 247 s. 23, c. 6–70.

⁴ GAKK. F. 592. Op. 1. D. 70, 119, 301, 513, 142 (1,2), 44. 104; F. 674. Op. 1. D. 9. L. 1–25; D. 14–15; D. 373. 7)6 1.; D. 84. 43 1.; D. 237. 65 1.; D. 240. 72 1.; Op. 2. D. 274. L. 1–10ob.; GBUTO «Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobol'ske. F. 156. T. VI. 1824. D. 639.

men and 14 clergy had 26 children, without orphans (6) and children of retired priests (1) – a total of 33. In 1824, there were 52 children of 36 clergymen and 25 clergy. In 1775 in families of the clergy 7 children were born and 5 died⁵. So the Tyumentsev dynasty disappeared: Ivan Petrovich in 1790, having married the daughter of priest Ivan Vasilievich Vorotnikov – Evdokiya, received a priestly post in the Askizsky parish. By 1795 four boys were born. In 1801 two children died, a year later another. In 1807 the priest Tyumentsev was declared banned, and since 1808 is not mentioned in the lists of the clergy⁶. In 1815, a priest Zemlyanitsyn was appointed to the Askizsky parish, in 1822 he died childless⁷.

In spite of a significant natural increase, about 40 % of staff positions remained vacant during the 18th-19th centuries⁸. There was a particularly acute need for lower clergy. This was due to the fact that the clergy (deacons and sextons), did not undergo the rite of ordination. They were hired by the parish community, which was the basis for deprivation of their class privileges as a result of the showdown. According to a report of the Krasnoyarsk Spiritual Board for 1772, 31 churches lacked 47 people, i.e. 38.5 %⁹.

The actual development of the inheritance of the clergy places prepared the transformation of the clergy into a closed estate.

By 1861 the clergy in the Khakass-Minusinsk territory, including women, the elderly, and children of both sexes, numbered 561. Of these, 278 were children (up to 20 years old), i.e. 49.5 %, which suggests a steady natural growth of the clergy and the presence of an intrasocial reserve. Nevertheless, despite a significant natural increase, during the entire 18th

century and up to 1861 there was a shortage of clergy, on average, of 30 to 40 %¹⁰.

The remoteness from the center and kinship ties meant that many clergy and parishioners served in the same parish for several decades, until their old age or death. The influence of parish communities was also evident in this. Former parishioners of Ezagash Parish built a new church in the village of Tesinskoe. They also asked Rodion Pushkarev, the deacon of the former church, the son of the now retired priest Dmitry Rodionov, to take the place of the priest. The closeness of the clergy and parishioners is illustrated by the refusal of the same Dmitry Pushkarev to go to his eldest son to maintain him in Krasnorechenskoye. He remained in the parish on “his own maintenance” and later went to live with his son in Tesinskoe.

The problem of education in the parishes of the Khakass-Minusinsk territory. Since the beginning of XVIII century all applicants for clergy positions were ordered to be examined, clergy children were taught in schools, and illiterate people were taken as soldiers. Since 60s of XVIII century more stringent requirements to education, origin, behavior and moral character of clergy became.

The 1761 application file of Kozma Markov (the son of a sexton in the same parish) for a sexton in the Abakan Ostrog church contains a traditional set of documents. The society certified that the candidate “is of blameless behavior, kind, reads the literature, is not dishonest, has not been convicted of theft”. An obligatory clause in the “elections” was an agreement on the rug, oath and education: Kozma Markov took the oath in 1741–1742 (to Elizabeth Petrovna and Peter Fyodorovich). Judging by the records in 1756, he was literate, has no fines and penalties. In the file survived a certificate of a copyist, which says that in the register of students in the seminary is not present. Specifically, the explanation of Kozma Markov, that he “did not study at a seminary because of distance, but lived with his father, clerk Peter Markov, who taught him Russian literacy. The attached testimonies of the grammar teacher Peter Fyodorov, hieromonk James, and clerk

⁵ GAKK. F. F. 592. Op. 1. D. 104. L. 10–11.

⁶ GAKK. F. 592. Op. 1. D. 136. L. 197–485.

⁷ Tam zhe. L. 425–506.

⁸ GBUTO «Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobol'ske. F. 156. Op. 1. 1772. D. 1. L. 36–37, 39, 40; 1748. D. 297; 1760, D. 111, 278; 1768. D. 73. 1773. D. 70. 1780. D. 53. 1789. D. 247, 77, 133. L. 1–14, 226, 228; GAKK. F. 592. Op. 1. D. 70, 119, 301, 513, 142 (1,2), 44. 104; F. 674. Op. 1. D. 9. L. 1–25; D. 14–15; D. 373. 76 l.; D. 84. 43 l.; D. 237. 65 l.; D. 240. 72 l.; Op. 2. D. 274. L. 1–10ob.; MKU «Arkhiv g. Minusinska». F. 17. Op. 1. D. 34, 25,

⁹ GBUTO «Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobol'ske. F. 156. Op. 1. 1772. D. 1, l. 36–37, 39, 40.

¹⁰ Tam zhe. L. 39, 40.

Vasily that Kozma Markov “was diligently taught reading and the church regulations, and he studied the nine commandments”. Priest Alexei Ivanov Evstyugin, deacon Peter Markov, no sexton¹¹.

The educational level of the parish clergy gradually increased. A Russian school was created at the Tobolsk Seminary to prepare them for their studies. In 1818, the Tobolsk Seminary was transformed, and people with an academic education began to teach there¹². Children of the clergy of the Krasnoyarsk order studied in the Yenisei and Tomsk schools and in the Irkutsk Theological Seminary.

The Tomsk three-class clerical gymnasium was opened instead of the Russian school at Tomsk Alexeevsky monastery in 1807. In order to attract students to the school the practice of securing priestly jobs for good students was introduced. The parishes were obliged to pay the pupils 30 roubles a year till graduation from the grammar school. Teachers had priestly jobs on the same terms. But this practice did not bring tangible results. Already by 1816 the school “again turned into a very bad Russian school” (Fast). On October 1, 1820, 15 boys were admitted to the first class, 10 to the second¹³. Only 1/3 of those listed on the register were able to start classes¹⁴.

In 1823–1824 only two boys from the Krasnoyarsk order entered the school. In 1824, 10 boys were admitted, but none began classes. According to the charter, the parish school had to educate children aged 7–8 years old, but children were accepted up to 12 and older. In the first class pupils studied reading in Russian, Slavonic penmanship, church singing. In the second class – abbreviated catechism, basics of Russian grammar and four rules of arithmetic. After the completion of the second class were transferred to the Tobolsk Spiritual School.

In 1821, three people from the Khakass-Minusinsk territory were in the second grade of the Yenisei Parish Theological School: Alexander Alexeev, Prokopy Konovalov, and Fyo-

dor Kovrigin. In the first class were enrolled: Alexei Konovalov, Arseny Konovalov, Alexei Kovrigin, Philip Kovrigin, Vasily Yevtikhiev, Alexander and Egor Pushkarevs and Roman Dyagilev. In 1822–1823 five men were enrolled: Grigory Yevtikhiev, Pyotr Khramtsov, Mikhail Suslov, Alexander Konovalov, and Yegor Pryanishnikov.

In the second quarter of the 19th century, the number of clergymen and lower clergy in the Khakass-Minusinsk territory who studied in seminaries and colleges was 23.8 %. As a result of a persistent policy of diocesan authorities, the proportion of children studying gradually increased: in 1861 there were already 70.5 % of all clergy children¹⁵. This was slightly lower than in the entire Yenisei province. Horina gives data on the literate among the local clergy – more than 71 % of its total number.

In the territory of the Khakass-Minusinsk territory in the first quarter of the 18th century clergy comprised 1 % of the total population, in the last third – 0.83 %, in the first quarter of the 19th century – 0.6 %, by the end of the 19th century – 0.5 %, i.e. the share of clergy in the population was decreasing despite the increase in the orthodox population¹⁶. The change in the number of clergy was determined by the availability of churches and parishes and the staffing levels. Understaffing was chronic and amounted to more than a third of the staff.

Conclusion

Summing up the formation and evolution of the parish clergy, it should be noted that it becomes a specific bureaucratic estate, detached from the masses of the people and the higher strata of society. Nevertheless, unlike the nobility, it did not become an elite. Identified in the Khakass-Minusinsk region features of management, practice, course and results of the formation of the parish clergy in a somewhat mitigated form reflects the general Russian phenomena in this area. The abolition of the law of May 22, 1867, on succession to the priestly and church clergy positions should have led to a renewal of the clergy through an

¹¹ GBUTO «Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobol'ske. F. 156. Op.1. 1761. D. 185. L. 1–4 ob.

¹² Tobol'skaya yeparkhiya. CH. II. S. 90–98.

¹³ Yeniseyskoye prikhodskoye uchilishche // YeYEV. 1885. № 6. S. 98–106.

¹⁴ Tam zhe. № 10. S. 177–178.

¹⁵ GBUTO «Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobol'ske. F. 156. T. VI. 1824. D. 639.

¹⁶ GAKK. F. 592. Op. 1. D. 455. L. 1–56; D. 519. L. 1–6.

influx into its ranks of people of other estates. In fact, until 1917, the clergy continued to be a closed class corporation, which rarely included people from other social groups.

References

- Bek U. *Chto takoe globalizatsiia? [What is globalization?]*. M.: Progress-Traditsiia, 2001. 304.
- Belova N. V. *Provintsial'noe dukhovenstvo v kontse XVIII -nachale XX v.: byt i nnavy sosloviia: na materialakh Iaroslavskoj eparhii: Avtoref. dis.. kand. ist. nauk. [Provincial clergy at the end of the XVIII -beginning of the XX century.: life and customs of the estate: based on the materials of the Yaroslavl diocese:]*. Iaroslavl', 2008.
- Bolonkina E. V. Osobennosti sotsial'no-pravovogo statusa dukhovenstva Eniseiskoi gubernii (1822–1917 gg.) [Features of the socio-legal status of the clergy of the Yenisei province (1822–1917)]. In: *Aleksandr Nevskii: Zapad i Vostok, istoricheskaia pamiat' naroda. XXI Krasnoiarskie kraevye Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniia: mezhregional'naia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia*. Krasnoiarsk, 2021. 48–60.
- Bykonina G. F., Fedorova V. I., Berdnikov L. P. *Krasnoiarsk v dorevolutsionnom proshlom. XVII–\$ SIX veka [Krasnoyarsk in the pre-revolutionary past. XVII–\$ SIX centuries]*. Krasnoiarsk, 1990.
- Mironov B. N. *Russkii gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie [Russian City in the 1740s-1860s: demographic, social and economic development]*. L., 1990.
- Goremykina L. I. Pravoslavnoe dukhovenstvo kak poniatie i sotsiokul'turnoe iavlenie [Orthodox clergy as a concept and socio-cultural phenomenon]. In: *Rossiiskii elektronnyi zhurnal*, 1(15), 145–159.
- Dameshek L. M. Sibirskie s'ezdy pravoslavnogo dukhovenstva o putiakh nasazhdeniia «russkosti» sredi korennoogo naseleniia [Siberian congresses of the Orthodox clergy on ways to plant “Russianness” among the indigenous population]. In: *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia Istoriia*, 2021, 36, 62–70.
- Dribas L. K. *Obraz zhizni duhovenstva gubernskih i oblastnyh tsentrov Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX veka [The way of life of the clergy of the provincial and regional centers of Eastern Siberia in the second half of the XIX century]*. Irkutsk, 2005.
- Ivanov S. V. Transformatsii v otnosheniyakh gosudarstvennoi vlasti i belogo duhovenstva v Rossii (seredina XVII – seredina XIX veka) [Transformations in the Relations of state Power and the White clergy in Russia (mid-XVII – mid-XIX century)]. In: *Nauchnoe mnenie*, 2015, 8, 27–36.
- Kruglikov A. S. K demograficheskoi i sotsial'noi kharakteristike pravoslavnogo dukhovenstva Tobol'skoi eparhii 1860–1914 gg. [Demographic and Social characteristics of the Orthodox Clergy of the Tobolsk Diocese of 1860–1914]. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk. Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaiia konferentsiia*. Nizhnevartovsk, 2021, 40–46.
- Lebedeva N. N. Tserkovno-prikhodskaiia shkola i pravoslavnoe dukhovenstvo Vostochnoi Sibiri na rubezhe XIX–XX vv. [The parochial school and the Orthodox clergy of Eastern Siberia at the turn of the XIX–XX centuries.]. In: *Trudy Bratskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, 1, 121–124.
- Lifanova T. E. Sotsial'no-prosvetitel'skaia deiatel'nost' pravoslavnogo dukhovenstva v Rossii v seredine XIX veka [Social and educational activities of the Orthodox clergy in Russia in the middle of the XIX century]. In: *Russkii Sbornik*. Briansk, 2019, 198–200.
- Mironov B. N. *Sotsial'naya istoriia Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo HKH v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva: V 2 t. [The Social History of Russia during the Empire period (XVIII – early XX century): The Genesis of the individual, the democratic family, civil society and the Rule of law: In 2 vols.]* SPb: Dmitrii Bulanin, 2003. 547.
- Mitrokhin L. N. *Poniatie religii. [The concept of religion]*. Moscow, Sovremennyyi gumanitarnyi universitet, 2003. 294 p.
- Mitrokhin N. A. Russkaia pravoslavnaia tserkov'. Sovremennoe sostoianie i aktual'nye problemy [The Russian Orthodox Church. The current state and current problems]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]*, 2006. 647 p.

Oglezneva G. V. Otrazhenie etosa dukhovenstva v otchetakh o sostoianii eparhii Vostochnoi Sibiri (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.) [Reflection of the ethos of the clergy in the reports on the status of the dioceses of Eastern Siberia (the second half of the XIX – early XX century)]. In: *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii Istorii*, 2021, 36, 23–31.

Prakht D. V. Povsednevnaia zhizn' dukhovenstva Tobol'skoi eparhii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The daily life of the clergy of the Tobolsk diocese in the second half of the XIX – early XX centuries.]. In: *Aktual'nye voprosy tserkovnoj istorii*, 2021, 2, 130–138.

Mchedlov M. P. *Religiia v samosoznanii naroda (religiozni faktor v identifikatsionnykh protsessakh) [Religion in the self-consciousness of the people (religious factor in identification processes)]*. Moscow, Institut sotsiologii RAN, 2008. 415 p.

Rozov A. N. *Sviashchennik v dukhovnoi zhizni russkoi derevni [A priest in the spiritual life of a Russian village]*. SPb.: Aleteiia, 2003. 255 p.

Semenchuk K. A. Obraz prikhodskogo dukhovenstva Sibiri v nachale XX veka [The image of the parish clergy of Siberia at the beginning of the twentieth century]. In: *Materialy of LVIII Rossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) arkhologo-etnograficheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchennykh*, 2018, 257–259.

Smokotin S. V. Istochniki formirovaniia pravoslavnogo prikhodskogo dukhovenstva v Tomskoi gubernii v XIX – nachale XX [Sources of formation of Orthodox parish clergy in Tomsk province in the XIX – early XX]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, 2015, 1 (33), 19–22.

Fast G. *Eniseisk pravoslavnyi. Krasnoiarsk [Yeniseisk is Orthodox. Krasnoyarsk]*. Enisejski Blagovest, 1994. 239 p.

Harchenko L. N. Vklad pravoslavnogo dukhovenstva v rabotu sibirskikh otdelenii imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva [Contribution of the Orthodox clergy to the work of the Siberian branches of the Imperial Russian Geographical Society]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, 2015, 7 (57), 186–191.

Khorina V. V. O roli pravoslavnogo dukhovenstva v izuchenii Eniseiskoi gubernii (posledniaia chetvert' XIX – nachalo XX v.) [On the role of the Orthodox clergy in the study of the Yenisei province (the last quarter of the XIX – beginning of the XX century)]. In: *Vestnik TPGU*, 2012, 3 (118), 30–36.

Chernova I. S. Vykhodtsy iz dukhovenstva v soobshchestve sibirskikh zhurnal'istov vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Natives of the clergy in the community of Siberian journalists in the second half of the XIX – early XX century]. In: *Istoricheskii kur'er*, 2020, 2 (10), 179–193.

Shustrova I. I. Integral'naia istoriia na lokal'nom urovne: metodika, istochniki, rezul'taty [Integral history at the local level: methodology, sources, results]. In: *Gorizonty lokal'noi istorii Vostochnoi Evropy v XIX–\$ 5X vekakh. Sb. statei [Horizons of the local history of Eastern Europe in XIX–\$ 5X. Ed. by I. V. Nar-skii]*. Chelyabinsk, 2003, 34–47.

Iurganova I. I. Tsivilizatsionnaia deiatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Iakutii (XVII-nach. XX vv.) [Civilizational activity of the Russian Orthodox Church in Yakutia (XVII-beginning XX centuries)]. In: *Vestn. RUDN. Ser. Istorii Rossii*, 2016, 3, 55–63.

List of abbreviations

GAKK – Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya

YeYEY – Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti

MKU «Arkhiv g. Minusinska» – Munitsipal'noye kazennoye uchrezhdeniye. Arkhiv goroda Minusinska

GBUTO «Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobol'ske» – Gosudarstvennoye byudzhethnoye uchrezhdeniye Tyumenskoy oblasti «Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobol'ske»

EDN: GFMBSW
УДК 34 (09)

Place and Role of the Prosecutor's Office in the State System of Tuvan People's Republic (1921–1944)

Zoya Iu. Dorzhu* and Irina D. Shmit

*Tuva State University
Kyzyl, Russian Federation*

Received 17.01.2023, received in revised form 20.10.2023, accepted 25.10.2023

Abstract. This article analyzes the place and the role of the prosecutor's office of Tuvan People's Republic, it is noted that in the context of the current political situation of that time, the actual status of the prosecutor's office in the system of state bodies was significantly lower than that of the Ministry of Internal Affairs and local authorities. This situation, according to the authors, is due to a number of circumstances. First of all, the impact on state bodies of traditional norms of customary law, as well as the fact that the institution of the prosecutor's office was an introduced element for the Tuvan population that had no analogues in the past. And it was established only in 1935, while it did not have a separate material and financial support, it lacked staff positions, until 1941 there were no prosecutors in the rural areas of the republic. The available personnel working in the capital had a low level of education. The activities of the prosecutor's office were determined by the policy of Tuvan People's Revolutionary Party and depended on its decisions. The first years of the prosecutor's office coincided with political repressions, the first prosecutor of TPR, Kara-Sal Pirinlei, was shot. The article provides specific facts, archival documents, excerpts from legal acts.

Keywords: Tuvan People's Republic, prosecutor's office, prosecutor, Ministry of Internal Affairs, Central Committee of TPR, Presidium of the Small Khural, repressions, revolutionary legality, constitution.

Research area: national history.

The study was carried out within the framework of the scientific project "Historical experience of formation and political development of the Tuva People's Republic (1921–1944) To the 100th anniversary of its formation", supported by the Russian Scientific Foundation (Grant No. 22–28–01254).

Citation: Dorzhu Z. Iu., Shmit I. D. Place and role of the prosecutor's office in the state system of Tuvan People's Republic (1921–1944). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2145–2152. EDN: GFMBSW

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: zoyadorzhu@yandex.ru, ekiminu@mail.ru

Место и роль прокуратуры в государственной системе Тувинской Народной Республики (1921–1944)

З.Ю. Доржу, И.Д. Шмит

*Тувинский государственный университет
Российская Федерация, Кызыл*

Аннотация. Анализируется место и роль прокуратуры Тувинской Народной Республики, отмечается, что в контексте сложившейся политической обстановки того времени фактический статус прокуратуры в системе государственных органов был значительно ниже, нежели МВД и органы местной власти. Такое положение, по мнению авторов, обусловлено рядом обстоятельств. Прежде всего, сказывалось влияние на государственные органы традиционных норм обычного права, как и то, что институт прокуратуры был для тувинского населения привнесенным элементом, не имеющим аналогов в прошлом. И учреждена она была лишь в 1935 г., при этом не имела отдельного материально-финансового обеспечения, испытывала недостаток штатных единиц, вплоть до 1941 г. в сельских районах республики не было прокуроров. Существующие кадры, работающие в столице, имели низкий уровень образования. Деятельность прокуратуры определялась политикой Тувинской народно-революционной партии и зависела от ее решений. Первые годы деятельности прокуратуры совпали с политическими репрессиями, был расстрелян первый прокурор ТНР Кара-Сал Пиринлей. В статье приводятся конкретные факты, архивные документы, выдержки из нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика, прокуратура, прокурор, Министерство внутренних дел, ЦК ТНРП, Президиум Малого Хурала, репрессии, революционная законность, конституция.

Научная специальность: 5.6.1. – отечественная история.

Исследование выполнено в рамках научного проекта «Исторический опыт становления и политического развития Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) К 100-летию со дня образования», поддержанного Российским научным фондом (Грант № 22–28–01254).

Цитирование: Доржу З. Ю., Шмит И. Д. Место и роль прокуратуры в государственной системе Тувинской Народной Республики (1921–1944). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2145–2152. EDN: GFMBSW

Введение в проблему исследования

Тувинская Народная Республика была образована в 1921 г., становление суверенного государства имело свои особенности, связанные как с отсутствием подобного опыта в прошлом, так и с тем, что с самого начала своего существования ТНР развивалась по советскому образцу.

В 1922 г. была образована Тувинская народно-революционная партия (ТНРП), на деятельность которой большое влияние оказывали ЦК ВКП (б) и Коминтерн с целью предопределить ее руководящую роль и сосредоточить в ее руках всю полноту власти. По существу, государственность в ТНР определялась не конституционными нормами, а волей ТНРП. При этом прежняя феодально-

байская элита, как наиболее грамотная часть населения, входила не только в состав правительства, но и в ряды партии и продолжала играть в 1920-е гг. ключевую роль в развитии молодого государства, во многом опираясь на нормы обычного права. Поэтому в условиях сложившейся политической обстановки прокуратура в Туве была образована лишь в 1935 г. Повторяя опыт советской прокуратуры, она зависела от политики ТНРП и в государственной системе ТНР не обладала в полной мере тем статусом и полномочиями, которые были предписаны конституцией. Руководство ТНРП, как и другие государственные учреждения, недооценивало роль прокуратуры, не говоря уже о населении, для которого вообще было непонятно ее предназначение. В сложившейся политической ситуации в государстве, связанной с борьбой элиты за власть, фактический статус прокуратуры был ниже, нежели Министерства внутренних дел ТНР, которому принадлежала значительная роль в борьбе с контрреволюцией.

Актуальность данной статьи обусловлена интересом научного сообщества к истории прокуратуры на уровне регионов России.

Цель статьи – установить исторические факты и опыт функционирования прокуратуры в Тувинской Народной Республике. Хронологические рамки исследования обусловлены особым историческим периодом в истории региона от образования независимого государства (1921 г.), становления системы прокуратуры в условиях народно-демократического строя до вступления ТНР в состав СССР (1944 г.).

Метод и материал исследования

Источниковой базой исследования послужил широкий круг материалов, среди которых законы и правовые акты, делопроизводственная документация государственных органов власти, директивы ВКП(б) и ТНРП из фондов Национального архива Республики Тыва (НА РТ), научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (НА ТИГПИ).

Большую группу источников составляет организационно-распорядительная документация местных органов власти и самоуправления, Президиума Малого Хурала, прокуратуры ТНР о движении кадров, материалы переписки, сметы, штатные расписания и др., позволившие определить основные функции и задачи органов прокуратуры Тувы в рассматриваемый период. Этому способствовало изучение документов на русском, тувинском и старомонгольском языках на основе принципов объективности, научности и историзма, беспристрастного анализа всех данных, касающихся деятельности органов прокуратуры в Туве.

Обсуждение и результаты исследования

Дата учреждения прокуратуры ТНР определена на основе «Положения о Государственном прокуроре Тувинской Народной Республики», принятого 28 октября 1935 г. Здесь же имеется информация об обязанностях прокурора – осуществлять надзор за органами государственной власти и управления, предприятиями и учреждениями, общественными и частными организациями¹.

Анализ Конституции ТНР 1936 г. позволил определить место и функции прокуратуры. Создавалась она при Президиуме Малого Хурала ТНР и должна была наблюдать «за неуклонным выполнением всеми государственными и общественными учреждениями революционной законности Республики, всех законоположений и распоряжений Правительства по вопросам политики, хозяйства, финансов и культуры» (Конституции Тувы, 1999: 69–70).

Однако ведущая роль в политических вопросах принадлежала Министерству внутренних дел. Отдельная глава Конституции ТНР 1936 г. «О Министерстве внутренних дел» гласила: «в целях объединения всех вооруженных сил, защищающих национальную самостоятельность и независимость Тувинской Народной Республики, ее завоеваний ... при Правительстве учреждается Министерство внутренних дел». Оно могло

¹ НА РТ. Ф.93. Оп.1. Д. 120. Л. 15.

организовать свои отделы и военных уполномоченных на местах «в целях своевременной борьбы с политической контрреволюцией внутри страны, шпионажем» (Конституции Тувы, 1999: 70).

Более того, для рассмотрения особо опасных контрреволюционных дел постановлением Президиума Малого Хурала ТНР от 24 июля 1937 г. была создана судебная коллегия. Примечательно то, что она была именно при МВД и его руководителем был назначен министр внутренних дел Оюн Полат, а прокурор республики Кара-Сал Пиринлей числился членом². Следует учесть также, что еще раньше, с 1935 г., главенствующую роль в политической системе ТНР, в том числе правовой, снова стал играть Президиум ЦК ТНРП. Все это подтверждает тот факт, что «суд и прокуратура занимали во властной иерархии зависимое положение, слепо исполняя решения партийного руководства» (История Тувы. Т II. 2007: 202).

По Конституции 1936 г., верховной властью в Тувинской Народной Республике был Великий Хурал, в период между его сессиями – Малый Хурал, а в период между его сессиями – Президиум Малого Хурала и Правительство (Конституции Тувы, 1999: 64). Однако фактически верховным органом являлся ЦК ТНРП, о чем подтверждает и служебный доклад прокуратуры, что все повседневные указания исходили от ЦК ТНРП³. Показания А. Борбак-оола, очевидца и технического секретаря особого открытого суда 10–13 октября 1938 г., свидетельствуют, что «по незаконным в юридическом отношении санкциям, подписанным министром внутренних дел ТНР Оюном Полатом, минуя государственного прокурора ТНР, его страшное ведомство – МВД уже в конце 1937 г. приступило к арестам, а затем к физической ликвидации так называемых главарей «контрреволюционной» организации во главе с Сатом Чурмит-Тажы»⁴. Тем самым сильный удар репрессивного механизма по прокуратуре на несколько лет вперед значительно ослабил этот важней-

ший правоохранительный орган молодого государства.

Кроме того, из-за неуккомплектованности штатами прокуратура не могла реализовать в полной мере предназначенные ей надзорные функции и обрести независимость от органов местной власти.

С 28 октября 1935 г. по 1941 г. функционировали сотрудники аппарата прокурора ТНР в столице республики и народные следователи в хошунах – при отсутствии штатных единиц хошунных прокуроров. На каждый хошун была выделена одна единица следователя прокуратуры. Учитывая то, что в хошунах (сельских районах) существовали суды и отделы милиции, можно сделать вывод, что как такового судебного надзора и надзора за деятельностью органов милиции, исправительных учреждений на территории всей республики не было. А на следователей в хошунах возлагалась огромная нагрузка. Следователь Тоджинского хошуна Шарабии писал, что он не справлялся с задачами в срок, хотя и работал круглосуточно из-за отсутствия помощников⁵.

Президиум Малого Хурала ТНР, осознавая необходимость прокурорского присутствия в хошунах, в начале 1938 г. своим решением возложил надзорные функции прокуроров на председателей хошунов⁶. Следует напомнить, что ранее, в цинский период, суд вершили правители хошунов. Однако в условиях нового государства такое сосредоточение у одного должностного лица административной и надзорной функций приводило к казусам. К примеру, следователь Пий-Хемского хошуна Таваа 20 января 1940 г. докладывал о том, что председатель хошуна сам же и рассматривал жалобы граждан, поступившие в его адрес, и раньше был случай, когда председатель хошуна привел к следователю «жалобщика» с указанием лишить его свободы на два месяца. В данном письме осталась резолюция прокурора ТНР: «дать указание председателю Пий-Хемского района о надлежащей работе с обращениями и жалобами граждан»⁷.

² НА РТ. Ф.93. Оп.1. Д. 107. Л. 22.

³ НА РТ. Ф.П-1. Оп.1. Д. 2986. Л.23–24.

⁴ Рукописный фонд ТИГПИ. Д.1295. Л.81.

⁵ НА РТ. Ф. 119. Оп.1. Д. 20. Л.3.

⁶ НА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.89. Л.2.

⁷ НА РТ. Ф. 119. Оп.1. Д.20. Л.24.

Из деловой переписки прокурора Республики с хошунными следователями становится ясно, что многие председатели сумонов и хошунов не занимались на должном уровне выявлением правонарушений, а иногда и сами допускали нарушения. Так, сотрудники администрации Каа-Хемского хошуна подвергли сомнению профессионализм и политическую благонадежность следователя Сегбе из-за того, что он – сын «дужумета» (чиновника дореволюционного периода). В письме следователя Сегбе от 10 мая 1940 г. объясняется, что должностные лица хошуна выбрали такую тактику после того, как он начал выявлять нарушения закона⁸.

С 1941 г. были учреждены штатные единицы прокуроров хошунов, они назначались прокурором ТНР на три года. В Конституции 1941 г. впервые была закреплена правовая норма о недопустимости ареста гражданина без постановления суда или санкции прокурора (Конституции Тувы, 1999: 86, 90). Распоряжением Президиума Малого Хурала ТНР от 15 декабря 1941 г. было утверждено новое положение о прокуратуре, разработанное сотрудниками прокуратуры и в сравнении с первоначальным положением оно было более конкретным.

Положение районных прокуроров и следователей осложнялось еще и финансовой зависимостью от местных органов.

Хотя в Конституции ТНР 1941 г. было четко указано, что «органы прокуратуры осуществляют свои функции, независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только прокурору ТНР» (Конституции Тувы, 1999: 89–90), районные прокуратуры финансировались за счет хошунного бюджета. Так, разрешение на отпуск давал прокурор республики, а отпускные деньги выдавала администрация хошуна⁹. Прокуроры хошунов обращались к Прокурору ТНР с просьбой о содействии в приобретении мебели и инвентаря за счет средств хошунной администрации¹⁰. Конечно, практически полная материально-финансовая

зависимость работников хошунных прокуратур от местных органов власти не могла не повлиять на беспристрастность и объективность при осуществлении надзорных функций и следственной работы. Положение «О Прокуратуре ТНР» предусматривало финансирование органов прокуратуры по отдельной смете республиканского уровня (Сборник законов ТНР, 1944: 122), однако отдельная смета расходов на нужды прокуратуры не составлялась¹¹.

Несмотря на постепенное расширение полномочий прокуратуры, взаимодействие с милицией оставалось сложным и напряженным, о чем, в частности, свидетельствует служебная переписка прокурора ТНР и прокурора Пий-Хемского хошуна Карбы. В своем письме прокурор ТНР А. Б. Даваа указывал прокурору хошуна Карбы о том, что следователи МВД и милиция могут помещать граждан в камеры только с санкции прокурора, с указанием конкретного срока нахождения их там – в сутках. А прокурор хошуна должен был обязательно проверять камеры исправительных учреждений, чтобы выявить незаконно задержанных граждан или удерживаемых больше установленного срока¹².

В служебном докладе о работе судебных и прокурорских органов ТНР за 1943 г. указывалось, что милиция не осуществляет «...руководство над следствием, ограничиваясь лишь знакомством и утверждением обвинительного заключения, без конкретных указаний в процессе следствия. Милиция самостоятельно возбуждает дела и сама же их прекращает. Милиция и МВД образованы раньше прокуратуры и сейчас значительно крепче ее, но они недопонимают руководящей роли прокуратуры. Милиция не исполняет указания прокуроров без подтверждения их своими начальниками»¹³.

Руководство прокуратуры вынуждено было обращаться в высшие партийные органы, чтобы как-то повлиять на деятельность МВД и милиции. В архиве сохранилось письменное обращение прокурора ТНР

⁸ НА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.8. Л.24–25. 11 НА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.30. Л.1.

⁹ НА РТ. Ф. 119. Оп.1. Д.38. Лл.1, 2.

¹⁰ НА РТ. Ф. 119. Оп.1. Дело 20. Л.7, 15.

¹¹ НА РТ. Ф. 119. Оп.1. Д. 74. Л. 90.

¹² НА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.64. Л.231.

¹³ НА РТ. Ф. П-1. Оп.1. Д. 2986. Л.23.

к генеральному секретарю ЦК ТНРП Салчаку Токе от 4 апреля 1944 г. об ошибках и безответственности должностных лиц исправительно-трудовых лагерей при МВД. Отмечалось, что без разрешения прокурора и без законных оснований МВД «размещало» граждан в исправительные лагеря, что списки заключенных не соответствовали по факту их количеству, имели место побег заключенных, антисанитарные условия в камерах и лагерях. Все эти факты, подчеркивалось в письме, были известны министру внутренних дел Товарищтаю, но остались без внимания. Прокурор Республики просил указать Министерству внутренних дел о выявленных нарушениях и принять меры по их устранению¹⁴.

Реальный надзор (не только на бумаге) за исправительными учреждениями (в документах используется слово «Домзак») можно считать своего рода успехом прокуратуры в контексте непростого взаимодействия с МВД. Подобный надзор по своему содержанию представлял проверку состава лиц в домзаках, обоснованность их задержания или заключения под стражу, прием их жалоб, соблюдение режима и условий содержания. О такой практике свидетельствуют служебные документы прокуратуры ТНР. Например, отмечается такой факт, что в домзаках хошунов заключенных было меньше, чем в центральном домзаке, и заключенных отправляли для отработок в отдаленные места¹⁵. Начальники исправительно-трудовых лагерей запрашивали разрешение у прокурора по самым разным вопросам – о предоставлении отпуска тяжелобольным заключенным вплоть до возможности работать им со своими лошадьми и др.¹⁶.

Несмотря на некоторый прогресс в деятельности прокуратуры, за Министерством внутренних дел и после 1941 г. оставались полномочия по расследованию преступлений против государственного управления и контрреволюционных выступлений (измена, диверсия, саботаж, вредительство, шпионаж). Такое разграничение было закрепле-

но в статье 49 Уголовно-процессуального кодекса ТНР 1942 г. (Сборник законов ТНР, 1944: 189)¹⁷.

Органы милиции занимались раскрытием преступлений против личности (убийство, телесные повреждения), а также связанных с незаконным обращением с наркотиками, огнестрельным оружием, хулиганством.

Прокуратура же расследовала имущественные, служебные, хозяйственные, должностные воинские преступления, включая и такие, как заражение венерической болезнью, незаконный аборт, кража крупного рогатого скота.

Такое разграничение предварительного следствия органами милиции, МВД и прокуратуры по определению Уголовно-процессуального кодекса ТНР 1942 г. также подтверждает, что прокуратура ТНР не осуществляла надзор за действиями и решениями органов следствия, она сама вела предварительное следствие дел больше имущественного, служебного и хозяйственного характера, нежели дела государственной безопасности.

Введение штатных единиц прокуроров в хошунах и усовершенствование нормативно-правовой базы должны были заметно улучшить эффективность деятельности прокуратуры, но начавшаяся Великая Отечественная война внесла свои коррективы. На прокуратуру легла огромная нагрузка по надзору в сфере экономики и хозяйства.

Изучение и анализ служебных документов показывает, что работа прокуратуры была слабее, чем работа суда. Это можно объяснить сравнительной новизной органов прокуратуры для тувинского общества, сохранением на этапе становления молодого государства отголосков норм обычного права, что во многом и предопределило недооценку роли прокуратуры. Такая практика просуществовала в течение длительного времени, обращения в прокуратуру организаций и граждан были нечастыми, а население практически не знало прокуроров, не говоря уже об их функциях и роли¹⁸.

¹⁴ НА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.89. Л.31–32

¹⁵ НА РТ. Ф. Ф.П-1. Оп.1. Д.2986. Л.24.

¹⁶ НА РТ. Ф.119. Оп.1. Д.88. Лл.14, 24.

¹⁷ Сборник законов ТНР. Кызыл: Тув.изд-во, 1944. С. 189.

¹⁸ НА РТ. Ф.П-1. Оп.1. Д. 2986. Л.23–24.

Действительно, прокуратура в ТНР была сравнительно молодым институтом, чем суд и МВД, и совершенно новым – в сознании народа. В отличие от судебной системы у нее не было ни предыстории и ни какого-либо опыта деятельности. Если слова «судья» («шииткекчи»), «суд» («шуугу»), «следователь» («истекчи») хоть мало-мальски были у населения на слуху, и в документах они переводились на тувинский язык, то слово «прокурор» появилось в обиходе только в середине 1930-х гг. и в документах использовалось в неизменном виде. Так, например, «курпрокурор», что в переводе на русский так и означало «госпрокурор». Термин «яла-лакчы», что в переводе с тувинского означает «обвинитель», хоть и появился в период строительства ТНР¹⁹, не использовался по отношению к прокурору.

Заключение

Итак, обобщая сказанное, отметим, в государственной системе Тувинской Народной Республики роль прокуратуры недооценивалась несколькими институтами: 1) партийным руководством – ЦК ТНРП; 2) Президиумом Малого Хурала; 3) Министерством внутрен-

них дел и органами милиции; 4) органами местной власти в хошунах.

На фактический статус и место прокуратуры в системе государственных органов повлияли: партийно-государственная политика и правительственный курс ТНР, недостаточное материально-финансовое обеспечение, нехватка штатных единиц, сравнительно молодой возраст самой прокуратуры (в сравнении с судом и МВД она появилась лишь в 1935 г.).

И все же конкретные факты убеждают, что сотрудники прокуратуры ТНР, несмотря на отсутствие образования и сложные условия работы, трудились с энтузиазмом и патриотизмом, выполняя поставленные задачи за небольшую зарплату, часто сверхурочно. Несмотря на оказываемое давление со стороны партийных органов, прокуратура рассматривала спорные дела между должностными лицами и гражданами объективно, а где-то вставала на защиту прав граждан.

Таким образом, история становления тувинской прокуратуры отличается своеобразным и непростым по содержанию этапом становления. Прокуратура в Туве не сразу обрела силу полномочий и независимый юридический и фактический статус в государстве.

¹⁹ Научный архив ТИГПИ. Фонотека. Пленка № 111.

Список литературы

- История Тувы*: в 3 т. Т. 2. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2007. 427 с.
Конституции Тувы 1921–1993 гг.: сб. к 55-летию принятия Тувы в состав СССР и РСФСР / сост. В. А. Дубровский. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1999. 216 с.
Тувинская Народная Республика. Законы и постановления: сб. законов и основных постановлений правительства Тувинской Народной Республики / под общ. ред. Х. Анчима и С. Т. Чимба; Президиум Малого Хурала ТНР. Кызыл: Тувин. гос. изд-во, 1944. 455 с.

References

- Istoriia Tuvy*. Pod obsheh. red. V. A. Lamina. [History of Tuva. Ed by V. A. Lamin]. Novosibirsk: Nauka, 2007. 427 p.
Konstitutsii Tuvy 1921–1993 gg.: sbornik k 55-letiiu prinyatiia Tuvy v sostav SSSR i RSFSR. Sost. V. A. Dubrovskii [The Constitution of Tuva 1921–1993: collection on the 55th anniversary of the admission of Tuva to the USSR and the RSFSR. Comp. V. A. Dubrovsky]. Kyzyl: Tuvinskoe kn. izd-vo, 1999. 216 p.
Tuvinskaia Narodnaia Respublika. Zakony i postanovleniia. Sbornik zakonov i osnovnykh postanovlenii pravitel'stva Tuvinskoii Narodnoi Respubliki. Pod obsheh. red. Kh. Anchima i S. T. Chymba; Prezidium Malogo Khurala TNR [Tuvan People's Republic. Laws and regulations: collection of laws and basic regulations of

the Government of the Tuvan People 's Republic. Ed. by H. Anchima and S. T. Chimba; Presidium of the Small Hural of the TNR]. Kyzyl: Tuvinskoe gos. izd-vo, 1944. 455 p.

Список сокращений

НА РТ – Национальный архив Республики Тыва

ТИГПИ – Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва.

EDN: EYFZUG
УДК 316.4:316.7

Universities and Local Communities: From Past to Future (Case of Tomsk, Russia)

Tatiana A. Medvedeva*

*Siberian State Medical University
Tomsk, Russian Federation*

Received 06.09.2022, received in revised form 20.10.2023, accepted 25.10.2023

Abstract. In today’s constantly evolving world, universities should become not only transmitters of knowledge, but also be more proactive in social relations system in terms of communities to which they belong. The article analyzes the role of universities in Tomsk (Russia, West Siberian region) in their local community. The historical method provided tracing the genesis and transformation of interaction between universities and the Tomsk community from the end of XIX century to the present day. On the basis of analysis of a wide range of sources on the history of Tomsk universities, a conclusion that the leading function of universities in their interaction with the local community since their foundation was the cultural and educational one was reached. A detailed analysis of the forms of the function realization and their transformation within different periods of existence of the Russian state has been carried out in the article. The participation of local community in the foundation of, essentially, the first university in Tomsk has been noted regarding material and financial aid. The identification of features of the current stage of interaction between universities and local communities required the use of sociocultural approach relevant to the processes taking place both in Russia and globally. The study of university-community interaction through the range of notions of “creative capital”, “social capital”, and “social networking” has revealed a new – socially transformative – function of the university. The essence of this function is that the university and its representatives as independent actors become the drivers of changes in society, directing and structuring the network interaction in the cognitive-informational, value-semantic and social-organizational aspects. In conclusion, it is proved that the socially transformative function of universities is essential for the self-identification of the local community members and the formulation of their key interests. The difficulties in the implementation of this function due to the peculiarities of the historical development of Russian society as a whole are also noted.

Keywords: universities, local communities, city, Siberia, Tomsk, social networks, social capital.

Research area: sociology, sociology of culture.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: tatalmed2112@mail.ru

Citation: Medvedeva T. A. Universities and local communities: from past to future (case of Tomsk, Russia). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2153–2165. EDN: EYFZUG

Университеты и местные сообщества: от прошлого к будущему (на примере г. Томска, Россия)

Т.А. Медведева

*Сибирский государственный медицинский университет
Российская Федерация, Томск*

Аннотация. В современном динамично развивающемся мире университеты должны стать не только транслятором знаний, но и занять более активную позицию в системе социальных связей сообществ, к которым они принадлежат. В статье проанализирована роль университетов города Томска (Россия, Западно-Сибирский регион) в местном сообществе. Используемый исторический метод позволил проследить генезис и трансформации взаимодействия университетов и томского сообщества с конца XIX века до наших дней. На основе анализа широкого круга источников по истории томских университетов сделан вывод о том, что ведущей функцией университетов в их взаимодействии с местным сообществом с самого момента их основания была культурно-просветительская функция. В статье осуществлен подробный анализ форм реализации культурно-просветительской функции университетов и их трансформаций в различные периоды существования российского/советского государства. Отмечено, что участие местного сообщества в становлении первого томского университета заключалось в материальной и финансовой помощи. Выявление особенностей современного этапа взаимодействия университетов и местного сообщества потребовало обращения к социокультурной методологии, релевантной процессам, происходящим как в России, так и в общемировом масштабе. Исследование взаимодействия университетов и сообщества сквозь спектр понятий «креативный капитал», «социальный капитал», «социальный нетворкинг» позволило зафиксировать становление новой – социально-преобразующей – функции университета. Сущность данной функции в том, что университет и его представители как самостоятельные акторы становятся драйверами изменений в обществе, направляя и структурируя сетевое взаимодействие в когнитивно-информационном, ценностно-смысловом, социально-организационном аспектах. В заключение сделан вывод о существенной роли социально-преобразующей функции университетов в деле самоидентификации членов местного сообщества и формулировании их ключевых интересов. Отмечены также сложности в реализации данной функции, обусловленные особенностями исторического развития российского общества в целом.

Ключевые слова: университеты, местные сообщества, город, Сибирь, Томск, социальные сети, социальный капитал.

Научная специальность: 5.4.4. – социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.6. – социология культуры.

Цитирование: Медведева Т. А. Университеты и местные сообщества: от прошлого к будущему (на примере г. Томска, Россия). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2153–2165. EDN: EYFZUG

Introduction

Siberian city of Tomsk, located in the geographical center of Russia is a city of six universities. The city is called “Siberian Athens”. In the time of Socrates, the Athenians felt their responsibility for the fate of the polis – they were honest citizens. Is it possible to describe students and teachers of Siberian Athens as responsible especially in the context of history and the present time? Is a university necessary for a city? Are there any obligations of city towards a university? Is it possible to say that university is an integral part of the local community and a key element of the cultural space of the city? The author tried to give answers to these questions in the following article.

Research methodology

The choice of methodology was determined by the research objectives. In the first part of the article devoted to the analysis of interaction between universities and the Tomsk community since the opening of the first university and until the end of the 20th century, the historical method was used. The analysis was based on the published monographs and scientific papers on the history of Tomsk universities. The analysis of the current state of interaction between universities and local community required the use of sociocultural approach relevant to the development trends of modern society, the characteristics of the social and cultural situation in Russia and worldwide in the first third of the XXI century. The emphasis in the study of the current university – local community interaction on the sociocultural environment led to the application of the method of sociocultural fields reconstruction implemented in the study through the source analysis (publications in the Tomsk printed media, discussions in the thematic groups on the Internet) and participant observation. The named method, representing the object of research in its synchronous aspect, was used along with sociocultural and historical-genetic approach, which allows identifying significant

political and socio-psychological causes of transformations of the interaction studied. The final part of the study is based on the historical-comparative method, which allows to compare the nature of interaction between universities and the Tomsk community in the past and at present.

Discussion

Imperial period (1878–1917)

The first Tomsk University, called Tomsk Imperial University was founded in 1878 by the highest order of Tsar Alexander II. It was a privilege for Tomsk to have a right to open the first University in the eastern part of Russia from the Urals to the Far East. Several major Siberian cities had been struggled for 75 years in order to obtain this right. The construction of the University immediately became a common goal for all concerned citizens. In the XIX century Tomsk was a merchant city, and patronage was an important tradition among merchantry.

Tomsk merchants made the first contribution to the construction of the university. So, Tomsk merchant and gold producer Zakhar Cybulskiy contributed 158 thousand Rubles (Zinoviev, Nekrylov, Phominykch, 2017: 70; Popov, 1913: 3). Another philanthropist, merchant, gold producer, Arctic explorer, hereditary honorary freeman of Irkutsk – A. M. Sibiriyakov contributed 100 thousand Rubles. Ordinary citizens also made contributions to the construction of the university. Total amount of expenditures on the construction of the university was 699 785 rubles, donative amount of which was 392,936 rubles. (Popov, 1913: 3). In 10 years after its foundation, in 1888, the first Siberian University was opened.

University lecturers were scientists who came from the European part of Russia – Kazan, St. Petersburg, Derpt (Yuriev/Tartu), Khar'kov universities, later – Moscow, Kiev, Odessa universities, St. Petersburg Military Medical Academy (Nekrylov, Gribovskii, 2018: 22–23). They were highly qualified people, who right from the start of their activities in Tomsk began

to favorably influence intellectual and cultural field of a provincial town.

Within a few years, about two dozen branches of all-Russian Imperial and local scientific, engineering and cultural societies arose in Tomsk; leading university scientists of Tomsk and Siberia acted as members of governing bodies of both institution directions. Among the local ones were the Society of Practicing Physicians, West Siberian Society of Agriculture, Society for Study of Siberia, and Pedagogical Society. At this time (the early 20th century), representatives of university science were clearly aware of the need not only to gain knowledge, but also to contribute to society, and above all, to Siberia and Tomsk in a real sense. Thus, the Society of Practicing Physicians was designed to help provide the population with "sufficient medical facilities and means", to take care of giving its members opportunities to improve their professional skills, and to engage in educational activities by organizing public readings (Nekrylov, 2013:149).

Unlike the scientific societies at Tomsk University, which had an academic character, other scientific societies of Tomsk, led by the same Tomsk professors, were more open to representatives of different strata of society. For example, the members of the Society for the Study of Siberia could be persons without distinction of sex, rank and nationality, who were engaged or interested in Siberia, "with the exception of persons not allowed to join the society by law" (Nekrylov, 2013:157).

It is difficult to overestimate the value of activities of these communities. As a result of Tomsk scientists' asceticism, participation in research work and inventive activity became accessible for a wide range of educated population stratum. (Liakhovich, Revushkin, 1998: 444).

Further movement of Tomsk to enhance intellectual and cultural capital was connected with the establishment of Tomsk Institute of Technology in 1896. It was the first higher technical educational institution in eastern part of Russia. The establishment of this institute was reasoned by the shortage of engineers, needed for a rapidly growing industry and the exploration of natural resources of the vast Siberian re-

gion. The teaching staff of the institute as well as in the first Siberian University was rapidly recruited by scientists from the European part of Russia.

University teachers made a significant contribution to the improvement of public education system in Tomsk. By the time of opening the first university the educational system was already developed to an adequate degree. In 1883, among 24 Tomsk residents one was a student. In Moscow in 1886 among 75 residents one was a student, and in St. Petersburg at the same time – one student was among 80 residents (Liakhovich, Revushkin, 1998: 439).

As a result of activities of the Welfare community of public education, founded by outstanding Siberian educator Peter Makushin, the number of primary schools and colleges in Tomsk was raised to 17 in 1888 and to 34 in 1912.

The system of secondary education was a source of pride for Tomsk. By the early twentieth century Tomsk had 8 gymnasiums, 2 non-classical secondary schools, a seminary, a commercial college. All these secondary education institutions fell under the positive influence of university culture. The professors from the University, and later from Tomsk Institute of Technology, gave lessons in secondary education institutions and in the Siberian higher female courses on a part-time basis. At the same time school teachers took part in activity of scientific society. Museum collections of universities were used in the process of education. This facilitated the quality of education. So, the first graduation of commercial college was in 1909 and almost all of its graduates were immediately enrolled in Tomsk Institute of Technology (Liakhovich, Revushkin, 1998: 440–441).

It is necessary to remember that many professors and staff members of the University and the Institute of Technology made regular donations to the fund of Welfare community of public education. Thus, the activities of enthusiastic educators were strongly and consistently supported.

The value of education was understood not only by university professors. The form of stimulation driven by the urban community of higher education in Tomsk was present-

ed by the establishment of private scholarships for students. Some wealthy citizens made donations to several scholarships. So, Zakhary Tsibulsky contributed funds for three scholarships: the name of the Sovereign Emperor, the name of the heir Tsarevich and on the occasion of the 300th anniversary of Siberia (Zinoviev, Nekrylov, Phominykch, 2017:70–71). The honorable citizen A.N. Portnova established 12 scholarships (Popov, 1913: 14). In total, 76 students were receiving private scholarships, and only 20 students were receiving scholarships driven by the Treasury (Liakhovich, Revushkin, 1998: 64).

The scientists from the University and the Institute of Technology made an enormous contribution to the exploration of natural wealth and to the study of Siberian culture. Even before the opening of Tomsk University mayor Zakhar Cybulskiy wrote: “the inexhaustible Siberian resources remain untouched, waiting for skillful hands to explore them” (cited by: Z. Zaichenko, 1960: 39). At the end of XIX – the beginning of XX century, the dream came true. For example, a scientist of the Imperial University P. N. Krylov went on 14 botanical research expeditions to Altai (Southern Siberia) and Tomsk region. The scientists from the Institute of Technology V. Obruchev and M. Usov founded the Siberian geological school.

The cultural environment of Tomsk was also transformed. Professors and staff of the University and the Institute of Technology together with their family members actively participated in the work of Tomsk department of Russian Musical Society; they made donations to the needs of music classes. The first rector of the University N. A. Gezekhus in cooperation with tradesmen school inspector A. A. Solodov taught everyone who wanted to play the violin, viola and cello. Four classrooms of the university were provided for these lessons. (Liakhovich, Revushkin, 1998: 449).

In 1909 the Tomsk Society of Art Amateurs (1909–1918) was founded. Professors and staff of the University, the Institute of Technology and Siberian higher female courses were among the founders of this society. Up to the October Revolution of 1917, the Society

had been organizing annual exhibitions, in which many artists of all major Siberian cities took part.

The transformation of the cultural environment of Tomsk was also facilitated by the resettlement of educated people in Siberia (more than a half who came from the European part of Russia permanently settled in Siberia). With this background, we can agree with E. Liakhovich that by the time of the revolution Tomsk had transformed from geographical Siberian center into cultural one. The mission of the first university was finally fully implemented. The university became a “center of science, education and culture, the center of enlightenment in colonial and supposedly hopelessly remote region” (Liakhovich, Revushkin, 1998: 451).

However, cultural stratum, created by educated people was still inconsiderable, and its growth required creative activity of many generations. The tradition of this activity was set up by university intellectuals, but it was abandoned by the revolution and civil war.

Revolution, Civil War, Soviet period (1917–1991)

The profound crisis related to the revolution and civil war also affected Russian universities. The transition of power (often repeated during the civil war) from one political force to another, the lack of political stability, and the extremely difficult funding situation were just a fraction of the problems that the university teaching community had to face. However, even in such a tough time, university professors and teachers continued to contribute to the development of the city and the entire Siberian region.

One of the most important tasks of this time was the development of the public education system, as the “old” school did not meet the demands of the new reality. The difficulty of realisation of this task was to a great extent in the shortage of teaching staff and their low qualification. The work of teaching courses in Tomsk, inspired and organised by Professor S.I. Gessen of Tomsk University, was linked to this very circumstance. The courses were held in the summer of 1918; due to the

events of internal political life, the opening of the courses was complicated.

Teachers of schools of the Omsk and Tomsk railways, as well as urban and rural teachers from 12 cities and 20 counties of Siberia became the listeners of the courses (Kulyabko, 1919:14, 16). The total number of those taking the course was 715, of which 127 were men and 588 women. The huge influx of those enrolled in the course exceeded all the expectations of the organisers (Kulyabko, 1919:1).

Lectures on various disciplines of the school program were given by professors of Tomsk University – N.A. Alexandrov, B.P. Veinberg, S.I. Gessen, A.A. Kulyabko and others. In addition to lectures and practical training, university professors organised excursions to the anatomical institute, the zoological museum of the university and the mining museum of the Institute of Technology, the university library, the botanical garden, to the Anzherensk and Sudzhensk mines, etc. (Kulyabko, 1919:12, 67).

The active involvement of the university community in the life of Tomsk and the Siberian region was also demonstrated by the opening of the Institute for the Study of Siberia in 1919. The aim of the institute was a comprehensive study of Siberia and its riches, as evidenced by the names of the institute's departments: geography, balneology and resort studies, natural history, industry and technology; history and ethnography; statistics and economics (Dunbinsky, 2012:54).

In addition to actual research tasks, the organisers of the institute solved the problem of personnel training. An important step in this direction was made by organising training courses for Siberian researchers and instructors in compiling school collections and creating school museums under the guidance of S. S. Neustruev. The course was open to citizens aged 16 and above with secondary education or sufficient background in natural history (Dunbinsky, 2012:55). The range of disciplines taught covered all areas of the institute's activities and included not only theoretical aspects of science, but also issues of practical use of scientific knowledge. The lectures were given

by professors of Tomsk University and Tomsk Technological Institute.

The courses were opened at the beginning of March 1920, and in July 1920 by the decision of the Sibrevcom (Siberian Revolutionary Committee), the ISS was closed. However, despite such a short period of activity, the courses organised by university scientists made a significant contribution to the cause of enlightenment and training of researchers and educators.

In the conditions of the authoritarian system formed in the 1920–1930s the university had completely lost any autonomy and became a government entity with the single objective: human resources supply for various branches of national industries. Cultural and educational mission of the university were essentially replaced by ideological one. Intensive supervision over its implementation was carried out by party bodies together with the authorities of the Ministry of Internal Affairs.

The connection between universities and enterprises started to establish since the 1930s. Many research institutes of Tomsk State University worked within the sphere determined by practical needs: the research on crop improvement, the search of better practices of metal processing, the development of production process of essential oils of Siberian cedar, etc. (Zaichenko, 1960: 398–400).

During World War II, when dozens of enterprises were evacuated from European part of our country to Siberia, Tomsk became a major industrial center. This fact even more brought together research fields with the needs of the industry. Thus, the cooperation between university activities and city administration in the context of productive capacity of Tomsk started to develop since prewar period. At the same time, it revealed the costs of excessive centralization: many valuable inventions lost their practical implementation because of endless bureaucratic procedures (Zaichenko, 1960: 400).

The relationships between Universities and local communities at that time were under harsh conditions of ideological norms. In this regard, the tradition of enlightenment and charity underwent radical transformations. During this period the topic of public lectures of teach-

ers and active students was predominantly political, representing the Marxist-Leninist doctrine. The lectures of scientists on scientific topics were ideologically reconciled. It is important that in the Soviet period a mutual voluntary, the main principle of Enlightenment was destroyed. Political education was compulsory for everybody: for some as – lecturers, and for majority – as listeners.

Examples of “organised enlightenment” include the practice of “science brigades” travelling to lecture in units of the Siberian Military District (1930s), and the organisation of the Red Army University of Culture at Tomsk University in 1934. Two faculties, natural science and history and literature, held classes totalling 200 hours. (Raskolets, Sorokin, 2021: 74). From the second half of the 1930s, teachers at Tomsk University explained to Red Army soldiers and commanders the issues of domestic and foreign policy: decisions of party congresses, congresses of Soviets, meetings of the Comintern, etc. (ibid.).

Private charity which was developed among the educated stratum of pre-revolutionary Tomsk was virtually destroyed as a remnant of bourgeois epoch. Donations became of collective nature and as a rule were initiated by party bodies.

During the liberalization of the Soviet regime (1956–1964) the free spirit of university culture began to revive. Teachers of Polytechnic Institute created a “lyrical Polytechnic” – the image of the Institute with a “human face”. Intelligence, delicate irony and romance of untraveled roads penetrated the songs by creative team of teachers in the 1960s. High intellectual culture along with humanity presented the message of these people to cultural space of the city.

Thanks to the existence of a university and a number of academic and research institutes, in the 1960s-1980s, Tomsk became the largest scientific and educational centre in the Urals. The main tasks of higher educational institutions in this period, as in the 1930s-1950s, remained the training of personnel for the national economy, the conduct of scientific research to help solve the tasks of communist construction, and the spread of political and scientific

knowledge among the population (Tomsk University. 1880–1980, 1980:332). Along with this, other features of the previous period of development were also preserved: the lack of autonomy of universities, the implementation of the cultural and educational function under strict ideological control, predominantly institutional forms of activity in the cultural and educational sphere.

It is worth noting that, despite the ideological context, this period witnessed the formation of creative teams that won the love of the city residents and became, without exaggeration, a recognisable “face” of the university as well as Tomsk itself for many years (jazz orchestra “TSU-62”, TSU Choral Chapel, etc.).

Post-soviet period (1990s-2000s)

The spirit of freedom inherent to the university culture emerged with a new force in the period of the Soviet Union collapse. During those years vigorous activity to restore the historical memory of the people was launched in Russian society.

Ever since tsarist times Tomsk province was a place of exile for political convicts. During the reign of Stalin, the city confirmed its unfortunate status. In Tomsk region, in 1930 famous philosopher, an expert of phenomenology and hermeneutics Gustav Shpet was exiled as well as Russian poet of the early twentieth century, representative of so called “rural” Russian poetry – Nikolai Klyuev. Both of them were there re-arrested and executed.

In the task of reconstruction of historical memory, activity forms of non-institutionalized nature were developed. For example, teaching staff of the philosophical faculty of Tomsk State University decided to perpetuate the memory of Russian philosopher Gustav Shpet. Thanks to their efforts in the house where the philosopher lived before the last arrest a memorial plaque was installed. The organization of scientific conferences under the title “Shpet’s readings” became a tradition. Active participants of the conference were represented by scientists from Russia, the United States, Italy, Germany, as well as by children and grandchildren of the philosopher. The permanent inspirer and organizer of this activity was Olga

Mazaeva – the senior lecturer of the Faculty of Philosophy.

The fate and the work of Gustav Shpet became not only the property of the university intellectuals. The speech of M. G. Shtorkch – philosopher's daughter on the air of Tomsk television during her repeated visits to Tomsk, publications devoted to Shpet (particularly, the book "Shpet in Siberia: exile and death", composed by M. G. Shtorkch, the grandson of the philosopher M. K. Polivanov and Tomsk investigator N. V. Serebryannikova) became a part of the cultural consciousness of the local community.

Another example of socially significant activity of university environment representatives was conservation of wooden architecture monuments of the XIX century. In the XIX century in merchant Tomsk remarkable wooden towers, called *terems*, were built with fancy carvings adorning their facades and roofs. These *terems* became architectural landmark of the city. However, since the 1990s many of them were barbarically destroyed by unprincipled businessmen in order to clear lands for new housebuilding.

The struggle for the preservation of this great heritage was launched by representatives of university environment. These people organized various pickets, initiated the discussion of the problem with extensive public coverage, searched for professionals to investigate houses and to create projects on its restoration. With the help of university intellectuals and their active position, the residents of Tomsk also joined the struggle for the preservation of wooden architecture. Only this joint struggle, transformed into a social movement helped to save the cultural heritage of the city from destruction. Nowadays, the problem of preservation of wooden architecture monuments remains relevant, but due to the active position of society, it is controlled by the city authorities.

At the present time

Professors and teachers of the first Tomsk University actively participated in cultural life of Tomsk. It is to be recalled that the first rector of Tomsk Imperial University gave violin lessons to those who want during his spare time,

and many professors were the founders of Art Amateur Community.

This tradition continues nowadays. In recent years, several events, the so called *etnoforums*, dedicated to the preservation and development of traditional cultural values were held in Tomsk. Program Director of *etnoforums* is Daniel Krapchunov – associate professor of Tomsk Polytechnic University, the head of the ethnic art project "Vasilyev Evening".

In summer 2015 the IV Tomsk *Etnoforum* was organized. The main events of the Forum took place in Zorkaltsevo – a township near Tomsk. There, for three days of August the festival sites were open, "outdoor university" – the discussion about the Russian folk culture was led by university professors of Tomsk and other cities, also master classes on traditional food cooking, handicraft workshops and *etno-disco* took place.

Under the auspices of this forum such art installations as "Red Corner," "Russian Wedding" were arranged, an art mystery "Cincture in the traditional culture," and *ethno-fashion* show of traditional costumes were exhibited before the public. The major attraction of the forum was real "Russian match-making", conducted according to national ritual (Tomsk *Etnoforum*, 2015).

Beginning in the 1960s Tomsk started to form a powerful scientific potential (Nowadays there are six universities and several research institutes in Tomsk). This has made it possible to launch the creation of special economic zone of technical innovation type for the realization of innovative projects in the field of nanotechnology, biotechnology, information technology and electronics in the middle of the 2000s. Nowadays the creation of conditions for science and business cooperation, high-technology products output and its introduction to the domestic and foreign markets is one of the critical tasks of the Tomsk region administration.

Thus, universities and the city actively interact in two main areas: cultural and educational, and scientific and technological. Humanitarian field is of particular interest within the framework of this study. Here, the specific character of interaction between universities and local communities is that a significant

number of cultural, educational, social projects are initiated by the state and its institutions rather than by individuals or their associations.

This is clearly seen in the projects carried out by universities today. For example, since 2013, Tomsk State University has been implementing the Open University cultural and educational project as part of the development of supplementary education system. As part of the project, scientists from Tomsk universities give free lectures to the residents of Tomsk and the local region and hold other educational events in various fields of knowledge. Special attention within the project is paid to working with third age people. In 2013, Open University received state support, and in 2017, TSU became a member of the International Association of Universities of the Third Age (IAUTA/AIUTA). (Open University, 2020).

The cultural and social significance of such events is indisputable. However, for the development of social and communicative interaction between the universities and the urban community it is important that the actors on both sides are the individuals and their associations, and not the institutions. It can be stated that the current state of the social and communication environment of the city provides weak but encouraging examples of such interaction.

It is known that an essential component of the quality of life is the environmental conditions. In today's urban environment, green spaces are a major element. In the city administration, now acts the Landscape Commission – a structure whose purpose is “conservation and reproduction of green spaces and landscapes, control over the demolition of green spaces in the city of Tomsk”. The members of the Landscape Commission include biologists of Tomsk State University. However, since an absolute majority in the Commission belongs to officials of the mayor's office, the decisions often turn out to be opposite to the expert opinions of scientists of the Commission. The consequence of this has been to replace “preservation and reproduction of green spaces” with their barbaric pruning and felling.

In this situation, biologists see their role as informing citizens about what is happen-

ing, combined with education about the characteristics of different plants, their ability to minimize the effects of environmental hazards on humans, the length of their life cycle, and the subtleties of caring for plants. This role is carried out primarily in the online space. In Tomsk groups on the Internet, there is an active discussion about the mayor's policy, polemical positions are sharpened, proposals for “green building” are formulated. On the one hand, the citizens' demand for the expert opinion of scientists (specialists in the field), on the other hand, the active position of scientists as independent actors of the socio-cultural space of the city is revealed. It is also important that the city residents form a balanced and clearly articulated position, supported by specific actions. For example, the active felling of city trees in the spring of 2020 caused a flurry of public indignation, which resulted in numerous appeals to the authorities. The result has been a cessation of active tree felling.

It now seems clear that a significant potential for interaction between universities and local communities lies in the social and communication environment – a broad public discussion of urban problems, social and technical (landscape, construction, infrastructure) projects involving independent specialists and active city residents.

In view of the above, the Russian specifics of implementation of the concept of “smart cities”, put forward by N. Komninos (Komninos, 2015), are clearly observed. The “Smart city” movement, which marks the global transition from an industrial, urban model of space to a post-industrial and post-urban model (“new urbanism”), includes a number of components. These are “smart technology”, “smart governance” and “smart community”. It is obvious that in order to fully implement the idea of the smart city, their organic unity and interaction is necessary. The analysis of introduction of smart city elements into information and communication, visual, social infrastructure and other spaces of the city allowed us to conclude that the emphasis made by the authorities exclusively on technologies (the degree of modernity of these technologies is a topic of a separate conversation) is an inefficient strategy,

moreover, it is archaic in its spirit corresponding to the managerial psychology of the era of industrialism.

Today, it is obvious that it is impossible to realize the smart city concept without inclusion of a humanitarian, socio-communicative component. This component combines such types of significant capital in the post-industrial world as creative, social, and intellectual (Shcherbinin, 2018:184). The important fact is that the social-transformative potential of these types of capital is multiplied by their interaction forming a pronounced synergetic effect. Thus, creative and intellectual types of capital, which are assets of organizations or individuals, are usually capable of actively generating innovations in an environment that is ready for their perception, support and dissemination. The latter, in fact, constitute what is called social capital.

Signs of this effect can be seen in the interaction between universities and the local community. The situation shows that knowledge and talent can become – and in some cases do become – a real force in networking situations. Here, there is the “Strength of weak ties” effect, suggested by Mark Granovetter, the American sociologist. In contrast to the strong ties that exist within families and ethnic communities, weak ties bring together a wide variety of people as “channels through which ideas, influences or information socially distant reach the subject” (Granovetter, 2009:41). Expert knowledge, which university scientists are the bearers of, through modern means of communication, becomes accessible to people who are very distant from science. This knowledge, acquired in a broad social network, expands the intellectual and cultural horizons of its participants and, conversely, “the less indirect contact a subject has, the more limited will be his knowledge of the world outside his circle of friends” (ibid.). However, the significance of weak ties goes beyond mere information exchange. M. Granovetter pointed out that this kind of connection is “a necessary condition for the formation of individuals’ capabilities as well as their integration into communities” (Granovetter, 2009: 47). This position is confirmed, in particular, by the fact that public discussions on topical is-

ues of Tomsk life, initiated by representatives of the university community (as it was in the situation of barbaric felling of city poplars), become a kind of trigger for social activity of citizens, thereby actualizing and strengthening the social capital of the community. In its turn, the building of social capital creates the necessary atmosphere for public discussions, origin and implementation of social and other innovations, because no living being can appear in an airless space.

We should also note the factors that complicate the interaction of universities and their individual representatives with the local community. In this regard, we will again have to refer to the concept of social capital. Russian sociologist named Leonid Polishchuk includes in this concept not only networks, but also trust and values shared by society (Polishchuk, 2014). Given the low level of trust and lack of values that unite society (Fukuyama, 1995; Kukatas, 2003), we can conclude that this type of capital is low both in Russia as a whole and particularly in local communities. Atomization of society, as a consequence of the low level of trust, does not encourage people to enter into various kinds of coalitions, and the lack of common values leads to conflicts in communication and the fragility and short duration of emerging ties. These circumstances explain the fact that local communities reveal low ability to form a demand for a cultural product – ideas and innovations that could change the technological, cultural and social image of Russian cities in cooperation with citizens. All this fully applies to Tomsk.

Due to the low capacity of the society for self-organization and control over the actions of power institutions, municipal authorities in a significant number of cases direct material and financial resources to the implementation of projects assessed by the residents as untimely, not bringing real benefits, or causing direct harm to the urban environment. Interestingly, to justify the “reasonableness” of such projects, authorities resort to invoking the authority of scientists. A sad example is the activities of the Living Lab in Tomsk. The network of living labs is supposed to be an intermediary “between residents, research organizations, in-

novative companies, the city and the region for joint value creation, rapid prototyping or proof of scalability of innovations” (Livinglabtomsk). In fact, Tomsk Living Lab has become a structure affiliated with the city administration and implementing its policies, but positioned as a creative community of young scientists: architects, designers, sociologists. As a result of the lab’s experiments, the area of green spaces in iconic places for city residents has shrunk by almost 20 %, replaced by absurd installations and lifeless spaces lined with paving slabs.

In this situation, it is encouraging that scientists, who are still committed to scientific truth and high social responsibility, are invariably debunking the quasi-scientific nature of such “experiments” in social media, thus raising the awareness and environmental culture of urban dwellers (Razgon, 2020).

Place and identity

The essential question is how the interaction between universities and the community affects the formation of local (urban) identity. As R. Florida notes in his study “Who’s Your City?: How the Creative Economy is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life”, ‘the link between place and identity is visible everywhere’ [Florida, 2014:160]. On the one hand, “place is something to which one can belong with a sense of pride and attachment”. But a place is also “one of the means of self-expression. It provides an environment that one can embrace by making it one’s own” [Florida, 2014:159–160]. Considering the city not only as a spatial entity but also as a sociocultural field, whose configurations depend on the perceptions and actions of many actors, broad perspectives for analysis are opened.

Representatives of universities (part of the creative class) are, in our opinion, the force that forms the ability to access the resources of the city as a sociocultural field in the rest of the community. As V. Ilyin, the Russian sociologist, notes, “it is possible to live in a rich country and be poor, to live next door to a university and remain ignorant” (Ilyin, 2006:44). Gaining access to resources, in particular to intellectual and cultural capital through social networking, people master (and begin to shape themselves)

the cultural program and language of their field. Thus, in the process of interaction of the individual and sociocultural, internal and external, the identity of a city resident is formed.

It is worth noting that the most important factor in the formation of urban identity is the visual environment. In this environment, consciously or unconsciously, people highlight what R. Florida, following I. Tinalli, calls “symbolic amenities” – parks and open spaces, cultural opportunities [Florida, 2014:159]. The presence of all these things in the city creates a feeling of happiness and at the same time encourages people “to do more than they would do in other conditions”; thus, the place acts as “a serious source of inspiration and stimulator of creativity, a necessary component of human psychological well-being” [Florida, 2014:157–159]. Unsurprisingly, it is university representatives who are the drivers of changes in public consciousness about preserving/creating a comfortable urban environment. These people intuitively feel the connection between place and creativity, between place and prosperity. When university scientists speak out on social media for the preservation of the Mikhailovskaya Grove, the city’s springs, the scientific approach to the development of the University Grove, they are thereby speaking out for the preservation of a city in which one would want to live and create. For city residents taking part in the Internet discussions, so often directed by Tomsk intellectuals, it is important to form a clearly articulated position on the key issues of city life, such as urban beautification as well as to be ready to act actively in defense of the image of the city with which they identify themselves.

Conclusion

Summarizing the analysis of universities’ interaction with local communities on the example of Tomsk, we can note that historically the most important function of universities in interaction with the community was the cultural and educational function. Forms of its realization were diverse: leading role of university scientists in organization and functioning of scientific, engineering, cultural and educational societies, contribution in improvement of

Tomsk public education system, etc. Participation of local community in the formation and development of universities consisted, first of all, of material and financial aid. Wealthy Tomsk merchants made considerable donations for the construction of university buildings; wealthy townspeople established private scholarships for students.

During the Soviet time, the cultural and educational function of the universities was almost completely replaced by an ideological one, and dozens of scientific, educational, technical and charitable societies ceased to exist in the 1920s and 1930s. The emergence of civil society at the turn of the XIXth and XXth centuries replaced an all-powerful state, which was reflected in the relationship between the university and the city. This relationship became purely institutional; any other kind of activity was viewed with suspicion by the state.

Today, universities, above all, retain their historically established cultural and educational function, as demonstrated by a variety of projects (in particular, the aforementioned Open University project). In contrast to the pre-revolutionary period, this function is predominantly carried out within an institutional framework.

At the same time, universities – but more often individual scientists as independent actors – have become the key “nodes” in the loose networks emerging in the society, directing and structuring the network interaction in the cognitive-informational, value-semantic, social-organizational aspects. On this basis, we can talk about the signs of formation of another university function – socially-transformative, – which is realized in the construction of new reality through the growth points, which are, first of all, the bearers of intellectual and creative capital. Historically conditioned features of Russian society, such as weak civil society, low level of trust between people, blurred values and meaningful attitudes, significantly complicate the implementation of this function, focusing on social activity. This is confirmed by the analysis of the situation in Tomsk, which has revealed the passivity of the urban population and its low ability to form a request on a cultural product to universities. However, it is the socially transformative role of universities that is to help local communities in the important matter of their self-identification, formulating their key interests, asserting their rights and, thus, moving if not to an ideal, then simply to a good society in which one wants to live.

References

- Dunbinskii I.A. Institut issledovaniya Sibiri i podgotovka issledovatelei. [Siberian Research Institute and Researcher Training]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. [Tomsk State University Journal. History], 2012, 4(20), 54–56.
- Florida R. *Kto tvoy gorod? Kreativnaia ekonomika I vybor mesta zhitel'stva* [Who's Your City? How the Creative Economy Is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life]. Moscow, Strelka Press, 2014. 368 p.
- Fukuyama F. *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York, Free Press, 1995. 457 p.
- Granovetter M. Sila slabykh sviazei [The Strength of Weak Ties]. In: *Ekonomicheskaiia sociologiia* [The Economic Sociology], 2009, 10 (4), 31–50.
- Il'in V.I. *Dramaturgiia kachestvennogo polevogo issledovaniia* [Dramaturgy of Qualitative Field Research]. Saint Petersburg, Intersocis, 2000). 256 p.
- Komninos N. *The Age of Intelligent cities: Environments and Innovation-for-all Strategies*. Abingdon/ New York, Routledge, 2015. 298 p.
- Kukatas Ch. *The Liberal Archipelago: A Theory of Diversity and Freedom*. Oxford, Oxford University Press, 2003. 304 p.
- Kulyabko A.A. *Otchet o deyatel'nosti Tomskih letnih uchitel'skih kursov 1918 goda* [Report on the activities of the Tomsk summer teachers' courses in 1918]. Tomsk, Printing house of the military academy, 1919. 104 p.

Liakhovich E. S., Revushkin A. S. *Univesitety v istorii i culture dorevolutsionnoi Rossii [Universities in the history and culture of pre-revolutionary Russia]*. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1998. 580 p.

Nekrylov S. A. *Nauchnye obshchestva v Tomskom universitete v dorevoliutsionnyi period [Scientific societies at Tomsk University in the pre-revolutionary period]*. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 201). 258 p.

Nekrylov S. A., Gribovskii M. V. Sibirskaiia professura rubezha XIX–XX vekov: sotsialnyi i politicheskii portret [The Siberian professoriate in the late 19th and early 20th centuries: a social and political profile]. In: *Novyi istoricheskii vestnik [The New Historical Bulletin]*, 2018, 1(55), 21–37. DOI: 10.24411/2072–9286–2018–00002

Otkrytyi universitet [Open University]. 2020. Available at: <http://open.tsu.ru> (accessed 08 December 2020).

Polishchuk L. I. *Porozn' ili soobshcha. Sotcial'nyi capital v razvitii gorodov. [Separately or Together. Social capital in urban development]*. Moscow, Strelka Press, 2014. 30 p.

Popov M. F. *Kratkii istoricheskii ocherk Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 25 let ego sushchestvovaniia (1888–1913) [A brief historical sketch of the Tomsk Imperial University for 25 years of its existence (1888–1913)]*. Tomsk, Tipografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela, 1913. 29 p.

Raskolets V. V., Sorokin A. N. Teoriia i praktika istoricheskogo issledovaniia tret'ei roli vysshei shkoly (na primere vuzov g. Tomsk v konce XIX – pervoi polovine XX v. [Theory and Practice of Historical Research of the third role of Higher Education (on the Example of Universities in Tomsk at the end of the XIX – the first half of the XX century)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. [Tomsk State University Journal. History]*, 2021, 74, 66–78. DOI: 10.17223/19988613/74/8

Razgon V. “Zhivaia laboratoriiia” ili “laboratoriiia-ubiitca?” [The Living Lab or The Lab that Kills?]. 2020. Available at: <https://zen.yandex.ru/media/tomskw/jivaia-laboratoriiia-ili-laboratoriiiaubiitca-5e40ab02b72e851477374945?fbclid=IwAR3ga5TTvP5w4ijz-30EPWaRH48US2tMg8O-lzsRBh9nwJmxNKTjAxZVYWb0> (accessed 11 July 2022).

Shcherbinin A. “Umnye goroda” – trend XXI veka: vyzovy vremeni i rossiiskie praktiki, [“Smart Cities” – Trend of the XXI Century: Challenges of the Time and Russian Practices]. In: *IIPAЭHMA. Problemy vizualnoi semiotiki [Journal of Visual Semiotics]*, 2018, 3 (17), 179–191. DOI:10.23951/2312–7899–2018–3–179–191.

Tomskii etnoforum [Tomsk Ethnoforum]. 2015. Available at: https://vk.com/topic-42170455_32417273 (accessed 23 November 2020).

Tomskii universitet. 1880–1980 [Tomsk University. 1880–1980]. Ed. by M. E. Plotnikov. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1980. 492 p.

Zaichenko P. A. *Tomskii universitet im. V. V. Kuibysheva: Ocherki po istorii pervogo sibirskogo universiteta za 75 let (1880–1955) [Tomsk University named after V. V. Kuibyshev: Essays on the history of the first Siberian University for 75 years (1880–1955)]*. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1960. 480 p.

Zhivaia laboratoriiia [Livinglabtomsk]. Available at: <https://livinglabtomsk.org/about> (accessed 15 June 2022).

Zinoviev V. P., Nekrylov S. A., Phominykch S. F. Rol' Z. M. Tsibul'skogo v sozdanii pervogo v aziatskoi Rossii universiteta: k 200-letiiu so dnia ego rozhdeniia i 140-letiiu uchrezhdeniia Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, [The Role of M. Cybulski in the Creation of the First University in the Asian Part of Russia: the 200th Anniversary of His Birth and the 140th Anniversary of Tomsk State University Establishment]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2017, 417, 63–74. DOI: 10.17223/15617793/417/10.

EDN: CEJEQB
УДК 351.764(571.51)“1917/1929”

To the Issue of Change in the Attitude of the Authorities to the Phenomenon of Prostitution in 1917–1929 (On the Materials of Yenisei Province)

Daria N. Nesterenko* and **Nadezhda L. Khait**

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 25.08.2023, received in revised form 20.10.2023, accepted 25.10.2023

Abstract. The article is devoted to the study of Soviet power judgments about the phenomenon of prostitution during the formation of the new state. Various forms of deviation serve as a reflection of everyday life of society. Sexual commerce at the present stage is one of the debatable ones for researchers of the whole spectrum of sciences. In such a context, it is relevant to study the stages of determining the attitude of the Soviet authorities to the intimate services market in historical retrospect, as this allows us to take into account the experience of developing state decisions in relation to marginalized elements. The study is based on unpublished archival sources. The article pays attention to the reflection of publicistic works on the state decisions in the issue of deviations. The analysis of the stages of formation of the attitude of administrative institutions to sexual commerce showed the positive and negative sides of the introduction of law enforcement practices in relation to the phenomenon of prostitution.

Keywords: the phenomenon of prostitution, Soviet power, Siberia, New Economic Policy, everyday life.

Research area: history.

Citation: Nesterenko D. N., Khait N. L. To the issue of change in the attitude of the authorities to the phenomenon of prostitution in 1917–1929 (on the materials of Yenisei province). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2166–2176. EDN: CEJEQB

К вопросу об изменении отношения власти к феномену проституции 1917–1929 гг. (на примере материалов Енисейской губернии)

Д. Н. Нестеренко, Н. Л. Хаит

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Статья посвящена изучению советских властных суждений о феномене проституции в период становления нового государства. Различные формы девиаций служат отражением повседневной жизни социума. Сексуальная коммерция на современном этапе является одной из дискуссионных тем для исследователей целого спектра наук. В таком контексте актуально изучение этапов определения отношения советской власти к рынку интимных услуг в исторической ретроспективе, так как это позволяет учесть опыт выработки государственных решений по отношению к маргинальным элементам. Исследование основано на неопубликованных архивных источниках. В статье уделено внимание рефлексии публицистических произведений на государственные решения в вопросе девиаций. Анализ этапов формирования отношения административных институтов к сексуальной коммерции показал положительные и отрицательные стороны внедрения правоприменительных практик в отношении феномена проституции.

Ключевые слова: феномен проституции, советская власть, Сибирь, НЭП, повседневность.

Научная специальность: 5.6.1 – отечественная история.

Цитирование: Нестеренко Д. Н., Хаит Н. Л. К вопросу об изменении отношения власти к феномену проституции 1917–1929 гг. (на примере материалов Енисейской губернии). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2166–2176. EDN: CEJEQV

Введение. Исторически детерминированный социально-исторический феномен проституции – система предоставления и потребления сексуальных услуг. Феномен сексуальной коммерции создает специфическую подкультуру, одной из характерных черт которой является деморализация как клиента, так и человека, предоставляющего услугу. Проблема распространения венерических заболеваний данной категорией маргинальных элементов является существенной и значимой в современных реалиях. Актуальность заявленной темы обуславливается наличием дискуссий о возможности легализации этого явления в современном обществе.

В дореволюционный период российским государством была организована система надзора над проституцией. В 1843 г. графом Л. А. Перовским была разработана реформа по легализации коммерческого секса путем создания медико-полицейских органов для регистрации и освидетельствования «публичных женщин»¹. Система «желтых билетов» имела первостепенную цель – предотвращение распространения венерических заболеваний². Именно поэтому во врачебных ведомостях, полицейских рапортах о проделанной работе прослеживается нейтральная риторика относительно зарегистрированных

¹ ГАКК. Ф. 608. Оп. 1. Д. 2384 Л. 2.

² ГАКК. Ф. 439 Оп. 1 Д. 26. Л. 3.

проституток. Маргинальные элементы, которые выходили за рамки государственных суждений, считались криминализованными. В делопроизводственных документах этого периода часто встречается лояльный термин «публичная женщина» или «проститутка». Последний при этом указывал на конкретный род деятельности³. Эмоционально окрашенную форму «падшая женщина», как правило, употребляли на страницах периодической печати, где отношение к данному явлению не было однозначным.

После 1917 г. система легализации проституции, созданная графом Л. А. Перовским, была полностью ликвидирована. Функционирование механизма, где явление проституции вписано в общественную структуру посредством врачебно-полицейского надзора, прекратила свое существование. Проституция перестала восприниматься на государственно-правовом уровне как явление. Тем не менее женщины, занимающиеся продажей своего тела, не исчезли, но долгое время не было выработано четких законодательных суждений о том, как правительственные структуры должны взаимодействовать с этой социальной категорией. В годы Гражданской войны в Енисейской губернии наблюдался рост венерических заболеваний. Эти обстоятельства требовали принятия важных для советской власти решений в области регулирования вопроса коммерческого секса.

Целью статьи является рассмотрение эволюции риторики власти по отношению к феномену проституции с 1917 по 1929 гг. Нижняя граница обусловлена отказом от системы легализации проституции. Верхняя граница исследования указывает на изменения в Уголовном законодательстве СССР, когда начались преследования не притоносодержателей, как в Уголовном кодексе от 1922 г., а женщин – проституток⁴. Проституция признавалась общественно опасным явлением, наличие которого отрицалось в новом советском обществе на уровне идеологии.

Изучение разнообразных исторических источников формирует авторский дис-

курс, который является важнейшей базой для диалога в современной науке. Неоднозначная тема коммерческого секса активно обсуждается в научном сообществе. Стоит отметить тенденцию в изучении различных проблем, связанных с дореволюционной системой легализации проституции, таких как нормативно-правовое регулирование (Gerasimov, 2009), проституция как инструмент решения социальных проблем (Evtekhov, Palikova, 2022), сексуальная коммерция на фронте в годы Первой мировой войны (Heagne, 2017) и др. В отношении советского периода существует проблема первичного выявления исторических источников по причине постоянно сменявшихся решений в области регулирования вопросов маргинальных элементов в период становления новой власти.

Методы и данные исследования. Методологической основой для данного исследования является феноменологическая концепция Э. Гуссерля (Husserl, 2004). Девиантные явления – это социальные феномены, в подавляющем большинстве имеющие общий генезис (пьянство, проституция, наркомания). Существовая в рамках повседневного поля, они выходят за грани понимания общественного «нормального», образуя уникальный социально-экономический локус, по отношению к которому государство и общественные институты находятся в постоянном поиске эффективных и значимых решений.

В работе использовались специально-исторические методы, среди которых проблемно-хронологический и историко-генетический методы. Они в полной мере позволяют проследить логическое развитие феномена проституции в период становления Советского государства. Историко-генетический метод использовался в исследовании для того, чтобы показать причинно-следственные связи и закономерности развития отношения власти к феномену проституции.

В исследовании использовались материалы Государственного архива Красноярского края (ГАКК). Отчеты по работе Советов по борьбе с проституцией явля-

³ ГАКК. Ф.595 Оп.4 Д.75 Л. 20.

⁴ ГАКК. Ф.Р. –741. Оп.1 Д.184. Л. 183.

ются важными для понимания социальных связей между институтом проституции и институтом власти в 1920-х гг. (Ф. Р.– 136, Ф. Р.– 153, Ф. Р.– 319, Ф. Р.– 772). Данные документы позволяют проанализировать эволюцию взглядов новой советской власти по отношению к проституции. Они являются основными для понимания линейных и функциональных связей работы новых государственных учреждений, а также повседневных реалий губерний в вопросах, связанных с рынком сексуальных услуг.

Обсуждение. Позиция новой власти по отношению к проституции долгое время оставалась неопределенной. Можно сказать, что причиной этому был нерешенный «женский вопрос». Советская модель определения роли женщины в обществе заключалась в вовлечении в коллективный производственный процесс. «Буржуазный брак» как форма зависимости женщины от мужчины отрицался. На смену дореволюционным представлениям о патриархальной семье пришла идея о равноправии мужчины и женщины⁵.

Представления большевиков о самой проблеме проституции не укладывались в повседневные реалии: коммерческий секс не исчез с предоставлением женщинам законодательно-правовых возможностей заниматься другим трудом. При этом наблюдалась определенная динамика отношения власти к проституции на протяжении указанного периода. Органы советской власти могли выражать свою позицию не только в законодательных документах, но и через публицистические произведения медицинского характера, просветительские брошюры, медицинские и милицейские циркуляры, периодическую печать, театральные суды, сценарий которых тиражировался в общество.

Важно отметить, что властные суждения как в делопроизводственных документах, так и на страницах публицистических изданий менялись с 1917 по 1929 гг., в первую очередь это касалось самого термина

⁵ Василевский Л. М. Проституция и рабочая молодежь. Новая врачебная Москва, 1924, 78.

«проституция», а также методов взаимодействия с ней.

На первом этапе, в период Гражданской войны и становления Советской власти (1917–1919 гг.) считалось, что проституция – это пережиток буржуазного общества, который полностью уйдет при переходе социума к коммунизму. Верхняя граница обусловлена отказом от реформы графа Л. А. Перовского о легализации проституции. Нижняя граница основывается на постепенном введении трудотерапии для маргинальных элементов.

В 1917 г. было распространено суждение о том, что проституция в Российской империи – это следствие капиталистического уклада, где женщина из-за своего неблагоприятного экономического положения вынуждена продавать свое тело. В это время пропагандировались различные формы свободного брака как альтернатива буржуазной семье: «Ведь Октябрь дал женщине полное правовое раскрепощение: он дал мощный толчок и к раскрепощению ее от экономического и семейно-бытового гнёта»⁶. В том числе среди суждений о браке и правовом положении женщины затрагивалась тема проституции. Врач А. И. Елистратов писал, что дореволюционная система легализации проституции не пришла к ожидаемым результатам, в том числе в области санитарного надзора. «Режим врачебно-полицейского надзора был системой прикрепления женщин к проституции, механизмом по лишению женщины ее гражданской правоспособности»⁷. Становится популярным тезис о том, что «проституция – это стремление зажиточных классов к разврату»⁸.

На данном этапе не было выработано четких законодательных оснований для разрешения проблем, связанных с рынком продажи женского тела. В 1918–1919 гг. суждения власти постепенно переходят к практическим установкам. Новая совет-

⁶ Броннер В. М., Елистратов А. И. Проституция в России до 1917 г. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927, 108.

⁷ Броннер В. М., Елистратов А. И. Проституция в России до 1917 г. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927, 108.

⁸ Сабинин А. Х. Проституция. Сифилис и венерические болезни. Половое воздержание, 1905, 251.

ская власть считала, что проституция – это порок, который можно исправить. Идея состояла в введении трудотерапии, которая была призвана служить методом для исправления «паразитирующих элементов», в том числе проституток⁹. Региональные инициативы в отношении маргинальных элементов обсуждались врачебным сообществом. Доктор А.И. Заблоцкий, первый главный врач Красноярского кожно-венерологического диспансера, изучавший проституцию и венерические заболевания, предлагал открыть Трудовой профилакторий для проституток. Однако средств было недостаточно, поэтому идея не была поддержана финансово¹⁰.

Таким образом, власти в области теоретизации данного вопроса приходят к выводу о том, что дореволюционная модель не имеет места в новом обществе. Дома терпимости с системой надзора и освидетельствования женщин для предотвращения распространения венерических болезней уходят в прошлое. Закрепился тезис, что наличие такого заведения равносильно «открытию штаба для уголовных преступников»¹¹. Практических задач в области решения вопроса не удалось достигнуть по причине отсутствия четкого понимания, с чем конкретно нужно бороться и какие органы должны осуществлять практические действия.

Второй этап (1919–1922 гг.): проституция – это следствие нищенства, «тисков нужды» вследствие Гражданской войны и НЭПа¹². Данная периодизация обусловлена началом повсеместного введения трудотерапии (1919 г.), а также введением статей 170 и 171 УК РСФСР (1922 г.), определяющих наказание за принуждение к занятию проституцией, сводничество, содержание притонов разврата и вербовку женщин для проституции (Panin, 2002).

К 1921 г. формируется тезис о том, что НЭП частично возродил рыночные отноше-

ния, а значит, и проблемы, связанные с этой системой¹³. НЭП привел к социальной градации и дифференциации в обществе. Экономическая составляющая попадания в группу маргинальных элементов на фоне общих мер эпохи НЭПа вновь стала актуальной.

Власть начала квалифицировать социальные категории, которые входили в группу риска. Приоритетной задачей властных органов на данном этапе стало отслеживание экономически незащищенных женщин. К такой категории относились: беременные, одинокие, бесприютные, женщины с малолетними детьми, уволенные. Именно они составляли для общества потенциальную группу риска, которая могла «пополнить ряды проституток»¹⁴. В годы Гражданской войны без жилья и средств к существованию осталось значительное количество безработных людей. Как отмечает заместитель народного комиссариата внутренних дел: «вот то сырье, из которого фабрикуется товар – преступник»¹⁵. В риторике власти проституция приравнивалась к преступлению, так как противоречила «моральному оплоту» советской модели¹⁶. В губернии данную категорию населения фиксировала Енисейская губернская советская рабоче-крестьянская милиция¹⁷.

Идея вовлечения женщины в труд путем предоставления ей рабочих мест в производстве терпит неудачу. Трудотерапия предполагала предоставление женщинам, не имеющим профессиональных навыков, рабочее место, при этом физиологические особенности организма не учитывались, а труд, как правило, был тяжелым. Всего на квалифицированных работах в Енисейской губернии находилось 16,6 % женщин¹⁸. Отсюда вывод, что женская рабочая сила, занятая в промышленности, в своем подавляющем большинстве находилась

¹³ ГАКК. Ф. Р.– 745. Оп. 2. Д. 8. Л. 51.

¹⁴ Броннер В. М., Елистратов А. И. Проституция в России до 1917 г. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927, 108.

¹⁵ ГАКК. Ф. Р.– 745. Оп. 2. Д. 8. Л. 51.

¹⁶ Аккерман А. И. Суд над проституткой и сводницей. М.: Изд-во Наркомздрава, 1925, 38.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГАКК. Ф. Р.– 319. Оп. 1. Д. 174. Л. 30.

⁹ Там же.

¹⁰ ГАКК. Ф. Р.– 136. Оп. 1. Д. 697. Л. 2.

¹¹ ГАКК. Ф. Р.–153. Оп.1. Д. 27. Л. 1.

¹² Семашко Н. А. Новый быт и половой вопрос. М.: Санпросвет, 1926, 210.

на неквалифицированном или полуквалифицированном труде. На предприятиях работа была тяжелая, требовала большой затраты мускульной энергии. Женщины подрывали свое здоровье, при этом промышленное производство постоянно требовало квалификации. Исследование Института охраны труда показало, что в связи с переноской тяжестей у женщин наблюдается разрушение функциональной половой деятельности в 70 % случаев¹⁹.

Большинство безработных женщин не имели почти никакой квалификации, следовательно, с трудоустройством были проблемы. С обучением девочек-подростков дела обстояли неудовлетворительно, так как на учебу предпочтительно брали мальчиков. До 70 % всех безработных составляли приезжие из сельских местностей²⁰. Они являлись потенциальной группой риска для попадания в различные группы маргинальных элементов.

Если говорить об эквивалентной стоимости труда в артели, который предлагали проституткам, и цены за сексуальные услуги, то средний заработок в артели «Тара» (г. Красноярск) составлял 11–20 рублей, в пошивочной – до 30 рублей в месяц²¹. Проститутка за одного клиента в это время могла получить от 3 рублей. В среднем за одну ночь они могли принимать от 3 до 6 клиентов, соответственно, заработок был в разы больше, чем в трудовой артели²². По этой причине проститутки возвращались к торговле своим телом.

Таким образом, в 1920-х гг. угроза венерических болезней, смертность от них вынуждали советских чиновников отходить от тезисов 1917 г., отрицания факта существования проституции в обществе, и искать пути регулирования данного вопроса. Советская власть строила свои суждения на том, что НЭП «возродил тайные притоны и сводничество»²³.

На данном этапе произошло более четкое понимание того, с кем конкретно должно «бороться» государство. Были определены две основные категории женщин, занимающихся проституцией: первая – это те, кто по различным вынужденным обстоятельствам продаёт свое тело. Им должна была помочь трудотерапия. Вторая категория – это «злостные проститутки», по мнению власти, у них не было объективных причин для занятия этой преступной деятельностью, трудотерапия здесь выступала как метод выявления такой категории²⁴. Дальнейших действий по работе с этой категорией проституток не было разработано до 1922 г.

В принятом в 1922 г. Уголовном кодексе РСФСР появились ст. 170 и ст. 171, определяющие наказание за принуждение к занятию проституцией, сводничество, содержание притонов разврата и вербовку женщин для проституции (Panin, 2002).

Таким образом, можно утверждать, что государство боролось с вовлечением в проституцию, то есть с условным «злым человеком», который виновен в том, что вовлекает женщин в этот род деятельности. Следовательно, сама женщина не фигурировала в данных статьях, а потому не могла привлекаться к уголовной ответственности.

Третий этап (1922–1924 гг.) – проституция – «общественно-отколотый» элемент, «недуг», который порождает венерические болезни²⁵. Верхняя граница обозначенного периода характеризуется постепенными разработками в области кадровых решений в связи с новым законодательством, а нижняя – переходом полномочий по надзору над женщинами, предоставлявшими интимные услуги, от врачей к правоохранительным органам.

С появлением Уголовного кодекса происходит плавный уход полномочий по регулированию данного вопроса от милиции к учреждениям здравоохранения. С одной стороны, это означает, что риторика советской власти по отношению к женщине

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ ГАКК. Ф. Р.– 319. Оп. 1. Д. 174. Л. 65

²² ГАКК. Ф. Р.– 319. Оп. 1. Д. 174. Л. 65.

²³ Броннер В. М., Елистратов А. И. Проституция в России до 1917 г. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927, 108.

²⁴ Там же. 54.

²⁵ Грязнов К. Проституция как общественный недуг. Меры к его врачеванию. В 2 ч. М., 1920, 202.

не меняется – она по-прежнему беспомощна, а значит, ей нужна государственная поддержка. С другой стороны, само явление воспринимается обществом как внесистемный элемент, некое «зло», которое является причиной венерических болезней. Это неизбежно приводит к тому, что власть, несмотря на желание оградить женщину от клеймения ее статусом «проститутки» и позже мягким вписыванием ее в государственно-общественный строй, вступает в борьбу с самой женщиной, а не с феноменом.

1923 г. – это период решения организационных задач. Он отмечен различными кадровыми решениями, обсуждениями и выявлением объективных аспектов в области борьбы с явлением проституции. В 1923 г. был проведен I Всесоюзный съезд по борьбе с венерическими болезнями. Он пришел к выводу о создании периферийных органов для борьбы с проституцией как с причиной распространения венерических болезней. На данном этапе продолжает отрицаться любой опыт дореволюционного надзора. Это приводит к формированию суждений о том, что борьба должна осуществляться в отношении содержателей притонов и лиц, которые занимаются непосредственной организацией продажи интимных услуг. Такая переквалификация цели позволяет сделать проблему более осязаемой, чем на предыдущих этапах, теперь главные проблемы – это преступный элемент (притоносодержатель) и венерические болезни.

В Енисейской губернии переквалификация проблемы не привела к существенным результатам. В 1923 г. вводится Положение о Советах по борьбе с проституцией²⁶ на основании Циркуляра от 30 декабря 1922 года за № 1117. При Енисейском Губернском здравоохранении организуется Губернский Совет по борьбе с проституцией. На него возлагалась борьба с проституцией в пределах губернии. Уездные Советы состояли из санитарного врача, он же являлся председателем Уездного Совета, представителей от Уездного Отдела Управления, от Управления профессионального

бюро, Инспектора труда, Уездного Женского отдела и Прокурорского надзора.

В соответствии с положением при Губернских и Уездных Советах мог быть организован фонд для борьбы с проституцией и венерическими болезнями, составляющийся из ассигнований правительственных и общественных учреждений, пожертвований, поступлений от спектаклей, лекций, концертов, гуляний, лотерей. В Енисейской губернии не было организовано отдельного фонда. Проблема финансирования была серьезной, так как члены Совета пытались трудоустроить «дезертиров» по женской линии, но не было средств и мест для получения ими квалификации.

В связи с организацией Советов был принят проект обязательного постановления по борьбе с проституцией, которым в дальнейшем руководствовалась Городская милиция при поимке, задержании притоносодержателей и сводников²⁷:

1. Воспрещается предоставлять помещение для разврата в гостиницах, трактирах, номерах, меблированных комнатах, банях, постоянных дворах и в частных домах.

2. Лица обоего пола, обнаруженные в притонах разврата, подлежат медицинскому освидетельствованию в лечебных учреждениях порядком, установленным Губздравом.

3. Лица, обнаруженные в домах разврата, больные венерическими болезнями, подлежат лечению порядком, установленным Губздравом.

4. Всякий больной венерической болезнью, заразивший здорового человека, подлежит уголовной ответственности.

5. Лица, которые использовали свое положение для вовлечения в разврат своих подчиненных, подлежат уголовной ответственности.

6. Виновные в неисполнении настоящих обязательных постановлений подвергаются взысканиям в административном порядке штрафа не выше 300 рублей золотом или принудительным работам до 2 месяцев, а в судебном порядке: за заражение другого лица венерической болезнью по 155 ст. УК,

²⁶ ГАКК. Ф. Р.– 319. Оп. 1. Д. 174. Л. 14

²⁷ Там же.

понуждение своих подчиненных к половой связи по 169А УК, за принуждение к занятию проституцией по 170 ст. и за сводничество и содержание притонов разврата по 171 ст. Уголовного кодекса.

7. Штрафы, налагаемые за нарушение настоящего обязательного постановления, передаются в фонд Советов по борьбе с проституцией: в г. Красноярске и в Красноярском уезде в пользу Губернского Совета, в остальных уездных городах в пользу Уездных Советов по борьбе с проституцией.

Проститутки могли выявить по «подозрительным деньгам» и их растрате, например скупкой краденого или в местах сбыта самогона. Все мероприятия городской милиции должны были проходить незаметно для того, чтобы не нарушать спокойствие остальных граждан, а также для того, чтобы скрыть неприглядную картину преступного мира, число преступников при этом постоянно увеличивалось²⁸. На деле же происходило так, что во многих местах борьба с проституцией «выливалась в борьбу с проституткой»²⁹.

Ярким примером такой борьбы является губернский опыт принятия самостоятельных решений для борьбы с явлением. В 1923 г. было принято решение о том, что лица, занимающиеся проституцией и происходящие из сельской местности, не утратившие связи с деревней, могут быть высланы через соответствующие органы в сельскую местность в целях помещения в такие условия, где занятие проституцией невозможно³⁰. Такие меры были неэффективны по ряду причин. Во-первых, сельская проституция являлась распространенным явлением в Енисейской губернии, так как отхожий промысел создавал условия для развития проституции среди женщин. Более того, во время гражданской войны каналы миграции проститутки из сельской местности в город были фактически перекрыты, поэтому можно утверждать, что многие так и оста-

лись проживать в селах. Во-вторых, одной из приоритетных задач власти с 1917 г. является охрана женщин, которые из-за материальных обстоятельств вынуждены заниматься проституцией. Здесь же наглядно просматривается тенденция к тому, чтобы закрыть доступ женщине к нормальной жизни – такие насильственные «высылки» равносильны наличию «желтого билета» в дореволюционной модели легализации.

На данном этапе юридические суждения не прошли проверку качеством результатов – финансовые вопросы тормозили работу органов, каждый из участников Совета действовал в своих интересах, а сама риторика о том, что нужно наказывать тех, кто вовлекает женщину, а не саму проститутку, не нашла отражения в повседневной действительности. В губернии по-прежнему занимались выявлением проститутки – а это задача Городской милиции, а не врачей. Следовательно, это становилось «ударной задачей»³¹, которая на деле не имела ничего общего с искоренением явления и бережным отношением и мягким вписыванием женщины в государственную систему.

Четвертый этап (1924–1929 гг.) – «проституция – это тяжкая болезнь», а борьба с ней – «это требование коллектива»³². «Проститутка – человек, который случайно, под нажимом обстоятельств, пошел по ложному пути и во всякое время может вернуться к честному труду»³³. 1924 год – период передачи полномочий по надзору над проституцией Гормилиции³⁴. 1929 г. – приняты постановления ВЦИК и СНК «О мерах борьбы с проституцией», в которых были тезисы о жестком преследовании проститутки³⁵.

Методы предыдущего периода оказались неэффективными. Государственные власти пробуют другие пути решения во-

²⁸ ГАКК. Ф. Р.– 745. Оп. 2. Д. 8. Л. 18.

²⁹ Броннер В. М., Елистратов А. И. Проституция в России до 1917 г. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927, 108.

³⁰ ГАКК. Ф. Р.– 742. Оп. 1. Д. 287. Л. 10.

³¹ Очередная ударная задача. Известия ВЦИК, 1922, 42.

³² Семашко Н. А. Новый быт и половой вопрос. М.: Санпросвет, 1926. 210.

³³ Каров А. Н. Проституция и новый быт. М.: Светоч, 1926, 32.

³⁴ ГАКК. Ф. Р.– 319. Оп. 1. Д. 174. Л. 15.

³⁵ Там же.

проса коммерческого секса. Исходя из парадигмы, что советское общество – это здоровый организм, построенный на социальной справедливости, то проституция в нем – это временная «болезнь», которая требует решительных действий со стороны государственных институтов.

Данный этап характеризуется активным взаимодействием милиции и венерических диспансеров при большей нагрузке на последние. Одной из приоритетных задач власти на данном этапе становится санитарно-просветительская работа, в том числе среди молодежи. Среди методов борьбы с проституцией были «суды над проститутками», где сознательно фокусировалось внимание на основных проблемных вопросах проституции. К обсуждаемым темам на таком суде относилось не только распространение венерических болезней, но и различные развратные действия, например суд над гражданами, нападающими на купающихся женщин³⁶.

Была организована просветительская работа среди проституток, а также в группах, наиболее склонных к проституции из-за социально-бытовых условий (прислуги кафе, ресторанов, домашние работницы). Работа такого характера велась среди мужской молодежи, прежде всего среди групп, прибегающих к услугам проституции – строительные и сезонные рабочие³⁷. Помимо этого, была организована работа на предприятиях – вводился ряд анонимных анкет, имеющих цель выявить подробности половой жизни гражданина, обращаемость к проституции и другие моменты, характеризующие «половой быт рабочих». С целью выявления «приблизительных размеров проституции», социального состава проституток, их бытовых условий диспансерами предпринимается ряд обследований очагов проституции: харчевен, ночлежных домов, вокзалов.

В этот период складывается четкое понимание того, что проституция и женщины, продающие свое тело на рынке сексуальных услуг, – неотделимые друг от друга

категории, а следовательно, борьба с феноменом приводит к борьбе с самой проституткой. Если на предыдущем этапе власти всячески пытались минимизировать репутационные риски женщины, то теперь это становится оправданным следствием и запросом общества.

В Енисейской губернии для Губернского женского отдела были предусмотрены мероприятия по проведению периодических осмотров среди женщин, записавшихся на Бирже труда. Они представляли собой определенную группу риска. Тем, кто находился в исключительно тяжелых условиях: одиноким девушкам, беременным, имеющим детей, работа предоставлялась в первую очередь³⁸. Осмотры проводились в новом венерическом диспансере, который позволил разгрузить красноярские больницы. С одной стороны, такие освидетельствования не позволяли женщинам оставаться полностью анонимными. С другой стороны, врачами осуждались «старые меры борьбы с проституцией», которые «осуждены самой жизнью: облавы, принудительные осмотры недопустимы»³⁹.

Отделом труда предполагалось организовать для безработных женщин работы по пошиву мешков. К сожалению, это мероприятие не увенчалось успехом. Оставались женщины, которые продолжали «промышлять развратом». Трудность учета таких женщин заключалась в том, что их отпускала милиция под предлогом, что они будут исправляться. В свою очередь, последние продолжали заниматься проституцией. Можно сделать вывод о несостоятельности законодательных суждений советской власти о трудотерапии и об искоренении явления проституции этим методом к 1923–1926 гг.

Предполагалось усиление надзора органами милиции «за пособниками и посредниками проституции», местами, где происходит вовлечение женщин в это занятие, «причем агенты милиции должны быть осведомлены о методах воздействия на над-

³⁶ Там же.

³⁷ ГАКК. Ф. Р.– 319. Оп. 1. Д. 174. Л. 10.

³⁸ ГАКК. Ф. Р.– 319. Оп. 1. Д. 174. Л. 7

³⁹ ГАКК. Ф. Р.– 136. Оп. 1. Д. 697. Л. 1.

лежащие их вниманию явления в духе и порядке современного государства»⁴⁰.

Милиция была перегружена поиском уголовного элемента, дезертиров. Более того, не всегда милиционер – это образец морали и нравственности, в связи с чем принимались различные положения о том, как должен себя вести блюститель порядка и закона.

Заключение. Законодательные суждения советской власти в губернии на первых этапах были представлены составлением нормативно-правовых источников, которые могли бы регулировать как вопрос проституции, так и явления, которые связаны с этим: беспризорность, женская безработица, алкоголизм. С другой стороны, губернская власть пыталась пойти по пути борьбы с людьми, которые причастны к вовлечению в рынок сексуальных услуг, а не с самой женщиной, что впоследствии оказалось затяжным мероприятием, а в условиях форсированности строительства нового общества это было недопустимо.

Таким образом, если говорить об эффективности и гибкости созданной системы, то деятельность Советов по борьбе с проституцией можно оценить положительно со стороны просвещения, а также в случае организации трудовых артелей. С другой стороны, организовать обучение женщин они не смогли, соответственно, не выполнили главную обязанность – многие женщины

трудоустраивались лишь временно, а значит, продолжали входить в потенциальную группу риска. Работа периферийных органов сводилась к планам, бюрократической работе и обсуждению. Действий для конкретного разрешения назревшей проблемы принято не было. Городская милиция была перегружена функционально, штата не хватало, требовалась постоянная учеба сотрудников в связи с постоянной сменой определенных документов в области проституции и притоносодержательства.

Властная риторика 1917–1929 гг. характеризуется динамичностью, изменением суждений и отношения к проституции. Общая тенденция к расширению правоспособности женщин и активному вовлечению их в трудовую деятельность не смогла ослабить «тиски нужды», которые нередко становились фактором жизнеспособности проституции. Новое советское государство постепенно изменяло свое отношение к женщинам, вовлеченным в данный промысел, но не к самому явлению. Коммерческий секс отрицался как феномен, который не искоренить. В такой парадигме меры не могли быть только профилактическими. Советское общество пробовало различные рычаги для ликвидации такого внесистемного элемента, как проституция. Нерешенность проблемы привела власти к выводу о том, что необходимо запретить проституцию на всех уровнях – с 1929 г. началось уголовное преследование проститутток, она была признана уголовным преступлением.

⁴⁰ ГАКК. Ф. Р.– 136. Оп. 1. Д. 697. Л. 3

Список литературы / References

Evtexhov, R. A., Palikova, T. V. Prostitutsiya kak instrument resheniya social'nykh problem Vostochnoi Sibiri i Dal'nego Vostoka vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. (Evtexhov R. A., Palikova T. V. Prostitution as an element of solutions to social problems in Eastern Siberia and the Far East in the second half of the XIX – early XX century) In: *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriia»*, 2022., T. 39, 28–39 (*Proceedings of the Irkutsk State University. The History Section*, 2022., Vol. 39, 28–39).

Gerasimov, N. V. Istoriya gosudarstvennogo regulirovaniya prostitutsii v Rossii. (Gerasimov N. V. History of state regulation of prostitution in Russia). *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2009, 71, 172–182 (Bulletin of the V.N. Tatishchev State Institute, 2009, 71, 172–182).

Gusserl', E. *Krizis evropejskih nauk i transcendental'naija fenomenologija: Vvedenie v fenomenologicheskiy filosofii*. (Husserl E. *The Crisis of the European Sciences and Transcendental Phenomenology: Introduction to Phenomenological Philosophy*) SPb.: V. Dal', 2004, 400 (Spb: V. Dahl, 2004, 400).

Hearne, S. Sex on the Front: prostitution and venereal disease in Russia's First World War. *Revolutionary Russia*, 2017, 102–122.

Panin, S. E. *Povsednevnaia zhizn' sovetskikh gorodov – p'ianstvo, prostitutsiya i bor'ba s nimi v 1920-e gg.: na materialakh Penzenskoi gubernii* (Panin S. E. *Everyday life of Soviet cities – drunkenness, prostitution and struggle against them in the 1920s: on the materials of Penza province*): dis. ... k. ist. nauk: 07.00.02, Penza, 2002, 319 (Dissertation of Candidate of Historical Sciences: 07.00.02, Penza, 2002, 319).

Список сокращений

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

НЭП – Новая экономическая политика

EDN: AUUBXI
УДК 004.738.5:316.6

New Communications in the Arctic (Taimyr Case Study)

Tatiana S. Kisser*

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 23.02.2023, received in revised form 27.02.2023, accepted 25.10.2023

Abstract. The article examines the effect of network communications, in particular cyberspeed, on the life of the indigenous population of Taimyr. Internet plays a dominant role in the general communications networks of the local population. In Taimyr, this innovation became an essential part of the traditional way of life and, moreover, it developed at a sweeping rate immediately embracing the most advanced technological communication platforms, including WhatsApp, and bypassing the older, less socially mobile ones. With new methods and forms of information exchange, the speed of its circulation has become incomparably higher. These changes inevitably caused a transformation of certain social institutions. Cyberspeed significantly exceeds the speed of the previous routine types of communication. A striking example of this was the speed of breaking news about the oil spill at Thermoelectric Plant-3 near Norilsk. Most residents of Taimyr learned about the spill from the Internet almost in the first hours after the accident. This effect, as well as the constant monitoring of events, influenced the speed of decision-making and the quality of decisions. While earlier the first to learn about the major incidents were the officials, the heads of a particular city, region, or country, in that case the first to know were the Internet users. On-the-spot photos and videos became so “viral” that even the top state officials also learned about the accident from the Internet. The “firing rate” of the chats in addition to igniting and intensifying emotions also helps in addressing the vital problems of the local population of Taimyr.

Keywords: indigenous peoples of Taimyr, cyberspeed, new communications, Internet, spill.

Research area: ethnography.

Citation: Kisser T. S. New communications in the Arctic (Taimyr case study). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2177–2192. EDN: AUUBXI

Новые коммуникации в Арктике (опыт Таймыра)

Т.С. Киссер

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассматривается проявление сетевых эффектов, в частности киберскорости, в жизни коренного населения Таймыра. Интернет-коммуникация занимает доминирующее место в общей сети коммуникаций местного населения. На Таймыре это новшество не просто нашло себе место в прежнем укладе отношений, но и обрело размах бурной стихии (более того, киберсфера Таймыра сразу стала развиваться на самых современных сетевых технологиях вроде WhatsApp, минуя прежние, менее социально мобильные). Появились новые способы и формы передачи информации, и скорость ее распространения стала несопоставимо выше. В силу этих изменений произошли трансформации некоторых социальных институтов. Киберскорость стала значительно выше скорости прежней обыденной коммуникации. Ярким примером этого стала скорость распространения информации о разливе нефтепродуктов на ТЭЦ-3 вблизи Норильска. Большинство жителей Таймыра узнали о разливе из интернета в первые часы после аварии. Этот эффект, как и постоянный мониторинг происходящего, повлиял на скорость принятия решений и их качество. Если прежде о таких масштабных происшествиях первыми узнавали должностные лица, руководители города, региона, страны, то на этот раз первыми были пользователи сети. Фото и видео с места событий «завирусались» настолько, что первые лица государства узнали об аварии тоже из интернета. Скорострельность чатов не только включает и накаляет эмоции, но и помогает в решении актуальных проблем местного населения Таймыра.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Таймыра, киберскорость, новые коммуникации, интернет, разлив.

Научная специальность: 5.6.4 – этнология, антропология и этнография.

Цитирование: Киссер Т. С. Новые коммуникации в Арктике (опыт Таймыра). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2177–2192. EDN: AUUBXI

The cybersphere is actively penetrating into all spheres of human life. The Web serves as a substitute of knowledge and a source of new information. The speed of this information spread often exceeds reality. In general, the relevant speed should be the one that is adequate to human thoughts, reactions, gestures, and actions. The cyberworld is becoming almost more of a reality than reality itself. As a cyberspeed theoretician, A. V. Golovnev once said, “the cyberspeed exposes and exaggerates

what is usually hidden by the ethics of mutual containment and the rule of ‘the morning is wiser than the evening’. The cyberworld has neither evening, nor morning; in it, as in the summer Arctic, there is an eternal cyberday. If anyone would like to respond, it should be done immediately” (Golovnev 2020a: 6, 15). Cyberspeed is as attractive as it is dangerous, because it does not provide for speculation, or grasping the full meaning of the information flow.

Cyberspeeds have their own range, matching a relevant set of virtual scenarios. In the first approximation, it is apparent that an average cyberspeed is much higher than any real-life speed: where before it would have taken a whole life to implement a plan, today it takes only a brief act of communication. At the same time, the effect of such an act is as short-lived as it is quick to achieve. The hypes, viral videos, interest groups have become the springs of the new mechanics of popularization, social lifts, expression of opinions, ideological protests, and organized actions. The notions of “on time” and “appropriate” have shifted from the real life to a virtual environment assuming the form of reposts, comments, and likes. Cyberspeed allows gigantic spaces and arrays of time to be compressed into instants and micro-particles. This new world seemingly has no space or time, only their avatars. The cyber-idea is often perceived as a death sentence of time and space. In reality, this is a new merged time-space that lives by its own rules and rhythms (Golovnev 2020a: 15).

Speed is no plaything to be enjoyed in one situation, and neglected in another. Given its “magic of transformation” (Golovnev 2020b: 74–75), it seems apparent that one of the ways to transform human nature is the humanization of inhuman speeds. A “network person” is a new reality both anthropologically and biologically. This person works in the networks, feeds from networks, makes friends and quarrels in networks, sees network dreams, seeks pleasure, happiness and immortality also in networks. The network has become its whole world, a virtual home, a protective shell. It is only through a network that one may reach or influence network persons (Golovnev 2020a:8, Golovnev 2021; 8).

Active involvement in the life of the Internet and its cyberspeed has become the driver for the emergence of a new communication system, including in the Arctic regions, a good example of which is the case of Taimyr. There, this innovation became an essential part of the traditional way of life and, moreover, it developed at a sweeping rate immediately embracing the most advanced technological communication platforms, including WhatsApp, and

bypassing the older, less socially mobile ones. Despite all the difficulties, the spread of new types of correspondence and personal relations has significantly affected communication in every sense. With new methods and forms of information exchange, the speed of its circulation has become incomparably higher. These changes inevitably caused transformation of certain social institutions. For instance, the politicians and administrators now often communicate with the population directly via the Internet. Social networks have become a way of mobilization and a tool for managing big groups of the population. In addition, the Internet has become a space for inter cultural communication (Golovnev, Belorussova, Kisser 2021; 61–63).

Internet on Taimyr

Until recently, the cyberworld was inaccessible to the indigenous people of Taimyr due to the lack of technological capability. While for most of Russia both high-speed Internet and high-quality communications have long since become an ordinary routine, in the Middle Siberian Arctic regions their use is still quite limited owing to the remoteness of the territory, long distances and the high cost of these types of communication. The difficult geographical and climatic conditions of the Arctic form a significant obstacle to providing high-quality Internet and communication access to a significant part of the population.

Owing to the fiber-optic communication line (FCL) project which started in Taimyr in 2014, broadband Internet access became available to the residents of the peninsula already in 2016 (the first over 200 km long line extended to Vankor, the intermediate point on the route). The permafrost conditions required the use of special technologies to build communications facilities¹. Norilsk received broadband Internet access in September 2017. The line to Taimyr was extended from Novy Urengoy. When it became clear that none of the Russian communication companies, including the “big three” federal telecom operators, was

¹ Na Taimyr provodyat shirokopolosny internet // Pravda. ru URL: <https://www.pravda.ru/news/districts/1224628-inet/> (access date: 30.05.2021).

planning to invest in the fiber-optic facilities, Norilsk Nickel took over the financing of the large-scale project. The project cost the company 2.5 billion rubles. The 956 km long line crosses the territory of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug and the Krasnoyarsk region. For the purposes of project administration Norilsk Nickel set up a subsidiary company “Edinstvo” (Unity)².

In 2019, 203 communities in the Krasnoyarsk region, including the Taimyr villages, received a high-speed Internet connection. ER-Telecom Holding was the leading operator implementing the federal Elimination of Digital Inequality project in the region. Taking into account the geography of the region, the technical solution involved the use of several telecom technologies, including “last mile”, satellite signal and radio bridge in the hard-to-reach areas. In total, it was planned to provide communications to 2,209 critical social infrastructure objects, including 942 educational institutions, 612 medical, 401 local administrations, and 161 Emergency Ministry facilities (fire stations and posts). The Ministry of Communications allocated 2.1 billion rubles for the implementation of the project in the Krasnoyarsk region. “Over 400 facilities to be connected are located in the regions of the Far North and hard-to-reach areas, without any surface road or accessible only by water. Of course, for us this is an ambitious project and an absolute challenge, since at the moment 827 social facilities do not have any Internet connection at all,” said Ivan Pichugin, CEO of the Krasnoyarsk branch of JSC ER-Telecom Holding³. The Krasnoyarsk Digital Inequality Elimination project was split into eight stages. The target completion date was December 2021.

The most remote Arctic community of Ust-Avam was connected to the Internet and mobile phone communications in 2020. It took several flights by helicopter to deliver the equipment from Dudinka. Specialists arrived separately with the necessary tools for installation. The

project required installation of special-purpose equipment capable of withstanding harsh sub-zero temperatures. Similar equipment had already been used before in the Norilsk industrial district known for its extreme climatic conditions⁴. The population received access to communications as part of the regional state program “Development of the Information Society”. The community became the northernmost of the project’s participants⁵.

In the village of Syndassko, free Internet access became available in March 2020 as part of the federal program “Elimination of Digital Inequality”. The community with the population of almost 500 people is located on the Khatanga Bay coast. Most of the Syndassko inhabitants lead a nomadic lifestyle; a quarter of the population is engaged in reindeer husbandry. The telecom specialists set up a public wi-fi access point in the village using a satellite technology. To do this, Rostelecom laid more than 3.5 thousand km of communication lines and connected 238 communities in the region to the Internet⁶.

According to the Taimyr administration, in 2020, residents of 13 communities in the municipal district received access to Internet services under the subsidized tariff plan, including free access to 40 official federal websites, via wi-fi connection. One community received access to mobile (cellular) phone communication services based on digital technologies. Access to mobile Internet and cellular phone services are expected in the villages of Volochanka and Novorybnaya in 2021. Base stations for providing communication services will be built in September-October, the construction costs will be covered from the regional budget. Providing the Internet access in remote communities is part of the regional state program “Develop-

² Poselki Taimyra podklyuchat k vysokoskorostnomu internetu // Taimyrskij telegraph. URL: <https://www.ttelegraf.ru/news/poselki-tajmyra-podklyuchat-k-vyisokoskorostnomu-internetu/> (access date: 30.05.2021).

³ Id.

⁴ V poselke na Taimyre v pervye poyavilas mobilnaya svyaz // Sibir. Realii. URL: <https://www.sibreal.org/a/30896646.html> (access date: 30.05.2021).

⁵ V otdalennyj arkticheskij poselok na Taimyre provely internet i mobilnuyu svyaz // LENTA.RU URL: <https://lenta.ru/news/2020/10/16/connect/> (access date: 30.05.2021).

⁶ Na Taimyre poyavilsya besplatnyj internet... // Kapital Strany. Federal Internet Media. URL: https://kapital-rus.ru/uznai/news/na_tajmyre_poiavilsia_besplatnyj_internet_v_odnom_iz_samh_severnh_naselehh_punktov_mira/ (access date: 30.05.2021).

ment of the Information Society”. Over the next three years, the program will facilitate creating conditions for the development of communications in various remote and small communities in the region. For these purposes, Taimyr was allocated over 17 million rubles in 2021⁷.

The website of the Taimyr Dolgan-Nenets district reports that in 2023 high-speed Internet will come to Taimyr by a line laid under the Arctic Ocean. In early August, the Arctic Connect project began laying an almost 14 thousand km long high-speed communication line from Helsinki to Tokyo under the waters of the Arctic Ocean. The developers of the transpolar digital high-speed line promise that the link speed for those who connect to the “northern cable” will be several times faster compared to other communication lines. The project is being implemented by Finnish and Russian operators Cinia Oy and Megafon together with Rosgeology. The project developers have already announced building at least 11 auxiliary branches to the mainland along the entire length of the line between Murmansk and Anadyr in order to supply electric power to the channel and provide high-speed communications to the northern regions. The branches will connect to the city of Norilsk and the Khatanga community. The laying of the Trans-Arctic cable has great significance both for the local population and for the Taimyr energy companies⁸.

The indigenous people of Taimyr highly appreciate the importance of the Internet and mobile communications, while noting the existing problems – accessibility, price, quality and speed:

“Today the Internet and mobile communications are most important. Now the next generation is growing on gadgets. I even show and explain to herders how they can quickly fix their location using their phones and drop a message with the exact coor-

dinates. Many even didn’t know that such functions were available, it’s just so convenient. I insisted that all herders were issued satellite phones with GPS, with an SOS button, so that they could call for assistance (PMA, Dolgans, Dudinka, 2021).”

“With the Internet, I get in contact directly with the countries that I am interested in, we hold video-conferences with the indigenous peoples” (PMA, Dolgans, Dudinka, 2021).

“We have Internet in the tundra, our children play and watch cartoons on YouTube, we have several phones, we rarely use them, but we can check the weather, a map, although the Internet connection is weak” (PMA, Nenets, Dudinka, 2021).

“Unfortunately, we don’t have the Internet yet in the villages, at least not to say that the people began to use it actively; we can’t get through to some villages by phone for hours, but they seem to be planning to make it better with the Internet, promise us something” (PMA, Dolgans, Dudinka, 2021).

From WhatsApp-chat “Dolgans”:

“In Khatanga wi-fi is 4,400 rubles per month, but only WhatsApp works, photos upload, forward. For Sberbank online you need to wait until it loads”;

“WhatsApp link in Khatanga itself is quite low, rarely anyone connects, from other villages people connect more often, although videos are still extremely slow to load”;

“In Popigai connection is very bad, it is impossible to talk normally on the phone, the connection breaks off, you have to call back several times”;

“Taimyr is different and the problems are different. Here, in Khatanga we do not have mobile Internet, since there are no 3–4G towers, it takes an overland or under water cable, and satellite Internet is expensive, unlimited tariff from 4,000 rubles.”;

⁷ V dva poselka na Taimyre vperve provedut sotovuyu svyaz i mobilnyj internet // LENTA.RU. URL: <https://lenta.ru/news/2021/04/27/connect/> (access date: 30.05.2021).

⁸ Vysokoskorostnoy internet pridet na Taimyr so storony Severnogo Ledovitogo Okeana // Krasnoyarskiy rabochij. URL: <https://krasrab.ru/news/media/9889> (access date: 30.05.2021).

“In Khatanga, good connection and Internet may be only in the remote future. As for now it would be great to talk on the phone normally”.

Cyberspeed

A striking example of new communication technologies importance in the life of the indigenous peoples of Taimyr was the spread of the news about the largest man-made accident in the Arctic in recent decades – the spill of oil products at Thermoelectric Plant-3 near Norilsk. While earlier the first to learn about major incidents were the officials, the heads of a particular city, region, or country, in that case the first to know were the Internet users. On-the-spot photos and videos became so “viral” that even the country’s President also learned about the accident from the Internet. The people split into different groups – those who used the accident as a hype, as opposed to those who tried to use the network for immediate information and response. Similar incidents already happened at Norilsk Nickel before, but in the absence of Internet or mobile communication, many accidents were never made public. According to our survey, 95 % of respondents learned about the spill from the Web:

“We learned everything from social networks. An employee of Rosprirodnadzor shared photos, and it all became known. That person did well, she distributed the information everywhere, even though she lost her job in the end, but that was a cry of the heart” (PMA, Dolgans, Dudinka, 2021);

“In the afternoon of May 29, we received some videos, first of a car burning, and then, already on the 30th the guys shared a video from the place of the accident itself” (PMA, Dolgans, Norilsk, 2021);

“I learned practically at once, the accident occurred, and they immediately sent me a video on WhatsApp. I didn’t get it first hand. Those who made the videos shared with friends, and they forwarded them to me. I don’t know this person, but we had his

video 20 minutes after the accident. I didn’t watch the video right away, but I distributed it in WhatsApp chat “KMNS”, in V Kontakte “Overheard in Dudinka” (we have an agreement with the administration that we send them materials). I was sent those videos because I can quickly spread information on the Web. When it became clear that it was an accident, a catastrophe, the authorities immediately began plotting, looking for contacts. We saw that they tried to cover it up completely. I also dropped it at the same to “Mobile Reporter” on Rossiya TV channel, but they remained silent, though before they always posted my videos quickly. At first, they still tried to hide it, but there were enough frames, there was no way to keep the information in the Web under cover. I believe they could have still kept this information secret. All information was received mainly from the Web. The reports were regularly updated in “Overheard in Dudinka” group” (PMA, Nenets, Dudinka, 2021);

“At the time of the accident, I already knew, they sent me a video. I sent a message via the Internet portal to the President and the Minister of Natural Resources “ (PMA, Dolgans, Dudinka, 2021);

“I found out about the spill on the 2nd day after the accident, from a WhatsApp group” (Survey data);

“We learned about the accident from photos in social networks before it was reported in the official media” (Survey data);

“I found out via WhatsApp chat Dolgans” (Survey data);

“From the chat KMNS. Politics. IP”, later the information appeared on central TV channels” (Survey data);

Main sites where information accumulated were WhatsApp chat “KMNS. IP. Politics” (the most mobile communication channel) and a public page in V Kontakte “Overheard in

Dudinka” (PVD)⁹. That was where all the most up-to-date information was published, a kind of the events time-line update. That triggered a public discussion in the comments, which is still available in Vkontakte:

“The sources were the media, common WhatsApp messages in Norilsk and Dudinka. And then, a week later it was shown on central television” (Survey data);

“All information about the spill was available on the Internet” (Survey data);

“Media, WhatsApp chats “Dolgans”, “Family”, Vkontakte group “Overheard in Dudinka” (Survey data).

Cyber-Chronicle of Events

On May 29, 2020, the head of Rosprirodadzor S.G. Radionova published in her Instagram a post about a car igniting in the territory of Power Plant-3 of JSC “NTEK” in Norilsk after hitting a fuel tank with a resulting tank rupture. It was noted, that the territory was contaminated with oil products, and that Rosprirodadzor intended to perform a verification check and take soil samples.

The public page “Overheard in Dudinka” posted first news about the accident on May 31, 2020. “Norilsk suffered a shocking ecological disaster unparalleled in scale in the Arctic region. 20,000 tons of diesel fuel spilled into the river. Owing to the high fluidity of the fuel, there is a danger that boom containment would not prevent poisoning Lake Pyasino; the Pyasina River along its entire length, and the spill would reach the Arctic Ocean and contaminate the coast. The official Russian media say nothing on the subject”¹⁰.

The post quoted a letter from Norilsk city prosecutor V.A. Bolshunov addressed to the acting district prosecutor of the Krasnoyarsk region A.G. Bloshkin of May 31, 2020. It stat-

ed that on May 29, 2020, the city prosecutor’s office received information from the duty officer of the Public Safety Answering Point of Norilsk about the spill of diesel fuel (oil products) onto the driveway of the access road of the industrial site of Thermoelectric Plant-3. The letter further stated that the situation was qualified as a local emergency. A video file and 4 photo tables attached to the letter were also included in the publication.

As of today, the post has been viewed by 70,198 people; there are 280 comments to it, 404 likes and 47 reposts. In the comments, the author of the post indicated that the information was received through third parties. Immediately, links to other sources about the accident followed. In the first hours, people who left comments under the post did not believe the scale of the disaster: “where did the author of the post get the figure of 20,000 tons? It says 20 tons”; “somehow this information does not match the inspection results, stamped and signed by the city prosecutor; the inspection report stated that the water bodies were contaminated, and this site does not say so, nor are there any references to the inspection papers...”

By June 1, almost no one doubted the reliability of information or the scale of the tragedy, which was confirmed by numerous references to eyewitnesses’ or those familiar with the situation evidence, as well as the publication of several open letters to the President of the Russian Federation. On the same day, the information about the spill was confirmed in the media by the Deputy Head of the regional government Anatoly Tsykalov, which was immediately broadcasted online.

In the following days, the events timeline was published in “Overheard in Dudinka”. The people of Taimyr used the social networks actively to spread information about the accident, there were numerous messages inviting people to do so:

“Dear Northerners, we can’t afford a hands-off approach in the case of spilled fuel, let’s try to air the issue as much as possible on the Internet, it’s our children’s land, let us protect their future. Sign to the Instagram,

⁹ Overheard in Dudinka. URL: <https://vk.com/pvdinddk> (access date: 25.05.2021). The chronicle of the spill can be viewed from page 109 in the news feed.

¹⁰ Here and further on quoted by posts and comments from “Overheard in Dudinka” Vkontakte.

Vkontakte, Odnoklassniki, etc., let's save our region”;

“Yes, the Internet is already full with it. It remains to go out into the streets with banners”

“Quite right – let the whole country see, the entire world”;

“It's not that easy to make a noise in social networks, they may delete comments, block a profile in groups; against the background of news about riots in the United States, the news of this catastrophe is not considered a ratings-booster, and thus the administrators are not too willing to post, I receive lots of answers like this from social networks communities.”

On June 3, 2020, Vladimir Putin held a meeting on the spill at Thermoelectric Plant-3 and imposed an emergency mode. The president harshly addressed the CEO of the company Sergey Lipin: “Are we going to find out about the situation from social networks? Is everything all right with your health there?” The news was immediately published in the PVD, and in the comments the users noted the key role of social networks in the fact that the information reached the first person:

“Finally they heard us; we will continue to follow the situation closely. Apparently, everything is quite serious, since the President knows already. Many thanks to everyone who distributed this information in various media, after all, we are a force together, keep it up! Lots of pride in consolidation!”

“If it weren't for social networks, when would they have found out about it and what scale the catastrophe would have acquired?”

“The news might have spread faster if the local media had worked properly.”

“Apparently, the Prime Minister visits the “Overheard in Dudinka” regularly. If it weren't for us, he wouldn't have known.”

On June 4, 2020, the administrators of the PVD site published a summary of events by the hour from the day of the spill. The administrators analyzed the entire time-line, starting from the accident and the burnt-out car. At the same time, a publication was posted on the website of the Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Krasnoyarsk region with information about the beginning of pre-investigation check in relation to the fact of oil products spill. On the same day, the head of Rosprirodnadzor S. Radionova published information about the accident in her Instagram account: “...The Diesel fuel spilled outside the industrial site of the facility. So far, we are talking about 20 thousand tons of spilled petroleum products. The fuel got into the stream, and then into the river Daldykan – in the photo you can see the water from the river. The scale of the damage to the soil and the water body will be known in the near future. Currently, the spill is being liquidated. Our inspectors continue the examination, although the security guards do not allow us access directly to the place of emergency. An administrative investigation will be initiated.” An hour later, NTEK gave an official comment, and from May 31, a constantly updated news feed was set up on the Norilsk Nickel website.

In the comments, the users, on the one hand, thanked for the review, and, on the other, noted that too much attention was paid to the event – so much so, that all other citywide and local news of Taimyr disappeared from the content:

“Respect to the author of the post! Tracked it perfectly. Remember, it takes some effort to put it together. That's how the media and PR people should work.”

“Scroll down, it's all the same. Is there anything about our city? I don't read it anyway; I saw it all in the news today”;

“Norilsk Nickel reported everything in the prescribed manner; do not be naive, it is impossible to conceal spills of that scale,

especially when they are visible even from a satellite. An interview with one of the directors of Norilsk Nickel confirms this.”

On June 5, 2020, satellite photos of the mouth of the Ambarnaya River with the intercepted tail of an oil slick and a photo of the southern part of Lake Pyasino were published. In addition, data on the progress of the elimination of the accident were also published: “According to the latest data, almost 300 tons of oil have already been collected, over 26 tons have been disposed of. An area of 4.6 thousand square meters was treated with sorbent; it was also used for the disposal of collected fuel. In addition, more than 3 thousand tons of contaminated soil were removed to an industrial dump in the territory of Thermoelectric Plant-3 for further disposal.” On the same day, the media published Vladimir Putin’s speech at a meeting on the accident damage control. After that, the frequency of the posts about the event diminished: while there were 3–4 posts daily in the first days of the accident, by June 7, the public interest in the event decreased, and the number of views fell down to 4 thousand.

All subsequent posts contained mostly visual material (photos or videos from the scene). For instance, a spectral satellite photo of the spill was published. One photo shows the booms with the fuel accumulated in front of them, noticeable by the yellow color. Interestingly, the two lakes nearby are also visible in yellow; and in another photo on the shallows near the rivers Ambarnaya and Volochanka some yellow spots may also be seen.

On June 10, 2020, the media published information about the visit of indigenous people’s representatives and community leaders to the site of the accident, where they performed a rite of water purification and made offerings to the spirits. Some of the comments were rather ironic: “The spirits, of course, must be appeased, but when it all began, I mean worship of the spirits, the elements of nature, no one knew anything about oil spills yet!” On June 17, 2020, a post about the outcomes of the emergency response actions produced the following comments among others: “Are you not tired of the subject yet... it’s all already un-

der control! The guilty are punished! Why you keep sticking your nose where it is not worth doing!”, “Stop making noise, and everything will die away quickly.”

One of the specific features of Internet communications and the lightning-fast spread of information are the inevitable fakes and dumps. Thus, on June 30, 2020 V Kontakte posted a fake about fish:

“And here are the consequences... Photos and videos presumably of the southern shore of Lake Pyasino, the consequences of the spill. Unfortunately, the author did not indicate where he shot them, nor did he or she give any name.”

The photos showed a small green fish washed up to the shore. The author of the post decided to exploit the topic of fish poisoning in the Pyasino basin and the consequences of the accident for fishing and the condition of fish, provoking subscribers to a discussion. Despite the fact that the post collected 129 likes, 85 reposts and 8,500 views, subscribers were quite skeptical of this information and did not believe in the reliability of the materials provided, they demanded facts that would confirm that this fish was from Pyasino:

“Who is this wretched fake bullshit designed for?”

“I need objectivity, not gossip, which can only once again mislead the people already disoriented in the flow of chaotic information.”

On July 12, 2020, when pumping jet fuel from a barge to a production warehouse located near the village of Tukhard, a pipe was depressurized. The incident caused the spillage of aviation fuel. Over 44 tons of fuel ended up on the ground of the helipad territory. Information about the aviation fuel spill spread instantly across the network and via mobile communications:

“I got a call from Tukhard, they said there was an accident – kerosene spilled, 44.5

tons. I started asking the FSB, they knew about it, but said it was about 10 tons, maybe even a little less. I wrote them that it was 44.5 tons. They were surprised, asked where I got the information from. I don't disclose my sources, I told them to find out from the company, and half an hour later I texted them again on WhatsApp, and they replied that the company confirmed the information" (PMA, Nenets, Dudinka, 2021).

Thanks to the extensive coverage of this accident in the Web, the rapid spread of relevant information through all possible channels, the management of Norilsk Nickel acted promptly both in terms of damage control response, and in relation to communications with the indigenous population and the development of a program to support local residents who were directly affected by the accident. Today, the indigenous people and the company are building a dialogue, implementing joint ethnic projects and conducting open monitoring of the consequences, largely due to the influence of the cyberspeed.

The Firing Rate of the Chats

WhatsApp chat "KMNS, IP, politics" was set up to accelerate the speed of the distribution of information and improving communications in Taimyr. The subscribers are the representatives of five indigenous peoples (Dolgans, Nenets, Nganasans, Ents, and Evenks), members of local administrations and entrepreneurs, as well as the employees of Norilsk Nickel. In cases like this, the messengers and social networks serve as the place of inter-ethnic dialogue and communication. No wonder they say that "WhatsApp is very popular in Taimyr, and in Yakutia, for example, Viber (Ya. Ya. Yaptune)".

"Thanks to such chats, we can communicate with our home people, feel their support and unity. For instance, about 300 people live in my native village of Syndassko, and there are 242 of us in the chat, it is clear that there are many people in it who were born in the village, but now they do not live there, but thanks to this they still have a connection with the motherland" (A. Eske).

This chat was set up in January 2016 on the initiative of the district administration as part of a program to communicate with the people (the idea came from Moscow). However, the administration did not have the opportunity to control the chat; hence, it was suggested to create a parallel chat and hand over its administration to the members of the public.

"I added the words "Politics", and "IP (individual proprietor)" to the title, it was our joint decision in the chat. Members of the chat are entrepreneurs, politicians, local Duma members, fishermen, reindeer herders, and ordinary people. I know personally about 60 % of the members. We also tried to add the head of the administration, E. V. Vershinin, but he unsubscribed after 20 minutes, it seems the officials are afraid to be in the chat, so as not to become the opposition. I am the main administrator, and I have all the rights, but I also may give administrator rights to other people on request, and they may add whoever they want to the chat. The maximum number of subscriptions in our chat is 280 people, sometimes I delete those who are silent or whom I do not know at all. The most active in the chat are the Dolgan women. I come up with the content for the chat myself so that it doesn't become boring, sometimes I give a few days to rest, I don't write anything, but people write themselves, they share news, and discussions begin immediately. The topics are quite varied – from Lenin to fish in some lake, literally to small fry" (Ya. Yaptune)".

Since April 29, 2021, I am also a member of the Taimyr WhatsApp chat "KMNS, IP, politics", with 256 people, and 7 administrators. In order to become a member, it is necessary to be personally acquainted with one of the admins, who must "approve" you, then introduce you to all the participants, after that you become a full member. There is also another way – "by recommendation", in my case both applied, first I was recommended by one of the Dolgan community leaders, one of the administrators (Gennady Shchukin), then I personally met the

administrator and the chief moderator Yakov Yaptune during an expedition on Taimyr, and he added me to the chat. This is what Yakov 's message looked like: "Tatiana Kisser, PhD in History, a researcher, works in St. Petersburg, in the Russian Academy of Sciences, an ethnographer, works with the indigenous peoples. Just added", in 3 minutes a new message in the chat "Oooh... I have her business card."

Getting to know the chat administrators helped in organizing the field work on Taimyr. First, the administrators know almost all the local population and can give contacts of a potential informant, it turns out that today the chat administrators have more information than the local administration or the Department for the Indigenous Peoples affairs; second, they know the general situation in the area, are aware of the main problems and discussions of the indigenous population, what are their concerns; are knowledgeable in many topics, and can give answers to any questions. Of course, we took advantage of their contacts in conducting our research, many of our interlocutors were participants in this chat, with many others we arranged meetings on WhatsApp. Many people in the chat knew about our expedition, some of the messages read: "Hi, Yakov! Explain to me now, what should I tell Tatiana Kisser, that is, since you gave her my phone number?"

For six months, I observed the life of the indigenous people of Taimyr using their chat, in a way, it was a kind of web-based station. The daily flow of messages (at least 60 messages per day), the dynamics and intensity of information exchange highlighted one important property of such communication, namely the "firing rate" of the chats. The rate of the chats and the dialogues in the web is so high, that it turns on and heats up emotions. A person does not always cope well with the hurricane nature of information in the Web, or with its rate of fire (without a chance for a "second thought", or 'the morning is wiser than the evening' approach). A person is defenseless against the informational and emotional cyber-shells and cyber-explosions. Quite often, the loss of control over the flow of events and emotions brings a person to a nonplus, or even makes him/her a victim of a cyber-crowd (cases of cyberbul-

lying have become more frequent recently). (Golovnev 2020a: 15.16).

Topically, all messages could be arranged in several groups. Most of the content is taken up by news (federal, regional, and local), the speed of the coverage at that is comparable to the most popular information portals, thus, whenever anything happens on Taimyr, one of the chat participants would be reporting it online both as text messages and photos. Discussions of the indigenous population and Taimyr problems (from the environmental to social, ethno-cultural and economic) are often quite intensive and emotional:

And there's another thing, for those who think they live too far away from Norilsk and the environmental problems of that city do not "reach out" to them. For instance, the people living in the remote communities. Last year we often discussed Kayerkan coal, practically the only imported solid fuel for local communities, this coal has a very high sulfur content. Just imagine hundreds of ovens in villages, smoke settles directly over the territory, covering the snow, puddles, and ground. Mixed with water, it turns into, as we found out yesterday, an unstable sulfuric acid compound. Soil in the villages is covered with a thick layer of slag from the same coal. And all this gets with the meltwater into rivers, and with air and dust gets into the living organisms.

The Enets language has no 100 % chance of survival. The language survives well only in remote areas, in the tundra. It is impossible to force the children to learn a language.

I don't believe anyone has any plans to revive reindeer husbandry. I think there are plans to relocate people from the loss-making villages; that, I think, may be true, yes.

Pastures are spoiling because reindeer herders are not moving along the set routes, as it used to be. In just 4 years, the pastures have been ruined in our tundra. Just think, how many years before did our ancestors

roam these territories. Each reindeer herder had his own route.

Have you ever been a herder yourself? It is they, who slaughter the deer, if you did not know. But these are their private deer and it's up to them to decide whether to do it or not, and not the people who sit in the chat rooms.

Who are you to teach the herders whether they should slaughter the deer! Some people live in cities and are still trying to teach the reindeer herders.

It's just infuriating, people who have no idea how to herd deer, still want to think up laws. It's just that I grew up in the tundra. My parents have been herders all their life, and still are.

Observations show that the chat's speed of response is most pronounced in emotions, discussions and actions. For instance, ordinary news publications trigger no emotions or disputes, reactions are minimal or reduced to zero, the participants take note of the information, but do not react actively. At the same time, if an event or a message provokes an emotional, often poorly controlled flow of messages, not only the response rate is high, but also a group of people involved in the discussion is much larger. Examples of this type of high response triggers are any reports about oil spills, or about the consequences of previous accidents:

Traces of oil were found in the area of last year's fuel spill in Norilsk – the head of Rospirodnadzor Radionova. Right now, we are trying to verify the news.

Of course, they would be found.

The water is high again now, the fuel will be washed down from the shores again into the lake and the poisoning will be repeated. Norilsk Nickel was wildly lucky last year because of the wind.

Please, share a link to Radionova. Just if its oil, it must be something else.

Just tell me, whom to believe, some are still talking about the consequences of the ac-

cident, others say that there are more fish in the river. Or maybe those areas were not affected by the accident?

Ahaha, more than 20 thousand tons of diesel fuel, that would be about 7 train tanks, just disappeared in the waters of Pyasino, damn, are they sick in the head?

Quite right. They've been crying and still cry for help, beg for advice. But the pictures are different. How can one understand their duplicity? "every frog praises its swamp", a "mutual admiration society". So they play hide-and-seek among themselves. Shame!!! It's first time I hear that diesel fuel stimulates fish spawning.

The diesel decomposed into molecules.

It appears that since the amount of fish increased, the accident was only to advantage.

Yes, now I know for sure that my community, I'm told, caught a lot of fish... Horrors!...

The speed of response grows when discussions involve the most pressing hot topics, and these discussions, as a rule, are not limited to just one day, but stretch over several days in time. The latest and striking example was the discussion about the construction of a new village of Tukhard on the site of the current one and the relocation of its residents to other Taimyr villages for the period of construction.

Norilsk Nickel started the procedure of free, prior and informed consent (SPOS) for the indigenous peoples of the north in the Russian Arctic and invited them to choose a pattern of the Tukhard villagers' relocation. Despite the fact that the SPOS procedure is not directly required by the Russian law, Norilsk Nickel voluntarily recognized the international standards and, in accordance with the UN Declaration on the Rights of the Indigenous Peoples, was ready to follow the SPOS rules¹¹.

The village of Tukhard is located 76 km away from the Arctic port of Dudinka at the

¹¹ "Normickel" obsudil s zhitelyami poselka Tukhard stroitelstvo novogo zhil'ya. URL: <https://www.normickel.ru/news-and-media/press-releases-and-news/nornickel-obsudil-s-zhitelyami-poselka-tukhard-stroitelstvo-novogo-zhilya/> (access date: 14.03.2021).

base of the Taimyr Peninsula. Tukhard was founded in the 1970s for the builders of Norilskgazprom near the Nenets settlement and therefore turned out to be located in the sanitary protection zone of the production facility, however, according to the Russian laws, no permanent residence in such zones is allowed.

Norilsk Nickel offered several solutions to the problem of relocation based on informed prior consent, including moving into new homes. At the same time, the indigenous population would not have been torn away from their traditional environment, the fishing and hunting estates and their lifestyle, since the New Tukhard would be located only 1.5 km away. They also offered some alternative options, including the purchase of housing in other villages of Taimyr or in Dudinka. The company planned to complete the construction of the infrastructure and the houses of the new village agreed with the residents, as well as the purchase of apartments in 2026.

All these events triggered a heated discussion in the chat both among the residents of Tukhard and among the entire indigenous population of Taimyr. The discussion lasted several days. A meeting of the representatives of the company with the Association of Indigenous Peoples took place on October 13, and the discussion is still in progress.

How did the meeting in Tukhard on the new village go?

The assembly is still in progress.

What did they talk about?

You may choose where to move.

A new village, Dudinka or to other communities to your relatives.

Your opinion is important to us, so that everything would be according to the SPOS procedure. This is for the first time in Russia.

Initially, surveys for any construction should be carried out, during which the required depth of laying pile foundations is determined. I don't remember any surveys there.

New village must be connected to gas pipes extensions for heating and gas burners, hot and cold water pipelines, also there must

be a kindergarten, a small school, a store, and warehouses; the houses should meet the Arctic requirements, instead of the sandwich panels, also there should be power lines to residential buildings, a stable Internet and mobile phone connections.

Fix everything on paper and then start negotiations.

A school and kindergarten should be equipped with everything necessary to provide all educational services and assistance. If these items are not included, then there is no point in meeting.

They will not be able to move everyone to Dudinka or to Karaul. There are also the herders' families.

And who will be collecting information on the construction of a new Tukhard?

Well, in terms of landscaping, choosing location for a new village, etc.

It is important that the indigenous people of the village are involved in the process of collecting signatures. We all saw how difficult it was to collect documents for payment of compensations from Norilsk Nickel after the fuel spill, all because it was a girl from Moscow who was responsible; she knew nothing either about the local people or the conditions they live in, who could not tell the Dolgan from the Nganasan, or the Nenets.

The discussion still goes on, there are representatives of the local administration and companies in the chat, all opinions are monitored, in today's situation, it is difficult to imagine that Internet sites are not used to collect the public opinions and measure the degree of tension. The representatives of the administration and the company rarely take part in discussions, more often they are invisible observers, although sometimes they show signs of life in short messages Local deputies are a lot more active in the chat, and they do not hesitate to react.

Another important manifestation of the "firing rate" of the chats is the activism component. It was thanks to the activism in the chat that it was possible to solve many problems that required immediate, quick action. For example,

in October 2021, all Taimyr chat rooms shared information about two people who left the village of Nosok in a motor boat to go home by the river Huriha; a day later they reported that they got lost, ran out of gas, and went ashore. A call was sent through the chats to assist in the search.

Wow. We should hurry up to find them.
 Now the channels will freeze and there will be no way to get to them, either by snowmobile, or by boat.
 Only helicopter. Also, they are both sick, the woman barely walks at all.
 It's good if they sit in a hut at some camp-site.
 Not found yet? No news?
 I don't get it somehow... Is it not possible to get there by boat? From the villages, production sites? Everyone is complaining that the helicopter didn't fly! And what about moving their own asses? Remember, in winter, how long the Ust-Avam fellows searched for a guy who got lost in the tundra, knee-deep in the muddy snow, on their drowning snowmobiles? What was the distance from the village? Or, maybe on the left bank the people different?

Such emotional appeals had their effect, and many made independent attempts to search for the missing: "My brother searched, tried at least, but he is alone, the ice is freezing in front of his eyes, there is only his wife with small children at home, and a lot of gas is needed. Their son-in-law was also looking alone, they are staying at different camps." In addition, people started sharing maps with the indication of a possible location to limit the search area. From 10 a.m. the chat began to fill with the messages like "we also discussed with my husband early in the morning, he showed me the maps where they could be," literally 10 minutes later a message appeared in the chat that a helicopter was sent to search for the missing. Reports were received every hour "no news from Emergency Team yet", "information on the search: a helicopter of the civil defense and emergency department flew to Dudinka, with O. L. and G. P., "the missing have been found".

In addition, the chat rooms and social networks are used to influence the authorities, for example, in the autumn of 2021, there was a food shortage in the Arctic. Back in August, a video of the empty shelves in local stores was posted on Instagram by a local Duma member Mikhail Ivanitsky. According to him, there were no fruits, vegetables, sausages, or dairy products in the stores¹². Similar situation occurred in the neighboring Yakutia and in Chukotka¹³.

The people of Taimyr decided to use the chats to share information about the lack of products: "It's all over the chats. Now we are posting collective appeals from the residents of Syndassko and Popigai, an emergency regime will be introduced. There are no essential food products in the villages, we will take all necessary measures to organize food products delivery by helicopter." The problem with the products delivery was closed for a while, helicopters were sent. Many people believe that the administration's quick response was due to the activism of the people, who actively shared messages about the problem and the need for help via the networks.

Similar chats were set up one after another by each of the five indigenous peoples: "the Nganasan Association has its own chat where we communicate, young people have split off, they have their own chat" (V. Bolgova), "the Dolgans gave a chat in WhatsApp" (A. Eske); every village has, "our village Syndassko joined in a chat, there are both those who live here, and those who have already left" (A. Eske); "I know that in Volochanka people communicate in a WhatsApp chat" (O. Porotova); and each family also tries to create its own virtual group for communication; "I started the 'Kinship' chat, but I myself have already left it, let them now use it on their own" (O. Porotova).

¹² V Taimyrskom sele zhiteli stolknulis s defitsytom produktov v magazinakh. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4947750> (access date: 01.10.2021).

¹³ Zhitelyam Yakutii nachali sbrasyvat edu s samoletov. Ver-tolety chinovniki poschitali dorogimi. URL: https://fn-volga.ru/news/view/id/173127?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (access date: 12.10.2021); Na Chukotke vznik defitsyt productov. URL: <https://www.bfm.ru/news/484359> (access date: 24.10.2021)

The idea to set up a WhatsApp chat “Dolgans” came to Olga Porotova (Dudinka) and Nadezhda Kudryakova (Khatanga). As O. Porotova, recalls Nadezhda suggested: “Olya, look here, see how many chats people have opened, we have “KMNS” here, but why don’t we have our own?” (the Nganasan and the Nenets already had their chat groups).

“We have 10 administrators from different districts and villages. We take an admin from each village so that everyone could add their own people, we wouldn’t get anywhere without it. And today we are really very proud that we have this chat, we communicate here in the Dolgan language, no need to be shy about it. Today I sent everyone Easter greetings in Dolgan. In response, people happily wrote back to my personal account in Dolgan, they are still shy to use it in the chat: “Olechka, you are so wonderful, you write in Dolgan, thank you for that” (O. Porotova).

The main topics cover the Taimyr news, a lot was written about the oil spill. People discuss the history of the Dolgans, many young people check back – they know almost nothing about their people. They write: “Are we the Dolgans? And why are we not the Yakut? Seems we were the Sakha”. Those who know their people well explain it in the chat, describe the Dolgans history.

Saving the language in the chat is one of the main topics. The chat was set up largely in order to revive our native language. The idea of preserving the language with the help of WhatsApp has developed into a separate project where adults learn the language in an interactive format with their children – this is a kind of family project:

“We often say to young people: “Let’s try writing in Dolgan, don’t worry about mistakes, so much for talking only Russian.” They say: “But you will make fun of us”. But we ourselves didn’t learn the language before, we’ve just started since 1995 or so to study the Dolgan as a foreign language at school, and then only one hour a week. I of-

ten post copies of pages from a dictionary in the chat, and share them with everyone, let them learn that at least. In response I get: “Look forward to a next page”. One of our leaders wrote: “Olga Gavrilovna, please, send me the dictionary pages to my personal account to avoid public embarrassment in the chat.” But it’s no shame, we are reviving the native language, we want to speak it” (PMA, Dolgans, Dudinka, 2021).

Moreover, the chat, in addition to reviving ethnic identity, also makes it possible to search for relatives: “My friends and I are working as a search team in the chat, helping to find relatives. One Dolgan woman married a Yakut and wrote to us: “I’m from Khatanga district, please, help me to find relatives.” We posted information in the chat, looked for and found her relatives” (PMA, Dolgans, Dudinka, 2021).

The chat has its own rules, for example, only Dolgans or those with the Dolgan roots may be members:

For me, the Internet is an assistant in the promotion and popularization of the Dolgan language and culture. A lot of people write to me, respond to my messages, thank me and say: “Thank you very much, thanks to you we learned who the Dolgans are, who we are.”

The chat is also interesting because here one can have the latest political news, get information about all kinds of projects, contests, creative people, about various events, the lives of the indigenous people; get mutual assistance in difficult life situations, or in translating words into the Dolgan language and much more.

The Dolgans chat is useful, interesting to me, there’s a lot about the legislative framework, the customs of our people, the Dolgan songs also. Many friends. There are other chats also – “Syndassko Fraternity”, “Relatives”.

To be honest, the Dolgans chat is very useful, first of all we learn the latest Taimyr

news, people often write about the revival of the Dolgans, the customs of their ancestors, you can hear nice Dolgan songs, poems, there are a lot of both older and younger generations in the chat, there are old Dolgan recipes, how to cook Dolgan dishes... it's so cool. There are many more chats, for example, "Syndassko", where we talk with our home people.

The development of new communications and networks has led to the actualization of the topic of the indigenous peoples of Taimyr in the media, at the same time, the format of the media has changed, there are Internet publications and portals (they captured a huge audience), the usual paper newspapers have also moved online, and television has faded into the background. As a result, the speed of the spread of information about Taimyr and its inhabitants has dramatically increased.

The system of communication and the speed of information exchange in the Arctic have changed due to the advent of the Internet and mobile communications. Not all residents of the Arctic region can take advantage of these new means of communication yet due to the difficult climatic and geographical conditions. However, even today the Internet holds a dominant position in the general communication network of the indigenous peoples of the North. Because of this, the speed and the chan-

nels of information exchange have changed. Cyberspeed significantly exceeds the speed of the real life. A striking example of this was the speed of breaking news about the oil spill at Thermoelectric Plant-3 near Norilsk. Most residents of Taimyr learned about the spill from the Internet almost in the first hours. This effect, as well as the constant monitoring of events, influenced the speed of decision-making and the quality of decisions. Thanks to the extensive online coverage of this accident in the Web, the rapid spread of relevant information through all possible channels, the management of Norilsk Nickel acted promptly both in terms of damage control response, and in relation to communications with the indigenous population and the development of a program to support local residents who were directly affected by the accident. Today, the indigenous people and the company are building a dialogue, implementing joint ethnic projects and conducting open monitoring of the consequences. Taimyr continues to actively use all kinds of information exchange channels, including WhatsApp chats, social networks, Internet publications, which, in addition to helping in quick resolution of everyday problems of the Arctic residents in dialogue with the authorities and the oil and gas companies, also assists in promoting the development of the ethno-cultural initiatives in cyberspace. The "firing rate" of the chats in addition to igniting and intensifying emotions also helps in addressing the vital problems of the local population of Taimyr.

References

- Golovnev A. V. Cyberspeed. In: *Etnografia*, 2020a, 3 (9), 6–32 (In Russ.).
- Golovnev A. V. Speed in the anthropology of movement. In: *Siberian historical research*, 2020b, 2, 57–78.
- Golovnev A. V., Belorussova S. Yu, Kisser T. S. Ocherki antropologii dvizhenia [*Essays on the Anthropology of Movement*]. St. Petersburg, MAE RAS, 2020. 336 p.
- Golovnev A. V. New Ethnography of the North. In: *Etnografia*, 2021, 1 (11), 6–24.

EDN: CXKYFP
УДК 346.548:347.151

On Expanding the Opportunities for Disabled People to Lead an Independent Lifestyle in Their Chosen Place of Residence and Integration into the Local Community

Elena M. Starobina^a, Inna S. Ishutina^a,
Ludmila A. Kozhushko^a, Tatiana S. Chernyakina^{a,b},
Oksana N. Vladimirova^{c,d}, Yana S. Rocheva^{*a,e},
Vladimir I. Raduto^a and Matvei D. Khodakovskiy^a

^a*Federal Scientific and Educational Centre of Medical and Social Expertise and Rehabilitation n.a. G. A. Albrecht” of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation St. Petersburg, Russian Federation*

^b*North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov of the Ministry of Health of the Russian Federation St. Petersburg, Russian Federation*

^c*Medical Higher School (Institute) Russian State Social University Moscow, Russian Federation*

^d*St. Petersburg State Pediatric Medical University St. Petersburg, Russian Federation*

^e*Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI” St. Petersburg, Russian Federation*

Received 30.05.2022, received in revised form 19.09.2023, accepted 25.10.2023

Abstract. The object of the study is social relations that determine the main approaches to the organization of an independent lifestyle of disabled people in the Russian Federation. The subject of the study is the rights of persons with disabilities to an independent lifestyle and the possibility of their implementation in Russia, taking into account the measures taken and the opinions of the disabled themselves. The purpose of the study is a scientific analysis of legislative and regulatory support, assessments by disabled people of the expansion of opportunities for disabled people to lead an independent lifestyle in their chosen place of residence and integration into the local community. Methodological basis of the work: comparative legal, logical, historical, statistical, sociological research methods. The paper analyzes international legal acts, federal and regional legislation on providing disabled people and disabled children with the opportunity to lead an independent lifestyle, statistical data on the number of disabled people living in stationary social service organizations. We have obtained unique results of the all-Russian survey of people with disabilities. The sample is stratified and not proportional according to the criteria: by place of residence (cities, rural

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: rocheva_yana@mail.ru, estarobina@yandex.ru, in.ishutina@yandex.ru, l.timch@mail.ru, maimulovt@mail.ru, vladox1204@yandex.ru, radutoy@mail.ru, hodak200@yandex.ru

areas); by age: adult population (over 18 years old), children (from 0 to 17 years old); by gender (men, women, boys, girls) and by persistent functional disorders (disorders of the musculoskeletal system, functional disorders hearing, visual impairment, mental impairment, other disorders). As a result of the analysis, a non-comprehensive study was established in the legislation of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation of the issues of providing disabled people with the opportunity to lead an independent lifestyle. Normative and methodological acts have been developed that have made it possible to provide conditions and mechanisms for the implementation of an independent lifestyle of disabled people in their chosen place of residence. Within the framework of pilot projects in a number of subjects of the Russian Federation, positive dynamics of the introduction of new technologies for the preparation and organization of assisted living for disabled people has been established. Based on the received data obtained, a concept and a set of measures have been developed to expand the opportunities for disabled people to lead an independent lifestyle in their chosen place of residence.

Keywords: disabled people, independent lifestyle, legislative, regulatory and methodological support, disabled people's opinion about the readiness and possibility of leading an independent lifestyle.

Research area: social structure, social institutions and processes.

Citation: Starobina E. M., Ishutina I. S., Kozhushko L. A., Chernyakina T. S., Vladimirova O. N., Rocheva Ya. S., Raduto V. I., Khodakovskiy M. D. On expanding the opportunities for disabled people to lead an independent lifestyle in their chosen place of residence and integration into the local community). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2193–2207. EDN: CXKYFP

О расширении способности людей с ограниченными возможностями вести независимый образ жизни в выбранном ими месте жительства и интеграции в местное сообщество

**Е.М. Старобина^а, И.С. Ишутина^а, Л.А. Кожушко^а,
Т.С. Черныкина^{а,б}, О.Н. Владимирова^{в,г},
Я.С. Рочева^{а,д}, В.И. Радута^а, М.Д. Ходаковский^а**

^а*Федеральный научно-образовательный центр медико-социальной экспертизы и реабилитации им. Г. А. Альбрехта Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

^б*Северо-Западный государственный медицинский университет имени И. И. Мечникова*

*Министерства здравоохранения Российской Федерации
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

^в*Медицинская высшая школа (институт) РГСУ
Российская Федерация, Москва*

^г*Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет*

Российская Федерация, Санкт-Петербург

^д*Санкт-Петербургский электротехнический университет «ЛЭТИ»
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация. Объект исследования – общественные отношения, определяющие основные подходы к организации самостоятельного образа жизни инвалидов в Российской Федерации. Предметом исследования являются права инвалидов на самостоятельный образ жизни и возможности их реализации в России с учетом принимаемых мер и мнения самих инвалидов. Цель исследования состоит в научном анализе законодательного и нормативного обеспечения, оценок инвалидами расширения возможностей ведения ими самостоятельного образа жизни в избранном месте жительства и интеграции в местное сообщество. Методологическая основа работы: сравнительно-правовой, логический, исторический, статистический, социологический методы исследования. В работе проведен анализ международных правовых актов, федерального и регионального законодательства по обеспечению инвалидам и детям-инвалидам возможности ведения самостоятельного образа жизни, статистических данных о численности инвалидов, проживающих в стационарных организациях социального обслуживания, их готовности к ведению самостоятельного образа жизни. Нами получены уникальные результаты всероссийского опроса людей с инвалидностью. Выборка стратифицированная, не пропорциональная по критериям: по месту проживания (города, сельские территории); по возрасту: взрослое население (старше 18 лет), дети (от 0 до 17 лет); по полу (мужчины, женщины, мальчики, девочки) и по наличию стойких нарушений функций организма (опорно-двигательного аппарата, слуха, зрения, психических функций, прочие нарушения). В результате анализа установлена некомплексная проработка в законодательстве

Российской Федерации и субъектов Российской Федерации вопросов обеспечения инвалидам возможности ведения самостоятельного образа жизни. Были разработаны нормативные и методические акты, позволившие обеспечить условия и механизмы реализации самостоятельного образа жизни инвалидов в избранном месте жительства. В рамках пилотных проектов в ряде субъектов Российской Федерации установлена положительная динамика внедрения новых технологий подготовки и организации сопровождаемого проживания инвалидов. На основании полученных результатов разработаны проекты Концепции и Комплекса мер по расширению возможностей ведения инвалидами самостоятельного образа жизни в избранном месте жительства.

Ключевые слова: инвалиды, самостоятельный образ жизни, законодательное, нормативное и методическое обеспечение, мнение инвалидов о готовности и возможности ведения самостоятельного образа жизни.

Научная специальность: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы.

Цитирование: Старобина Е.М., Ишутина И.С., Кожушко Л.А., Чернякина Т.С., Владимирова О.Н., Рочева Я.С., Радута В.И., Ходаковский М.Д. О расширении способности людей с ограниченными возможностями вести независимый образ жизни в выбранном ими месте жительства и интеграции в местное сообщество. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2193–2207. EDN: СХКΥFP

Introduction

To the study of social policy concerning disabled persons in Russia devoted the studies of the following authors: Tarasenko E. A. (2004); P. V. Romanov, Yarskaya-Smirnova E. R. (2006); A. V. Bronnikov (2007); Yu Bayushina.L., (2009); Neberushkina E. (2017); Radchenko T. E., Yu Pestova.M. (2019).

The full integration of disabled people into a diverse socio-economic and political space is a strategic goal of social policy that has been developed by the world community in recent decades (Maleva (red.), 2017: 247).

According to V. A. Bronnikov, “it is extremely important to legislate social policy that reduces the distance between the formally proclaimed goals of an open society for the disabled and their maximum involvement in all spheres of life and participation in social work and public life” (Bronnikov, 2007: 9).

A significant contribution to the definition of the goal of social policy was made by the research of P. V. Romanov, E. R. Yarskaya-Smirnova, which follows from the fact that “the ability of disabled people to be independent economic entities, to participate in the political, cultural and social life of society reflects

the level of realization of their rights as citizens of the welfare state” (Romanov, Yarskaya-Smirnova, 2006: 5–6). Consequently, the goal of the state policy in relation to this group of citizens becomes, first of all, “ensuring equal opportunities for disabled people with other citizens in implementation... rights and freedoms provided for by the Constitution of the Russian Federation” (Romanov, Yarskaya-Smirnova, 2006: 15).

The authors consider a new stage in the development of disability policy in Russia to be the dissemination and popularization of the concept (and even philosophy) of independent life, widely practiced in the West for more than a decade. This concept “implies control over one’s own affairs, participation in public life, fulfillment of certain social roles and decision-making leading to self-determination of the individual” (Romanov, Yarskaya-Smirnova, 2006: 26).

The ideology of independent living makes it possible to achieve optimal interaction of disabled people with the outside world and to integrate people with special needs most fully into the conditions of modern society (Drobot, 2011: 26).

Independent life as a scientific concept has two interrelated sides. On the one hand, in the socio-political aspect, these are guarantees of the realization of civil rights and freedoms of people with disabilities, and on the other hand, in personal terms, it implies the appropriate identification of a person who perceives himself as an equal person, setting himself the same tasks as any other person (Zhigunova, 2019: 2).

Personal readiness is associated with the assessment of the potential and possibilities of leading an independent life, which is actively studied by researchers. The factors that contribute to an increase in activity and the reasons that reduce it are highlighted. According to I.K. Svishcheva and T.N. Koneva, only a third of people with disabilities have a high level of integration potential. It is especially difficult for disabled people to lead an independent life at an older age. The authors popularize the social support system to increase the number of people with disabilities with high opportunities for integration into society. (Svishchyova, Koneva, 2018: 265). The concept of an independent lifestyle highlights the main components of the success of active social behavior: favorable social conditions – family, environment; active motivation of their chosen activities; competence; knowledge; level of education. This makes it possible to ensure equality of rights and opportunities for all socially unprotected groups of our society (Kefeli, Gorina, 2021: 90).

E.R. Yarskaya-Smirnova, V.N. Yarskaya note that the social vulnerability of people with disabilities, health limitations, arise due to the imperfection of social institutions, unsettled environment, intolerant social attitudes (Yarskaya-Smirnova, Yarskaya, 2021: 146).

The decrease in the activity of people with disabilities in the concept of subjective well-being is explained through the social and economic consequences of the unequal position of this group, and not through disability. Social isolation and financial situation make it possible to explain the differences in subjective well-being between people with and without disabilities (Nastina, 2019: 615).

Comparing the results of studies of disability problems of different years allowed E. K. Naberushkina to suggest that against the back-

ground of changes in social policy, “society’s readiness for changes in a non-discriminatory order is more noticeable in the development of the regulatory legal framework, in the aspect of the formation of infrastructural accessibility” (Neberushkina, 2017: 333), however, “the problems of employment, job placement and social inclusion of people with disabilities remain” (Neberushkina, 2017: 337).

The main goal of social policy is not to support certain social strata or groups, but to integrate society, to ensure the balance of the social system (Bayushina, 2009: 59).

E. Y. Sidelshchikova states that “one of the most important means of achieving the goals defined by law is prosecutorial supervision, at the same time, the uncertainty, inconsistency and lack of legislation in this area does not allow the full use of prosecutorial potential” (Sidel’shchikova, 2015: 57). Summing up, the author notes that “the regulatory legal framework in the Russian Federation in the field of social protection of disabled people is constantly developing and transforming. At the same time, in modern Russian society there is an objective need to improve the legal regulation of social protection of disabled people” (Sidel’shchikova, 2015: 59).

The relevance of the study is determined by the need to substantiate measures to create conditions for disabled people and disabled children to lead an independent lifestyle, on the basis of which appropriate legal regulations will be developed in the subjects of the Russian Federation.

The object of the study is social relations that determine the main approaches to the organization of an independent lifestyle of disabled people in the Russian Federation. The subject of the study is the rights of persons with disabilities to an independent lifestyle and the possibility of their implementation in Russia, taking into account the measures taken and the opinions of the disabled themselves.

The purpose of the study is a scientific analysis of the normative legal support and assessments by disabled people of the expansion of opportunities for disabled people to lead an independent lifestyle in their chosen place of residence and integration into the local community.

Material and methods of research. The paper analyzes international legal documents, federal and regional legislation on providing disabled people and disabled children with the opportunity to lead an independent lifestyle, statistical data on the number of disabled people living in stationary social service organizations according to Form No. 3-sobes, opinions of citizens with disabilities on the readiness and possibility of their independent lifestyle based on the results of all-Russian survey of people with disabilities. 7,775 respondents took part in the survey, 90 people were interviewed in each subject of the Russian Federation. The sample is stratified, not proportional by criteria: by place of residence (cities, rural areas); by age: adult population (over 18 years old), children (0 to 17 years old); by gender (men, women, boys, girls) and type of disability (disorders of the musculoskeletal system, hearing disorders, visual disorders, mental disorders, other disorders).

Methodological basis of the work: comparative legal, logical, historical, statistical and sociological research methods.

A. Structural and functional analysis of compliance of the legislation of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation with international acts on providing disabled people with conditions for independent lifestyle and involvement in the local community

In order to ensure and promote the full realization of all human rights and fundamental freedoms by persons with disabilities without any discrimination on the basis of disability, the Federal Law of the Russian Federation No. 46-FZ of May 3, 2012 ratified the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities (hereinafter referred to as the Convention).

Article 19 of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities recognizes the equal right of all persons with disabilities to live in ordinary places of residence, to choose their place of residence on an equal basis with other people, to have equal access to services, including support services provided at home and at the place of residence, including person-

al assistance to support an independent lifestyle in the local community.

Social protection of persons with disabilities should promote active citizenship, social integration and participation in the life of the local community without paternalism, dependence and segregation. Consequently, its ultimate goal is to ensure the right to an independent lifestyle and involvement in the local community, enshrined in article 19 of the Convention (Zhavoronkov, 2020: 195).

According to paragraph 16a of the General Comment No. 5 (2017) of the UN Committee on the Rights of Persons with Disabilities, an independent lifestyle means that people with disabilities receive all the necessary means to allow them to make choices, exercise control over their lives and make all decisions concerning their lives. Personal autonomy and free expression of will are key elements of an independent lifestyle, which includes access to transport, information and communication facilities and personal assistance, place of residence, daily routine, habits, decent work, personal relationships, clothing, nutrition, hygiene and medical care, religious and cultural activities and rights to sexual and reproductive health.

In order for the Russian Federation to comply with the provisions of the Convention, it became necessary to amend a number of regulatory legal acts to ensure compliance with international norms. In this regard, on December 1, 2014, Federal Law No. 419-FZ was adopted, which amended 25 legislative acts of the Russian Federation and 750 legislative acts of the subjects of the Russian Federation on social protection of disabled people, assistance to them in the implementation of established civil rights. The results of the implementation of the Convention in the Russian Federation are reflected in the state report submitted to the UN Committee on the Rights of Persons with Disabilities in 2014 and 2018.

The Russian Federation recognizes the equal right of all persons with disabilities to an independent lifestyle and involvement in the life of the local community in accordance with the Constitution of the Russian Federation (Chapter 8, Articles 130 and 131) and the Fed-

eral Law “On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation” (Article 1). In accordance with the norms of the Constitution of the Russian Federation, everyone has the right to housing. No one may be arbitrarily deprived of a home (part 1 of Article 40).

The legislation of the Russian Federation provides that disabled persons and families with disabled children in need of improved housing conditions are provided with living quarters in accordance with housing legislation (Article 52 of the Housing Code of the Russian Federation, Article 17 of the Federal Law “On Social Protection of Disabled Persons in the Russian Federation”), they are provided with conditions for unhindered access to common property in apartment buildings, as well as the adaptation of living quarters taking into account the needs of disabled people (paragraph 5.1 of Article 2, paragraph 2 of Article 12 and part 3 of Article 15 of the Housing Code of the Russian Federation).

At the same time, the requirements for the provision of housing for disabled people, including in the case of recognition of the residential premises occupied by them as not subject to adaptation, are not fulfilled, since their effect is limited by the need to recognize a disabled person as poor and a number of other conditions that are not feasible in practice.

The main directions of improving social policy in order to ensure an independent lifestyle of disabled people in the local community are the development of innovative forms of social services, early assistance to children and their families, the expansion of the practice of placing disabled people in foster families, the development of hospital-substituting technologies and social support for disabled people, the introduction of public-private partnerships and the development of a competitive environment in the provision of social services to them.

In order to prepare children with disabilities of early age to lead an independent lifestyle when they reach the age of 18, Decree of the Government of the Russian Federation No. 1839-r of August 31, 2016 approved the Concept of Early Care Development in the Russian Federation for the period up to 2020.

The Order of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation No. 847 dated December 14, 2017 approved methodological recommendations for the organization of various technologies for assisted living of disabled people, including such technology as assisted cohabitation of small groups of disabled people in separate residential premises.

The UN Committee on the Rights of Persons with Disabilities, in its concluding observations on the initial report of the Russian Federation, expressed concern about “the significant number of disabled people living in specialized institutions, as well as their limited opportunities, especially those with intellectual and/or psychosocial disorders, in terms of access to services and participation in the life of local communities, and also notes the lack of a deinstitutionalization strategy” (OON, 2018: 5, 6).

In order to expand the opportunities for disabled people to lead an independent lifestyle in their chosen place of residence, regional legislative acts are being adopted in the constituent entities of the Russian Federation to solve specific tasks, including providing housing for disabled people, providing services, tariffs and payment procedures to service providers, interdepartmental interaction and other issues. These documents have been adopted in 29 constituent entities of the Russian Federation, and are being prepared for adoption in another 29. In total, more than 100 legislative acts have been adopted in the subjects in the field of assisted living: on housing for disabled people – in 16 subjects of the Russian Federation; on the provision of services, tariffs and payment procedures to service providers – in 28 subjects; on interdepartmental interaction – in 25 subjects; on solving organizational issues of assisted living – in 29 subjects; on solving other social issues – in 11 subjects.

B. Analysis of the number of disabled people living in stationary social service organizations, assessment of the ability of disabled people to self-serve and lead an independent lifestyle

The number of children living in boarding houses for children with physical disabil-

ities in 2018 amounted to 16,101 people, including 13,352 people with mental disorders (82.93 %), 2749 people with physical disabilities (17.07 %).

The number of disabled children aged 16–17 years living in inpatient social service institutions of the social protection system in 2020 amounted to 21,785 people, including 5982 people in psychoneurological boarding schools, and 1919 in boarding houses for children, including for children with physical disabilities a person in other organizations that provide inpatient social services – 9738 people.

In the constituent entities of the Russian Federation, much attention is paid to the preparation of graduates of orphanages for assisted living. According to the data of the constituent entities of the Russian Federation, 1,515 people left orphanages in 2019, 304 of them were sent to hospital-substituting forms of residence, including 158 people (10.4 %) were assigned to assisted living and to a family, 146 people were assigned to assisted living in the structure of neuropsychiatric boarding schools.

The number of disabled people aged 18 years and older living in inpatient social service institutions of the social protection system in 2020 amounted to 251,754 people, including 154,591 people in psychoneurological boarding schools, and 9738 people in other organizations providing inpatient social services. 13,602 people live in inpatient departments for adults that were not established in inpatient social service organizations, of which 320 people live permanently in neuropsychiatric departments, 61 people temporarily.

Of the recipients of social services, 409 people were employed in stationary social service organizations in 2020, 167 people were sent for training, and 30594 people were sent home.

Thus, a significant number of disabled people, including children with disabilities, are forced to live in specialized residential institutions and are limited in the possibilities of exercising their rights to lead an independent lifestyle. Many disabled people living in families do not have such an opportunity either.

At the same time, the country has launched the implementation of a new hospital-

substituting technology of social services and technology of assisted living for people with disabilities. In this regard, since 2018, the Federal State Budgetary Institution “Federal Scientific Centre of Rehabilitation of the Disabled n.a. G. A. Albrecht” of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation has been conducting annual monitoring studies to assess the accessibility of life arrangements for people with disabilities in the form of assisted living technology.

In order to expand the opportunities for disabled people to lead an independent lifestyle in their chosen place of residence, regional legislative acts are being adopted in the constituent entities of the Russian Federation to solve specific tasks, including providing housing for disabled people, providing services, tariffs and payment procedures to service providers, interdepartmental interaction and other issues. These documents have been adopted in 29 constituent entities of the Russian Federation, and are being prepared for adoption in another 29. In total, more than 100 legislative acts have been adopted in the subjects in the field of assisted living: on housing for disabled people – in 16 subjects of the Russian Federation; on the provision of services, tariffs and payment procedures to service providers – in 28 subjects; on interdepartmental interaction – in 25 subjects; on solving organizational issues of assisted living – in 29 subjects; on solving other social issues – in 11 subjects.

According to the results presented by the executive authorities of 85 subjects of the Russian Federation, as of 01.10.2020, this form is being implemented in 75 subjects of the Russian Federation. This is 36 (48 %) more subjects compared to the data for 2018. In 2020, 1,923 people were sent for assisted living, including 1,365 people from inpatient social service institutions (987 people from psychoneurological boarding schools, 252 people from orphanages for the disabled and 126 from other institutions) and 558 people living in families.

The total number of disabled people who receive services within the framework of assisted living amounted to 5,056 people in 2020. This is almost twice as much as in 2018 (there were 2,545 people). Of these, 2,776 people are

on educational (training) assisted living, 2,280 people are on permanent assisted living.

The main contingent of disabled people receiving services within the framework of assisted living – 3317 people (65.6 %) are disabled people with mental disabilities, of which 732 people live independently with periodic support in a separate apartment or in a house, 2585 people live in apartments in small groups.

C. Analysis of the readiness and assessment of the ability of persons with disabilities to lead an independent lifestyle

Disability has always been considered a problem of a person with a disability who needs to change himself, or specialists would help him change through treatment or rehabilitation (Yaotova, 2015: 57).

In 2019, according to the conclusion of the Federal Bureau of Medical and Social Expertise, based on the assessment of persistent disorders of the body's functions, it was found that 11.9 % of disabled people living in psychoneurological boarding schools, aged 18 years and older, can carry out self-care and lead an independent lifestyle, with the regular help of other persons – 15.7 % of disabled people. 30.8 % of adults with disabilities cannot carry out self-care and lead an independent lifestyle. The ability to lead an independent lifestyle has not been determined for the rest of the disabled people living in the psychoneurological boarding schools (41.6 %).

In this regard, it is of considerable interest to study the opinions of people with disabilities themselves and parents of disabled children about their readiness and ability to lead an independent lifestyle.

The analysis of the readiness and opportunities of disabled people to lead an independent lifestyle is based on the results of an all-Russian study conducted by the Federal State Budgetary Institution "Federal Scientific Centre of Rehabilitation of the Disabled n.a. G. A. Albrecht" of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation.

According to the results obtained, 31.7 % can lead an independent lifestyle, 26.2 % can lead an independent lifestyle with the help of other persons, 22.5 % cannot lead an independent

lifestyle, 4.9 % have no interest or desire. The number of people with disabilities surveyed who would like to lead an independent lifestyle if accessibility was provided facilities and services, transport, accounted for 8.4 %, 6.4 % found it difficult to give an answer about the possibility / impossibility of leading an independent lifestyle. The number of respondents included people with disabilities who live in a psychoneurological boarding schools, a orphanages for the disabled, disabled homes, their number was 11.8 %, 43.8 % live in an apartment.

Among those who can lead an independent lifestyle, people are mainly of working age (18–29 years – 41.8 % and 30–49 years – 44.6 %), with a basic general education – 38.3 %, secondary vocational education – 38.2 %, or higher vocational education – 46.2 %. The financial situation of disabled people with an active position in relation to an independent lifestyle rated higher than the rest. Respondents more often note such characteristics describing the financial situation as "good" – 40.8 % – or "average" – 34.0 %, "provided with everything" 36.7 %. Among those who can lead an independent lifestyle, there are respondents who have hearing impairments – 42.8 % – or who have a common disease – 44.9 %. 21.8 % live in psychoneurological boarding schools, orphanages for the disabled, disabled homes.

Parents of disabled children aged 8–14 years – 37.5 %, 4–7 years – 38.4 %, 15–17 years – 36.2 % and a third of disabled people of working age (18–29 years – 33.6 %) choose to lead an independent lifestyle with the help of others. The majority of respondents have primary general education – 39.6 %, basic general education – 26.7 %, secondary general education – 25.9 %. A third of respondents (31.4 %) noted the lack of education, which is primarily due to age. In this group, the assessment of the financial situation is diverse and is represented by such characteristics as: "we live hard" – 27.4 %, "average" – 28.1 %, "good" 26.5 % and "provided with everything" – 25.5 %. According to the types of disability, disabled people with disorders of the musculoskeletal system – 30.1 %, mental health – 32.9 %, vision – 32.4 % – can partially lead an independent

lifestyle. 30.4 % live in psychoneurological boarding schools, orphanages for the disabled, disabled homes.

They would be able to lead an independent lifestyle in case of accessibility of facilities, services and transport: disabled people aged 15–17 years – 11.1 %, 30–49 years – 11.6 %, mainly with higher education – 10.8 % – and general secondary education – 10.6 %. The financial situation in this group is estimated as low. 13.5 % of respondents described it as difficult, 14.4 % – as “we live poorly”. Depending on the limitations of life, the choice was made by respondents with visual impairments – 10.6 % – and musculoskeletal system – 13.8 %. For those who care about the availability of facilities and services, 4.7 % live in psychoneurological boarding schools, orphanages for the disabled, disabled homes.

Among those who cannot lead an independent lifestyle due to age and health status – persons with disabilities older than able-bodied (from 70 years and older – 55.1 %, 50–69 years – 28.8 %) and children aged 0–3 years – 23.0 %, 4–7 years – 21.0 %, 8–14 years – 19.7 %. The level of education of the respondents: secondary vocational – 28.0 %, secondary general – 19.3 %, or basic general – 22.9 %, or none (including due to age) – 28.7 %. In this group, the assessment of the financial situation is described as low in the judgments “we live hard” – 26.9 %, “poor” – 31.7 %. However, some of the respondents noted that “they live on average” – 22.4 %, “the financial situation is good” – 20.6 %, “provided with everything” – 25.4 %. According to the type of disability, disabled people with disorders of the musculoskeletal system – 30.6 %, general disease – 24.3 % – and visual impairments – 22.7 % cannot lead an independent lifestyle. Passive attitude is especially common among those living in the psychoneurological boarding schools, orphanages for the disabled, disabled homes (31.2 % of the respondents).

Every tenth respondent has no interest in an independent lifestyle. Among them, respondents aged 50–69 years – 6.1 % – and 70 years and older – 7.6 %, with secondary general education – 5.9 % – or basic general – 7.4 %. In this group, the financial situation is estimated

by respondents as “we live poorly” – 8.6 % – and “the financial situation is difficult” – 6.0 %. Depending on the limitations of life, the respondents with mental health disorders most often chose a lack of interest in an independent lifestyle – 7.6 %. 7.2 % of those living in the psychoneurological boarding schools, orphanages for the disabled, disabled homes.

The surveyed disabled people only in 33 % of cases note an active position regarding the readiness and availability of opportunities to lead an independent lifestyle. 26.7 % say there are partial opportunities. The key factors that influenced this choice were: younger or able-bodied age, type of disability, education and a positive assessment of the financial situation. The passive position in the assessments of the respondents is associated with low estimates of the financial situation and low level of education, as well as older age and type of disability. Respondents with mental health disorders and living in psychoneurological boarding schools, orphanages for the disabled, disabled homes for the more often choose a passive position in assessing their readiness to lead an independent lifestyle and, as a result, the subsequent low potential.

D. Measures for the development of normative and methodological acts, which allowed to start working out issues of ensuring the possibility of disabled people to lead an independent lifestyle within the framework of pilot projects

In accordance with General Comment No. 5, the Committee on the Rights of Persons with Disabilities recommends “adopting a strategy aimed at: promoting the rights of persons with disabilities to independent living and involvement in the local community” (OON, 2017: 2).

In accordance with the state program “Accessible Environment” for 2011–2020, a number of measures have been carried out to develop normative and methodological acts that made it possible to begin working on these issues within the framework of pilot projects and other measures, including support for young people with disabilities in employment, the formation of regional programs for the compre-

hensive rehabilitation of disabled children, the organization of assisted living together with disabled people, providing early rehabilitation assistance to disabled children and supporting families with disabled children, on the organization of the activities of multidisciplinary rehabilitation centers.

At the same time, the work carried out in these areas in 2016–2018 did not lead to results that make it possible to form a system of measures to assist disabled people in exercising their rights to choose and lead an independent lifestyle. In particular, the following tasks have not been solved:

- strategic goals (expected results) and a system of measures to achieve them that comply with the norms of article 19 of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities have not been defined;

- the drafts of the prepared acts have not passed state registration and do not have a regulatory status;

- the lists of support services provided to disabled people for their independent lifestyle, mechanisms, including regulations and standards of their provision are not defined in a normative way;

- the norms obliging state authorities and local self-government bodies to train disabled children in specialized institutions to lead an independent lifestyle after the age of 18 have not been defined, including the formation of a reserve of necessary living quarters, the creation of vacancies for employment, the allocation of assistants in social institutions to assist them in transition period of adaptation;

- there are no statistics on the number of people who are able, but not able to switch to an independent lifestyle;

- predictive indicators of their socialization have not been determined, as well as calculations of the funds necessary to provide them with support services and individual assistance (social support);

- the legislation has not been amended to determine the legal status and mechanisms for providing early assistance, assisted living and other forms of personal assistance to disabled people at the stage of transition to an independent lifestyle and independent living;

- the problems of providing housing to disabled people who have the right to receive extraordinary living quarters, including in exchange for living quarters recognized as not subject to adaptation, taking into account their needs, have not been solved;

- the issues of support and comprehensive support for families raising disabled children and disabled people have not been resolved;

- there are no normative-methodological, organizational and material-technical conditions for ensuring assisted social and labor employment of people with mental disabilities and mental disorders outside of inpatient institutions;

- there is no legal regulation of interdepartmental co-ordination in order to assist disabled people in realizing the right to lead an independent lifestyle.

In the process of research on the introduction of assisted living technologies in the subjects of the Russian Federation, conducted at the Federal State Budgetary Institution “Federal Scientific Centre of Rehabilitation of the Disabled n.a. G. A. Albrecht” of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation. The following problems were identified that hinder the introduction of this technology of assisted living for disabled people: lack of living quarters – in 65 % of subjects, trained personnel – in 58 % of subjects, insufficient funding – in 55 % of subjects, insufficient regulatory framework at the federal level – in 43 % of subjects, regulatory framework at the regional level – in 35 % of the subjects from all the studied subjects of the Russian Federation.

Due to the lack of comprehensive study of the above issues, there are currently no regulatory and planning and administrative decisions defining step-by-step indicators (tasks) for preparing disabled people and disabled children for an independent lifestyle and for their socialization outside specialized institutions in accordance with their choice, as well as mandatory measures for the implementation by state authorities of legal regulation, financing, staffing of this work.

The preparation of conceptual solutions on these issues is planned by the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Fed-

eration as part of the development of a Concept and a set of measures to expand the opportunities for people with disabilities to lead an independent lifestyle (hereinafter – the Concept of Independent Lifestyle) and is entrusted to the Federal State Budgetary Institution “Federal Scientific Centre of Rehabilitation of the Disabled n.a. G.A. Albrecht” of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation.

The development of the Concept of Independent Lifestyle is carried out on the basis of the provisions of international instruments in the field of the realization of the rights of persons with disabilities (the World Programme of Action for Persons with Disabilities of December 3, 1982, the Standard Rules for Ensuring Equal Opportunities for Persons with Disabilities of December 20, 1993, the Convention on the Rights of Persons with Disabilities of December 13, 2006, General Comment No. 5 (Zamechaniye obshchego poryadka, 2017) on Independent Lifestyle and Involvement in the Local Community of October 25, 2017, Concluding Observations of the UN Committee on the Rights of Persons with Disabilities on the Initial Report of the Russian Federation dated April 9, 2018), federal legislative acts (“On the Right of Citizens of the Russian Federation to Freedom of Movement, Choice of Place of Stay and Residence within the Russian Federation” dated June 25, 1993 No. 5242–1, “On Social Protection of Disabled Persons in the Russian Federation” dated November 24, 1995, No. 181-FZ), the experience of foreign countries and subjects of the Russian Federation.

The Concept of Independent Lifestyle is aimed at forming a human rights model of disability, achieving deinstitutionalization of disabled people with all types of impaired functions and disabilities, with their consent and by creating a barrier-free environment and providing them with the necessary assistance, taking into account their available opportunities, socialization and integration into the family and local community.

The basis for the development of the Concept of Independent Lifestyle is the philosophy of “independent life”, which considers the

human right to be an integral part of society and to take an active part in social, political and economic processes as freedom of choice and freedom of access to residential and public buildings, transport, communications, insurance, labour and education, as an opportunity to determine and to choose, make decisions and manage life situations as a way of thinking, psychological orientation of a person, which depends on its relationship with other personalities, its physical capabilities, the support services system and the environment.

The expansion of opportunities for disabled people to lead an independent lifestyle in their chosen place of residence, justified by the Concept, is based on the implementation of the requirements of the following principles:

- humanism, from the standpoint of which disability is a situation in which the normal functioning and quality of human life is possible due to compensation mechanisms and the construction of special conditions, assistance and support;

- interiorization, which assumes that the formation of the internal structures of the human psyche occurs through the assimilation of external social activities, the appropriation of life experience, the formation of mental functions and development in general, and this applies, among other things, to the capabilities of people with disabilities;

- normalizing the lives of people with disabilities in various places of residence and stay, stimulating their active participation in solving their own life tasks and developing their independence;

- an integrated approach, which consists in assessing not only the degree of severity of mental function, but also vital signs in the household, social and professional spheres, as well as the mutual influence of factors of functioning and the environment on the individual;

- an individual approach involving the provision of assistance commensurate with the needs of the person;

- orientation to the development of independence of people with disabilities;

- independent choice of place of residence;

- continuous/lifelong support for people with mental disabilities, including them in var-

ious activities in order to constantly support the acquired skills.

The strategic goal of the developed Concept is to create legal, economic and institutional conditions conducive to a gradual increase in the number of disabled people and disabled children who, as a result of the development of a system of continuous comprehensive support – early care, education, habilitation and rehabilitation, assisted living and assisted employment/labour activity – conditions will be created for self-selection of the place of residence, leading an independent lifestyle in the chosen place of residence for their full inclusion and involvement in the local community.

In conclusion, it should be noted that the implementation of a Set of Measures of the Concept is the most effective mechanism for promoting an independent lifestyle of disabled people in their chosen place of residence, developing a network of support services necessary for this, increasing the role of family, social services, civil society institutions in their provision, as well as the integrated use of social support methods, early assistance, assisted living, support with the assistance of employment and work activities of disabled people.

References

- Bayushina Yu.L. Social'naya politika ponyatie i sushchnost'. In: *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i social'nye nauki*, 2009 (6), 56–59.
- Bronnikov V.A. Stanovleniye sotsial'noy politiki v otnoshenii invalidov i prognoziruyemyye sotsial'nyye posledstviya v zavisimosti ot yeye prioritnykh napravleniy. [The formation of social policy in relation to disabled people and the predicted social consequences, depending on its priority areas]. *Organizatsionno-metodicheskiye aspekty razvitiya sistemy reabilitatsii lits s ogranichennymi vozmozhnostyami. Rossiysko-evropeyskiy opyt: Sbornik statey*. Pod red.d.m.n. V.A. Bronnikova. Permskiy kray, g. Perm', GOU VPO «Permskiy gosudarstvennyy universitet», 2007, 7–9.
- Drobot O.S. Kontseptsiya nezavisimoy zhizni kak forma integratsii invalidov v sovremennom mire [The concept of independent life as a form of integration of disabled people in the modern world]. *Uchenyye zametki TOGU*, 2011, 2(1), 22–27.
- Kefeli V.B., Gorina T.I. Invalidy, vozmozhnosti izmeneniya social'nogo statusa Invalidy, vozmozhnosti izmeneniya social'nogo statusa. In: *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik: vyp. 19*.Otv. red. M. K. Gorshkov; FNISC RAN. – M.: Novyj Hronograf, 2021, 87–105.
- Maleva T.M. (ed.) *Invalidnost' i sotsial'noye polozheniye invalidov v Rossii [Disability and the social status of disabled people in Russia]*. Moskva, Delo, RANKhiGS, 2017. 256 p.
- Nastina E. A. Subjective Well-being and Disability in Russia: The Test of The Social Model. In: *Journal of Social Policy Studies*, 2019, 17 (4), 615–628.
- Neberushkina E. Obzor sotsial'nykh problem invalidnosti v kontekste zanyatosti, sotsial'noy politiki i sotsial'nykh distantsiy [Review of social problems of disability in the context of employment, social

policy and Social Distances]. In: *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 2017, 15 (2), 333–340. DOI: 10.17323/727–0634–2017–15–2–333–340

Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. *Politika invalidnosti: Sotsial'noye grazhdanstvo invalidov v sovremennoy Rossii [Disability policy: Social citizenship of disabled people in modern Russia]*. Saratov: Nauchnaya kniga, 2006. 260 p.

Radchenko T. E., Pestova Yu. M. Sotsial'naya politika gosudarstva kak faktor sotsial'noy aktivnosti invalidov [Social policy of the state as a factor of social activity of disabled people]. In: *Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*, 2019, 1, 100–114.

Svishchyova I. K., Koneva T. N. Social'noe soprovozhdenie kak resurs povysheniya integracionnogo potentsiala invalida. In: *Izvestiya. Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya. Sociologiya. Politologiya*, 2018, 18(3), 265–268. DOI: 10.18500/1818–9601–2018–18–3–265–268

Sidel'shchikova E. Yu. Sovremennyye aspekty pravovogo regulirovaniya v sfere sotsial'noy zashchity invalidov v rossiyskoy federatsii [Modern aspects of legal regulation in the field of social protection of disabled people in the Russian Federation]. In: *Rossiyskaya Yustitsiya*, 2015, 3, 57–59.

Tarasenko E. A. Sotsial'naya politika v oblasti invalidnosti: krosskul'turnyy analiz i poisk optimal'noy kontseptsii dlya Rossii [Social policy in the field of disability: cross-cultural analysis and the search for an optimal concept for Russia]. In: *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 2004, 2 (1), 7–28.

Yaotova I. P. Kachestvo zhizni invalidov kak mezhdistsiplinarnaya problema [The quality of life of disabled people as an interdisciplinary problem]. In: *Mediko-sotsial'naya ekspertiza i reabilitatsiya*, 2015, 18(2), 53–57.

Zhavoronkov R. N. *Sotsial'naya zashchita invalidov: vchera, segodnya, zavtra (pravovyye aspekty) [Social Protection of Persons with Disabilities: Yesterday, Today, Tomorrow (Legal Aspects)]*: monografiya. Moskva, Izdatel'stvo «U Nikitskikh vorot», 2020. 248 p.

Zhigunova G. V. Usloviya dlya nezavisimoy zhizni lyudey, imeyushchikh invalidnost' (po rezul'tatam issledovaniya) [Conditions for the independent life of people with disabilities (according to the results of the study)]. In: *Nauchnyy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 10(4), 2–9.

Yarskaya-Smirnova E. R., Yarskaya V. N. Malomobil'nye gorozhane kak poluchateli i sub'ekty sotsial'noy pomoshchi v period pandemii Covid-19: po dannym sociologicheskogo oprosa. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, 2021, 63, 145–152.

OON *Vsemirnaya programma deistvii v otnoshenii invalidov [World Program of Action for Persons with Disabilities]*: rezolyutsiya General'noi Assamblei OON 3 dekabrya 1982 g. 37/52 [Elektronnyy resurs]. 1982. SPS «Konsul'tantPlyus» (accessed 30 July 2021).

OON Konventsiya o pravakh invalidov [Convention on the Rights of Persons with Disabilities of] ot 13 dekabrya 2006. In: *Sobr. zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 2013. № 6, st. 468.

OON *O samostoyatel'nom obraze zhizni i vovlechenosti v mestnoye soobshchestvo: Zamechaniye obshchego poryadka № 5. 2017 [On independent lifestyle and involvement in the local community: General Comment No. 5. 2017]*. Komitet po pravam invalidov OON. Available at: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/CRPD/C/GC/5>

OON *Standartnyye pravila obespecheniya ravnykh vozmozhnostey dlya invalidov [Standard Rules on the Equalization of Opportunities for Persons with Disabilities]*. 1993. (rezoluciya General'noy Assambleyey OON 20.12.93) (accessed 30 July 2021).

OON *Zaklyuchitel'nyye zamechaniya po pervonachal'nomu dokladu Rossiyskoy Federatsii o khode vypolneniya Konventsii o pravakh invalidov [Concluding observations on the initial report of the Russian Federation on the implementation of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities]*. Ministerstvo truda i sotsial'noy zashchity Rossiyskoy Federatsii: [ofitsial'nyy sayt]. 2018. Available at: <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/handicapped/272> (accessed 1 november 2019).

Osnovnoy zakon. *Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [Constitution of the Russian Federation]*, 1993. Available at: www.pravo.gov.ru, 04.07.2020 (accessed 30 July 2021).

Federal'nyi zakon. *O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii po voprosam sotsial'noi zashchity invalidov v svyazi s ratifikatsiei Konventsii o pravakh invalidov [On Amend-*

ing Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Social Protection of Persons with Disabilities in Connection with the Ratification of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities] № 419-FZ ot 1 dekabrya 2014 g.. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii. 2014. № 49, st. 6928.

Federal'nyy zakon. *O prave grazhdan Rossiyskoy Federatsii na svobodu peredvizheniya, vybor mesta prebyvaniya i zhitel'stva v predelakh Rossiyskoy Federatsii* [On the right of citizens of the Russian Federation to Freedom of Movement, Choice of Place of Stay and Residence within the Russian Federation] № 5242-1 ot 25.06.1993.

Federal'nyy zakon. *O sotsial'noy zashchite invalidov v Rossiyskoy Federatsii* [On the Social Protection of Disabled People in the Russian Federation] № 181-FZ ot 24.11.1995 (red. ot 02.12.2019) (s izm. na 24.04.2020 i dop., vstup. v silu s 01.01.2020).

Federal'nyy zakon. *Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii* [On the General principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation] № 131-FZ ot 06.10.2003 (red. ot 01.07.2021).

Federal'nyy zakon. *Zhilishchnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Housing Code of the Russian Federation] N 188-FZ ot 29 dekabrya 2004 g. (s izmeneniyami na 30 dekabrya 2020 goda) (redaktsiya, deystvuyushchaya so 2 yanvarya 2021 goda) Available at: [www.http://docs.cntd.ru/document/901919946](http://docs.cntd.ru/document/901919946) (accessed 30 july 2021).

Rasporyazheniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii. *Kontseptsiya razvitiya ranney pomoshchi v Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda* [Concept for the development of early care in the Russian Federation for the period up to 2020], № 1839-r ot 31 avgusta 2016 g.

Rasporyazheniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii. *Strategiya razvitiya zhilishchno-kommunal'nogo khozya* [Strategy for the development of housing and communal services in the Russian Federation for the period up to 2020] Available at: <http://www.pravo.gov.ru>, 28.01.2016. (accessed 30 july 2021).

Prikaz Ministerstva truda i sotsial'noy zashchity Rossiyskoy Federatsii. *Ob utverzhdenii metodicheskikh rekomendatsiy po organizatsii razlichnykh tekhnologiy soprovozhdayemogo prozhivaniya invalidov, v tom chisle takoy tekhnologii, kak soprovozhdayemoye sovmestnoye prozhivaniye malykh grupp invalidov v otdel'nykh zhilykh pomeshcheniyakh* [On approval of methodological recommendations for the organization of various technologies for accompanied accommodation of disabled people, including such technologies as accompanied cohabitation of small groups of disabled people in separate residential premises] № 847 ot 14.12.2017 g.

EDN: GYEVEV
УДК 316.752.4

How Social Networking Algorithms and Psychosocial Vulnerabilities Shape Participants in Radical Online Communities

Vladimir I. Krasikov*^a and Vyacheslav I. Kudashov^b

^aAll-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)
Moscow, Russian Federation

^bSiberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 06.04.2023, received in revised form 04.09.2023, accepted 25.10.2023

Abstract. In this article, we compare three factors influencing the emergence of online communities with extreme views in social networks, namely the features of social platform algorithms, personal and social vulnerabilities of people as a motive for changing identity, and online mechanisms of radicalization. We use the methodology of discourse analysis of research interdisciplinary literature on this topic. In the first section, we consider the relationship between the emerging “attention economy” of the Internet environment and the new generation of algorithms that organize it, and their consequences for the current state of affairs in social networks and cyberspace in general. In the second section, we turn to the definition of the features of compensatory online mechanisms in reducing the main vulnerabilities of a personal and social-group nature, which are often responsible for the formation of radical types of identities. Finally, in the third section, we explore how and why social media specific attention-ranking algorithms are more effective in generating radical online identities than in traditional offline radicalization practices.

Keywords: social networking algorithms, “echo chambers”, personal and group vulnerabilities as a motive for radicalization, radical group online identities.

Research area: social network analysis.

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23–28–00080, <https://rscf.ru/project/23–28–00080/>

Citation: Krasikov V. I., Kudashov V. I. How social networking algorithms and psychosocial vulnerabilities shape participants in radical online communities. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2208–2215. EDN: GYEVEV

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: KrasVladIv@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8850-5550 (Krasikov); 0000-0001-7009-8179 (Kudashov)

Как алгоритмы социальных сетей и социально-психологические уязвимости формируют участников радикальных онлайн-сообществ

В.И. Красиков^а, В.И. Кудашов^б

^аВсероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
Российская Федерация, Москва

^бСибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В статье сопоставляются три фактора, влияющие на появление онлайн-сообществ с крайними взглядами в социальных сетях: особенности алгоритмов социальных платформ, личностные и социальные уязвимости людей как мотив смены идентичности и онлайн-механизмы радикализации. Используется методология дискурс-анализа исследовательской междисциплинарной литературы по данной тематике. В первом разделе рассматривается взаимосвязь сформировавшейся «экономики внимания» интернет-среды с организующими ее новым поколением алгоритмов и их следствий для современного положения дел в социальных сетях и киберпространстве в целом. Во втором разделе определяются особенности компенсаторных онлайн-механизмов в редуцировании основных уязвимостей личностного и социально-группового характера, которые часто ответственны за формирование идентичностей радикальных типов. В третьем разделе объясняется большая эффективность в создании радикальных онлайн-идентичностей алгоритмов специфического ранжирования внимания в социальных сетях – в сравнении с традиционными офлайн-практиками радикализации.

Ключевые слова: алгоритмы социальных сетей, «эхо-камеры», личностные и групповые уязвимости как мотив радикализации, радикальные групповые онлайн-идентичности.

Научная специальность: 5.7.7 – социальная и политическая философия.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00080, <https://rscf.ru/project/23–28–00080/>

Цитирование: Красиков В. И., Кудашов В.И Как алгоритмы социальных сетей и социально-психологические уязвимости формируют участников радикальных онлайн-сообществ. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2208–2215. EDN: GYEVEV

Введение

Знакомьтесь, вот он и пришел, новый мир, о котором недавно никто и не помышлял. Это мир сетевой, к которому мы все интенсивнее приобщаемся вот уже третье десятилетие, но который лишь недавно стал проявлять себя довольно необычными, неожиданными для нас способами.

Имеются в виду социальные сети, впервые обозначившие свое присутствие вот уже почти два десятилетия назад, принесшие с собой невиданные ранее возможности коммуникации и вместе с тем существенно поменявшие ее формат, к чему оказались многие неготовыми. Причем «вторжение» социальных сетей имело не только последствия

для семейного или же дружеского общения. Они приобрели и серьезное социальное, если не геополитическое значение, создавая новую социальную действительность Twitter-революций, фейковой эпохи «постправды», прокси-онлайн-войн. И под всем этим, как подводная часть айсберга, определяющая эти видимые всем феномены, – повсеместное распространение множества почти невидимых в силу своей многоформности, пластичности и бесконтрольности, радикальных онлайн-сообществ всевозможных спектров и оттенков. Они неуловимы, ускользают от бдительного ока регламентирующих и контролирующих государственных, корпоративных и межнациональных интернет-дозоров – именно в силу своих новых организационных форм, порождающих небывалые возможности, которые все в большей мере вызывают и живой научный интерес, и серьезные общественные озабоченности.

Целью настоящей статьи и является поиск ответов на вопрос, вынесенный в ее заголовок. Реализация поставленной цели предопределила и выбор соответствующей методологии – дискурс-анализ исследовательской междисциплинарной литературы по тематике с задачами: концептуализации организационной специфики социальных сетей (алгоритмов) и последствий ее резонанса с некоторыми нашими социально-психологическими особенностями.

В первом разделе мы рассматриваем взаимосвязь сформировавшейся «экономики внимания» интернет-среды с организующими ее новым поколением алгоритмов и их следствий для современного положения дел в социальных сетях и киберпространстве в целом.

Во втором разделе мы обращаемся к определению особенностей компенсаторных онлайн-механизмов в редуцировании основных человеческих уязвимостей: личностного и социально-группового характера, которые часто ответственны за формирование идентичностей радикальных типов.

Наконец, в третьем разделе мы выявляем: как и почему алгоритмы специфического ранжирования внимания

в социальных сетях оказываются более эффективными в создании радикальных онлайн-идентичностей, нежели в традиционных офлайн-практиках радикализации.

Экономика внимания и власть алгоритмов

Наше внимание превратилось в товар. Когда мы используем якобы «бесплатный» онлайн-продукт, на деле мы сами становимся таким же «продуктом». Чем больше времени мы проводим за просмотром видео на YouTube или просматривая нашу ленту новостей в Telegram, тем больше доходов от рекламы получают платформы. Это превращение внимания в товар является имманентным двигателем онлайн-поведения, которое имеет несколько противоречивых последствий. С положительной стороны тот факт, что время пребывания в сети стало валютой, приносящей доход, позволило создать широкий спектр, казалось бы, бесплатных услуг. YouTube бесплатный для пользования и предоставляет большие возможности для развлечений. Google предлагает набор инструментов помимо своей поисковой системы, от электронной почты до создания документов, которые также бесплатно поддерживают множество наших потребностей. ВКонтакте или Одноклассники позволяют нам оставаться на связи с друзьями и семьей, а с помощью WhatsApp мы можем бесплатно совершать видеозвонки с людьми по всему миру. Набор бесплатных онлайн-сервисов впечатляет по любым меркам.

Но эти бесплатные сервисы на самом деле не бесплатны – напротив, они сопряжены со значительными затратами, которые часто не связаны с взаимодействиями, в которые мы намеренно вовлечены. Одно из следствий преобразования времени онлайн-пребывания в денежные средства заключается в том, что платформы будут стараться предоставлять нам увлекательную информацию, чтобы дольше удерживать наше внимание. Уже это таит в себе потенциально большие проблемы, поскольку известно, что люди живо реагируют на новости преимущественно негативного

характера (Soroka, 2019). Они также предпочитают делиться сообщениями с высокой эмоциональной тональностью, так сказать, «с перчиком». Поэтому неудивительно, что фейковые новости и дезинформация столь распространены в Интернете.

Большая часть информации, которую мы потребляем в Интернете, формируется и обрабатывается алгоритмами.

Последние – это системы фильтрации информации, в которых заданы определенные идеологические наклонности и выбор дизайна, и они выделяют одни функции, игнорируя другие. Например, когда алгоритмы формируют экологию медиа на компьютере пользователя, они питаются огромным количеством сигналов, охватывающих предыдущую его онлайн-историю, пользователей, с которыми недавно связывались, и его социальные жесты: лайки, дизлайки, комментарии. Однако не менее важно накопление так называемого слежения за данными: отслеживаемая информация, которая относится к привычкам пользователей в автономном режиме. Эта информация может включать в себя местоположение, покупки и телефонные звонки.

Итак, алгоритмы – это адаптируемые системы, которые развиваются вместе со своими пользователями. Их механизмы фильтрации привязаны к данным каждого участника, нацелены на такое структурирование медиасодержания, чтобы как можно дольше удержать его на платформе.

В самом деле, одна из «врожденных» целей социальных сетей – это вовлечение. YouTube по умолчанию продолжает воспроизводить видео, которые предположительно нам нравятся, основываясь на выводах своей системы рекомендаций. Ленты новостей контролируются сложными алгоритмами, а результаты поиска Google настраиваются в соответствии с многочисленными параметрами.

Платформы социальных сетей зависят от этих алгоритмических систем и они действуют как поляризующие инструменты, которые способствуют ознакомлению с определенным мировоззренческим содержанием и нацелены на установление связей с близ-

кими по мировоззрению сетями единомышленников. Другими словами, эксперты утверждают, что новые медиа создают однородные «цифровые эхо-камеры» (Sunstein, 2018). Люди обитают в этих «камерах», где в онлайн-группе циркулируют только самоподдерживающиеся и самоусиливающиеся солидарные мнения за счет блокировки альтернативных представлений.

Правда, компании, курирующие социальные сети, под воздействием критики, в том числе и ученых-специалистов по онлайн-коммуникациям, стремятся сдерживать создание и расширение экстремистских «эхо-камер» – за счет частого удаления учетных записей агрессивных пользователей и их соответствующего контента. Тем не менее мультиплатформенный характер Интернета гарантирует их выживание и продолжение существования. Более того, усилия по борьбе с радикальными онлайн-сообществами с ненавистнической риторикой могут остаться вообще незамеченными – именно из-за механизмов, управляющих алгоритмами, которые «вшиты» в сами основы коммуникации в социальных сетях.

Во-первых, если дополнительная информация, приходящая к пользователю, основана на часто потребляемом им контенте, то сообщения, мировоззренчески расходящиеся с установившейся матрицей данного контента, могут вообще никогда не попасть в его медиaprостранство. Во-вторых, даже если сюжетные линии о борьбе с враждебностью и ненавистью и смогут достичь своей целевой аудитории, они могут произвести иной, нежели ожидаемый, эффект. Дело в том, что их смысловая среда радикальна и основана на иных ценностях, нежели «нормальная», средняя, прогнозируемая. К примеру, кампания правительства США «Вновь подумай и откажись», развернутая в 2013 году в масс-медиа, в том числе и в социальных сетях, направленная на то, чтобы отговорить сторонников ИГИЛ (запрещенной в РФ) от миграции в Сирию, оказалась бесполезной и даже вредной. Среди прочего, халифат в ней представлялся как место ужасов и разрушения. Сторонни-

кам джихада советовали не покупать «обратный билет», так как там они нашли бы только лишения и смерть. Короче говоря, правительственная пропаганда напирала на страх смерти как первопричину остаться дома. Однако у салафитской молодежи в ходу тогда были иные нарративы: блаженства мученичества и суицидального пафоса героической жертвенности. В итоге эффект был обратный (Valentini, 2020).

Итак, социальные сети, родившиеся буквально на наших глазах, в первом десятилетии текущего века, – Facebook (02.2004), YouTube (02.2005), Twitter (03.2006), Одноклассники (03.2006), ВКонтакте (10.2006), WeChat (01.2011) и др. – были связаны в своем развитии с изменениями, производными от новой архитектуры Сети, Web 2.0. Они стали возможными в условиях появления иной системы формирования контента, где его создают сами же рядовые пользователи, образуя тем самым свои интернет-группы и свою онлайн-жизнь в них. И эти новые алгоритмы, о которых мы говорили выше, существенно «добавили свободы» на периферийном уровне, в отличие от прежней «централизации» в создании контента в Web 1.0. И это имело далеко идущие последствия для новых – весьма отличных от соответствующей прежней практики группогенезов офлайн – процессов самоорганизации онлайн-сообществ в соцсетях, создав основания для легкости их создания, доступности, анонимности и *радикальности* (Кашпур, 2021).

Существует много групп: профессиональных, по интересам, хобби, религиям, мировоззрениям и пр. Большинство из них перемещаются в последние десятилетия, полностью или же частично, из офлайна в онлайн. Тоже происходит и с группами, где их участников связывают крайние взгляды. Они находили ранее друг друга в реальном физическом социальном пространстве, сейчас же, особенно в отмеченных новых социотехнологических обстоятельствах, это стало происходить в киберпространстве.

Радикализация, или растущая готовность к участию в фундаментальных социально-политических изменениях,

противоречащих существующему порядку или представляющих прямую угрозу для него (Сакаев, 2021), имела место быть и ранее, присутствует она и в современных онлайн-реалиях. Мы уже выяснили, как специфические алгоритмы нового поколения организации Интернета породили феномен социальных онлайн-сетей. А повлияла ли, и каким образом, данная ситуация на механизмы радикализации, существовавшие, конечно, и раньше. Это и будет предметом нашего дальнейшего разбирательства.

Известно, что сознание и поведение некоторых людей подвержено радикализации по ряду причин. Однако все же представители социальных наук, занимающихся этим вопросом, имеют согласие в том, что наиболее частыми причинами подобного можно считать разные формы уязвимости отдельных людей и групп, защитной реакцией против которых и являются крайние взгляды и действия (Mølmen, 2021). Мы полагаем, что новые социотехнологические реалии приводят к ускорению и интенсификации этих процессов. Речь идет о следующем.

Более быстрая и интенсивная компенсация уязвимости в радикальных онлайн-сетях

Поле потенциальных уязвимостей, с которыми сталкивается человек в своей социальной жизни, необъятно. Однако и здесь мы можем условно их категорировать на два типа, постоянно помня о том, что они вполне могут переходить друг в друга – это уязвимости, имеющие личностные истоки, и те, которые более связаны с окружающими обстоятельствами (Trip, 2019).

К первым отнесем проблемы психического здоровья: тревогу, депрессию, снижение удовлетворенности жизнью. Они, как правило, являются следствиями атак, которым подвергается наше «я»:

– когда не удовлетворяются потребности в самоутверждении собственной позитивной значимости и ее поддержание самосознанием;

– когда наши самооценки обесцениваются другими, вследствие явных или же мнимых разочарований со стороны членов групп, которые являются для нас референтными;

– когда возникают угрозы контроля над нашими действиями со стороны нашего физического и социального окружения (Putnam, 2000).

В любом случае уверенность в себе, в своем будущем резко падает. Один из простых, но действенных способов решить эту ключевую для нас проблему неуверенности в себе – это новая альтернативная групповая идентификация. Когда неуверенность в себе становится хронической, всеобъемлющей и острой, людей сильно привлекают именно радикальные группы, потому что они предлагают однозначные и ясные модели: как следует вести себя, думать и чувствовать в любых ситуациях. Подобные группы представляют собой источник эффективных защитных механизмов, таких как крайний идеализм, не рассуждающая убежденность и высокая самооценка «избранности» с сопутствующими гордостью, высокомерием и нарциссизмом. Они могут казаться со стороны какой-то дичью, но вряд ли стоит сомневаться в их действенности в создании мощных редутов новой психической обороны от сильных угроз нашим «я».

Вторая группа уязвимостей имеет своим источником окружающие обстоятельства: разного рода переживаемые несправедливости, дискриминацию как следствие социальной разобщенности, социально-экономические кризисы и вызываемые ими потерю работы, статуса, карьерных и жизненных перспектив. Это может отстранить людей от привычной социальной активности и общения, подтолкнув их к поиску новых источников смысла и сделав их более открытыми для восприятия непривычных идей. Подобные проблемы могут со временем вызвать разочарование в государстве, политической системе, общую неудовлетворенность существующим положением вещей. Чтобы компенсировать это, человек обращается к социальным сетям в поиске альтернативных мировоззрений, активно

выражая в онлайн свое разочарование. В итоге создается ситуация когнитивного диссонанса, так же как и в личностном случае, приводящая к неуверенности в ранее принятых убеждениях, обостряющая нашу восприимчивость к альтернативным точкам зрения – и тут его ждут с распростертыми объятиями целые группы новых потенциальных единомышленников, готовых выразить сочувствие, понимание и солидарность (Barberá, 2020).

Таким образом, наше основное предположение здесь состоит в том, что легко доступный онлайн-контент социальных сетей предоставляет людям, уязвленным собственными проблемами и окружающими обстоятельствами, альтернативные мировоззрения и активный поддерживающий контекст. Потому они и будут стремиться к присоединению к такой социальной среде, где практически нет порога для включения в сообщество, кроме как принятие новых взглядов. Эта простота доступа для незащищенных и уязвимых людей выгодно отличает онлайн-компенсацию от более трудоемкого и опасного опыта долгих усилий поиска и проблематичного присоединения к радикальным группам в жизни реальной (офлайне). Остановимся на этом подробнее.

«Онлайн-эхо» как ускоритель формирования радикальных интернет-сообществ

Доступ к Интернету значительно снижает затраты на коммуникацию и поиск информации, причем независимо от географического расположения. Более того, в реальном социуме невелика вероятность встретить единомышленников, если ваши взгляды экзотичны. Интернет решает эту проблему быстро и эффективно. Не будучи связанными традиционным социальным общением, длительным и воочию, люди тем не менее получают возможность объединяться и организовываться на основе каких-угодно общих интересов, какими бы редкими они ни были. Эти контакты и сближение могут проходить как прямо, через открытые форумы или блоги, так и в более частных условиях, таких как закрытые

группы на Facebook (запрещен в РФ) или же в ВКонтакте.

Наиболее непредсказуемым воздействием социальных сетей следует признать не просто пассивное восприятие людьми радикальной риторики, а то, что они предоставляют доступ к сообществу единомышленников, где можно обмениваться крайними мыслями и идеями, подкреплять их поддержкой других. Социальные сети, выстроенные на алгоритмах специфического ранжирования внимания, также обеспечивают изоляцию от всепроникающего внешнего постороннего влияния, особенно когда речь идет об соперничающих идеях и конкурирующих рациональностях.

Онлайн-пространства создают возможности для анклавного обсуждения, когда разговоры идут только между единомышленниками и не могут быть критическими или же негативными. Это происходит потому, что:

- во-первых, мировоззренческая однородность группы заведомо ограничивает размер пула возможных сомнений и критических аргументов;

- во-вторых, люди здесь с большей вероятностью будут высказывать мнения, популярные внутри группы, чтобы получить одобрение как можно большего числа ее членов (Farrell, 2015).

Кроме того, сознание полной или частичной анонимности, защиты от офлайн-разоблачения, обеспечиваемое социальными сетями, снижает порог отторжения крайних идей и возможных радикальных акций. В свою очередь, это может подтолкнуть людей к поведению и высказываниям, на которые в очном порядке они вряд ли решились бы (Lewandowsky, 2022).

Воздействие «эхо-камер» может также иметь поляризующий эффект, когда люди начинают идентифицировать себя со «своей группой» или сообществом, в то время как «чужая группа» становится дегуманизированной и воспринимается как враг. Таким образом, эхо воздействует на процесс радикализации, легитимизируя не только насильственный дискурс, но и снижая индивидуальные запреты на использование

насилия для достижения политических изменений. Человек усваивает радикальные идеи и выстраивает новую социальную идентичность в онлайн-сообществе (Cardenal, 2019).

Конечно, существуют схожие механизмы влияния экстремистских групп на человека и в реальном живом социальном общении. Однако онлайн-механизмы радикализации действуют более быстро, с малыми издержками и на больших расстояниях. К тому же, в сравнении с радикальными группами в социальном подполье или полуподполье, человек на онлайн-форумах и в социальных сетях чувствует себя в большей безопасности благодаря анонимности или полуанонимности. Сетевой аспект «эхо-камер» имеет растормаживающий эффект, заставляя людей чувствовать себя менее сдержанными и выражать себя более открыто. Таким образом, «онлайн-эхо» влияет на более широкую пользовательскую базу, чем его реальные социологические аналоги.

Заключение

Итак, пришла пора подвести итоги и ответить на исходное вопрошание заголовка этой работы.

Алгоритмы специфического ранжирования внимания в социальных сетях являются органичным следствием «экономики внимания», которая господствует не только в интернет-среде, но и в глобальной мировой системе. Платформы социальных сетей зависят от них, и они действуют как инструменты, которые сегрегируют мировоззренческое содержание контента пользователей, заключая их в своего рода «пузыри» или «камеры». Последние создают эффекты: изоляции от конкурирующих взглядов, поляризации мировоззрения; самоподдержания, усиления радикализма и нетерпимости; ослабления, снятия обычных механизмов контроля и торможения.

Социально-психологические уязвимости, как отдельных людей, так и групп, формируют участников радикальных именно онлайн-сообществ более быстро, с малыми издержками, на больших расстоя-

яниях и на более широкой пользовательской базе – в сравнении с аналогичными офлайн-процессами – как раз благодаря эффектам онлайн-камер.

Наконец, как мы полагаем, новизна изысканий, предпринятых в данной статье, состоит в том, что мы сопоставили три фактора, вместе ранее не рассматривавшихся: особенности алгоритмов социальных сетей, личностные и социальные уязвимости людей как мотив смены иден-

тичности и онлайн-механизмы радикализации. Ускорение радикализации в онлайн-сообществах, в сравнении с офлайн, объяснено сильным положительным резонансом между потребностями защиты от классических личностных и социальных уязвимостей и серией эффектов (изоляция, поляризации, растормаживания, самоподдержания и усиления) в функционировании алгоритмов специфического ранжирования внимания в социальных сетях.

Список литературы / References

Barberá P. (2020). Social Media, Echo Chambers, and Political Polarization. In: Persily, N. & Tucker J. (Eds.). *Social Media and Democracy: The State of the Field, Prospects for Reform* (SSRC Anxieties of Democracy). Cambridge: Cambridge University Press. 34–55. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108890960>

Cardenal A. S. et al. Digital Technologies and Selective Exposure: How Choice and Filter Bubbles Shape News Media Exposure. In: *The International Journal of Press/Politics*, 2019, 24, 465–486. Available at: <https://doi.org/10.1177/1940161219862988>

Farrell J. Politics: Echo Chambers and False Certainty. In: *Nature Climate Change*, 2015, 5, 719–720. Available at: <https://www.nature.com/articles/nclimate2732>

Kashpur V. V. i dr. Representaciya radikal'nyh soobshchestv v rossijskih social'nyh media: specifika kontenta i indeks aktivnosti [Representation of Radical Communities in Russian Social Media: Content Specificity and Activity Index]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, 2021, 467, 133–143.

Lewandowsky S., Pomerantsev P. Technology and democracy: A paradox wrapped in a contradiction inside an irony. In: *Memory, Mind & Media*, 2022, 1, E 5. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/memory-mind-and-media/article/technology-and-democracy-a-paradox-wrapped-in-a-contradiction-inside-an-irony/F904B05B7ECCC05A844E8E4EA7F86DC0>

Mølmen G. N., Ravndal J. A. Mechanisms of online radicalisation: how the internet affects the radicalisation of extreme-right lone actor terrorists. In: *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2021. DOI: 10.1080/19434472.2021.1993302.

Putnam R. D. *Bowling Alone: America's Declining Social Capital*. New York: Simon & Schuster, 200). 541 p.

Sakaev V. T. Ponyatie radikalizacii: obzor nauchnyh podhodov v sovremennoj zarubezhnoj literature [The concept of radicalization: a review of scientific approaches in modern foreign literature]. In: *Antinomii [Antinomies]*, 2021, 21(2), 45–72.

Soroka S., Fournier P., Nir L. Cross-national evidence of a negativity bias in psychophysiological reactions to news. In: *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2019, 116 (38), 18888–18892. <https://doi.org/10.1073/pnas.1908369116>

Sunstein C. R. *#Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media*. Princeton: Princeton University Press, 2018. 328 p.

Trip S., Bora C. H., Marian M., Halmajan A. and Drugas M. I. Psychological Mechanisms Involved in Radicalization and Extremism. A Rational Emotive Behavioral Conceptualization. In: *Front. Psychol.*, 2019, 10 (437). Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.00437/full>

Valentini D., Lorusso A. M. and Stephan A. Onlife Extremism: Dynamic Integration of Digital and Physical Spaces in Radicalization. In: *Front. Psychol.*, 2020, 11(524), <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00524>

EDN: JJYPLH
УДК 364.622

Digitalization of the Social Environment: University Students' Preferences for Online and Offline Mental Health Counselling

Natalia A. Antonova^{*a}, Ksenia Yu. Eritsyana^b
and Larisa A. Tsvetkova^b

^aHerzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russian Federation

^bHSE University
St. Petersburg, Russian Federation

Received 18.10.2023, received in revised form 15.11.2023, accepted 16.11.2023

Abstract. The rapid growth of technologies leads to the digitalization of various spheres of our life including development of remote forms of support and assistance in the field of mental health (telepsychology, telepsychiatry). This process goes along with the digitalization of all education process and extracurricular activities. To what extent the university student's acceptability the online forms of mental health counseling in university environment and what contributes to this attitude remains unclear. This paper surveys the association between students' attitudes towards seeking mental health services in the online form and the severity of mental health symptoms and preference for an online learning format. Based on survey data from 1,343 Russian university students we explored factors of associated with students' intentions to seek mental health services in the online form. Despite the relatively small personal experience of receiving psychological support (33.9 %), students overall have a positive attitude to such assistant (75.4 %). Students prefer face-to-face psychological consultations (45.8 %) with University-based specialists to online consultations (11.1 %). The preference to continue studying online or in a mixed format is associated with readiness to seek online psychological help ($p=0.000$). Technical difficulties are discouraging students from choosing online mental health care ($p=0.001$). Mental health symptoms had no significant association with a preference to seek online psychological counseling format.

Most students have never used psychological services. Nevertheless, they demonstrate high willingness to seek psychological help if problems arise. The attractiveness of the online format of study is associated with the preference of the online format of psychological assistance. Technical difficulties pose barriers to students' willingness to seek help in this format. Female students are generally more willing to seek online psychological help at the University-based service.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: antonova.natalia11@gmail.com

Keywords: mental health, help-seeking behaviour and attitudes, online counseling, digitalization, University student.

Research area: psychology.

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Citation: Antonova N.A., Eritsyayn K. Yu., Tsvetkova L.A. Digitalization of the social environment: university students' preferences for online and offline mental health counselling. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2216–2226. EDN: JJYPLH

Цифровизация социальной среды: предпочтения студентов университетов в отношении онлайн- и офлайн-консультирования по психическому здоровью

Н.А. Антонова^а, К.Ю. Ерицянь^б, Л.А. Цветкова^б

^а*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

^б*Высшая школа экономики
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация. Технологический прогресс приводит к цифровизации различных сфер жизни, способствуя в том числе развитию дистанционных форм поддержки и помощи в сфере психического здоровья (телепсихология, телепсихиатрия). Этот процесс идет параллельно с цифровизацией образовательного процесса и внеучебной деятельности. Остается неясным, в какой степени для студентов вузов онлайн-формат консультирования по вопросам психического здоровья и психологического благополучия в университетской среде является приемлемым, и что этому способствует. В данной статье исследуется связь между установками студентов к обращению за психологической помощью в онлайн-формате, выраженностью симптомов психического неблагополучия и предпочтением онлайн-формата обучения. Выборка опросного исследования составила 1343 студента вуза Санкт-Петербурга. Несмотря на относительно небольшой личный опыт обращения за психологической помощью (33,9%), студенты в целом положительно относятся к такому обращению в будущем (75,4%). Студенты предпочитают очные психологические консультации (45,8%) с психологами вуза онлайн-консультациям (11,1%). Предпочтение продолжать обучение онлайн или в смешанном формате связано с готовностью обращаться за психологической помощью онлайн ($p=0,000$). Технические трудности препятствуют выбору онлайн-формата помощи в сфере психического здоровья ($p=0,001$). Симптомы психического неблагополучия не имели значимой связи с предпочтением обращения за помощью в онлайн-формате.

Таким образом, большинство студентов вуза никогда не пользовались психологическими услугами. Тем не менее они демонстрируют высокую готовность обратиться за психологической помощью в случае возникновения проблем в будущем. Привлекательность онлайн-формата обучения связана с предпочтением и онлайн-формата получения психологической помощи. Технические трудности препятствуют готовности студентов обращаться за помощью в онлайн-формате. Студентки, как правило, более готовы обращаться за психологической помощью в онлайн-формате в университетские службы психологического сопровождения.

Ключевые слова: психическое здоровье, поведение, связанное с обращением за помощью, установки к обращению за помощью, онлайн-формат психологического сопровождения, цифровизация, студенты университета.

Научное направление: 5.3.5 – социальная психология, политическая и экономическая психология.

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие конфликтов интересов, связанных с публикацией статьи.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Цитирование: Антонова Н. А., Ерицян К. Ю., Цветкова Л. А. Цифровизация социальной среды: предпочтения студентов университетов в отношении онлайн- и офлайн-консультирования по психическому здоровью. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2216–2226. EDN: JJYPLH

Introduction

Technological innovation has affected social change in recent years and has been the prime driver of educational transformation (Garrison, 2016). Education and educational service processes are rapidly moving to digitalization and online format as most parts of human lives do, mostly, during the COVID-19 pandemic situation. The amount of time spent on the Internet among university students has significantly increased over the past decade (Rouvinen, et al., 2021). Students are more and more involved in online curricula and extracurricular activities, including online health services.

Remote (online) mental health care, which began six decades ago, has intensified with the onset of the COVID-19 pandemic and is becoming standard practice in many countries worldwide (Torous, et al., 2020; Whaibeh, et al., 2020; Solokhina, et al., 2021; Li et al., 2020). The importance of psychological services for students is recognized on Russian and international levels (Odrizola-González, et al.,

2020). Despite not being a mandatory structural unit of higher educational institutions in Russia, various Russian universities have introduced internal psychological consulting services. Up to date, there is a lack of empirical data describing students' attitudes to university-based psychological services and their experience of their use (Antonova, et al., 2021). The question if the off-line psychological consulting for the university students is more attractive compared with the online format and which factors influence such preferences, is still unstudied. This empirical research focuses on testing three hypotheses.

Previous research has shown the association between mental health symptoms and willingness to seek mental health help. Some studies have found a negative correlation between those (Aguirre Velasco et al., 2020; Blanco et al., 2008). Other studies find inverted U shape correlation: students are less likely to seek help from a mental health practitioner when they believe their mental health is either

too bad or too good (Liu et al., 2017; Eritsyana et al., 2021). We hypothesized that the online psychological counselling format might be more attractive to students with more pronounced mental health issues since it's associated with fewer costs and barriers. The other argument for such a hypothesis is that since the opportunity for anonymization is higher in the online format this could reduce the influence of stigma which is one main barriers to health-seeking (Talebi, et al., 2016; Kim, et al., 2015).

The development of remote forms of support and assistance in the field of mental health (telepsychology, telepsychiatry) is mediated by the rapid growth of technologies (personal computers, the Internet, mobile devices, videoconferencing software, hotlines and mobile application platforms etc.) (Anthes, 2016; Das, et al., 2016; Gartfel'der, 2016; Kamayev, et al., 2019). However, with the development of technologies, specific technology-related barriers appear. We hypothesized that technical difficulties or lack of technical resources might discourage students from choosing online mental health care.

Data on the students' attitudes toward online counselling are limited. In general, since the dichotomy of online and offline activity is being actualized nowadays, people can form receiving preferences for online or offline interactions. We assumed that the preference for the online format of psychological counselling would also be associated with the choice for conducting other activities in the online form.

Methods

Procedure. In autumn 2020, students of one of Saint-Petersburg universities were invited by the University representatives to voluntary participate in the anonymous online survey. The survey link was distributed via the dedicated social media and online communities of particular University departments. The respondent could decide not to participate in the study right away or refuse to continue participating at any stage without any negative consequences. Thirty-nine students (2.8 %) of the sample declined to participate in the survey after reading the informed consent form. The average time to fill out the questionnaire for

those who agreed was 40–50 minutes (an academic hour).

Participants. The final sample consisted of 1343 university students (mean age 20.3 years, σ 2.8; 16 % male). The majority (34.9 %) of participants were first-year students, 22.5 % – the second-year ones, 16.5 % – the third-year ones, 13.8 % – were at their final year of the bachelor program, 12.3 % studied in masters or PhD program.

Measures

Mental health help-seeking behaviour and attitudes. The study examined attitudes towards seeking psychological help in various services available to students, including the psychological support service existing at the University. The primary dependent variable was the attitude towards seeking mental health services in the University, measured by the question 'If in the future you were having a personal problem that was bothering you, would you consider seeking help from psychologists of the University Psychological Service?'. Possible responses were rated on a 5-point Likert scale: 'absolutely not', 'probably not', 'hard to answer', 'probably yes', and 'absolutely yes'. Those students who gave positive answers were asked about the preferred format of that help: "It would be more convenient for you to receive consultations from a psychologist at the University: online (via Skype, in Zoom, etc.), in person, no difference." Students also had reported on previous experiences of visiting psychologist, timing and number of such visits as well as where did they found those specialists.

Mental health symptomology. Screening scales for anxiety and depression as critical indicators of the most common mental health disorders (Depression and Other Common Mental Disorders, 2017) together with measures of a subjective representation of mental and physical health were used. We applied a Russian translation of the GAD-7 (Generalized Anxiety Disorder-7) to assess participants' anxiety symptoms (Spitzer, et al., 2006). Seven items evaluated the frequency of anxiety symptoms over the past two weeks on a 4-point Likert scale, ranging from 0 (never) to 3 (nearly every day). The total GAD-7 score

ranged from 0 to 21, with higher scores indicating more severe functional impairments due to anxiety. A Russian translation of the PHQ-9 (the depression module of the Patient Health Questionnaire) to assess participants' depressive symptoms was also employed (Kroenke, et al., 2001). Nine items evaluated the frequency of depressive symptoms over the past two weeks on a 4-point Likert scale ranging from 0 (never) to 3 (nearly every day). The total PHQ-9 score ranges from 0 to 27, and higher scores indicate more severe depressive symptomatology.

Two items were included to measure self-evaluation of mental health by students. The overall evaluation of mental health was measured via the item: 'Do you think that your mental health is...?' with possible responses on a 4-point Likert scale: 'poor', 'satisfactory', 'good' and 'excellent'. Psychosomatic complaints were assessed with the HBSC subscale (Growing up unequal, 2016). The respondents were asked to measure the frequency of several symptoms (headache, stomach ache, bad mood etc.) ranging from "almost every day" (5 points) to "rarely" or "never" (1 point). The sum of the values for 7 items was calculated.

Preference for the online education format. This survey was conducted during the COVID-19 pandemic (November-December 2020) when the University introduced a blended learning format: most classes were conducted online. Students were asked to rate how much they agree with the following statements to assess the attitudes to this predominantly online format: "I enjoy studying in a blended learning form", "I am comfortable with studying in a blended learning form", "I am good at in a blended learning form", "I see many positives in distance learning" with possible responses on a 5-point Likert scale: "absolutely disagree", rather disagree, it is difficult to say, rather agree, absolutely agree. The sum of points for all the questions was calculated (minimum – 4: maximum – 20). Cronbach's α -coefficient showed an acceptable level of internal consistency of this scale (Cronbach's $\alpha = 0.926$). Additionally, students reported their preferences for future studies format via choosing between the usual

format (in the classrooms of the University), a distance format, and a mixed format.

Online communication-related technical barriers were assessed via the set of questions when students have to measure how often they face the following technical difficulties: lack of a high-quality computer/laptop or tablet; incorrect work of devices (computer, laptop, tablet); low quality of the Internet and lack of a comfortable workplace. The possible responses were: "did not encounter", "encountered from time to time", "constantly encountered".

Data analysis. First, we applied the chi-square test (χ^2), Kruskal–Wallis test and Mann–Whitney U test to measure associations between psychological service format and other variables. Second, an ordinal regression model was performed to test the hypothesis that preference for an online learning format, lack of technical difficulties, and the severity of mental health symptoms predict students' attitudes towards seeking mental health services in the online form.

Results

Seeking psychological help: experiences and attitudes. Every third student (33.9 %) has experience visiting a psychologist; for half of them, it was a one-time experience (16.9 %). Over the past year, 13.7 % of students received psychological help. Even though such service is freely available in the University, only 1 % of students had chosen this option, while the overwhelming majority used the services of third-party organizations or private specialists. Most of those who applied were satisfied with the help they received: they rated the services' quality as high or very high (64.1 %). Despite the relatively small personal experience of receiving psychological support, students overall has a positive attitude to such assistant: 75.4 % of students consider this opportunity themselves. At the same time, the idea of seeking help from a psychologist based in university is rated not so positively. Just every fourth student (27.0 %) reported they might consider such an opportunity for themselves, while 39.5 % found it difficult to assess how they felt about this idea.

Correlates of attitudes towards seeking psychological assistance at the University-based service. Let us consider in more detail which of the students is ready, if necessary, to seek psychological help from the specialists of the psychological service of the University and which form of assistance is preferable for them ($n = 362$). More positive attitudes towards seeking help at a university are more widespread among female students compared with male ones (28.5 % versus 18.6 %, $p = 0.025$), first-year students compared with other students ($p = 0.000$), as well as for those living in a dormitory (33.8 %) and a room in a communal apartment (32.1 %) compared to those living in an own (26.8 %) or rented apartment (25.7 %) ($p = 0.014$). It's important to note that the living arrangements seem to be an independent correlate of positive attitudes towards seeking help from university-based service since student's income do not correlate with that attitude.

Preference for online psychological help format: prevalence and correlates

Overall, students prefer face-to-face psychological consultations with University-based specialists to online consultations: 45.8 % of respondents would choose them. In comparison, only 11.1 % of students would select the online format, and 43.1 % have no preference for the format of psychological counselling. There was no connection between the choice of the format and gender, year of study, material income, living arrangements and previous experience of psychological service use.

Associations between preference for online help format

and attitudes towards online learning

Before the data collection, the university carried out educational activities in both online and offline formats. Students could compare the advantages and disadvantages of both forms of education. On average, the attitude towards the new online/distance learning format can be considered neutral: the average score on the respective scale was 7.1 points (min=0, max = 16; $\delta = 4.89$). At the same time, there are also supporters of such a format of study – 28.3 % of students would prefer to study in this way

in the future, and also 21.2 % would choose to combine online and offline learning it is possible. The preference for the online format of psychological counselling is correlated both with a positive attitude ($p = 0.006$) and a choice for an online learning format ($p = 0.000$).

Associations between preference for online help and technological barriers

When studying online, students often faced technical difficulties: 64.4 % experienced the low quality of the Internet connection, 43.0 % – lack of a convenient workplace, 39.9 % faced with incorrect work of devices, and 28.9 % – with lack of a high-quality device. The absence of technological difficulties, particularly the presence of a convenient workplace ($p = 0.003$) and high quality of the Internet ($p = 0.012$), were associated with a greater preference for the online format of counselling. The preference for the counselling format was not associated with the availability of devices and their correct operation.

Associations between preference for online help and mental health

More than half of the students in the sample assess their mental health as suboptimal: 42.5 % – as satisfactory, and 17.8 % – as bad. The mean value on the depression scale (PHQ-9) was 10.6 points (max = 27), which corresponds to moderately expressed depressive symptoms. The mean value on the anxiety scale (GAD-7) was 6.47 points (max = 21), corresponding to a mild severity of anxiety symptoms. Psychosomatic complaints are also an important indicator of self-reported well-being since they can indicate somatic issues, stress, and negative issues in the immediate social environment (Hurrelmann and Richter, 2006; Inchley et al., 2020). In this study, the average rate of psychosomatic complaints was 13.7 points out of 35 maximum. Most of the complaints were associated with symptoms of bad mood, irritability and anxiety, less often with painful sensations of different localization. Contrary to our predictions, the preference for the particular format of psychological counselling was not associated with any of the studied mental health indicators.

Factors of preference**for online psychological assistance**

Table 1 presents the results from a binary regression analysis of the association between the preference for the online format of psychological counselling and several groups of hypothesized variables, such as attitudes to online learning format, technical barriers, mental health state controlling for relevant covariates including sex, age and place of residence.

The model has limited predictive power: R Square Nagelkerkes, a measure of uncertainty indicating the proportion of variance in the dependent variable that the influence of all model predictors can explain, is 24.7 %.

The preference to continue studying online or in a mixed format is associated with preference of online format of psychological assistance. Moreover, this variable is the most predictive one in the model. The other variables that remained in the model are technical difficulties (poor internet quality) and gender and age. Students who have experienced such technical challenges are less likely to choose the online counselling format over the offline one. Also, the online format is more likely to be preferred by females and older students. Other variables related to technological difficulties, attitudes towards blended learning, demographics and living arrangements, and mental health symptoms had no significant association with a preference to seek online psychological help in the final model.

Discussion

The study showed that though 75.4 % of students are ready to seek psychological help, only 27 % consider seeking it from a University-based psychologist. In various countries seeking help from University-based psychological services have been found to be not an extremely attractive idea for students (Hunt and Eisenberg, 2010; Shi, et al., 2020).

Online psychological services potentially might be a valid alternative to the traditional option. It is more cost-effective and could be more attractive for the young population, which already utilizes the internet for all aspects of life and those who would prefer to avoid face-to-face communication about personal issues (Han, et al., 2018). A few studies so far have found that university and college students generally hold favorable attitudes towards Web-based mental health resources (Ryan, et al., 2014). And that they could be more interested in seeking help for emotional problems online than by seeing face-to-face professionals (Lungu and Sun, 2016).

In our study, a little less than half of the students do not have pronounced preferences in the format of psychological consultations, and those who do much more often prefer the traditional face-to-face format. The perceived attractiveness of the online format of psychological counselling is associated with the perceived attractiveness of online education: a certain proportion of students tend to choose the on-

Table 1. Binary logistic regression of preferences for online psychological counselling *

Dependent variable	Estimate	95 % Confidence Interval		Sig. p-value
		Lower Bound	Upper Bound	
Preference for online psychological counselling				
Independent variables				
Female	2.256	1.183	4.300	0.013
Preference for the distant (online) format of education	8.983	5.430	14.863	0.000
Preference for the mixed (combination of online and offline) format of education	3.265	1.836	5.806	0.000
No difficulties with quality of internet connection during distant learning	2.072	1.357	3.163	0.001
Age	1.100	1.026	1.179	0.007

* only statistically significant connections are listed

line format of both educational and therapeutic interaction. We can assume that particular personality traits might be associated with the presence of a generalized preference for online interaction.

We hypothesized that online mental health care might be more attractive to students with more severe mental and physical symptoms, as fewer barriers and costs are associated with such a format of care. This hypothesis was not confirmed – we did not find any links between the current state of health and the preference for a specific counselling format. Recent works have shown that students with more pronounced symptomatology showed greater use and willingness to use some Telemental health apps (Toscos et al., 2018). However, this might be an example of overall higher readiness to seek help, not the preference for the online format.

The presence of technical barriers (in particular, a low-quality Internet connection) might be an obstacle to developing positive attitudes towards online mental health care. It is noteworthy that the students' income did not mediate this connection: students with different incomes may experience similar technical difficulties. In addition, an indirect indicator of a student's low socioeconomic status, namely living in a dormitory, also turned out to be unrelated to attitudes towards online psychological help. At the same time, the connection between the preference for an online format and the absence of technological barriers found in this study raises an important issue of digital inequality and the accessibility of health care (Khilnani, et al., 2020). Facilitated by the COVID-19 pandemic, the digitalization of all walks of life has created a new basis for inequality.

Further progress in providing mental and physical health services might be related to the development of hybrid models that include both traditional and remote forms of care (Solokhina, et al., 2021). Online platforms, despite their advantages, should complement rather than replace existing forms of assistance (Wong et al., 2021; Lee and Jung, 2018). Universities should work out the most appropriate format for providing psychological counselling, or a combination of it as well as minimizing existing bar-

riers that prevent students from actively using these services (Stebbleton, et al., 2014).

Our research has shown that many students declare that the assistance format is not important for them and perceive them as interchangeable. On the other hand, some have expressed preferences. Most students do not yet have experience with mental health services, either online or offline, so the expressed preferences are based on attitudes rather than previous experience. Understanding how preferences would change after such experience is acquired as important for future research. This information is critical to guide early mental health prevention in this population.

Conclusion

Digitalization makes new demands on education in general and university education in particular and leads to a revision of approaches to the organization of psychological services for students. The digitalization process increases the variety of possible formats for providing psychological assistance to university students.

Most students have never used psychological services. Nevertheless, they demonstrate high willingness to seek psychological help if problems arise, but to a lesser extent from the university-based specialists. Both psychological counselling formats (online and offline) have their supporters among students, and this choice is not associated with experienced mental health symptoms.

The attractiveness of the online format of study is associated with the choice of the online format of psychological assistance. Technical difficulties pose barriers to students' willingness to seek help in this format. Girl students are generally more willing to seek online psychological help.

It may be worthwhile for universities to monitor students' preferences for receiving psychological help and associated barriers and facilitators.

Limitations

An important limitation of the study is that we study the preference for online/offline psychological counselling formats and the factors associated with this using the example of

the University-based service. Therefore, the study does not allow the generalization of conclusions on the preference for the online format of psychological counselling.

Ethics Statement

Ethical approval for this study was granted by the Institutional Review Board of Herzen University (IRB 00011060 Herzen State Pedagogical University of Russia IRB#1, record #1). Informed consent has been obtained from all

participants. There were no participants under 14 years old in the study.

Author Contributions

N.A., K.E. and L. Ts. conceived of the idea. K.E. developed the theory and performed the computations. N.A. and K.E. verified the analytical methods. L. Ts. encouraged to investigate and supervise the findings of this work. All authors discussed the results and contributed to the final manuscript.

References

- Aguirre Velasco A., Cruz I. S.S., Billings J., Jimenez M., Rowe S. What are the barriers, facilitators and interventions targeting help-seeking behaviours for common mental health problems in adolescents? A Systematic Review. In: *BMC Psychiatry*, 2020, 20(1), 293–315. DOI: 10.1186/s12888-020-02659-0.
- Anthes E. Mental health: There's an app for that. In: *Nature*, 2016, 532(7597), 20–23. DOI: 10.1038/532020a.
- Antonova N. A., Eritsyanyan K. Yu., Tsvetkova L. A. Zapros na psikhologicheskuyu pomoshch' studentam pedagogicheskogo vuza [Psychological help-seeking among pedagogical university students]. In: *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii [Psychology in Education]*, 2021, 3(2). 208–217. DOI: 10.33910/2686-9527-2021-3-2-208-217.
- Blanco C., Okuda M., Wright C., Hasin D. S., Grant B. F., Liu S-M, Olfson M. Mental health of college students and their non-college-attending peers: Results from the national epidemiologic study on alcohol and related conditions. In: *Arch Gen Psychiatry*, 2008, 65, 1429–37. DOI: 10.1001/archpsyc.65.12.1429.
- Das J.K., Salam R. A., Lassi Z. S., Khan M.N., Mahmood W., Patel V., Bhutta Z. A. Interventions for Adolescent Mental Health: An Overview of Systematic Reviews. In: *Journal Adolescent Health*, 2016, 59(4S), S 49-S 60. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2016.06.020
- Depression and Other Common Mental Disorders: Global Health Estimates*. Geneva: World Health Organization. 2017. Available at: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/254610/WHO-MSD-MER-2017.2-eng.pdf> (accessed 5 February 2023).
- Eritsyanyan K., Antonova N., Kazantseva T., Usacheva N. Association between descriptive and injunctive norms and students' intention towards seeking mental health service. In: *Couns Psychother Res.*, 2021, 21, 827–836. DOI: 10.1002/capr.12461.
- Garrison D.R. *E-learning in the 21st century: A community of inquiry framework for research and practice*. Taylor & Francis, 2016.
- Gartfel'der D.V. Distantionnaya psikhologicheskaya pomoshch': obzor sovremennykh i funktsional'nykh vozmozhnostey [Remote psychological assistance: an overview of modern and functional capabilities.]. In: *Vestnik psikiatrii i psikhologii Chuvashii [Bulletin of psychiatry and psychology of Chuvashia]*, 2016, 12(2), 77–96.
- Growing up unequal: gender and socioeconomic differences in young people's health and well-being. Health behaviour in school-aged children (HBSC) study: international report from the 2013/2014 survey*. World Health Organization, Regional Office for Europe. Health policy for children and adolescents, 2016, 7, 292. Available at: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/326320> (accessed 20 February 2023).
- Han J., Batterham P.J., Calear A.L., Randall R. Factors influencing professional help-seeking for suicidality: a systematic review. In: *J. Crisis Intervention and Suicide Prevention*, 2018, 39 (3), 175–196. DOI: 10.1027/0227-5910/a000485.
- Hunt J., Eisenberg D. Mental health problems and help-seeking behavior among college students. In: *J. Adoles. Health*, 2010, 46, 3–10. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2009.08.008.

- Hurrelmann K., Richter M. Risk behaviour in adolescence: the relationship between developmental and health problems. In: *Journal of Public Health*, 2006, 14(1), 20–28. DOI: 10.1007/s10389-005-0005-5.
- Inchley J., Currie D., Budisavljevic S., Torsheim T., Jåstad A., Cosma A. et al. Spotlight on adolescent health and well-being. Findings from the 2017/2018 Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) survey in Europe and Canada. In: *International report. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe*. 2020. Available at: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/332091/9789289055000-eng.pdf> (accessed 01 February 2023).
- Kamayev I.A., Karpukhin I.B., Levanov V.M. Distantionnaya psikhoterapiya: zarubezhnyy i otechestvennyy opyt [Remote psychotherapy: foreign and domestic experience.]. In: *Aktual'nyye problemy upravleniya zdorov'yem naseleniya [Actual problems of public health management]*. Nizhny Novgorod: Publishing house of the Privolzhsky Research Medical University of the Ministry of Health of Russia, 2019, 246–251.
- Khilnani A., Schulz J., & Robinson L. The COVID-19 pandemic: new concerns and connections between eHealth and digital inequalities. In: *Journal of Information, Communication and Ethics in Society*, 2020, 18(3), 393–403. DOI: 10.1108/JICES-04-2020-0052.
- Kim J., Saw A., & Zane N. The influence of psychological symptoms on mental health literacy of college students. In: *Am J Orthopsychiatry*, 2015, 85, 620–630. DOI: 10.1037/ort0000074.
- Kroenke K., Spitzer R.L., & Williams J.B. The PHQ-9: validity of a brief depression severity measure. In: *Journal of general internal medicine*, 2001, 16, 606–613.
- Lee R.A., & Jung M.E. Evaluation of an mHealth App (DeStressify) on University Students' Mental Health: Pilot Trial. In: *JMIR Ment Health*, 2018, 23, 5(1): e2. DOI: 10.2196/mental.8324.
- Li W., Yang Y., Liu Z.H., Zhao Y.J., Zhang Q., Zhang L., ... & Xiang Y.T. Progression of mental health services during the COVID-19 outbreak in China. In: *International journal of biological sciences*, 2020, 16(10), 1732. DOI: 10.7150/ijbs.45120.
- Liu F., Zhou N., Cao H., Fang X., Deng L., Chen W., ... & Zhao H. Chinese college freshmen's mental health problems and their subsequent help-seeking behaviors: A cohort design (2005–2011). In: *PLoS One*, 2017, 12(10), e0185531. DOI: 10.1371/journal.pone.0185531.
- Lungu A., Sun M. Time for a change: college students' preference for technology-mediated versus face-to-face help for emotional distress. In: *Telemedicine and e-Health*, 2016, 22(12), 991–1000. DOI: 10.1089/tmj.2015.0214.
- Odriozola-González, P., Planchuelo-Gómez Á., Iruñeta M.J., & de Luis-García R. Psychological effects of the COVID-19 outbreak and lockdown among students and workers of a Spanish university. In: *Psychiatry research*, 2020, 290, 113108. DOI: 10.1016/j.psychres.2020.113108.
- Rouvine, H., Jokiniemi K., Sormunen M., & Turunen H. Internet use and health in higher education students: a scoping review. In: *Health Promotion International*, 2021, 36(6), 1610–1620. DOI: 10.1093/heapro/daab007.
- Ryan M.L., Shochet I.M., & Stallman H.M. Universal online interventions might engage psychologically distressed university students who are unlikely to seek formal help. In: *Adv Ment Health*, 2014, 9(1), 73–83. DOI: 10.5172/jamh.9.1.73.
- Shi W., Shen Z., Wang S., Hall B. J. Barriers to professional mental health help-seeking among Chinese adults: a systematic review. In: *Frontiers in psychiatry*, 2020, 11, 442. DOI: 10.3389/fpsy.2020.00442.
- Solokhina T.A., Kuz'minova M.V., Mitkhin V.G. Telepsikhiatriya i telepsikhologiya: vozmozhnosti i ogranicheniya distantionnoy raboty. [Telepsychiatry and telepsychology: opportunities and limitations of telecommuting]. In: *Psikhiatriya [Psychiatry]*, 2021, 19(3), 68–79. DOI: 10.30629/2618-6667-2021-19-3-68-79.
- Spitzer R.L., Kroenke K., Williams J.B., Löwe B. A brief measure for assessing generalized anxiety disorder: the GAD-7. In: *Archives of internal medicine*, 2006, 166(10), 1092–1097. DOI: 10.1001/archinte.166.10.1092.
- Stebleton M.J., Soria K.M., Huesman R.L. First-generation students' sense of belonging, mental health, and use of counseling services at public research universities. In: *Journal of College Counseling*, 2014, 17(1), 6–20. DOI: 10.1002/j.2161-1882.2014.00044.x.

Talebi M., Matheson K., Anisman H. The stigma of seeking help for mental health issues: Mediating roles of support and coping and the moderating role of symptom profile. In: *Journal of Applied Social Psychology*, 2016, 46(8), 470–482. DOI: 10.1111/jasp.12376.

Torous J., Jän Myrick K., Rauseo-Ricupero N., Firth J. Digital mental health and COVID-19: using technology today to accelerate the curve on access and quality tomorrow. In: *JMIR Mental Health*, 2020, 7(3), e18848. DOI: doi:10.2196/18848.

Toscos T., Carpenter M., Drouin M., Roebuck A., Kerrigan C., Mirro M. College students' experiences with, and willingness to use, different types of telemental health resources: do gender, depression/anxiety, or stress levels matter? In: *Telemedicine and e-Health*, 2018, 24(12), 998–1005. DOI: 10.1089/tmj.2017.0243.

Whaibeh E., Mahmoud H., Naal H. Telemental Health in the Context of a Pandemic: the COVID-19 Experience. In: *Curr Treat Options Psychiatry* 2020, 2, 1–5. DOI: 10.1007/s40501-020-00210-2.

Wong K., Chan C., Chan M., Wong C., Cheng Q., Xiong C., Yip P. Who Seeks Help Online? Comparing Online and Offline Help-Seeking Preferences among Youths with Suicidal Ideation. In: *Journal of Affective Disorders*, 2021, 292, 21–29. DOI: 10.1016/j.jad.2021.05.056.

EDN: JMHRGY
УДК 39:911.3 (14)

Geosophy and Geopoetics of the Russian North: Myth, Symbol, Ritual

Nikolay M. Terebikhin*

*Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research
of the Ural Branch of the RAS
Arkhangelsk, Russian Federation*

Received 01.10.2023, received in revised form 03.10.2023, accepted 07.11.2023

Abstract. The article presents the scientific results of research in the field of geosophy and geopoetics of the Russian North. They are of great conceptual and applied importance for understanding the modern strategy and practice of the spatial development of the Northern macroregion. The methodological basis of the study is the semiotics and hermeneutics of traditional culture of local and ethnic communities of the Russian North, as well as works included in the cycle of the Northern supertext of Russian literature. The article reveals the semantic content of the mythologeme “Original Rus” as one of the root images of the Russian North and the Russian Arctic’ mythopoetic space, associated with the symbolism of the “eternal return” to forgotten and abandoned, but remembered and acquired spiritual (polar) Motherland. The cryosophical and mythological-ritual semantics of the «glacial» cultural landscape of the northern and Arctic territories has been studied. The fundamental role of the «island» («archipelagic») image-symbolic complex as a structural paradigm for the arrangement of sacred and geocultural space, embodied in the ensembles of island monasteries of the Northern Thebaid and pagan temples in the archipelagos of the Russian Arctic, in the topography of the urban and zemstvo worlds of the Russian North, is revealed. The main stages of the formation and deployment of humanitarian geographical research in the Russian North, which marked a «spatial turn» and a change in problem-subject areas and methodological paradigms in the strategy of a number of scientific schools and areas of northern regional studies, are identified.

Keywords: geosophy, geopoetics, Russian North, geocultural space, glacial landscape, myth, symbol, ritual, island, archipelago.

Research area: philosophical anthropology, philosophy of culture.

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Fund in the framework of the scientific project No. 22–28–20502, <https://rscf.ru/en/project/22–28–20502/>.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: terebihinn@mail.ru

Citation: Terebikhin N. M. Geosophy and geopoetics of the Russian North: myth, symbol, ritual. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2227–2235. EDN: JMHRGY

Геософия и геопоэтика Русского Севера: миф, символ, ритуал

Н.М. Теребихин

*Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
имени Н. П. Лавёрова Уральского отделения РАН
Российская Федерация, Архангельск*

Аннотация. В статье представлены научные результаты исследования в области геософии и геопоэтики Русского Севера, имеющего важное концептуальное и прикладное значение для осмысления современной стратегии и практики пространственного развития Северного макрорегиона. Методологическую основу проведенного исследования составили семиотика и герменевтика текстов традиционной культуры локальных и этнических сообществ Русского Севера, а также произведений, входящих в цикл Северного сверхтекста русской литературы. В статье раскрыто смысловое содержание мифологемы «Руси Изначальной» как одного из корневых образов мифопоэтического пространства Русского Севера и Русской Арктики, связанных с символикой «вечного возвращения» на свою забытую и покинутую, но припоминаемую и обретаемую духовную (полярную) Родину. Изучена криосософская и мифоритуальная семантика «ледникового» культурного ландшафта северных и арктических территорий. Выявлена фундаментальная роль «островного» («архипелажного») образно-символического комплекса как структурной парадигмы устройства сакрального и геокультурного пространства, воплощенного в ансамблях островных монастырей Северной Фиваиды и языческих капищ на архипелагах Русской Арктики, в топографии городских и земских миров Русского Севера. Выделены основные этапы становления и развертывания гуманитарно-географических исследований Русского Севера, знаменовавших «пространственный поворот» и смену проблемно-предметных областей и методологических парадигм в стратегии ряда научных школ и направлений северного регионоведения.

Ключевые слова: геософия, геопоэтика, Русский Север, геокультурное пространство, ледниковый ландшафт, миф, символ, ритуал, остров, архипелаг.

Научная специальность: 5.7.8 – философская антропология, философия культуры.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–20502, <https://rscf.ru/project/22–28–20502/>.

Цитирование: Теребихин Н. М. Геософия и геопоэтика Русского Севера: миф, символ, ритуал. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2227–2235. EDN: JMHRGY

**«Пространственный поворот»:
путь на Север**

Предтечей и своего рода программным манифестом «пространственного поворота» в гуманитарных исследованиях Русского Севера явилась публикация в журнале «Коммунист» (1986) статьи двух выдающихся деятелей русской науки и культуры – академиком Д. С. Лихачева и В. Л. Янина, которые в предчувствии грядущей катастрофы разлома и распада исторического пространства Державы запечатлели спасительный образ-лик Русского Севера как величественного памятника мировой и отечественной культуры (Likhachev, Janin, 1986), как живого целостного геопространственного символа и структурной парадигмы сакральной архитектоники Русского Мира в его микро- и макрокосмических измерениях.

Знаковое место в становлении «геотеологического» дискурса Русского Севера занимают церковно-исторические и богословские труды протоиерея Льва Лебедева, который в канун тысячелетия Крещения Руси раскрыл традиционные святоотеческие представления о Русской Земле как воплощении образа «обетованной земли» Царства Небесного Иерусалима Нового, а также сформулировал основные положения «богословия острова спасения», или «островного богословия», имеющего первостепенное значение для распознавания и истолкования ядерных образов и символов сакрального пространства северных и арктических территорий России (Lebedev, 1995).

Собственно «пространственный поворот» в гуманитарных исследованиях Русского Севера был ознаменован пионерскими разысканиями автора данной статьи в области сакральной географии (Terebikhin, 1993), религиозной геософии и маринистики (Terebikhin, 1999), метафизики Севера (Terebikhin, 2004), ставшими плодотворным истоком нового научного направления в североведении – «Северный текст русской литературы», глубинный смысл которого, по определению профессора Е. Ш. Галимовой, заключен «в восприятии Русского Севера как мифопоэтического пространства,

таящего в себе в “запечатленном” виде загадку русской жизни, русской истории, русской культуры, русской духовности, самой души Руси, а также тайну русского поэтического слова. Это смысловое ядро Северного текста, его “запечатленная” тайна» (Galimova, 2017).

**Мифопоэтика
«Руси Изначальной»**

В иерархии сакрального геопозэтического тезауруса и мифопоэтической концептосферы Северного текста русской геофилософии и русской геофилологии как «софийной» и «логосной» форм бытия Русского Севера (Galimova, 2017) средоточную смыслообразующую роль играет мифологема Руси Изначальной, содержащая в себе весь образно-символический ансамбль мест «другой», «потаенной», «святой», «обетованной» «новой» земли, геопозэзис (землетворение) которой происходит здесь и сейчас прямо на глазах, обладающих тайнозрением очарованных странников-инициантов, взыскующих достижения тех инициатических пространств и горизонтов, которые «не от мира сего». Таким почитательным топосом для русских геопозэтов-«мифомыслителей» (С. Н. Дурылин, М. М. Пришвин), отправлявшихся на поиски «незримого Града» своей забытой и покинутой, но припоминаемой и обретаемой духовной Родины, являлся Русский Север. По словам Н. В. Борисовой – известной исследовательницы «мифопоэтики всеединства в философской прозе М. Пришвина», писатель в своих геопозэтических разысканиях метагеографических истоков русской души и русской идеи проник «в сокровенную глубину чистых родников исконного “прароссианства”. Есть, есть эта страна обетованная, “страна непуганых птиц”, где дышит нетленный дух славянства, русский дух, где жива народная душа в своей незамутненной чистоте, где прошлое и настоящее сходятся в пространстве Русского Севера с его чарующими бесценными звуками народной речи, сказками, древними поверьями, былинами, где люди все еще чисты и правдивы, наивны и мудры, где “зверь

покорен человеку”, а абсолютная вера в Божий промысел соединена с архаичными обрядами и мифическими представлениями» (Borisova, 2004).

Мифомыслительному взору М. Пришвина Север открылся как изначальный, но вечно новый, молодой, только что созданный Творцом водно-каменный окоём, окутанный и сплетенный мироустроительной молитвенной тишиной (священнобезмолвием-исихией): «Безмолвие! Лес, вода и камень... Творец будто только произнес здесь: “Да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша”. И вода стала стекать к морям, а из-под нее – выступать камни. В этих местах создалась такая карельская легенда: “Вначале в мире ничего не было. Вода вечно волновалась и шумела. Этот шум несся к небу и беспокоил бога. Наконец, разгневанный, он крикнул на волны, и они окаменели, превратились в горы, а отдельные брызги – в камни, рассеянные повсюду. Места между окаменелыми волнами наполнились водой, и так образовались моря, озера и реки”» (Prishvin, 1982a).

Метагеология и криософия гиперборейского ландшафта

Величественное зрелище геопозитического чуда рождения ледяного (водно-каменного) мира Русской Арктики живописал «чародей Севера», «добрый архангельский колдун» – С. Г. Писахов, который в своих умозрениях в красках и в слове развернул целостную геопанораму полярной символики арктического пространства как ледяной мировой горы («айсберг»), явленной в образе готического «ледовитого» собора-храма, наполненного светом и теургическими песнопениями: «Север (Арктика) – строгий, светлый крупнейший кафедрал. Простор напоен стройным песнопением. Свет полный, без теней. Мир только что создан. Для меня Арктика – утро Земли. Жизнь на Земле только что начинается. Там теряется мысль о благах обычных, так загораживающих наше мышление. Если в Арктике быть одному и далеко от жилья – хорошо слушать святую тишину.

Незакатное солнце наполняет светом радости. Север своей красотой венчает земной шар...» (Pisakhov, 2023). Арктика – застывшая в вечном покое криосферная окаменелость (криолит), запечатлевшая архетипику и архетопику рождения мира и его начального райского, детского пакибытия («сновабытия») (Terebikhin, Melyutina, 2021).

Молодость, светозарное утро кристаллизирующегося, становящегося, космизирующегося холодного мира Севера и Арктики отображены в геопозитической метафоре весеннего ледохода (ледополя) – бурного потока воды, несущего хаотические нагромождения «ледовитых» островов, полей, гор (торосов), земли, разнородного мусора, которые, каменея, превращаясь в «камни воды», становятся каменными краеугольными столпами (озы, камы, сельги, бараньи лбы, валуны) нарождающегося ледникового ландшафта бореального космоса, воспетого в творческом наследии выдающегося северного геофилософа и геопозита Ю. В. Линника, который дешифровал «ледниковый код» гиперборейского ландшафта, ставшего «эмблематическим обозначением самой сути северной природы» (Linnik, 2014b).

«В оссианических парках постоянно чувствуешь присутствие метафизических измерений <...>. Ледник проявил себя еще и как хаосогенная сила. Она позитивна! Это не знак распада – совсем нет: в окружении так называемого валунного хаоса мы ощущаем космогоническую мощь природы – здесь она молодая, зиждательная» (Linnik, 2014a).

«Ледниковому» геологическому мировидению Ю. В. Линника, создавшему образ-концепт «геологического палимпсеста», чрезвычайно созвучен геофилософский символизм П. А. Флоренского, прозревавшего «эллиническую» метафизику вечной мерзлоты (криосферы) (Pavlyuchenkov, 2017) и многослойность текстуры бытия, стратиграфия которого изоморфна рисунку годовых колец на спиле дерева и спиралевидному, вихреобразному узору декоративного камня – кольцевого агата. Она явлена в геометрическом образе концентрических сфер (слов), обладающих различной «плотно-

стью символичности» (различным «семиотическим статусом»), убывающих по мере удаления от центра к периферии: «При этом существу онтологической картины (а равно и стилю мышления Флоренского) скорее отвечал бы не просто зримый, геометрический образ, но образ более материальный, поскольку разнасыщенность онтологических сфер, неоднородность их ноуменальной прозрачности естественно ассоциируется со слоями разных видов и свойств. В частности, весьма адекватным является здесь образ геологический, образ напластований земных пород, меняющихся по своей плотности и другим свойствам. Именно этот геологический образ ближе всего и связывается у Флоренского с универсальной парадигмой строения бытия; им даже вводится и особый термин “метагеология”» (Ногузху, 1994).

В краю «плывущего камня»

«Метагеология» Флоренского, или в другой терминологии «метафизическое землеведение», раскрывает геопозис, мифопэтику и сакральную («мегалитическую») геоморфологию островов и архипелагов Русского Севера и Русской Арктики, начертанных на «петроглифических» картах (чертежах) этиологических мифов, топографических и топонимических преданий коренных насельников северного Края Земли. В саамских «петрографических» сказаниях Лапландия изображается не только как «Край летучего камня», в мифопозитическом универсуме которого окаменевшие «праудедки»-сейды летят на Восток (Charnolusky, 1972), но и сакральное водное пространство «плывущего камня», давшего начало множеству островов и архипелагов Белого и Баренцева морей, внутренних вод Кольского полуострова, Карелии и Архангельского Севера.

В лопарских топографических преданиях о происхождении мегалитических ландшафтов Русской Лапландии, исследованных известным российским этнографом Н. Н. Харузиным, мифопэтика «окаменения» соплагается с мифологемой нарушения строжайшего сакрального «обета»

молчания (запрета производить шум), неукоснительно соблюдавшихся в мифоритуальной технологии («изящном художестве») творения мироздания и его дальнейшей «доработки» культурным героем (шаманом, воином, первопредком): «Против Рыбачьего наволока лежат так называемые Айновы острова. О происхождении их у пазрецких лопарей существует следующее предание. Еще до принятия христианства лопарями в Печенгском погосте славились три брата-силача – нойды. Оленей в это время было мало, а в Швеции их было много. Вот братья и сказали матери: “поедем в Норвегу, отрежем кусок земли и приедем на ней со всем добром и оленями”. Они уехали, и мать спустя долгое время увидела во сне, что дети возвращаются. Она вышла из тупы и услышала шум, с радости она закричала: “вот детки едут, везут живота, быков, важенок (самка оленя); недаром же они говорили”. Когда она прокричала это, сама окаменела, окаменел и весь погост (деревня). Земля, на которой действительно подплывали ее дети, разорвалась на две части; нойды и олени потонули, а из земли, на которой плыли нойды, образовались два острова Айновы, известные морошкой. Кроме этого предания о происхождении Айновых островов существует предание, что нойды хотели запереть островами вход в Печенгский залив, а Кильдинским островом вход в Кольский залив, для того чтобы сделать неприятность св. Трифону, проповедовавшему христианство в то время среди лопарей. Когда люди увидели подплывающую землю, они закричали: “земля идет!”. Земля тотчас остановилась, а нойды, плывущие на ней, тотчас окаменели. Кроме веры, что нойды могут отрезать куски земли и на них переплывать с места на место, в этих двух преданиях ясно выражено, что шум при совершении колдовства является гибельным для колдунов. В первом предании они тонут, во втором обращаются в камни» (Нарузин, 1889).

Исихия («тихость») Севера

С мифологемой «окаменения» иноземных воинов («немцев»), нарушивших своим

шумным разорительным вторжением мир, покой и святую тишину «белого», «островного» («соловецкого») моря, местное топографическое предание связывает происхождение островов Кузовского архипелага, являющего собой грандиозный мегалитический ансамбль, геоморфология и археология ледникового ландшафта которого есть предельно полное и геометрически точное воплощение (начертание) «водно-каменной» мифопоэтической картины мира древних и средневековых насельников Русского Севера. Ее «геомозаика» созидалась не только ледовитой «криософской» крепостью первобытных вод и первозданного камня, но и мироустроительной гармонией тишины (тихости), метафизику которой исповедовал и исследовал великий русский писатель-«мифомыслитель» археолог, этнограф, богослов и священник – С.Н. Дурылин, предпринявший ряд научных экспедиций и духовных хождений по заповедным, потаенным путям и перепутьям Русского Севера, над которым, по его словам, «тихий ангел пролетел над землею и водами – и утихло раз навсегда злое мирское волнение» (Цит. по: Ageeva, 2015)

Исследовательница метафизики молчания и «безмолвного пения» в традиции исихазма Е.Г. Мещерина, обращаясь к представлению о древнерусской культуре как о «культуре великого молчания», отмечает, что «тишина, бывшая в широком смысле синонимом мира, покоя, гармонии и невыразимости божественных тайн, – одна из главных категорий русской средневековой эстетики. В исихазме на самых вершинах “священнобезмолвия” отсекается не только псалмопение, но и сама молитва, ибо безмолвие выше всякой молитвы, в нем пребывает сам Господь» (Meshcherina, 2023), которого С.Н. Дурылин в соответствии со святоотеческой богословской традицией именуется «начальником тишины»: «**Начальник жизни** Христос вместе есть воистину и **начальник тишины**, ибо суетливо и шумливо лишь слепое бытие, мнимый образ жизни, а не истинное бытие и жизнь, которые обретаются в вечном покое и полноте» (Durylin, 1916).

«Ледовое побоище» на краю времени и пространства

Наряду с метафизикой тишины значимое место в геопозисе водно-каменного ледовитого ландшафта Русского Севера занимает мифологема «плавающих островов», символизирующая пребывание мироздания в лиминальном состоянии перехода, дрейфа, флуктуации, в «шумливом» хаосе праздничного устройства нового года и нового мира, зафиксированных водлозерским преданием о приплывшем острове как свадебном подарке водяному – хозяину озера, а также «зверобойкой» – поморским промысловым ритуалом ледового побоища – жертвоприношения морского зверя, из тела которого разворачивается космос новой жизни (Terebikhin, Melyutina, 2021). В процессе развития сюжета охотничьего обряда вооруженная промысловая дружина, состоявшая из семи ватажников («ушкуйников»), отправлялась в поход на зверобойной лодке-«ледянке» («семерике») и высаживалась на проплывающий мимо ледяной остров, где поморы вступали в смертный бой с многочисленным стадом морских зверей. Батальное полотно ледового побоища на гиперборейском краю времени и пространства несомненно восходит к тому же прообразовательному (архетипическому) мифоритуальному сценарию «зверобойки», который воспроизводится в структуре традиционного календарного фарерского китобойного праздника Grindadrap, в начертаниях и резах на «листах каменной книги» петроглифов Фенноскандии, нанесенных шаманом – предводителем морских отрядов воинов-зверобоев.

Ледовые пространства арктических морей, где происходит эсхатологический ритуальный поединок человека и зверя, образует криософский, мифопоэтический каркас «аборигенного культурного ландшафта», концепция которого была разработана известным этнологом-североведом И.И. Крупником: «Ледовое культурное пространство можно определить как особый вид культурного ландшафта, формирующегося на месте сезонных или круглогодичных ледовых (гляциальных) экосистем

под влиянием человеческих знаний, рациональных и символических представлений, и использования для разных видов активностей, включая жизнеобеспечение, передвижение, рекреацию, коллективные праздники и передачу знаний» (Krupnik, 2008).

Богословие «острова спасения»

Весновальный новогодний промысловый ритуал испытания поморской судьбы – поединка с хозяевами морской стихии на дрейфующей льдине, где, по словам М.М. Пришвина, складывалась удивительная «самобытная организация людей и зверей, похожих на человека» (Prishvin, 1982), был чреват гибелью в «относе морском», когда ледяной остров Божиим попусением или судьбоносным поморским «Норд-Остом» (северо-восточный ветер-«полуношник» – «жгучий ветер полярной преисподней», в котором великий русский геопэот-пророк М. Волошин прозревал «всю судьбу России», ее «страшную, безумную судьбу» (Voloshin, 2023) выносило в открытое море, где единственным пристанищем являлся остров Моржовец, который северными мореходами почитался «островом спасения». «Зацепившись», по их выражению, «за Моржовец», поморы воздвигали на острове памятные деревянные обетные кресты, а затем, соблюдая веру и обычаи морской старины, отправлялись с благодарственной молитвой на другой беломорский остров спасения – Соловецкий архипелаг, в монастырском и скитском священнобезмолвии которого имплицитно (подспудно) пребывало «богословие острова спасения», получившее свое эксплицитное иеротопическое воплощение в землеустроительных и храмоздательских деяниях и подвигах инока Анзерского скита Никиты Минова (Никона), ставшего патриархом всея Руси и устроившего Русскую Землю во образ Обетованной Земли Царства Небесного:

«Это богословие «острова спасения», или «престола Божия у моря», или «соборания святых среди моря» будет последовательно развиваться Никоном в течение всей

его жизни. При уходе из Анзерского скита в 1639 году на Белом море Никон попал в сильный шторм и едва не погиб, горячо моля Бога о спасении. И лодку его неожиданно выбросило на Кийский остров Онежской губы. На этом **острове** своего **спасения** (в буквальном смысле слова) Никон дал обет Богу поставить монастырь, что впоследствии, став патриархом, и исполнил. Придя в Кожеозерскую пустынь на материке, о. Никон довольно скоро испросил благословение на пустынножительство **на острове** посреди озера, где жил, соблюдая правило скита Анзерского острова. <...>

Что все это делание не было безотчетным (просто в память об Анзерском острове, где он принял монашеский постриг), убеждает нас то обстоятельство, что святейший Никон создает свои островные монастыри и прочие островные сооружения в тот период, когда его сознанием уже владеет «иерусалимская» и «новоиерусалимская» символика. Следовательно, это островное богословие соединяется, сочетается с богословием образа горнего мира» (Lebedev, 1995).

Сокровенное духовное наследие монастырского царства Северной Фиваиды было открыто трудами великих подвижников русской культуры – православного писателя, путешественника и паломника А. Н. Муравьева (Muraviov, 2014) и «бытописателя Земли Русской», этнографа «бродячей», «неведомой» и «святой» Руси С.В. Максимова (Maksimov, 1989), развернувших водно-каменную геопанораму островных православных обителей Русского Севера, среди которых особое место занимает Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере, который в своем парадигмальном, аскетическом «каменно-островском» архитектурно-пространственном облике воплотил ключевые богословские и геософские концепты, образы и символы «спасения», «преображения», «острова-камня».

Выдающимся памятником островного храмоздательского (иеротопического) творчества, претворившим в своем архипелажном геопространственном образе всю

сокровищницу поморского сакрального символяриума, является Крестный монастырь, воздвигнутый на каменном Кий-островском архипелаге по воле и богословскому замыслу богатыря-патриарха Никона, для которого каменный остров на Белом море стал «камнем веры и правды» и островом «спасения». В память об этом чуде Никон в полном соответствии с канонами и поморской крестной обетной традицией воздвигнул крест на острове-камне, где до Крещения местной Чуди и Лопи могло, по предположению исследователей церковной археологии островной обители, располагаться аборигенное языческое святилище, подобное мегалитическим ансамблям Валаамского, Соловецкого и Кузовского архипелагов. «Символическая программа Крестного монастыря <...> воплотила одну

из граней символики рая, образа Обетованной земли на далеком северном острове» (Gnutova, Schedrina, 2006).

Островная метагеографическая матрица устройства геокультурного пространства была укоренена не только в монастырской иеротопии и «сумме теологии» острова спасения, но и в мифоритуальной практике геопоззиса городских (Terebikhin, 2013) и земских (Terebikhin, 2023) миров, что превратило Русский Север в многогласную и многокрасочную геопропространственную икону-карту всего священного триединого космоса русской жизни, покоящегося на «трех китах», трех краеугольных криософских камнях (криолитах) «святости, царства и земства» (Торогов, 1995) среди хаоса вод «главного гиперборейского моря» – Русского Архипелага.

Список литературы / References

- Ageeva E. A. Vodlozero in the notes of S. N. Durylin in July-August 1917 [Vodlozero v zapisiakh S. N. Durylina v iule-avguste 1917 goda]. In: *Riabininskie chteniia – 2015. Materialy VII konferentsii po izucheniiu i aktualizatsii kul'turnogo nasledii Russkogo Severa* [Ryabinin' Readings – 2015. Proc. 7th Conf. on the study and updating of the cultural heritage of the Russian North]. Petrozavodsk, 2015, 6–8.
- Borisova N. V. *Mifopoetika vseidinstva v filosofskoi proze M. Prishvina* [Mythopoetics of Unity in the Philosophical Prose of M. Prishvin]. Yelets, Yelets State University named after I. A. Bunin, 2004. 227 p.
- Charnolusky V. V. *V kraiu letuchego kamnia: Zapiski etnografa* [In the Land of the Flying Stone: Notes of an Ethnographer]. Moscow, Mysl, 1972. 271 p.
- Durylin S. V. Nachal'nik tishiny [Head of Silence]. In: *Bogoslovskii vestnik* [Theological Bulletin], 1916, 2(7/8), 417–445.
- Galimova E. Sh. Severnyi tekst russkoi literatury: metodologiya issledovaniia [Northern Text of Russian Literature: Research Methodology]. In: *Severnyi tekst kak logosnaia forma bytiia Russkogo Severa* [Northern text as a logos form of being of the Russian North], 2017, 1, 9–26.
- Gnutova S., Schedrina X. Kiiskii krest, Krestnyi monastyr' i preobrazhenie sakral'nogo prostranstva v epokhu patriarkha Nikona [The Holy Cross Monastery, the Kyi Cross and the Transfiguration of the Sacred Space in the Age of Patriarch Nikon]. In: *Ierotopiia. Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevnei Rusi* [Hierotopy. Creation of Sacred Spaces in Byzantium and Medieval Russia]. Moscow, 2006, 681–705.
- Haruzin N. N. O noidakh u drevnikh i sovremennykh loparei [About the Noids of Ancient and Modern Lapps]. In: *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1889, 1, 36–76.
- Horuzhy S. S. Filosofskii simvolizm Florenskogo i ego zhiznennye istoki [Philosophical Symbolism of Florensky and His Life Sources]. In: *Posle pereryva. Puti russkoi filosofii* [After the Break. Ways of Russian Philosophy], 1994, 100–130.
- Krupnik I. I. Ledovye prostranstva arkticheskikh morei kak aborigennyi kul'turnyi landschaft [Arctic Sea Ice as Indigenous Cultural “Scape”]. In: *Nasledie i sovremennost'* [Heritage and Modern Times], 2008, 1(4), 73–94.
- Lebedev L. *Moskva Patriarshaia* [Moscow of Patriarchs]. Moscow, Veche, 1995. 384 p.
- Likhachev D. S., Janin V. L. Russkii Sever kak pamiatnik otechestvennoi i mirovoi kul'tury [Russian North as a Monument of National and World Culture]. In: *Kommunist* [Communist], 1986, 1, 115–119.

- Linnik Yu. Monrepo [Mon Repos]. In: *Sever [North]*, 2014a, 9–10, 204–219.
- Linnik Yu. Monrepo [Mon Repos]. In: *Sever [North]*, 2014b, 9–10, 34–38.
- Maksimov S. V. *Po russkoi zemle [Across Russian Land]*. Moscow, Soviet Russia, 1989, 528 p.
- Meshcherina E. G. *Metafizika molchaniia «bezmolvnoe penie» v traditsii isikhazma [Metaphysics of Silence and “Silent Singing” in the Tradition of Hesychasm]*. 2023. Available at: <http://www.hesychasm.ru/library/creation/mescherina.htm> (accessed 14 March 2023).
- Muraviyov A. N. *Puteshestvie po sviatym mestam russkim [Journey to the Holy places of Russia]*. Moscow, Institute of Russian Civilization, 2014. 759 p.
- Pavlyuchenkov N. N. Nauchnye issledovaniia i «simvolicheskie» sozertsaniia Sviashchennika Pavla Florenskogo na Dal'nem Vostoke [Scientific research and “symbolic” contemplation of Priest Pavel Florensky in the Far East]. In: *Gumanitarnoe prostranstvo. Mezhdunarodnyi al'manakh [Humanity Space. International Almanac]*, 2017, 6 (3), 510–521.
- Pisakhov S. *Ia ves' otdalsia Severu [I Gave Myself to the North]*. 2023. Available at: https://royallib.com/read/pisahov_stepan/ya_ves_otdalsya_severu_sbornik_ocherkov.html#0 (accessed 14 March 2023).
- Prishvin M. M. V kraiu nepugannykh ptits [In the Land of Fearless Birds]. In: *Sobranie sochinenii: V 8-mi t. [Collected Works in eight volumes]*, 1982a, 1, 41–180.
- Prishvin M. M. Za volshebnyim kolobkom (Iz zapisok na Krainem Severe Rossii i Norvegii) [Behind the Magic Kolobok (From Notes in the Far North of Russia and Norway)]. In: *Sobranie sochinenii: V 8-mi t. [Collected Works in eight volumes]*, 1982b, 1, 181–386.
- Terebikhin N. M. *Sakral'naia geografiia Russkogo Severa: religiozno-mifologicheskoe prostranstvo severnorusskoi kul'tury [Sacred Geography of the Russian North: Religious and Mythological Space of Northern Russian Culture]*. Arkhangelsk, Pomor State University, 1993. 220 p.
- Terebikhin N. M. *Lukomor'e: ocherki religioznoi geosofii i marinistiki Severnoi Rossii [Lukomor'e: Essays on Religious Geosophy and Seascape Painting of Northern Russia]*. Arkhangelsk, Pomor State University, 1999. 204 p.
- Terebikhin N. M. *Metafizika Severa [Metaphysics of the North]*. Arkhangelsk, Pomor State University, 2004. 271 p.
- Terebikhin N. M. Arkhaicheskoe nasledie v landshaftno-topograficheskoi semiosfere severnogo goroda [Archaic Heritage within the Landscape-Topographical Semiosphere of the Northern Town]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta imeni M. V. Lomonosova. Ser. «Gumanitarnye i sotsial'nye nauki» [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]*, 2013, 4, 110–115.
- Terebikhin N. M., Melyutina M. N. Mifopoeticheskie aspekty traditsionnoi pomorskoj kriosofii i antropologii kholoda: rekonstruktsiia i interpretatsiia [Mythopoetic Aspects of Traditional Pomor Cryosophy and Anthropology of the Cold: Reconstruction and Interpretation]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta imeni M. V. Lomonosova. Ser. «Gumanitarnye i sotsial'nye nauki» [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]*, 2021, 21(4), 122–133.
- Toporov V. N., *Sviatost' i sviatye v russkoi dukhovnoi kul'ture. Tom I. Pervyi vek khristianstva na Rusi [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture. Volume I. The First Century of Christianity in Rus']*. Moscow, «Gnosis» – School «Languages of Russian Culture», 1995. 875 p.
- Voloshin M. *Severovostok [Northeast]*. 2023. Available at: <https://www.culture.ru/poems/33354/severovostok> (accessed 14 March 2023).

EDN: IINRKG
УДК 114; 130.3

The Individual's Living Space and Ways of Understanding It

Andrei M. Sergeev*

*Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 24.10.2023, received in revised form 24.10.2023, accepted 07.11.2023

Abstract. The article deals with the problem of the formation and existence of the living space of the individual, as well as ways of understanding it, when both an individual and a separate people can be understood as an individual. In this connection P. A. Florensky's concept of understanding space about the multiplicity of human spaces is analyzed.

A significant point in understanding individual life space is the crossing of the horizontal of existence with the vertical section, connected with the necessity of surpassing and deepening the horizontal of existence. The understanding of space is carried out on the basis of the individual's presence in the world, thanks to which he is provided with the vastness and breadth of the world and endowed with the scope of its openness and power. At the same time, in setting the boundaries of his existence, the individual is bound to two sides of the border: the inner and the open. All this leads to the fact that a characteristic feature of the individual's understanding of his ontological position is contradictory. The various aspects of this contradictory nature of all individuality are intermediarity, duality, and binarity. In view of this it is necessary to keep the very contradiction of thesis and antithesis in a fundamentally undiminished state, and any synthesis of them should be seen only as a temporary combination.

An important point in understanding the individual life-space and individual existence is the inter esse position, where the individual is defined both in what "is" and in what "is not". Another, no less important point in understanding the individual's life space is to consider it in the optics of combining and opposing metrics and topics.

Keywords: space, world, living space, inner world, border, being "between", binary, duality, metric, topic.

Research area: philosophical anthropology, philosophy of culture.

Citation: Sergeev A. M. The individual's living space and ways of understanding it. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2236–2247. EDN: IINRKG

Жизненное пространство индивида и способы его понимания

А.М. Сергеев

*Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье обсуждается проблема формирования и существования жизненного пространства индивида, а также способов его понимания, когда в качестве индивида может рассматриваться как отдельный человек, так и отдельный народ. В связи с этим анализируется концепция понимания пространства П. А. Флоренского о множественности человеческих пространств.

Значимым моментом понимания индивидуального жизненного пространства является скрещение горизонтали существования с вертикальным сечением, связанное с необходимостью превосходения и углубления горизонтали существования. Понимание пространства осуществляется исходя из присутствия индивида в мире, благодаря чему он обеспечен простором и широтой мира и наделен размахом его открытости и силы.

Вместе с тем, устанавливая границы своего существования, индивид связан с двумя сторонами границы: внутренней и открытой. Все это приводит к тому, что характерной чертой понимания индивидом своего онтологического положения оказывается противоречивость. Различными аспектами такой противоречивости всякой индивидуальности становятся промежуточность, двойственность и бинарность. Ввиду этого необходимо сохранять само противоречие тезиса и антитезиса в принципиально не ослабленном состоянии, а любой их синтез надлежит рассматривать только как временную комбинацию.

Важным моментом понимания индивидуального жизненного пространства и бытия индивида является положение «между» («inter esse»), когда индивид определяется и в том, что «есть», и в том, что «не есть». Другим, не менее значимым моментом понимания жизненного пространства индивида является рассмотрение его в оптике сочетания и противопоставления метрики и топика.

Ключевые слова: пространство, мир, жизненное пространство, внутренний мир, граница, бытие «между», бинарность, двойственность, метрика, топика.

Научная специальность: 5.7.8 – философская антропология, философия культуры.

Цитирование: Сергеев А. М. Жизненное пространство индивида и способы его понимания. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2236–2247. EDN: IINRKG

Человек во множестве жизненных пространств

Человек пребывает не в одном, но в разных пространствах, оживляя их своим участием, продлевая свою жизнь посредством пространств. Начала и концы пространств имеют открытый характер со всеми вытека-

ющими последствиями. Пространство, соотнесенное с человеком, всегда будет представлять в качестве формы, благодаря которой человек понимает свою жизнь и себя в ней, выделяя природное пространство, жизненное пространство своего природного вида – пространство жизни вида *Homo sapiens*, свое

природно-жизненное пространство. Наряду с этим человек выделяет различные социальные, исторические, национальные, государственные, идейные, концептуальные и различные другие пространства. Разумеется, можно полагать, что такое множество различных пространств людей входит в одно единое – безличное – пространство, однако и при таком подходе количество пространств также множится и разрастается, ибо в зависимости от точки отсчета можно говорить о земном пространстве, пространстве нашей галактики, пространствах материальной и умозрительной Вселенных.

Все это говорит о том, что пространство является формой индивидуального бытия, т.е. своеобразной «порцией» жизни, благодаря которой определяется и способно быть понято единство отдельных жизненных содержаний такого индивидуального бытия. Пространство выступает своеобразным «континуумом», внутри которого существует и живет индивид. Причем под индивидом можно понимать и каждого отдельного человека, и всякий отдельный народ.

Концепция пространства

П. А. Флоренского

Говоря о множественности пространств, важно обратиться к пониманию пространства П. А. Флоренским, который длительное время работал над проблемой исследования специфики художественно-образительного пространства и эстетического пространства (Florensky, 2000). Именно в контексте такого начинания он анализирует три вида пространства, существенно влияющих на представления человека о пространстве (Florensky, 2000: 274–296), когда, наряду с пространством канто-евклидовым (или евклидовско-кантовским), т.е. отвлеченным, геометрическим пространством, выделяется пространство физическое и пространство психофизиологическое. Причем, за исключением геометрического пространства, в каждом из видов пространства, детализируя, можно выделять множество пространств. Три слоя в понимании пространства – ге-

ометрический, физический и психофизиологический – последовательно приближают к пониманию конкретного пространства, связанного с жизненным опытом всякого человека (Florensky, 2000: 284).

Как отмечает Флоренский, евклидовско-кантовское пространство свободно «от малейшего признака антропоцентричности» (Florensky, 2000: 276). Иначе говоря, такое пространство является безличным. В связи с этим Флоренский акцентирует внимание на следующих его признаках: бесконечности, беспредельности, однородности, изотропности, связанности, однозначности, трехмерности, постоянной кривизне, равной нулю (Florensky, 2000: 277).

Наряду с этим отмечается, что уже физическое, т.е. природное пространство «имеет признаки, существенно отличные от перечисленных выше» (Florensky, 2000: 283). Говоря о пространстве психофизиологическом, подчеркивается принципиальная множественность таких пространств, что связано с разнородностью зрительного и мышечного пространств, а в их пределах – с разнородностью зрительно-двигательного, мышечно-осознательного, слухового, термического, обонятельного, вкусового и других, более частных пространств, соответствующих разным группам восприятий.

Характеризуя психофизиологическое пространство в целом, Флоренский акцентирует внимание на том, что оно непосредственно связано и соизмеримо с человеком, областью его жизни и его самораскрытием. Такое пространство в расширенном смысле есть «собственное человеческое жилье» (Florensky, 2000: 286). В отличие от евклидовско-кантовского пространства, психофизиологическое пространство не бесконечно, не беспредельно, не однородно и имеет различную емкость в разных местах, не изотропно, прерывисто и не однозначно (Florensky, 2000: 287–296).

Понимание пространства по схеме канто-евклидова пространства существенно и значительно искажает опыт непосредственного понимания пространства каждым человеком. Как отмечает Флоренский,

«вне эмпирических восприятий, пространство ни для чего не нужно», тогда как анализ человеческих восприятий «показывает, что в евклидовском пространстве им нет места и быть не может, и кантовская форма восприятия оказывается пустою, а сами восприятия – располагающимися в своей не-кантовской форме» (Florensky, 2000: 295). Таким образом, Флоренский показывает нам, что человек имеет разный опыт понимания пространства и устраивает свою жизнь в разных пространствах и множественности пространств.

Горизонталь пространства и его вертикальное сечение

Ориентация исключительно на пространство не позволяет индивиду оторваться от земли, не дает ему жить внутренним миром, побуждениями и движениями его души. Сосредотачиваясь на земном, индивид все последовательнее начинает жить устройством своего жизненного пространства и передвижением внутренних пространственных масс, перестраивая и переделывая природное пространство и придавая ему новые конфигурации. Но, обустроивая пространство под себя, ни человек, ни народ не может устроиться в пространстве в полной мере. Пусть и смутно, но он знает, что ему мало любого пространства, и его метафизика развертывается поверх пространства – в вертикальном сечении пространства путем его превосхождения и углубления. Ни человек, ни народ не могут занять себя сугубо природным устройством: временами они испытывают приступы донесения всей правды жизни – правды мира, которая проговаривается и входит в жизнь через них. История взаимодействия индивида с земным пространством показывает, что ни одна попытка устройства и переустройства физического пространства не удовлетворяет его полностью и потому никогда не является окончательной.

Стоит обратить внимание на то, что войны за земные пространства для русского человека связаны не только, и не столько, с приобретением природного пространства.

Каждая такая война – это отклик на бури, происходящие в душе человека. Война – это другая сторона связанности русского человека с тем, что развертывается поверх и в глубине земли. Речь идет о мире и о русском человеке как о том, через что развертывается дело мира. Русский человек чувствует себя тесно связанным с миром и откликается на свою связь с ним, реагируя на любые порывы усиления и ослабления такой своей связанности с миром, пребывая внутри земного пространства. По крайней мере, сам русский человек так об этом думает и так себе это представляет. Поэтому он и не знает, что делать с доставшимися ему земными пространствами: он их как-то, конечно, обустроивает, но не вкладывает в это дело всего себя. И даже если какое-то обустройство пространства и происходит, то это еще ничего не значит, ибо русский человек готов бросить любое налаженное дело, связанное с пространством, ради дела мира и ради своего внутреннего мира.

Когда человек целостен, он живет, в первую очередь не пространством, но именно внутренним миром, понимая пространство и его границы исходя из этого. Пространство замечается по мере выхода человека за пределы себя, когда он начинает ощущать свою множественность и различает себя в ней. Тогда пространство может восприниматься препятствием на пути человека к себе, т.е. тем, что он должен преодолеть, чтобы собраться в себе. Вместе с тем пространство может пониматься способом выхода человека за пределы себя, т.е. способом перехода своего внутреннего мира в существование, которое раскрывается вовне человека.

Если человек предельно собран в себе, то это происходит не в координатах широты и длины, а в координате вертикали, т.е. на высоте и на глубине самого себя. Речь идет о вертикали, связывающей небесное и подземное, в результате чего пространство земли воспринимается из присутствия или отсутствия такой вертикали. Но человеку всегда мало и не хватает данности. В пространство, измеряемое данностью, вносится координата смысла, когда дан-

ность теперь уже понимается заданностью. И когда человек примеривается к пространству и задает ему меру, он делает это на основе соотнесения себя с безмерным. Силу жизни человек выдерживает тем, что определяет пространство по своей мерке. Жизнь всегда нами отмеряется, определяется и ограничивается. Однако именно безмерность мира и безмерность человека, пребывающего в мире, позволяет ему задавать меру всему, что есть в мире. Человек есть трансцендентное единство всего того, что измеряется и чему можно задать меру. Он связан с миром и обеспечен им сразу, с момента своего вхождения в мир. Поэтому все, что открывается человеку в мире, имеет свою меру мира. Безмерность человека позволяет ему сосредотачивать в себе мир и различать разные меры мира.

Мир может представлять человеку и народу разным, на то он и мир, способный вместить в себя все (Bibikyin, 1995, 2005, 2019). Но индивид может не быть готов к этому. Мир может повернуться к нам совсем не тем образом, который мы ждем, и к которому мы готовы. Индивид склонен измерять мир своей мерой, которая всегда мала. Так что его отношения с миром строятся через не связываемые между собой разрывы. Не выдерживая этого, индивид пытается соотносить себя с миром рациональным образом, что не влечет за собой потрясений его существа и не связано с катастрофами его налаженного существования. Однако реальное вторжение мира в пространство земного существования индивида может разом обернуться тем, что его привычный и подручный порядок будет разрушен.

Человек подвержен закону тяжести, но может и восходить, преодолевая свою тяжесть. В результате любая человеческая жизнь предстает перебивами одного и другого, когда отдельные содержания стыкуются между собой тогда, когда связаны одним основанием: либо нисхождением, либо восхождением. Но дело в том, что нисхождение и восхождение не связаны только как отрицающие друг друга – противоположные – моменты, по типу сугубо

«негативной» и сугубо «позитивной» коннотации. Углубление прямо связано с восхождением: и то и другое имеет отношение к смысловой – вертикальной – координате индивидуальной жизни, которая является поперечным сечением по отношению к горизонтали широты и длины земного существования индивида.

Вертикальное сечение нельзя соотносить только с земным пространством, ибо в противном случае создается иллюзия того, что движение вниз тождественно падению, но не углублению. Вертикаль пронизывает земную горизонталь и связана с восхождением индивида и с его углублением. Индивид продвигается вверх путем крайнего своего напряжения, тогда падает он помимо себя, не являясь при этом активной величиной, однако и углубление индивида происходит также путем крайнего напряжения. Если бинарность земного существования индивида оказывается не соотнесенной с бинарностью вертикали, то в результате отсутствия такого скрещения он утрачивает ясность своего онтологического положения, когда «каша в голове» оказывается «сырой» и «не сваренной» (Levi-Strauss, 2000).

Разумеется, в какой момент жизни важным становится то, с какой именно – с нижней или высшей – точкой вертикали индивид себя отождествляет, и какой горизонт такой вертикали для него является определяющим, либо верх, либо низ. С какого-то момента жизни одна из этих точек вертикали может становиться преобладающей. Но ни человека, ни народа нет, если есть только одна точка: сопряжение жизни индивида с вертикалью, привносящий в нее смысл, неизбежно предполагает и вторую точку этой координаты. Пусть в конкретный момент жизни индивид связывает себя только с одним из таких начал – с верхом или с низом, с восхождением или углублением, однако, отождествляя себя с одним, с другим началом он тоже связан и что-то о нем знает.

Вместе с тем расположение индивида в горизонтали своего существования оказывается не простым расширением длины.

Само действие удлинения и сужения существующего уже раскрывается на основании того, что открывается индивиду, когда открывающееся – в виде простора и размаха мира – является основанием совершения «захватов» индивидом того, что ему открылось. Захваты, располагающиеся в перспективе длины жизни и длины отдельных ее периодов, – это ответ индивида на то, что его уже захватило: ответ на захват самого индивида миром.

Человек может быть открыт разному и всему, однако такая открытость человека ограничивается разумом, когда он стремится задать всему открытому определенную концептуальную и содержательную рамку. Другим ограничением открытости человека становится тело (или природа). И хотя и разум, и наша телесная природа могут быть культивируемыми и благодаря этому как-то «подтянутыми» к порывам открытости, разрыв между открывающимся и разумением его, как и с освоением открывающегося телом, всегда значим.

Пространство и мир

Связывая себя с простором открывающегося мира, индивид не только надеется размахом такой открытости и силой мира, но и испытывается этим. Само начало индивида и его лицо определяются в отношении к простору мира: без мира и его силы индивид себя не знает: он напитывается простором мира и расширяется благодаря этому. Лучше, если меру своего простора индивид вымеряет сам, ибо в случае, когда такая мера задается ему извне и становится строго дозированной, то жизнь индивида свертывается до сугубо физического размера, что не позволяет ему расширяться.

Внутри мира и его простора каждое действие индивида оказывается в горизонте риска, ослабление которого связано с установлением границ и размеров ограниченного. Однако установление любых границ, как и всякой длины ими ограниченного пространства, совершается в мире, и потому они – условны и произвольны. Именно мир дает индивиду возможность

собираться и тратить себя. Мир обеспечивает его свободой, собирает его в своем существе и позволяет ему тратить себя на что угодно, на разное и многое. Простор мира обеспечивает простор воли индивида. Сила воли и человека, и народа – от силы и воли мира, если только они способны все это выдержать.

Воля индивида есть то, что больше его самого: такая воля – от воли мира. Воля – это простор жизни, и, оказываясь на просторе, индивид ведом именно им. Открываясь жизни, индивид может связывать и отождествлять волю с собой, но происходит это потому, что простор уже его ведет. Будучи на просторе, индивид выходит за пределы своего «Я», рвет связи со всеми состоявшимися определенностями, которые – теперь уже – оказываются в прошлом. Как метко замечает В. В. Бибихин, «упоительным идеалом свободы неслучайно считается неволя» (Bibikin, 2022: 254).

В таком контексте невольное чувство, невольная мысль, невольное слово и невольное действие, если они случаются, связываются с самым важным в человеке, когда предполагается, что в невольном выражении человек выражает именно себя, потому что сам он ведом миром.

Само дело установления индивидуальных границ в первую очередь проявляет себя в линии горизонтали, ибо в вертикали восхождения-углубления границы условны и субъективны, ввиду чего невозможно сопоставить границы «восхождения» и «углубления» разных индивидов между собой. О сравнении индивидуального «возвышения» и индивидуального «падения» можно говорить только относительно горизонтали существования разных индивидов, но не применительно к смысловой вертикали жизни. Человек и народ ограничивают и определяют мир в горизонте пространства, которое понимается как форма или среда (континуум) их существования. Именно здесь устанавливаются и переустанавливаются, сопоставляются и противопоставляются различные границы, выделяющие отдельные аспекты жизни.

Внутренняя и открытая стороны границы

Однако важно обратить внимание на то, что у любой стороны границы есть внутренняя и открытая стороны. И несмотря на то, что в параметрах своего существования индивид всегда оказывается на внутренней стороне границы и ее по преимуществу отстаивает, он также связан и с открытой стороной границы, ориентируется на нее и введом ею. Но тогда положение индивида определяется между верхом и низом в деле восхождения и углубления себя в перспективе открытости себя захвату мира и ответа на такой захват своим захватом, но вместе с тем положение индивида выявляется между внутренней и открытой сторонами границы в замыкании длины границей в ее перспективе шири и дали.

По большому счету индивиду надо держаться в первую очередь именно такого знания, которое сохраняет связь с открытой стороной границы, ибо только такое знание приобщает его к своему онтологическому положению, тогда как знание, связанное с внутренней стороной, носит только временный и частный характер. Индивиду нельзя забывать о своей связи с другим: ему нельзя забывать о другом и его присутствии в себе самом.

Промежуточность, двойственность и бинарность положения человека

Величина индивида определяется в его движении «от» и «к», и обратно, а также в «узлах» и «складках» таких движений. Важно принять неустранимость положения индивида, связанного с «между», но тогда отождествление индивидом себя с какой-то одной координатой, будь то верх или низ, внутренняя или открытая стороны границы, иллюзорно. Скорее, индивид начинает проникать в себя и понимать свое онтологическое и экзистенциальное положение через взаимодействие восхождения и углубления, а также в связи внутренней и открытой сторон границы. Все то, что связано с существом, оказывается соотношенным индивидом с горизонтом риска, с исчезающей двойственностью и бинарностью,

присущей каждому его выбору. Границы выбранного – его внутренней и внешней определенности, природной и исторической состоятельности – отстаиваются самим индивидом, но не являются раз и навсегда данными.

И человек, и народ больше и глубже любой позиции, с которыми они себя связывают, также как они больше и глубже любой позиции, с которой их связывают другие. Даже если в таком ракурсе поведение индивида выглядит не принципиальным, надо отметить то, что любой и всякой позиции индивиду мало: он может отождествлять себя с другими – потенциально любыми другими – позициями и жить ими. Иначе говоря, в нем могут проговариваться и другие голоса мира. И в этом отношении любой индивид есть противоречие и двойственность. Не двойственна только данность, но индивиду мало данности, в ней он воспринимает заданность и цель, начало и перспективу, подразумевая движение к другому.

Двойственность индивида – неотменимая черта его жизни. Антитезис не устраняет тезис: и то и другое – неизбежно, тогда как многочисленные синтезы носят сугубо временный и всегда только частичный характер, хотя такой выбор и такая избранность способны затмевать собой все. Вместе с тем значение любого отдельного события индивидуальной жизни раскрывается только в его соотношенности со своим жизненным измерением, определяющимся в скрещении ее вертикального и горизонтального сечений. Различные «жизненные» синтезы являются «производными» результатами сопряжения восхождения и углубления, как и эффектами соотношения внутренней и открытой стороной границы. Вне такого континуального измерения, а точнее – вне пересечения двух континуумов вертикали и горизонтали – не удастся выявить событийной стороны индивидуальной жизни, в результате чего утрачивается смысловая ее ориентация, когда индивид не понимает, что он есть, как он есть, почему он есть и зачем он есть.

Срыв в углублении и расширении внутреннего пространства индивида может

оборачиваться расширением его внешнего жизненного пространства и наоборот. Однако сам статус срединности и промежуточности измерения индивидуальной жизни должен непременно отстаиваться и сохраняться. Индивид всегда уже как-то отвечает своему онтологическому положению – положению «между»: отвечает напряжению, создаваемому соотношением верха и низа и соотношением внутренней и открытой стороны границы. Это является неустранимым условием, даже если индивид сбивается с такого понимания.

Положение «между» нередко оказывается заслоненным чем-либо. Но любой «сбой» – в своей основе – проистекает от желания индивида ослабить двойственность и бинарность своего положения, а также свести присущее ему напряжение на «нет» путем сведения к однозначности. Не выдерживая противоречия, лежащего в основании своей онтологии, он идет на ослабление напряжения, создаваемого положением «между», когда отождествляет себя только с чем-то одним: либо с верхом, либо с низом, либо с внутренней, либо с открытой стороной границы. Но восхождение и углубление индивида никогда не оканчивается: пока он живет, он то восходит над собой, то впадает в углубление себя. Также он всегда стремится раздвинуть границу, пытаясь выйти на открытую ее сторону, хотя оказывается на внутренней ее стороне, как бы широко ни отодвигал границу. Индивид не может связать себя ни с белым светом, ни с тьмой. Приближаясь к ним, он всегда отдаляется от них: любая возникающая определенность – временна и условна, и она отменяется ввиду этого новой – другой – определенностью.

«Свое» – это только временный статус, которым обозначается момент освоения индивидом другого. И любое «свое» со временем оказывается отстранено другим «своим». Так что за всякое «свое» не надо держаться во что бы то ни стало: необходимо сосредоточиться на том, что «свое» всегда разворачивается на основе другого, являясь разными его аспектами, когда любого вложения в другое человеку всегда

и везде недостаточно. Безусловной является сама промежуточность индивида и то, что он может касаться противоположного и затрагивать его, но не может его присваивать, не может сделать своей собственностью и владением¹.

Открывающееся индивиду принципиально не может стать его обладанием. И он должен понять, что все, что ему открывается в мире, нужно отпустить в мир обратно. Ничто из почувствованного, помысленного, понятого и сказанного нельзя себе присвоить: оно входит в индивидуальную жизнь из мира, и если индивид может и способен открываться всему, что есть в мире, то такое открывающееся и открытое должно вернуться в мир. Положение индивида таково, что на всем, что входит и может войти в него, никогда не может быть поставлена точка: любая точка здесь способна превратиться в запятую и многоточие. Открытость обваливает любые варианты обоснованности и окончательности.

Промежуточность индивида – эта другая сторона его противоречивости и двойственности – проявляется в том, что мера одной стороны не соотносится с мерой другой стороны полностью. Всегда обнаруживается некий непропорциональный «остаток». Этот «остаток» и есть сам индивид, что проявляется в его силе, побуждающей самого индивида к установлению своей меры то к одной, то к другой сторонам жизни. Само приложение меры своего к другому и меры другого – к своему не может обернуться состоянием равновесия, мотивируя индивида не успокаиваться и не довольствоваться ничем достигнутым, побуждая его совершать новые действия.

Имея отношение к двум сторонам границы, индивид может отстаивать любую ее сторону. Но какой бы выбор он ни сделал, ему не устроиться только на одной ее стороне. На границе не усидишь: выбор нужно отстаивать и каждый следующий раз нужно делать новый выбор. Однако приходится

¹ Здесь надо оговорить то, что «свое» и «другое» являются четкими маркерами понимания в отличие от маркера «наше», введение которого притупляет и ослабляет ясность в понимании.

не только охранять границу и отстаивать выбранное, надо также сохранять ее между ближайшим и отдаленным и удерживаться от отождествлений первого со вторым. Иначе говоря, надо отстаивать само соотношение одного и другого, отстаивать свое онтологическое положение – положение «между».

Индивид есть мост между бесконечным и конечным, которые не могут слиться и раствориться друг в друге. При их смешении между собой индивидуальное бытие оказывается сведенным к индивидуальности существования. Будучи между бесконечным и конечным и принимая то одну, то другую стороны, индивид сохраняет саму противоречивость тем, что принимает ее в себя, и все содержание его жизни оказывается обусловленным этим.

Онтологическое положение человека:

бытие «между»

Положение «между» раскрывается в слове «интерес»: «interest» от «inter esse». Индивид испытывает интерес, когда он увлечен и ведом тем, что ему интересно: ему интересно тогда, когда он входит во что-то и располагает в чем-то. Иначе говоря, индивид «есть в чем-то», «есть внутри», «есть между». Будучи увлеченным, он преодолевает свою тяжесть, наполняется жизнью и начинает воспринимать все через «есть». Все оказывается связано с тем, что такое «все» есть. Все и начинается с интереса, когда индивид замечает то, что не замечал ранее. Уже потом, основываясь на «есть», нечто кажется и раскрывает себя индивиду. Но тогда интерес освобождает его от того, что не имеет к нему прямого отношения: интересуясь, индивид преодолевает тяжесть существования и, отстраняясь от тяготения, становится свободным.

«Есть» обычно закрыто разными «что» и «кто», которые не дают его понять. Но «есть» всегда уже здесь, даже если мы его не замечаем. Все уже обеспечено «есть», располагаясь на его основании и в его окружении. Говорить о «есть» трудно, ибо сбиваешься с «есть» на то, «что» уже есть. Говорение о бытии может выглядеть кликушеством,

ибо многое здесь не договорено и проваливается в немислимое, невнятное и несхватываемое, ведь мыслишь нечто, внимаешь чему-то, схватываешь что-то. Бытие оказывается связанным с тем, что взять невозможно. Индивиду это не по силам: «есть» связано с «не», как и с молчанием об этом. Положения человека и народа с бытием, раскрывающимся в «есть» существующего, настолько не просты, что в понимании себя они прибегают к тому, что не есть. Так, в частности, индивид обосновывает себя на основе формы «Я», которой нет как чего-либо существующего.

Заметим, что то, посредством чего человек воспринимает и понимает себя, само не является тем, что пространственно. Так, «Я» оказывается формой, предшествующей человеку. И не во власти человека иметь такую форму и обладать ей: сама такая форма «Я» – это привилегия не человека, но привилегия мира. И если человек сталкивается с такой формой и соотносит ее с собой, то это происходит не по его произволению. Человек жаждет узнать себя и в порыве такого стремления раскрывает себя простору и воле мира, обретая – на время такого раскрытия себя миру – безличную форму «Я»². Пустота формы «Я» позволяет ей быть наполненной разным и любимым содержанием. Метафизическая форма «Я» – это такое начало, которое позволяет стать началом любого и всякого человека, позволяя ему связывать себя со всем в виде различных содержаний жизни. Однако сама форма «Я» не принадлежит человеку: в ней нет никакой содержательности, и она – чистая форма. «Я» каждого человека определяется на основе метафизического «Я», благодаря чему человек может «начинаться» и исходить из «своего» начала жизни,

² Так, по мнению Э. Бенвениста, форма «Я» не предполагает такого объекта, как «Я»: его как раз и не существует. «Я» оказывается исключительно языковой реальностью, благодаря которой язык создает «пустые» знаки, свободные от референтной соотнесенности с реальностью, что и позволяет любому человеку, идентифицируя себя с «пустой» языковой формой «Я», входить в речь (и в язык) и становиться речевым (языковым) субъектом (Benveniste, 2010; 286–291).

тогда как само такое начало – ничейное: оно ни «мое», ни «твое», ни «его», ни «ее» и ни «их».

Между тем, возвращаясь к характеристике «есть» и значимости его для индивида, заметим следующее. Человеку и народу крайне важно определиться в том, что у них есть, и выявить предел того, что есть, а что – не есть. Во всякой констатации, всяком утверждении и отрицании «есть» уже как-то – явно или не явно – присутствует. И познание того, что собственно есть, оказывается не теоретическим, но практическим знанием. Такое знание – неотменимо и незаместимо, ибо здесь индивид сталкивается не с тем, что было или возможно будет, а с тем, что данное именно есть.

Индивид всегда обеспечен бытием: он связан с «есть» и может исходить из того, что все – чем бы оно ни было – есть. Вместе с тем сам индивид тоже есть. И такое «есть» должно приводить его в чувство: участвуя в «есть», индивид должен ему соответствовать. Однако обеспечение бытием, т.е. тем, что все уже есть, способно обернуться – опять же раскрывая противоречивость и двойственность существа нашей жизни – тем, что индивид начинает вести себя как «хозяин» или «владелец» бытия. В таком случае вопрос о бытии становится непонятен ввиду того, что он оказывается прикрытым вопросом о бытии сущего.

Наряду с тем, что индивид может исходить из того, что сущее «есть», он также может акцентировать свое внимание не на «есть», а на том, «что» есть, т.е. на том, что есть «сущее». Техника обеспечивает возможность отношения индивида к чему-либо как наличному, т.е. возможность отношения к тому, «что» есть. Удивительно, однако, другое: то, что сущее «есть». И это «есть» раскрывает возможность человека заметить и выделить какое-то сущее. Если бы этого не происходило, сущее сразу бы распалось, едва начавшись, и не длилось бы. Так, индивид относится к сущему из бытия: он раскрывает бытие сущего исходя из своего укоренения в отношении с бытием и своего расположения в отношении сущего с бытием.

Каждый раз, когда индивид заявляет о каком-то «есть», он с чего-то начинает и что-то оконечивает. Но такому «есть» предшествует другое «есть», также за каждым нашим конечным «есть» определяется новое «есть». И так – без начала и конца³. Но без ограничения открытости в восприятии и понимании чего-либо индивиду трудно, и без «есть» невозможно соотнести себя со всем. Само нечто определяется через «есть», которое образует континуум, в котором что-либо происходит. Посредством «есть» нечто начинает быть, начинает быть выделенным. И до «есть» нет никакого нечто: нечто начинает быть с «есть».

Топика и метрика

Само понимание пространства совершается индивидом внутри мира, который всегда его уже захватил и которому он всегда отвечает. Опоздание к началу себя побуждает индивида к осознанию дистанции между собой и миром и к необходимости калькуляции такой дистанции. Дистанцией между миром и индивидом оказывается пространство, проходя и рассчитывая которое, индивид пытается пробиться к миру или как-то приблизиться к нему. Иначе говоря, к топике индивид стремится выйти, преодолевая метрику⁴. Правда, пространство может пониматься индивидом не из метрики, но из самой топике, т.е. пониматься не аналитически, а метафизически.

Вне технически организованных конвенциональных областей пространство обычно и понимается индивидом не метрически или, по крайней мере, не только метрически. При таком – принципиально не схематическом – отношении к пространству оно как раз и может восприниматься особенным и живым. Так как калькуляция поверхности способна длиться бесконечно, а жизнь индивида конечна, это побуждает

³ О разных аспектах понимания проблемы начал и концов смотри следующее издание (Sergeev, 2022).

⁴ О топике (или топологии) и метрике значимы работы М.К. Мамардашвили (Mamardashvili, 1995, 2014, 2015) и В.В. Бибихина (Bibikhin, 2019). Различные моменты соотношения метрики и топике рассматриваются А.М. Сергеевым (Sergeev, 2020).

и человека, и народ выходить из метрики и собирать себя в топике. Именно выпадая из метрики в топик, индивид оказывается соотношенным с миром. В деле оборачивания мира пространством, а пространства – миром, т.е. оборачивания топика метрикой, а метрики – топикой, сохраняет и отстаивает себя двоичный ход всего того, что значимо для индивидуальной жизни. Так сохраняют себя тезис и антитезис, сохраняет себя противоречивость нашей жизни.

Пребывая в метрике, индивид может руководствоваться не только ею или даже совсем не ею, но топикой. Индивидуальное «Я» проявляется именно в присутствии, и такое присутствие как раз и проявляется в метрике вместе с расположением в ней индивида. В метрике присутствия нет: оно входит в метрику благодаря индивиду и исключительно его посредством. Являясь расширенным пониманием присутствия, топика оказывается причиной расширенного или суженного, но всегда дополнительного понимания метрики.

Простор мира и человек

Мир вмещает индивида и дает ему быть, в этом и проявляется его свобода. Он может наполняться простором, глубиной и силой мира. Но индивид оказывается также и границей мира. Он способен отдаваться и отдает себя тому, что есть в мире, способен наполняться и наполняется разными содержаниями, но прежде этого в него входит простор и глубина мира, благодаря чему он только и способен наполняться разным. Простор и глубина позволяют индивиду не только заполнить их собою, но и оказываются приглашением индивида внести простор и глубину в самого себя, создавая возможность дать простору и глубине состояться в этой индивидуальности, возможность состояться простору и глубине мира.

Человек сам и есть объем мира. Еще до того, когда что-то привносится человеком в пространство, само его жизненное пространство уже наполнено миром, даже если он не знает об этом, как это бывает с ребенком или подростком, полагающим, что пространство его жизни является пустым

и пока не заполненным. Как раз благодаря тому, что отдельные содержания жизненного пространства человека связаны с целым миром, они и выделены этим из остального. Прорастает то, во что вкладывает себя человек. Остается понять, что в нашей жизни – от нас и как оно связано с миром; остается понять, благодаря чему содержание нашей жизни может идти в рост и становиться различаемым от всего другого и заметным.

Индивид прорастает то вширь, то вглубь. Он нуждается в том, чтобы жить то внешним миром, осваивая пространство, то внутренним миром, углубляя себя. Каждое из этих предпочтений способно стать сознательной установкой индивидуальной жизни человека и установкой в исторической жизни отдельных народов. В сопоставлении и противопоставлении этих двух начал, их пересечении и взаимосвязи одно будет обуславливать собой другое. Внутренний мир человека определяется на основании действий символизации и не обходится без символов: внутреннему мало знаков, ему нужны особенные – сугубо свои, и ничьи больше – знаки, т.е. символы. Индивидуальная жизнь народа также нуждается в актах символизации, сохраняющих его единство и образующих его целое. Вместе с тем и человек, и народ не могут существовать без знаков и их конвертации со знаками других людей и народов. Иначе говоря, значимым моментом существования индивидуальностей является формирование идеологического измерения жизни⁵.

Вопрос согласования символического и идеологического измерений в индивидуальных знаковых системах является одним из наиболее значимых проблем геополитики. Теоретическое решение этого вопроса возможно только на «нейтральной» территории, но не на каком-то одном – символическом или идеологическом – основании. Важно не утратить само отношение одного и другого. Нивелировать двойственность

⁵ В этом отношении интересно обратить внимание на раннюю работу М.М. Бахтина под псевдонимом В.Н. Волошинов (Voloshinov, (M.M. Bakhtin), 1993). О соотношении символов и знаков, символического и знакового начал смотри следующее издание (Mamadashvili, Piatigorskii, 1997).

и противоречивость между символической и идеологической размерностями можно, только задавая тенденциозное «прочтение» такого отношения, т.е. искусственным образом. Само противоречие тезиса и антитезиса необходимо сохранять в принципиально не ослабленном состоянии, тогда как любой их синтез следует рассматривать как

временную комбинацию, наряду с возможностями других.

Индивидуальное бытие человека и индивидуальное бытие народа, как и их жизненное метрическое пространство, должны пониматься исходя из топикки, иначе не ясно, за что готовы стоять и человек, и народ, даже ценой всего себя.

Список литературы / References

- Benveniste E. *Obshchaia lingvistika [General Linguistics]*. Transl. from French. General ed., introductory article and commentary by Yu. S. Stepanov. Ed. 4th]. Moscow, LIBROCOM, 2010. 448 p.
- Bibikyin V. V. *Vitgenshtein. Leksii i seminary 1994–1996 godov [Wittgenstein. Lectures and seminars 1994–1996]*. St. Petersburg, Nauka, 2019. 612 p.
- Bibikyin V. V. *Vitgenshtein: smena aspekta [Wittgenstein: the change of aspect]*. Moscow, Institute of Philology, Theology and History of St. Thomas, 2005. 576 p.
- Bibikyin V. V. *Mir [The World]*. Tomsk: Aquarius, 1995. 144 p.
- Bibikyin V. V. *Otdel'nye zapisi 1965–1989 godov [Separate records of 1965–1989]*. St. Petersburg, Vladimir Dal, 2022. 814 p.
- Florensky P. A., priest. *Stat' i issledovaniia po istorii i filosofii iskusstva i apkhologii [Articles and research on the history and philosophy of art and archeology]*. Ed. by Hegumen Andronik (A. S. Trubachev). Moscow, Mysl, 2000. 446 p.
- Levi-Strauss K. *Mifologiki (v 4-kh t.) T. 1: Syroe i prigotovlennoe [Mythologies (in 4 volumes). Vol. 1: Raw and cooked]*. Translated from French by Z. A. Sokuler, K. Z. Hakobyan; ed. by E. O. Puchkova]. Moscow; St. Petersburg, University Book, 2000. 402 p.
- Mamardashvili M. K. *Leksii o Pruste (psikhologicheskaiia topologia puti) [Lectures on Proust (psychological topology of the path)]*. Moscow, AD MARGINEM, 1995. 547 p.
- Mamardashvili M. K. *Psikhologicheskaiia topologia puti [Psychological topology of the path]*. Moscow, Merab Mamardashvili Foundation, 2014. 1232 p.
- Mamardashvil M. K. *Psikhologicheskaiia topologia puti [Psychological topology of the path]*. Moscow, Merab Mamardashvili Foundation, 2015. 1071 p.
- Mamardashvili M. K., Piatigorskii A. M. *Simvol i soznanie. Metafizicheskie passyzhdeniia o soznanii, simbolike i iazyke [Symbol and Consciousness. Metaphysical reasoning about consciousness, symbolism and language]*. Moscow: School “Languages of Russian culture”, 1997. 224 p.
- Sergeev A. M. *Blizkie mysli [Close thoughts]*. St. Petersburg, Vladimir Dal, 2020. 350 p.
- Sergeev A. M. *Nachala i kohtsy [Beginnings and ends]*. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2022. 294 p.
- Voloshinov V. N. (M. M. Bakhtin) *Marksizm i filosofia iazyka: Osnovnye problemy sotsyologicheskogo metoda v nauke o iazyke [Marxism and the philosophy of language: The main problems of the sociological method in the science of language. Com. V. Makhlina]*. Moscow, Labyrinth, 1993. 192 p.

EDN: ZGZTHC
УДК 372.881.111.1

Accent Bias in ELF Context: A Scoping Literature Review (2002–2022) to Identify Ways to Global Citizenship

Tatiana A. Tolmacheva* and Elena G. Tareva

*Moscow City University
Moscow, Russian Federation*

Received 22.09.2023, received in revised form 19.10.2023, accepted 07.11.2023

Abstract. This article centers around accent bias as language-related discrimination based on phonological divergences. For decades, no instructional attempts have been made to address accent bias in communication in English as a lingua franca (ELF). The UNESCO, UN and OECD initiatives on Future of Education call us to reimagine foreign accent attitudes in terms of global citizenship education. This review aims to analyse the current state of accent bias in ELF context and suggest the ways to educate a globally aware ELF speaker. For this purpose, a literature review of interdisciplinary literature (2002–2022), following the PRISMA protocol, was carried out by analyzing articles (n=51) from two databases available to the authors (Scopus and Google Scholar). From the results of the analysis, several observations are made: the impact of accent bias on human rights is long-standing and pernicious; a lack of integrated teaching effort to combat accent bias; pedagogical implications are limited to raising awareness; dynamic, non-linear teaching model is most relevant to encompass accentual instability and ambiguity; multicentric approach should be implemented to ensure learners' transition from local to global soundscape; reflexive practices and non-competitive assessment in pronunciation instruction are required; bilingual education should be promoted among native speakers to develop phonetic empathy and solidarity with non-native ELF speakers in terms of Futures of Education initiative.

Keywords: accent bias, global citizenship, linguistic ethnocentrism, multiculturalism, social exclusion.

Research area: philosophical anthropology, philosophy of culture.

Citation: Tolmacheva T. A., Tareva E. G. Accent bias in ELF context: a scoping literature review (2002–2022) to identify ways to global citizenship. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2248–2262. EDN: ZGZTHC

Акцентная дискриминация как препятствие на пути к глобальной гражданственности: обзор предметного поля (2002–2022)

Т.А. Толмачева, Е.Г. Тарева

Московский городской педагогический университет
Российская Федерация, Москва

Аннотация. В статье рассматривается проблема акцентной дискриминации в отношении неносителей английского языка, связанной с отклонениями от произносительной нормы. Данное явление стало результатом многолетней англонормативной идеологии, усиленной врожденными механизмами социальной категоризации. Новая парадигма образования в духе глобальной гражданственности (ООН, ЮНЕСКО, ОЭСР) призывает к переосмыслению установок прошлого. Цель данного обзора состоит в анализе имеющихся научных данных по проблеме акцентизма и поиске путей ее решения в практике обучения произносительной стороне речи в целях формирования глобальной гражданственности. Данная работа выполнена с применением протокола PRISMA на материале 51 междисциплинарного исследования (2002–2022 гг.), извлеченного из баз данных Scopus и Google Scholar. Результаты анализа показали высокую степень влияния акцентной дискриминации на торможение процессов построения инклюзивного языкового пространства и ее несовместимости с характеристиками глобального гражданина. Основываясь на полученных результатах, был сделан ряд педагогических наблюдений: отсутствуют целенаправленные шаги по разрешению проблемы акцентной дискриминации; образовательные подходы имеют ограниченный характер; для взаимодействия с иностранным акцентом как нестабильным и неоднозначным явлением требуется динамическая или нелинейная модель обучения; необходимо применять плюрицентричный подход для расширения представлений обучающихся о разнообразии и равностатусности глобального фоноландшафта; требуются рефлексивные обучающие практики и разработка вариативных, неконвенциональных способов оценивания в практике обучения произношению; необходимо создавать условия для билингвального образования носителей языка с целью развития акцентной эмпатии и солидарности по отношению к неносителям.

Ключевые слова: акцентизм, этноцентризм, социальная эксклюзия, мультикультурализм, глобальная гражданственность.

Научная специальность: 5.7.8 – философская антропология, философия культуры.

Цитирование: Толмачева Т.А., Тарева Е.Г. Акцентная дискриминация как препятствие на пути к глобальной гражданственности: обзор предметного поля (2002–2022). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2248–2262. EDN: ZGZTHC

Introduction

Educational inequalities caused by Covid-driven disruptions along with pre-existing crises resulted in unprecedented learning losses at

all levels across different nations. The global initiatives were understandably focused on curbing disease outbreaks while education was relegated to the periphery (UN, 2020). Despite the

overwhelming number of emergent pedagogical innovations, though crucial, there has been a lack of systematic view of integrated education policy. In this perspective, the demand for the sustainable ways to mitigate the detrimental effects on educational systems for the prosperity of future generations remains high. With the overall objective to promote the competencies to shape a better future, UNESCO, UN and OECD bring forward a set of proposals to bridge the widening gap between learners' needs and unresponsive pedagogical modes.

In a great measure, the new pedagogical arrangements are shaped by the principles of global citizenship and democratic education. As expected, by 2030 all learners should acquire the “knowledge and skills needed to promote sustainable development through education for sustainable development, human rights, gender equality, promotion of a culture of peace and non-violence, global citizenship and appreciation of cultural diversity and of culture’s contribution to sustainable development” (UN Sustainable Development Goals Report, 2020).

However, the concepts of global citizenship and democratic education may be controversial and vague to both learners and educators due to the plurality of paradigms and definitions (Delgado-Algarra and Cuenca-López, 2020; González-Valencia et al., 2020; Sant, 2019). Implementing democratic education, hitherto, often involves tackling some deeply entrenched dilemmas. Recent theoretical developments have revealed that teachers are still confronted with the curricular imbalances between national and global (Benet-Martinez & Hong, 2014), inconsistencies between dominant assimilationists approach and increased threats to diversity (Nussbaum, 2016), and the new understanding of “Other” and justice (Sant, 2018).

According to UNESCO’s Futures of Education initiative (2021), the preferable pedagogical alternative imagines education and democracy as interdependent phenomena allowing spaces for equality, inclusion, reciprocity and participation. Along with a clear understanding that global citizenship cannot be learnt or achieved (Sant, 2018), it becomes apparent that traditional educational system may face steep

challenges. What comes to the forefront is the call to unlearn false assumptions hindering social justice and design relevant pedagogical trajectories and mechanisms of progress measurement free from hierarchical, individualistic, and competitive attitudes.

Statement of the problem

In the context of foreign language communication, especially, in the era of Anglophone hegemony concomitant with globalization, the new social contract for education is expected to address the contentious issues of teaching ELF. A number of authors have recognized the persistent pressure of Anglonormative biases on non-native English speakers (NNES) as a result of linguistic imperialism and postcolonial agenda (Coupland, 2013; Garrett, 2013; Phillipson, 2015). Despite some optimistic claims that English belongs to anyone who has learnt it (Crystal, 2003), which enables a NNES “to determine its forms in international contexts” (Jenkins, 2014, p. 140), there has been systematic evidence of linguistic injustice towards NNES (Gazzola et al. 2018). This translates in practice largely into unfair distribution of communication burden between (Lippi-Green, 2012), unequal learning and career opportunities (Garrett, 2013); accusations about poor motivation (Moyer, 2004), lack of recognition of dignity and self-esteem (Pennycook, 2017). Regrettably, the legitimacy of local English varieties is still debatable, thereby reinforcing the English monolingual ideology (Nelson et al., 2019).

The times of increasing superdiversity require a more ethical ELF paradigm. This should encompass the fluid and pluralistic nature of Global English, diversity of its roles in local and transnational contexts, and stronger connection with social inequality (Bolton et al., 2020; Tonkin and Reagan, 2003). Proponents of linguistic justice assert that ELF should not be viewed as a universal monolithic construct, but as dynamic language forms which reflect local identities and globally interact with other World Englishes (Tupas et al., 2021). An important paradigm shift has already been made by reducing nativespeakerism in pronunciation teaching (Council of Europe, 2018). Further

steps to improve matters in this respect might include a two-way process of raising NNES awareness of language rights and native English speakers' (NES) awareness of their language responsibilities. Taken together, these measures should contribute to decolonizing of minds (Pennycook, 2017), a critical aspect of transformative competencies which constitute the basis of sustainable education (UNESCO, 2021; OECD, 2020).

Theoretical framework

Over the last twenty years the English soundscape has been dramatically reshaped by the increased cultural and linguistic diversity of ELF speech communities. Unlike any other language aspect, accent, defined as “the phonological dimension along which varieties can differ” (Kirkpatrick, 2021, p. 70), is particularly fragile due to a greater variability and subsequent risk of stigma on the part of NES. Prejudicial responses are especially likely to be triggered by social categorization closely associated with inclusion/exclusion judgements (Kinzler, 2021; Moyer, 2015). The situation is exacerbated by the fact that unlike ethnicity, social class, or race, language and accent are not legally protected characteristics which makes them legitimate, though often overestimated, gatekeepers to Anglophone cultures (Bolton et al., 2020; Levon et al., 2021; Lippi-Green, 2012).

Accent bias, commonly viewed as “stereotypes and false assumptions, positive or negative, based on accent” (Moyer, 2015) is, in fact, more complex than just an individual's prejudice, acting as a salient manifestation of long-standing native speakerism ideology, both self- and other-directed (Tupas et al., 2021).

As stated by Kinzler (2021), the first studies of British accent attitudes and related judgements date back to 1931. An important milestone in the study of stereotyped impressions of personality from spoken dialects of English was made by Giles (1970). Those were the analyses exclusively based on UK regional varieties of English that provided evidence of negative accent evaluation. According to the recent report, intranational accent bias has been stable and widespread for fifty years (Levon et al.,

2021). In contrast to the widely held beliefs about a significant dissipation of RP prestige (Kirkpatrick, 2010), it is still rated very positively, while urban working-class and ethnic minority accents are awarded much less prestige. There is, however, a growing and encouraging emergence of Inner, Outer and Expanding Circle phonological innovations. Research to date has not yet determined the role played by ethnic identity in transforming the Anglophone accentual landscape, thus hindering any reformative influence on aspirational pronunciation models.

In terms of accent attitude in NES-NNES interaction, it can be even more derogatory. For decades, it has been common to believe that phonological divergences of NNES could be accepted by majority culture if their speakers become influential and fully assimilated (Crystal, 2003; Lippi-Green, 2012). Therefore, NNES are treated as someone underprivileged by birth, expected to fabricate identity, flexibly taking up British or American personae to be recognized, respected and included (Tupas et al., 2021). In case of insufficient assimilation, “linguistically handicapped” NNES are blamed for the lack of effort and motivation often becoming a popular butt of comedy and satire (Gazzola et al., 2018).

All the evidence provided indicates to an epistemic gap between the global citizen profile and current non-standard accent attitude inconsistent with the truly democratic values. The existing model suggests that success in ELF communication is mainly determined by the phonological accuracy of NNES, using the norms set exclusively on the part of the powerful. Studies rightly label this situation as “language subordination” and “forced assimilation” which violates a human right to speak freely without intimidation (Lippi-Green, 2012). As the number of NNES far exceeds the number of NES, the center of authority in defining norms and models should be reconsidered to reinforce the participation of Outer and Expanding Circle nations. By including those not normally active in discussions about foreign language education, we create environment of solidarity and empathy, expanding our knowledge of linguistic injustice experi-

ences across different contexts (UNESCO, 2021). In this regard, global citizen education cannot be limited just to raising awareness about accent diversity and exposure to accent varieties. The aspired learning outcome would be the ability to reflect on personal language experience in global terms and see the connection between unlearning accent bias and thriving society (OECD, 2020).

To reconcile the emerging teaching priorities with unsystematic views on foreign accent, it is, therefore, essential to analyze past qualitative and quantitative research on accent bias in ELF context against the proposals of Future education. The Research Question this study aims to address is: *“To what extent does accent bias across various contexts hinder the development of a global citizen?”*. Answering this question, we expect to yield valuable insights for the design and implementation of new pedagogical strategies to promote unlearning accent bias in ELF communication for both NES and NNES.

Methods

This review consists of the primary research related to foreign accent bias with the aim of answering the above-mentioned research question. The review protocol based on PRISMA 2020 standards (Page et al., 2021) included several phases.

SEARCH STRATEGY

We employed the keyword technique using Boolean operators AND, OR and NOT in the databases available to the authors (Scopus, Google Scholar). The keyword search chain was ENGLISH AS A LINGUA FRANCA AND ACCENT ATTITUDE OR ACCENT BIAS OR ACCENT PREJUDICE NOT INFANTS NOT FOREIGN ACCENT SYNDROME NOT CHILDREN.

SELECTION PROCESS AND INCLUSION/EXCLUSION CRITERIA

Inclusion criteria were: (1) original research papers and scholarly books published between 2002 to February 2022; (2) original research papers published in Scopus Q1 and Q2 journals; (3) case studies, experimental

studies, explanatory studies, exploratory studies; (4) studies of regional and foreign accent perception, attitude, and accent bias; (5) age of research participants over 18; (6) studies written in English.

Exclusion criteria were: (1) secondary sources; (2) accent perception in specific adverse conditions; (3) accent and gender (due to the relative lack of representativeness); (4) accent perception and attitude in infants and children; (5) unrelated communication disorders and foreign accent syndrome. The review process flowchart is shown in Fig. 1.

ELIGIBILITY OF THE SOURCES

The sample data includes 51 studies meeting the inclusion criteria. These are the research articles encompassing past original qualitative and quantitative studies from a variety of disciplines to provide a comprehensive understanding of current state of the problem. According to Scientific Journal Rankings (SJR) and Google Scholar Metrics (GSM), the average H-index of the journals is 71 with average 96 citations per paper.

There are some contextual trends within these 51 articles. The articles were mainly written by academics based at English-speaking (55 %) and Western institutions (20 %). It is worth noting that the fields of foreign accent perception (28 %), accent bias at workplace and education (24 %), foreign accent attitude (22 %) proved to be particularly prominent. Unsurprisingly, the reviewed articles were more often published in Language and Linguistics journals (System, 8.9 %; Speech Communication, 7.1 %; Journal of Phonetics, 7.1 %), neuroscience journals (Brain and Language, 7.1 %; Cognition, 5.3 %; Neuropsychologia, 3.5 %) and psychology journals (Acta Psychologica, 3.5 %).

THEMATIC CATEGORIES

We used SJR database to identify subject areas of the included papers. According to the analysis, the number of research areas dealing with accent bias amounts to 14 (Language and linguistics, 28 %; Psychology, 25 %; Neuroscience, 7 %; Social sciences, 5 %; Business Management, 5 %; Education, 3.5 %; Politi-

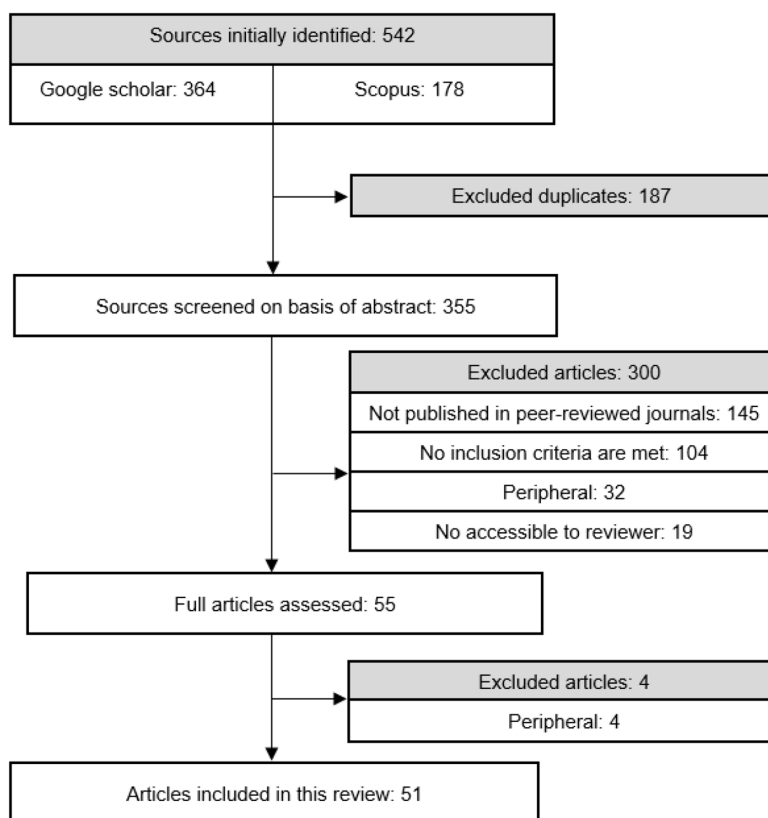

Fig. 1. Flowchart of review process

cal science, 3.5 %; Computer Science, 3.5 %; Communication, 3.5 %; Speech and hearing, 3.5 %; Medicine and Nursing, 3.5 %; Human resource management, 3.5 %).

In Fig. 2 we present the distribution of thematic areas in a hierarchical order with ‘Language and linguistics’ and ‘Psychology’ being the most common ones when it comes to accent attitude and accent bias research. The interdisciplinary character of the review is enhanced by the inclusion of diverse adjacent domains which contribute to the presentation of varied perspectives on the phenomenon of concern.

A total amount of 31 regional and non-native English accents were analysed in the reviewed papers. The regional accents included 5 English varieties (Received Pronunciation, Estuary English, General Northern English, Multicultural London English, Urban West Yorkshire English), 3 German varieties (Bavarian, Saxon, Berlin), 2 French varieties (upper-class

Parisian, banlieue), 2 Spanish varieties (Castilian and Latin American), and 3 Chinese varieties (Mandarin, Cantonese, Hong Kong).

Among the non-native English accents were 9 European (Austrian-German, Spanish, Czech, Dutch, French, Italian, Polish, Portuguese, Russian), 5 Asian (Thai, Korean, Chinese, Indian, Japanese), 2 Eastern (Arabic, Turkish), 2 African (Nigerian, Afrikaans), and Latin American accents.

For literature analysis and synthesis, the reviewed articles were divided into 6 categories: 1) non-native accent attitude (2002–2022); 2) accent attitude in education (2002–2020); 3) accent bias at workplace (2006–2021); 4) accent-based digital divide (2009–2021); 5) non-native accent perception (2008–2021); 6) neural bases of accent perception (2012–2022).

The variety of accents investigated in the reviewed articles is presented in Fig. 3.

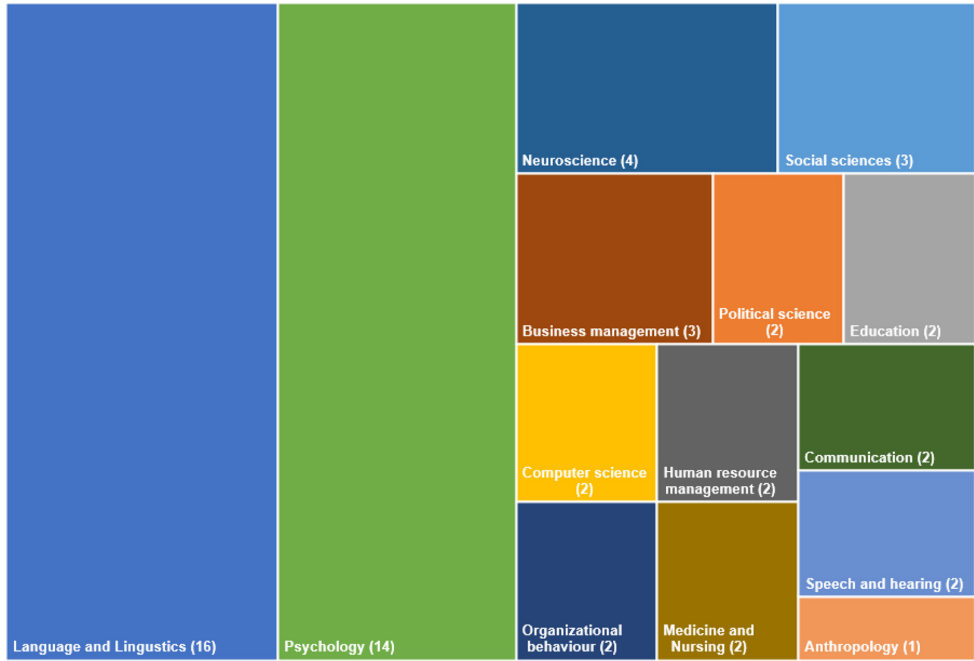

Fig. 2. Thematic areas of accent attitude research

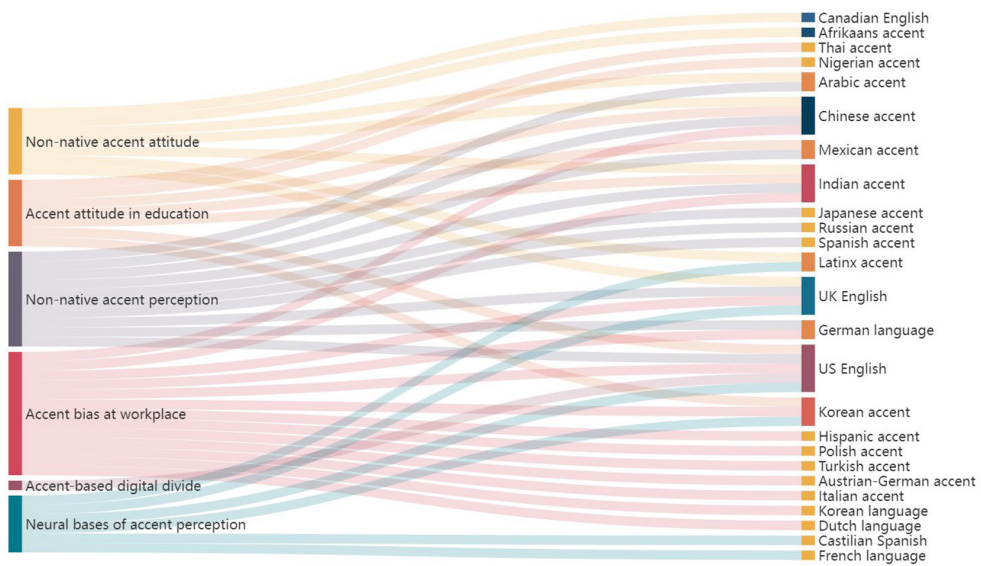

Fig. 3. Accents discussed in the review and their relation to review sections

Limitations to the study

The primary limitation of this review is reliance on previously published research and the availability of these studies. For accessibility and quality reasons, only English-

written top-rank journal research articles collected from two databases were included in the search. Articles from authors working in 18 different countries were analyzed. The number of accents discussed is limited to 31,

of which 57 % are European. The inclusion of non-English accents was deliberate to indicate the pervasive character of accent bias. The selection of accents and research contexts might have conditioned the perspective of the reviewed articles.

Acknowledging these limitations, this review aims to elucidate new dimensions of accent attitude in terms of educating a global citizen, rather than imposing a monolithic set of educational prescriptions.

Discussion

To answer the Research Question, we discuss the results that emerged from the analysis.

NON-NATIVE ACCENT ATTITUDE

In this section cases of intranational and international accent bias in different realms of life are discussed. The most salient example of Inner Circle accent bias is found in the landmark findings about UK accent attitudes for the last fifty years (Bishop et al., 2005; Levon et al., 2021). What follows is that many of patterns of bias against certain accents in England persisted across several decades. It is important to note that intranational accent bias is not limited to the regional varieties of English. Such cases have also been reported for native speakers of Dutch, German, Korean, and Singaporean (Chang & Kang, 2020; Hendriks & van Meurs, 2022; O'Brien, 2014).

In relation to accent bias within Outer and Expanding Circles, one of the most dramatic cases was described by Devadoss (2020) who examined the signs of nationalism in aural encounters of NES and Tamil Indians. Prejudicial attitudes manifested in subtle othering and microaggressions as well as their physical, emotional, and psychological discriminatory effects. NNES of Latinx, Arabic, and Toronto accents have also been found prone to accent-based stereotyping among Americans (Sumantry & Choma, 2021). This is consistent with the findings of Puhacheuskaya & Järvi-kivi (2022) who write that non-native Chinese English speakers face numerous challenges in day-to-day communication, which may translate into negative consequences for many aspects of life.

There is a consensus among researchers that continued negative attitudes might be the result of social categorization and labelling. They also note a significant impact of ethnocentrism on perceptions of non-native accent (Neuliep & Speten-Hansen, 2013). Cases of positive accent bias are still rare (Álvarez-Mosquera & Marín-Gutiérrez, 2021; Fairchild et al., 2020).

ACCENT ATTITUDE IN EDUCATION

International and EFL/ESL education are one of the most susceptible to language prejudice. About two decades ago attitudes toward international students were unfavorable and even hostile due to intercultural communication emotions and stereotypes (Spencer-Rodgers & McGovern, 2002). Seeking positive evaluations, international students remained attached to Inner Circle native speaker models (Jenkins, 2009).

Recent studies indicate an important shift in the attitude to non-native accent among EFL/ESL learners as an identity marker that many of them aspire to preserve. However, some duality has been observed in accent attitude among Chinese learners and teachers of English. For both groups, accent-identity connection is valued and viewed as positive (Sung, 2016), which is also relevant for Thai students (Boonsuk et al., 2021). However, native-like accent is still a measure of this success (Fang, 2021). Similar duality can be traced in the study of Tsang (2020). From Chinese learners' perspectives, EFL instructors without standard native English accent should not be judged as less competent. Meanwhile, certain learners tended to like their EFL teachers to have standard native accent.

Another point that researchers touch upon is reliance on L1 accents in major language proficiency testing systems. Despite convincing results in mapping out a profile of intelligible NNES suitable to produce listening comprehension tests (Kang et al., 2018a, 2018b), it is still waiting to be fully incorporated.

ACCENT BIAS AT WORKPLACE

Much evidence of non-native English accent bias at workplace has been found through-

out the last fifteen years with job seeker being the most sensitive cohort. As stated by Segrest Purkiss et al. (2006), applicants with the ethnic name, speaking with Hispanic accent, were viewed less positively by interviewers, which affected hiring decisions. Non-native accent might reduce the credibility of non-native job seekers, eyewitnesses, reporters or news anchors speaking with Polish, Turkish, Austrian–German, Korean and Italian accents (Lev-Ari & Keysar, 2010). All this is equally characteristic of regional varieties. Speakers of a Saxon, Bavarian, or Berlin accent were perceived as lower in competence and hirability than those speaking standard German (Rakić et al., 2011).

There are signs of accent bias in a wide range of professions. It is found that call centers employees with an accent get low ratings when a service outcome is unfavorable for customers (Wang et al., 2013). In the commercial context, a speaker with regional accent is likely to be negatively evaluated in terms of competency, status, likeability, and dynamism (Hendriks & van Meurs, 2022). When interacting with a non-standard accented person consumers express lower intentions to purchase and are less willing to recommend a product (Mai & Hoffmann, 2014). In healthcare, doctors with standard native accents are perceived as more competent (Baquiran & Nicoladis, 2019; Rakić, 2019). Conversely, Black African-born nurses face discriminatory and racially based barriers to their professional advancement in the US (Iheduru-Anderson 2020). The US jurors are likely to fall victim of accent bias and judge Black American defendants more negatively (Cantone et al., 2019). For politicians and diplomats with non-standard accent there is high risk of considerable bias, associated with a loss of reputation (Chang & Kang, 2020; Peled & Bonotti, 2019).

Among the detrimental psychological effects for a NNS employee were mentioned a feeling of exclusion and devaluation, low professional motivation (Russo et al., 2017). Although suggestions are made about unconscious social categorization on the part of native speakers, Levon et al. (2021) argue that people in power have the ability to limit how much accent bias interferes with their judgement and resist its effects.

ACCENT-BASED DIGITAL DIVIDE

Digital technology is a relatively new but growing area, where accent bias manifests itself. The first attempts to deal with non-standard accents in voiced equipment were mainly nativespeakerist. Scientists were focused on voice-transformation techniques that supposedly could disguise a speaker's foreign accent and generate a so called "ideal" native-accented voice (Felps et al., 2009). Over time the approach to Automated speech recognition (ASR) technologies has become more holistic and inclusive. It has become clear that to recognize foreign accents, ASR should be equipped with an extensive speech corpus of non-native English, such as L2-Arctic (Zhao et al., 2018). However, ELF corpora are still rare and limited in the number of foreign accents.

Despite the emerging technological innovations, understanding regional and non-native English accents by machines remains a weak spot for developers. This is largely due to the lack of diversity among employees of technological companies and the use of American Midwestern accent to train speech technology, which makes it innately biased and causes "forced assimilation" of the NNEs users (Mullaney et al., 2021, p. 181). This can be exemplified by the study of Koenecke et al. (2020) who identified large racial disparities towards African American adults in the performance of popular commercial ASR systems and digital personal assistants.

NON-NATIVE ACCENT PERCEPTION

The research reviewed in this section is mainly related to the issues of intelligibility, context-dependent perception, effects of exposure to foreign accent on adaptability and comprehensibility.

Most studies center around the connection between familiarity with foreign accent and phonetic convergence. In case of NNEs, no strong correlations were found between their ability to identify native and non-native English accents and the amount of exposure to native language (Scales et al., 2006). However, much research provides evidence of NES ability to adapt to foreign accent if exposed to multiple

non-native speakers (Bradlow & Brent, 2008; Wagner et al., 2021; Weber et al., 2011;). In ESL/EFL context, teachers compared to non-teachers were less biased by speakers' foreign accents (Huang, 2013). Positive effects of bilingualism in terms of foreign accent recognition and ability to adapt to arbitrary accents were also found (Fuse et al., 2018; Weber et al., 2014).

Another facilitator of phonetic convergence to non-standard accent is contextual predictability. The correlation between the context and comprehensibility occurs in such a way that the former has a greater impact on native listeners' perceptions of foreign speech than accentedness (Incera et al., 2017).

Researchers of intelligibility agree that non-native speech can be more intelligible for native speakers than native speech, even if moderately comprehensible (O'Brien, 2014; Xie & Fowler, 2013). As for heavy foreign-accented NNES, they are more likely to be evaluated negatively even on the part of non-native speakers (Dragojević et al., 2017).

To foster inclusion and participation of NNES in listening tests production, Kang et al. (2018a, b) come up with the characteristics that can enable NNES to become full-fledged contributors. Although temporal properties, pitch, and voice quality can contribute to non-nativeness, as stated by Munro et al. (2010), speech rate does not affect listening comprehension of unfamiliar English varieties (Matsuura et al., 2014).

NEURAL BASES OF ACCENT PERCEPTION

Over the past decade, major advances in neurocognitive science have offered intriguing insights on foreign accent perception using functional magnetic resonance imaging (fMRI), electroencephalogram (EEG) and event-related potentials (ERP) research.

Several studies examined a bidirectional relationship between accent perception and context. According to Goslin, Duffy and Floccia (2012), when processing words spoken with a regional accent or foreign accent native speaking listeners rely primarily on contextual cues. In the same vein, Brunellière and Soto-Faraco (2013) show a significant contextual influence during accented word recognition by

native speakers. Together, these studies support the notion of contextual primacy over phonological accuracy in foreign speech comprehension.

More recent attention in brain research has focused on social categorization in accent attitude. Using British English accents and US English accents, Pietraszewski & Schwartz (2014) found that accent differences are the basis of spontaneous and implicit social categorization. This mechanism is not driven by acoustic-differences, low level sound, or differences in familiarity or ease-of-processing. Human mind contains systems for categorizing others according to their accents, which is likely to be an evolutionary vestige.

Similarly, an fMRI study results show a NESs preference for the native accent, presumably revealing people's sense of social belonging (Hernández et al., 2019). In subsequent studies, it was also recognized that short exposure to a foreign accent results in native speakers' perception of foreign-accented speakers as less reliable than native speakers of equal social status (Foucart et al., 2019; Foucart & Hartsuiker, 2021). These accent-induced stereotypes are processed early giving rise to implicit bias (Pélissier & Ferragne, 2021). Collectively, these studies outline a critical role of unconscious social categorization in negative accent judgements. At the same time, other authors notice that exposure of native speakers to foreign accents leads to a better adaptability and accent bias reduction (Boduch-Grabka & Lev-Ari, 2021; Song & Iverson, 2018).

Conclusion

The aim of this review has been to investigate the role of accent bias in relation to educating a global citizen for sustainable future. To this end, literature review has been conducted, which allowed us to respond to the research question regarding the extent of the pernicious impact of accent bias on NNESs in ELF context and open up new insights into related pedagogical dimensions. The results of this study are based on a selection of articles collected from two databases available to the authors. We observed the key guidelines of Future education, research articles in relation to accent bias, the

thematic areas from which they are studied, the accentual landscape of the reviewed research. The interdisciplinary character of the sample indicated the importance of results across different domains. Some studies on languages other than English were included to emphasize the ubiquitous character of accent prejudice.

Regarding the Research Question, results of the study showed that accent bias can be a silent, implicit, and unconscious threat to democratic education. Based on the dominant language ideology and group membership, unwarranted accent attitudes might jeopardize human rights and national identity. Multiple cases of low hirability, distrust, exclusion, avoidance, and career demotion toward NNES have been reported across different professional contexts in various countries. The fluid nature of prejudicial reactions complicates the development of valid and transparent mechanisms of its identification and reporting. Thus far, NNES are driven into language subordination and forced assimilation contributing to anxiety and depression. With the number of NNES exceeding a billion, we can notice a positive decentring trend, which is especially salient in once nativespeakerist Asian regions. However, despite declarative readiness of NNES to phonological divergences, the positions of ethnocentric ideology remain strong. As for emerging contexts of accent bias, digital technologies were found to be dramatically limited in accentual repertoire, making users fake identities.

The analysis of neurocognitive research provided a greater understanding of negative accent perception mechanism. Ever-increasing quantitative measurements show the crucial role of deeply entrenched social categorization and linguistic ethnocentrism as a precondition of bias.

Simultaneously, the review has indicated some opportunities for unbiased ELF interaction. These primarily include 1) large-scale evidence of accented speech intelligibility and comprehensibility to NNES, not including heavy foreign-accented speech; 2) findings about the primacy of contextual clues, accent familiarity and willingness of NES to adapt in multilingual encounters. Surprisingly, most pedagogical implications mentioned in the

studies are limited to conventional instructions with a weak potential to educate unbiased ELF interactants. A common educational thread was raising awareness about the pernicious impact of accent prejudice and underlying mechanisms. The only truly inclusive initiative seems to be the successive attempts to involve NNES in ELF corpora and language proficiency tests development. Although raising awareness about language inequalities and responsibilities could be the first strategic pedagogical intervention, it necessarily needs to be followed by practice-based activities aimed at achieving dialogic empathy. The three aspects identified in the review (sufficient context, foreign accent familiarity, willingness to adapt) are seen as the pillars that teachers can rely on to design meaningful and rewarding tasks. Promoting this knowledge in NES and NNES language communities is expected to strongly contribute to global citizenship education.

Regarding the pedagogical insights, several courses of action to empower phonological instruction emerge from the review. In the perspective of future education, the model of curriculum design and learning progression should move away from a static to a dynamic, non-linear one, which is consistent to the current understanding of accent with its intrinsic features of instability and ambiguity highlighted by the context of interaction.

Methodologically, new learning paradigms are expected to embrace multi-centric attitudes, exposing learners to a kaleidoscope of accents across meaningful contexts to make them attuned to a diverse global soundscape. This can enable learners to transcend from the local to the global which is a critical aspect of global citizenship. Obviously, in this case, each student will have an individual trajectory to enrich his phonological experience. In the conditions of increased subjectification, reflexive learning practices would be one of the primary means of crystallizing new adequate accentual values. Most likely, assessment procedures have to become more variable and non-competitive.

It is also highly suggested to promote bilingualism among NES communities and parents. As global citizenship can not to be

achieved, empathy towards language inequality, including accent bias, cannot be informed, only experienced and reflected upon. Considering the well-known problems with bilingual education in Anglophone countries, this would be a daunting task, if at all feasible. In this case, spaces for multi-accented encounters with non-dominant ideologies can be a viable solution.

The results of the review allow us to conclude that new educational agreements, based on the principles of democratic education, give

a lot of hope to resolve the protracted crises associated with linguistic inequality, especially in such a highly variable aspect as foreign accent attitude. Taken together, these findings can be used to develop targeted pedagogical interventions aimed at holistic education of globally aware ELF speakers. Further research might explore the approaches to unlearning accent bias in specific contexts and the efficacy of phonological instruction in the new dimension at various levels.

References

- Álvarez-Mosquera P., Marín-Gutiérrez A. Language, race or place? influential factors in determining young “coloured” individuals’ attitudes towards Afrikaans accents in English. *Lingua*, 2021, 251, 103027. DOI: 10.1016/j.lingua.2020.103027
- Baquiran C.L., Nicoladis E. A doctor’s foreign accent affects perceptions of competence. In: *Health Communication*, 2019, 35 (6), 726–730. DOI: 10.1080/10410236.2019.1584779
- Benet-Martínez V., Hong Y.-yi. *The Oxford Handbook of Multicultural Identity*. Oxford University Press, 2014. 560 p.
- Bishop H., Coupland N., Garrett P. Conceptual accent evaluation: Thirty Years of Accent Prejudice in the UK. In: *Acta Linguistica Hafniensia*, 2005, 37 (1), 131–154. DOI: 10.1080/03740463.2005.10416087
- Boduch-Grabka K., Lev-Ari S. Exposing individuals to foreign accent increases their trust in what nonnative speakers say. In: *Cognitive Science*, 2021, 45 (11). DOI: 10.1111/cogs.13064
- Bolton K., Botha W., Kirkpatrick A. *The handbook of Asian Englishes*. Wiley Blackwell, 2020. 928 p.
- Boonsuk Y., Ambele E. A., McKinley J. Developing awareness of Global Englishes: Moving away from ‘native standards’ for Thai University ELT. In: *System*, 2021, 99, 102511. DOI: 10.1016/j.system.2021.102511
- Bradlow A. R., Bent T. Perceptual adaptation to non-native speech. In: *Cognition*, 2008, 106 (2), 707–729. DOI: 10.1016/j.cognition.2007.04.005
- Brunellière A., Soto-Faraco S. The speakers’ accent shapes the listeners’ phonological predictions during speech perception. In: *Brain and Language*, 2013, 125 (1), 82–93. DOI: 10.1016/j.bandl.2013.01.007
- Cantone J. A., Martínez L. N., Willis-Esqueda C., Miller T. Sounding guilty: How accent bias affects juror judgments of culpability. In: *Journal of Ethnicity in Criminal Justice*, 2019, 17(3), 228–253. DOI: 10.1080/15377938.2019.1623963
- Chang H. I., Kang W. C. We or they? A summit, accents and South Korean stereotypes toward North Koreans. In: *International Journal of Intercultural Relations*, 2020, 79, 13–23. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.07.002
- Council of Europe. *Common European framework of references for languages: Learning, teaching and assessment: Companion Volume with new descriptors* [Ebook]. Council of Europe, Language Policy Programme. 2018. Available at: <https://rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989> (accessed 22 September 2022).
- Coupland N. *The handbook of language and globalization*. Wiley-Blackwell, 2010. 676 p.
- Crystal D. *English as a global language*. Cambridge University Press, 2003. 212 p.
- Delgado A. O., Cuenca J. Ma. *Handbook of Research on Citizenship and Heritage Education*. Information Science Reference, 2020. 623 p.
- Devadoss C. Sounding “brown”: Everyday aural discrimination and othering. In: *Political Geography*, 2020, 79, 102151. DOI: 10.1016/j.polgeo.2020.102151
- Dragojevic M., Giles H., Beck A.-C., & Tatum N.T. The fluency principle: Why foreign accent strength negatively biases language attitudes. In: *Communication Monographs*, 2017, 84 (3), 385–405. DOI: 10.1080/03637751.2017.1322213

- Fairchild S., Mathis A., Papafragou A. Pragmatics and social meaning: Understanding under-informativeness in native and non-native speakers. In: *Cognition*, 2020, 200, 104171. DOI: 10.1016/j.cognition.2019.104171
- Fang F. *Re-positioning accent attitude in the Global Englishes Paradigm: A critical phenomenological case study in the Chinese context*. Routledge, 2021. 154 p.
- Felps D., Bortfeld H., Gutierrez-Osuna R. Foreign accent conversion in computer assisted pronunciation training. In: *Speech Communication*, 2009, 51 (10), 920–932. DOI: 10.1016/j.specom.2008.11.004
- Foucart A., Hartsuiker R.J. Are foreign-accented speakers that ‘incredible’? the impact of the speaker’s indexical properties on sentence processing. In: *Neuropsychologia*, 2021, 158, 107902. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2021.107902
- Foucart A., Santamaría-García, H., Hartsuiker R.J. Short exposure to a foreign accent impacts subsequent cognitive processes. In: *Neuropsychologia*, 2019, 129, 1–9. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2019.02.021
- Fuse A., Navichkova Y., Alloggio K. Perception of intelligibility and qualities of non-native accented speakers. In: *Journal of Communication Disorders*, 2018, 71, 37–51. DOI: 10.1016/j.jcomdis.2017.12.006
- Garrett P. *Attitudes to language*. Cambridge University Press, 2013. 268 p.
- Gazzola M., Templin T., Wickström B.-A. *Language policy and linguistic justice economic, philosophical and sociolinguistic approaches*. Springer, 2018. 535 p.
- Giles H. Evaluative reactions to accents. In: *Educational Review*, 1970, 22 (3), 211–227. DOI: 10.1080/0013191700220301
- González-Valencia G., Ballbé M., Ortega-Sánchez D. Global citizenship and analysis of Social Facts: Results of a study with pre-service teachers. In: *Social Sciences*, 2020, 9 (5), 65. DOI: 10.3390/socsci9050065
- Goslin J., Duffy, H., Floccia C. An ERP investigation of regional and Foreign Accent Processing. In: *Brain and Language*, 2012, 122 (2), 92–102. DOI: 10.1016/j.bandl.2012.04.017
- Hendriks B., van Meurs F. Attitudes to regional and standard accents in commercial and non-commercial contexts. In: *Lingua*, 2022, 103229. DOI: 10.1016/j.lingua.2021.103229
- Hernández M., Ventura-Campos N., Costa A., Miró-Padilla A., Ávila C. Brain networks involved in accented speech processing. In: *Brain and Language*, 2019, 194, 12–22. DOI: 10.1016/j.bandl.2019.03.003
- Huang B.H. The effects of accent familiarity and language teaching experience on raters’ judgments of non-native speech. In: *System*, 2013, 41 (3), 770–785. DOI: 10.1016/j.system.2013.07.009
- Iheduru-Anderson K. Accent bias: A barrier to Black African-born nurses seeking managerial and faculty positions in the United States. In: *Nursing Inquiry*, 2020, 27 (4). DOI: 10.1111/nin.12355
- Incera, S., Shah, A. P., McLennan, C. T., Wetzels, M. T. Sentence context influences the subjective perception of foreign accents. In: *Acta Psychologica*, 2017, 172, 71–76. DOI: 10.1016/j.actpsy.2016.11.011
- Jenkins J. English as a lingua franca: Interpretations and attitudes. In: *World Englishes*, 2009, 28 (2), 200–207. DOI: 10.1111/j.1467-971x.2009.01582.x
- Jenkins J. *English as a lingua franca in the International University: The Politics of Academic English language policy*. Routledge, 2014. 248 p.
- Kang O., Thomson R. I., Moran M. Which features of accent affect understanding? exploring the intelligibility threshold of diverse accent varieties. In: *Applied Linguistics*, 2018a, 41 (4), 453–480. DOI: 10.1093/applin/amy053
- Kang O., Thomson R., Moran M. The effects of international accents and shared first language on listening comprehension tests. In: *TESOL Quarterly*, 2018b, 53 (1), 56–81. DOI: 10.1002/tesq.463
- Kinzler K. D. *How you say it: Why you talk the way you do and what it says about you*. Houghton Mifflin Harcourt, 2020. 256 p.
- Kirkpatrick A. *The Routledge handbook of World Englishes*. Routledge, 2021. 728 p.
- Koenecke A., Nam A., Lake E., Nudell J., Quartey M., Mengesha Z., Toups C., Rickford J. R., Jurafsky D., Goel S. Racial disparities in automated speech recognition. In: *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2020, 117 (14), 7684–7689. DOI: 10.1073/pnas.1915768117
- Lev-Ari S., Keysar B. Why don’t we believe non-native speakers? the influence of accent on credibility. In: *Journal of Experimental Social Psychology*, 2010, 46 (6), 1093–1096. DOI: 10.1016/j.jesp.2010.05.025

- Levon E., Sharma D., Watt D., Perry C. *Accent Bias Britain*. 2021. Available at: <https://accentbiasbritain.org/> (accessed 22 September, 2022)
- Lippi-Green R.L. *English with an accent: Language, ideology, and discrimination in the United States*. Routledge, 2012. 360 p.
- Mai R., Hoffmann S. Accents in business communication: An integrative model and propositions for future research. In: *Journal of Consumer Psychology*, 2014, 24 (1), 137–158. DOI: 10.1016/j.jcps.2013.09.004
- Matsuura H., Chiba R., Mahoney S., Rilling S. Accent and speech rate effects in English as a lingua franca. In: *System*, 2014, 46, 143–150. DOI: 10.1016/j.system.2014.07.015
- Moyer A. *Age, accent, and experience in Second language acquisition: An integrated approach to critical period inquiry*. Multilingual Matters, 2004. 288 p.
- Moyer A. *Foreign accent: The phenomenon of non-native speech*. Cambridge University Press, 2015. 232 p.
- Mullaney T.S., Peters B., Hicks M., Philip, K. *Your computer is on fire*. The MIT Press, 2021. 416 p.
- Munro M.J., Derwing T.M., Burgess C. S. Detection of nonnative speaker status from content-masked speech. In: *Speech Communication*, 2010, 52 (7–8), 626–637. DOI: 10.1016/j.specom.2010.02.013
- Nelson C.L., Proshina Z.G., Davis D.R. *The Handbook of World Englishes*. Wiley Blackwell, 2020. 848 p.
- Neuliep J. W., Speten-Hansen K. M. The influence of ethnocentrism on social perceptions of nonnative accents. In: *Language & Communication*, 2013, 33 (3), 167–176. DOI: 10.1016/j.langcom.2013.05.001
- Nussbaum M.C. *Not for profit: Why Democracy Needs the Humanities*. Princeton University Press, 2016. 192 p.
- O'Brien M. G. L2 Learners' Assessments of Accentedness, Fluency, and Comprehensibility of Native and Nonnative German Speech. In: *Language Learning*, 2014, 64 (4), 715–748. DOI: 10.1111/lang.12082
- OECD (n.d.) *OECD future of education and skills 2030*. Available at: <https://www.oecd.org/education/2030-project/> (accessed 22 September 22, 2022)
- Page M.J., McKenzie J. E., Bossuyt P.M., Boutron I., Hoffmann T.C., Mulrow C.D., ... Moher D. (2021). The PRISMA 2020 statement: an updated guideline for reporting systematic reviews. In: *BMJ*, 2021, 71. DOI: 10.1136/bmj.n71
- Peled Y., Bonotti M. Sound reasoning: Why accent bias matters for democratic theory. In: *The Journal of Politics*, 2019, 81 (2), 411–425. DOI: 10.1086/701725
- Pélissier M., Ferragne E. The N 400 reveals implicit accent-induced prejudice. In: *Speech Communication*. 2021. DOI: 10.1016/j.specom.2021.10.004
- Pennycook A. *The Cultural Politics of English as an international language*. Taylor and Francis, 2011). 366 p.
- Phillipson R. *Linguistic imperialism continued*. Routledge, 2015. 296 p.
- Pietraszewski D., Schwartz A. Evidence that accent is a dimension of social categorization, not a by-product of perceptual salience, familiarity, or ease-of-processing. In: *Evolution and Human Behavior*, 2014, 35 (1), 43–50. DOI: 10.1016/j.evolhumbehav.2013.09.006
- Puhacheuskaya V., Järvikivi J. I was being sarcastic!: The effect of foreign accent and political ideology on irony (mis)understanding. In: *Acta Psychologica*, 2022, 222, 103479. DOI: 10.1016/j.actpsy.2021.103479
- Rakić T., Steffens M.C., Mummendey A. When it matters how you pronounce it: The influence of regional accents on job interview outcome. In: *British Journal of Psychology*, 2011, 102 (4), 868–883. DOI: 10.1111/j.2044-8295.2011.02051.x
- Rakić T. How accent and gender influence perceptions of competence and warmth in the medical profession. In: *Journal of Language and Discrimination*, 2019, 3 (2), 218–231. DOI: 10.1558/jld.39960
- UNESCO. (n.d.) *Reimagining our futures together: a new social contract for education*. 2022. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379381.locale=en> (accessed 22 September, 2022)
- Russo M., Islam G., Koyuncu B. Non-native accents and stigma: How self-fulfilling prophecies can affect career outcomes. In: *Human Resource Management Review*, 2017, 27 (3), 507–520. DOI: 10.1016/j.hrmr.2016.12.001

- Sant E. We, the non-global citizens: Reflections on the possibilities and challenges of democratic global citizenship education in higher education contexts. In: *Citizenship Teaching & Learning*, 2018, 13 (3), 273–292. DOI: 10.1386/ctl.13.3.273_1
- Sant E. Democratic Education: A theoretical review (2006–2017). In: *Review of Educational Research*, 2019, 89 (5), 655–696. DOI: 10.3102/0034654319862493
- Scales J., Wennerstrom, A., Richard, D., Wu, S.H. Language Learners' Perceptions of Accent. In: *TESOL Quarterly*, 2006, 40 (4), 715. DOI: 10.2307/40264305
- Segrest Purkiss, S. L., Perrewé P.L., Gillespie T.L., Mayes B. T., Ferris G.R. Implicit sources of bias in employment interview judgments and decisions. In: *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2006, 101 (2), 152–167. DOI: 10.1016/j.obhdp.2006.06.005
- Song J., Iverson P. Listening effort during speech perception enhances auditory and lexical processing for non-native listeners and accents. In: *Cognition*, 2018, 179, 163–170. DOI: 10.1016/j.cognition.2018.06.0
- Spencer-Rodgers J., McGovern T. Attitudes toward the culturally different: the role of intercultural communication barriers, affective responses, consensual stereotypes, and perceived threat. In: *International Journal of Intercultural Relations*, 2002, 26 (6), 609–631. DOI: 10.1016/s0147-1767(02)00038-x
- Sumantry D., Choma B.L. Accent-based stereotyping, prejudice, and their predictors. In: *Personality and Individual Differences*, 2021, 179, 110894. DOI: 10.1016/j.paid.2021.110894
- Sung C. C. M. Does accent matter? Investigating the relationship between accent and identity in English as a lingua franca communication. In: *System*, 2016, 60, 55–65. DOI: 10.1016/j.system.2016.06.002
- Tonkin H., Reagan T.G. *Language in the twenty-first century: selected papers of the millennial conferences of the Center for Research and Documentation on World Language Problems, held at the University of Hartford and Yale University*. Benjamin, 2003. 215 p.
- Tsang A. Are learners ready for Englishes in the EFL classroom? A large-scale survey of learners' views of teachers' accents and non-standard accents. In: *System*, 2020, 102298. DOI: 10.1016/j.system.2020.102298
- Tupas R. *Unequal Englishes: The politics of Englishes Today*. Palgrave Macmillan, 2015. 284 p.
- Tupas R., Rubdy R., Heyd T., Saraceni M., Schneider B., Bayyurt Y. *Bloomsbury World Englishes*. Bloomsbury Academic, 2021. 336 p.
- United Nations. (n.d.). *Sustainable development goals report 2020*. United Nations. Available at: <https://www.un.org/en/desa/sustainable-development-goals-report-2020> (accessed 22 September, 2022)
- United Nations. (n.d.). *UNSDG | Policy Brief: Education during COVID-19 and beyond*. United Nations. Available at: <https://unsdg.un.org/resources/policy-brief-education-during-covid-19-and-beyond> (accessed 22 September, 2022)
- Wagner M. A., Broersma M., McQueen J. M., Dhaene S., Lemhöfer K. Phonetic convergence to non-native speech: Acoustic and perceptual evidence. In: *Journal of Phonetics*, 2021, 88, 101076. DOI: 10.1016/j.wocn.2021.101076
- Wang Z., Arndt A. D., Singh S. N., Biernat M., Liu F. “You Lost Me at Hello”: How and when accent-based biases are expressed and suppressed. In: *International Journal of Research in Marketing*, 2013, 30 (2), 185–196. DOI: 10.1016/j.ijresmar.2012.09.00
- Weber A., Betta A. M. D., McQueen J.M. Treack or trit: Adaptation to genuine and arbitrary foreign accents by monolingual and bilingual listeners. In: *Journal of Phonetics*, 2014, 46, 34–51. DOI: 10.1016/j.wocn.2014.05.002
- Weber A., Broersma M., Aoyagi M. Spoken-word recognition in foreign-accented speech by L2 listeners. In: *Journal of Phonetics*, 2011, 39 (4), 479–491. DOI: 10.1016/j.wocn.2010.12.004
- Xie X., Fowler C. A. Listening with a foreign accent: The interlanguage speech intelligibility benefit in Mandarin speakers of English. In: *Journal of Phonetics*, 2013, 41 (5), 369–378. DOI: 10.1016/j.wocn.2013.06.003
- Zhao G., Sonsaat S., Silpachai A., Lucic I., Chukharev-Hudilainen E., Levis, J., Gutierrez-Osuna, R. L2-Arctic: A non-native English speech corpus. In: *Interspeech*, 2018. DOI: 10.21437/interspeech.2018-1110

EDN: ZRASCN
УДК 726:271.2–72(571.51)

Sacred Space and Temple Architecture of Pre-Revolutionary Yeniseisk: Formation and Development

Anna P. Dvoretzkaya*, Aleksander V. Slabukha
and Nikita O. Pikov

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 03.11.2023, received in revised form 08.11.2023, accepted 13.11.2023

Abstract. The research is a part of a project to study the sacred space of the Yenisei North. The report analyzes for the first time the process of formation of the sacred space of Yeniseisk, changes in its symbolic and informational load during the pre-revolutionary period of history on the basis of a complex of published and unpublished sources of eyewitness accounts of events, printed publications. The article describes the subject of the study – the ensemble of Orthodox churches of the city as the rarest monument of urban heritage. It is emphasized that the principles of the formation of the sacred landscape were largely influenced by the traditions of the Russian European North, when creating architectural and planning composition, references to Arkhangelsk are clearly visible, which allows the authors to apply a comparative approach and a comparative typological method in the article. It is concluded that the efforts of many generations of believers in Yeniseisk have developed a unique complex of temple architecture of the Yeniseisk Siberian Baroque schools. Simultaneously with the materialization of sacred space objects, a unique religious and cultural code was formed in the city, which consisted of traditions, rituals, and a life cycle. This historical and cultural reconstruction will contribute to the preservation of the historical and architectural heritage of Yeniseisk, the formation of ideas about it as a historical city, the restoration and partial museification of the lost religious environment.

Keywords: sacred space, temple architecture, Siberian Baroque, monuments of Yeniseisk, temples of Siberia, history of architecture of Yeniseisk.

Research area: national history; theory and history of architecture, restoration and reconstruction of historical and architectural heritage.

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Scientific Foundation No. 22–28–01668 «Comprehensive study of the sacred space of old-timers The Yenisei North: the mechanism of preservation and development (in the field of interdisciplinary

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: advoreckaya@mail.ru, nikita.pikov@mail.ru, slabuha@mail.ru

research of historical and architectural monuments)» (supervisor A. P. Dvoretzkaya), <https://rscf.ru/project/22-28-01668/>.

Citation: Dvoretzkaya A.P., Slabukha A.V., Pikov N.O. Sacred space and temple architecture of pre-revolutionary Yeniseisk: formation and development. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2263–2272. EDN: ZRASCN

Сакральное пространство Енисейского Севера в проектах будущего

А.П. Дворецкая, А.В. Слабуха, Н.О. Пиков

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Русские старожилы Енисейского Севера оставили потомкам сакральное пространство, наполненное множеством смыслов. Значительное место составляют здания храмов. Авторы анализируют процесс восстановления историко-культурных памятников федерального значения – храмов г. Енисейска. Останавливаются на опыте сохранения других памятников культуры региона, демонстрируют свой опыт работы в данной области. Авторы поднимают вопрос о том, как сохранить наследие предков и включить храмы в современное пространство поселений. Новизна исследования заключается в том, что в статье впервые выполнен обзор проектов, связанных с реконструкцией пространства, брендингом территории, созданием новых музейных пространств, формированием туристических маршрутов и сакрализацией отреставрированных объектов. Сделан вывод, что благодаря разнообразным сценариям могут быть сформированы или воссозданы ранее утраченные элементы сакрального пространства.

Ключевые слова: Енисейский Север, религиозное наследие, сакральное пространство, храм-памятник, креативные индустрии.

Научное направление: 07.00.02 – отечественная история, 2.1.11 – теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01668 «Комплексное изучение сакрального пространства старожилов Енисейского Севера: механизм сохранения и развития (в области междисциплинарных исследований памятников истории и архитектуры)» (научный руководитель А. П. Дворецкая), <https://rscf.ru/project/22-28-01668/>

Цитирование: Дворецкая А. П., Слабуха А. В., Пиков Н. О. Сакральное пространство Енисейского Севера в проектах будущего. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2263–2272. EDN: ZRASCN

Introduction

to the research problem

Yeniseisk, founded in 1619, has been the main city in Central Siberia for almost 300 years. A water-land road between the Ob, Yenisei and Upper Tunguska (Angara) ran through it, connecting the Russian state with the new eastern territories. It was the gateway to the North. Since 2000, the city has been included in the UNESCO World Heritage Tentative List, since 2010 – in the list of historical settlements of Russia (approved by the Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation and the Ministry of Regional Development of the Russian Federation No. 418/339 dated July 29, 2010). Yeniseisk also belongs to the small historical cities of Russia.

The term «historical city» conceptually means a city that has preserved the historical and architectural heritage or a certain part of this heritage. Moreover, urban heritage in these cities is subject to special regulation, and heritage sites are protected, since there is always the possibility of partial or complete loss of buildings and structures that belong to architectural and historical monuments (Mikhaleva, 2013).

The cultural environment of Yeniseisk began to form from the moment of its birth in the XVII century, as the main economic, administrative, fair, trade and distribution point and the most important basic center of Russian development of the eastern territories of Siberia, and existed almost unchanged until the middle of the XIX century, when the modernization of Russian society breaks into small towns and has an impact on their life. The cult objects of the city, being part of the cultural environment, at the same time formed a sacred space – the product of a person's religious activity in society.

A Liturgy took place in the church, during which the parish was supported as a penitential family, and the external and internal appearance of the church was formed under the influence of aesthetic ideas of people. Outside the temple, symbols of religious life were formed – traditions, rituals, the life circle of believers.

Conceptual aspects of the study

Yeniseisk has long been thought of as the center of Eastern Siberia. In this regard, its ur-

ban planning principles of formation clearly had references to the capital of the Russian European North, Arkhangelsk, which emphasized its status. Such a comparative analysis allows us to characterize the studied sacred space not only as part of the heritage of the Yenisei North, but also the all-Russian ethno-cultural process. Yeniseisk, as well as Arkhangelsk, had visually connected high-rise dominants in a single river panorama of the Yenisei, anchored by monumental religious buildings. This principle of creating multicenter coastal ensembles was typical for many other Russian cities. First of all, social factors, the interests of defense and trade were at the heart of such a development, but an important role there were also considerations of aesthetic order, taking into account natural factors. The technique of identifying high-rise accents – temples – of various districts, places of the city was also a characteristic feature of ancient Russian urban planning. The Siberian city, as well as its northern model, was designed for perception from the open river space and perception in a single river panorama.

Problem statement

Yeniseisk, being a historical city, constantly faces the problem of preserving its historical and architectural heritage. This historical and cultural reconstruction will contribute to the development of new principles of monument studies, taking into account the broad historical and cultural reconstruction. In this regard, this article raises the question of the origins of the religious and cultural code formed here under the influence of various factors, about the ways of cultural transfer of Russian old-time traditions.

Methodology and sources of research

The work uses approaches to the sacred space through the prism of human activity (Daelemans, 2015; Bergmann, 2017; Erne, 2017). (Daelemans, 2015; Bergmann, 2017; Erne, 2017). In them, the temple is considered not only as a material object, but also the main symbol of the sacred territory, a kind of text code around which religious practices arise. The comparative-typological method allows us

to study the sacred practices of the settlement of the territory by Russians, the formation of the Orthodox sacred space in Yeniseisk, to analyze its main centers of sacred space.

Results

The sacred space of Yeniseisk begins to form simultaneously with the city. Yeniseisk, as well as the «Archangel City», seemed to float domes in the sky and was reflected in the waters of the Yenisei, which sanctified the surrounding space and reminded of the idea of the Heavenly City. The temples, located in the same way as in Arkhangelsk, formed a triangle as a sacred center of Christian unity – a triangle (Popova, 2009; Dvoretzkaya, 2020).

Initially, the city developed as a prison, so its location was chosen above the arrow, where the Yenisei merged with the Angara. Such settlements were of the same type, had defensive functions that ensured the safety of residents from the raids of local autochthonous peoples, and allowed for communication through the systems of small and large rivers from the west to the east of the Russian state (Slabukha, 2006: 21–26; Carev, 2018).

The territory for the construction of the Yenisei prison was chosen on the left, gently sloping bank of the Yenisei, at the confluence of the Melnichnaya River. The city developed along the Yenisei River, as the swamps did not allow moving deeper into the territory. The big bend of the Yenisei caused the position of the city on a site stretched almost in a strictly latitudinal direction, and its coastal “facade” was directed to the north. The main planning axes of the city were the Yenisei and roads. It was around them that the entire cultural landscape of the city was formed (Gorbachev, 2011: 131; Aksenova, 2019: 314).

During its construction, the ancient Russian tradition of starting building a new settlement with the setting up a temple was observed. In the territory of the first fortress, which had 78 Russian sazhen in length and 200 Russian sazhen on the perimeter, there was the Church of The Entry of the Most Holy Theotokos into the Temple, granaries, orderly and customs huts, voivodeship and guest yards, behind the fortress there was a Church of the

Epiphany. A number of authors even point to the special sanctity of the place. The originally erected Spassky Gates with a chapel above them were the parade entrance to the Yenisei Fortress and, in fact, a consecrated, specially protected space began from them (Gorbachev, 2011: 68, 108, 133).

Here, in the center of the city, between the Yenisei and Bolshaya Traktovaya Street, there was a historical part with a Bazaar (Shopping, Cathedral) square, in the middle and around which the churches towered. Along with administrative and commercial functions, the space of the square also carried a religious meaning. In the middle of the square on a hill was the building of the Epiphany Cathedral. From the north side, the temple faced the city boulevard, from all other sides it was surrounded by city buildings. Public places of the city were drawn to the cathedral: guest house, a women’s and later a men’s gymnasium, the buildings where the city Duma and meetings of the petty-bourgeois society were held (Ocherki, 2019: 126).

This square in Yeniseisk was formed according to the old Russian town-planning traditions, which in Siberia were most fully manifested in another ancient Western Siberian city of Tobolsk, founded in 1587. In imitation of Tobolsk, the church was located in an open square, which also manifested the old Russian rule, according to which a cult building was never included in the ordinary building of a street or quarter (Gorbachev, 2011: 87).

The white-stone walls of the cathedral with a carved pattern and golden domes, clearly visible both from the fairway of the Yenisei and from anywhere in the city, were a genuine decoration of Yeniseisk. As noted by the famous theologian Archpriest G. Fast: «The Epiphany Cathedral has become one of the most beautiful in Siberia, combining the grandeur of size and elegance of form» (Fast, 1994: 21).

The three-dimensional composition of the cathedral «octagon on square» with a refectory and a bell tower on the axis – perhaps the most common in the XVIII century. However, in the period under review, it is only taking shape, its first example in the territory beyond the Urals and a natural model for Yeniseisk is the An-

nunciation Cathedral in Tyumen, built by the artel of the same Fedot Chaika. At the same time, the artel itself clearly consisted not of masons who showed themselves in the Naryshkin forms of cathedrals in Verkhoturys and Tyumen, but of pre-Petrine architecture masters, whose influence was palpable in Dalmatov. Of all the buildings under consideration, the cathedral in Yeniseisk receives the most archaic decor, consisting entirely of pre-Petrine forms, which has no analogues in Siberia. The edges of the volumes are decorated with double and triple rods of semicircular cross-section, superimposed directly on the horizontal rows of decor – thin rods and belts of «beetle» ornament. A saw was used in the cornice, and luxurious balusters with rosettes were used in the frieze. The set of forms gives out the decisive participation of the Solikamites in the construction of the cathedral, the absence of literal coincidences in the combination of these forms is their long separation from work at home (Maciel Sanchez, 2014: 154, 155).

The composition of Cathedral reflected the idea of the «city of Jerusalem»: various volumes of extensions surrounded the central building, emphasizing its power and beauty. The massive cathedral's octagon and chapels that significantly expand the lower part of the building could have created the impression of heaviness, squatness, but this was avoided thanks to the large number of windows, the openwork decor of kokoshniks, friezes and zakomars, as well as the elegant shapes of small drums and domes, under which golden crosses soared upward. The vertical line of the composition is added by a four-tiered bell tower, the dome of which is crowned by an imperial spire on a large apple, dominating the surrounding low urban development (The current archive of the Service for the Protection of Cultural Heritage Sites of the Krasnoyarsk Territory. D. 112)

The Cathedral dominated all the other buildings around, as well as other Yeniseisk churches. Public services were performed in it for the Tsar and the Fatherland and on other solemn occasions. These events were significant for the townspeople, regardless of their affiliation to the parish. Thus, in the memoirs of the famous Yeniseisk public figure of the

XIX – early XX century, M. P. Mindarovsky, the celebrations that took place in the cathedral are mentioned more than once, whether it is the 50th anniversary of the death of V. G. Belinsky (1898) or the celebration of the 300th anniversary of the House of Romanov (1913) (Irkutsk Diocesan Gazette, 1867, 36; Mindarovsky M. P. My notes and memoirs from 1891 to 1916 // Yenisei Museum-Reserve).

Near the Cathedral of the Epiphany, citizens gathered on religious holidays, often it was from the steps of the cathedral that important news of national importance was announced. Therefore, it is not surprising that the square was sometimes called Cathedral Square. But this name does not appear on the plans. The territory of Alexander Square and Boulevard began from the Yenisei side of the cathedral, a favorite place of recreation for citizens, so it was a place of everyday leisure and festive entertainment (Aksenova, 2019: 318, 319).

At the other end of the boulevard was the Transfiguration Church. It was an integral part of the Gostiny Dvor complex, which played an exceptional role in the life of Yeniseisk. The Church was located in a public trading place and experienced an influx of merchants and buyers around it on Sundays and holidays (Ocherki, 2009: 129). From time to time, the authorities tried to fight this and regulated trading hours, moving them from morning to afternoon. Nearby there were many drinking establishments, for the abolition of which the priests fought. As noted by archpriest V. Kasyanov in 1865 in the Irkutsk diocesan gazette, from the words of his former Yenisei parishioner: «Now Sunday is like Easter or Christmas. We had a time, on a Sunday afternoon in the bazaar there were noise, buzz, movement of people, and now silence and tranquility, no one, there are neither selling nor buying» (Irkutsk Diocesan Gazette, 1865, 22).

The church had a very picturesque silhouette created by a multitude of bulbous domes. It is assumed that Ural craftsmen participated in its construction. This is evidenced by the lower tier windows' columnar platbands, made in the style of the «Ural Baroque». Forms of platbands brought it closer to the platbands of the Spassky Cathedral and the Resurrection Church.

The architectural composition of church of Our Lady of the Sign, resembling a small cathedral with a three-part planning structure, repeated the compositions of the chapels of the Epiphany Cathedral, the Resurrection and the Nativity of Christ churches. The tent bell tower of the Transfiguration Church almost entirely repeated the composition of the bell tower of the church of the maiden monastery. A feature of the three-dimensional composition was its two-storied (Ocherki, 2009: 129).

Nearby was the Resurrection Square, where the Resurrection Church towered. Located on the high bank of the Melnitsa-river, it was visible from anywhere in the city and from the fairway of the Yenisei. Its bell tower significantly exceeded the church structure. The architecture of the church structurally and compositionally echoed the image of the Epiphany Cathedral and other Yenisei cathedrals, reflecting the forms widely spread in Russian and Siberian architecture of the 18th century. The main cold church of the Resurrection of Christ was a light «octagon on square» with a semicircular altar apse. The refectory and the narthex were located along the main axis. The peculiarity of the church, in comparison with other Yenisei temples, is the single-domed (The current archive of the Service for the Protection of Cultural Heritage Sites of the Krasnoyarsk Territory. D. 36 03–04).

The Church bell tower was the largest and tallest building of the city not only in the XVIII century, but also a century and a half later, at the beginning of the twentieth century. The bell tower was a traditional «octagon on square» and had four pyramidally built tiers. In terms of volume, it significantly exceeds the temple structure. The decor of the wall surfaces reflects the borrowing of certain techniques and motifs of Irkutsk churches architecture, a city located at a considerable distance to the east of Yeniseisk. The influence of Irkutsk architecture is evidenced by geometrically clear figures of crosses and cruciform panels pressed into the thickness of the wall. The completion of the platbands of the large arched openings of the quadrangle of the bell tower was particularly original. The tall spire may have previously been decorated with the figure of an angel,

but in 1825 the angel was replaced by a gilded cross with branches painted red. According to K. Y. Shumov, with the construction of the bell tower, the building of the Resurrection Church brought a new sound to the city, corresponding to the administrative prestige and economic prosperity of the city (Bulankov, Shumov, 1999:178–180).

In 1850, the largest bell in the city, weighing 500 pounds (8 tons), was installed on the bell tower of the Resurrection Church. The bell was cast in Yeniseisk by a master specially sent for this purpose. According to A. I. Kytmanov, a pre-revolutionary local historian and founder of the Museum of Local lore in Yeniseisk, with a huge gathering of people, the bell was taken to the church and hung on its bell tower (Kytmanov, 2016: 308).

The central Yenisei temples – Epiphany Cathedral, Transfiguration, Resurrection Churches, being the iconic dominants of the first visual plan, were accent elements of urban development, original standards of beauty for the entire surrounding area. Church buildings with relatively restrained decor of the walls had large-scale forms of volumes, the sculptural expressiveness of which was enhanced by complex dynamic temple weddings and grandiose verticals of bell towers. The predominant importance of the coastal facades of churches was also reinforced by the expanding extensions of the side churches. They were placed along the Yenisei coast, received an architectural solution typical of temple ensembles in the Russian North: both the location of buildings in space and the nature of the silhouette composition were aimed at obtaining a memorable image of the settlement (Dvoretzkaya, 2020).

A similar arrangement can be found in Arkhangelsk, where the main planning axis was the Northern Dvina, and all the churches were facing it, each of which was the center of the city part and the urban community: Resurrection – for merchants, Assumption – for posadsky residents, Christmas – for Streltsy, St. Catherine's Church for foreign residents, between them – the citywide Transfiguration Cathedral. So, there was a magnificent system of dominants that played a huge role in the panorama of the whole city, which was one of

the most beautiful cities of the Russian North (Popova, 2009; Dvoretzkaya, 2020).

In the center of Yeniseisk stood the Epiphany Cathedral, around it the Resurrection and Transfiguration Churches. They actually embodied the idea of St. Trinity. Such an aspiration to the planning decisions made in the Russian European North is quite explicable by the fact that the city was inhabited to a greater extent by carriers of the Pomeranian culture. The largest flow of explorers in the XVIII century went to Siberia from the Russian European North – from Pechora, Dvina and Pinega. The system of the citywide center was organically combined with the system of several local, relatively self-sufficient city centers, which also symbolized the connection with the Russian European North of Arkhangelsk.

Along with the Resurrection Square, which is in the lower part of Yeniseisk, on the Mountain such a role was played by the Assumption and Trinity Squares. These social spaces had mainly religious significance, as they were arranged for the gathering of parishioners of a particular church, for the convenience of conducting rituals and organizing processions. However, this did not prevent us from conducting commercial activities here. There were also retail shops on the squares (Kytmanov, 2016: 460; Aksenova, 2019: 318, 319).

The Yenisei Trinity parish consisted of estates located in the southern part of Yeniseisk at the intersection of two streets Krestovozdvizhenskaya / Bolotnaya. The Trinity Church was built on a small hill with the expansion of the city to the south as the parish church of the newly built settlement of Baraba. Originally it was an urban suburb, where various kinds of migrants settled. This did not prevent the population from creating a magnificent temple here, visibly embodying the idea of the Trinity. With the traditional structure of the temple complex (a five-domed temple, a refectory and a tiered bell tower) and techniques characteristic of Siberian and specifically Yenisei architecture, there are many original motifs here. So, the square is somewhat higher, and the octagon is significantly reduced in comparison with other Yenisei churches. The vertical height is achieved due to the pyramidal compo-

sition of double drums and high bases of bulbous domes. About 15 types of shaped bricks and various ceramic parts were used in its construction (The current archive of the Service for the Protection of Cultural Heritage Sites of the Krasnoyarsk Territory. D. 129).

Very interesting are the kokoshniks and the carved ornament of the windows and portal, the relief panels at the corners of the quadrangle in the shape of stars and kiots. They remind of wooden carving and create the effect of lightness and plasticity. The composition of the Trinity Church was further developed in the architecture of the Intercession Church in Krasnoyarsk (Archive of the city of Yeniseisk. F. 1. Op. 1. D. 48. L. 35; The current archive of the Service for the Protection of Cultural Heritage Sites of the Krasnoyarsk Territory. D. 57).

The church had icons painted in Veliky Ustyug and delivered from there. There were four such icons: the Trinity and the Mother of God on the sides of the Royal Gates; on the right choir of the Ascension of the Lord; on the left – the Velikoustyuzhsky miracle workers Prokopy and Basil. On this basis, and based on the memoirs of old people, the chronicler of the Yenisei district, M.F. Krivoshapkin, concluded that the settlement of Yeniseisk by Velikoustyuzhans (Krivoshapkin, 1865: 216).

In commemoration of the meeting of the Velikoustyuzhsky icons, traditionally on April 23 (the old calendar), a procession was made from the Trinity Church to the southern part of the city, where the bathhouse with the icon of the Great Martyr George was originally located there. It was for the help of the Great Martyr that the Yeniseians turned to in case of livestock deaths. This fact gave rise to the procession. Temple holidays were celebrated on the days of the Life-Giving Trinity, the Presentation of the Lord and the icon of the Mother of God «Life-Giving Spring» (Commemorative book of the Yenisei province with an address-calendar for 1901. Krasnoyarsk).

The Yenisei Assumption parish was formed later than all the city-Yenisei parishes already at the beginning of the XIX century, when the city began to grow in the western elevated side, on the Mountain. There was a town

square near the church. A street that ran parallel to the Bolshaya one was named after her.

After the fire of 1869, when the city was significantly rebuilt, new streets appeared, the role of the old ones changed, Uspenskaya Street turned into «... a new avenue» (Kytmanov, 2016: 460), which determined the fate of Uspenskaya Square, one of the new spatial centers of the city. Shops of manufactured and other goods, flour, fish and junk shops have been built on Uspenskaya Square» (Aksenova, 2019: 428).

The reconstruction of the Assumption Church anticipated the process of forming a new center, not only urban planning, but also religious. Originally wooden and cemetery, standing on the outskirts of the city, already in the second quarter of the XIX century it forms a new sacred center. Her ensemble was created over the course of a century. In 1793, the main – Assumption – chapel was laid (completed in 1797 and consecrated in 1799). During the consecration of the Assumption Church, the antimens of the wooden cemetery church was used, consecrated in 1770 by Bishop Varlaam of Tobolsk and Siberia. In 1794 the chapel of the Apostles Peter and Paul was laid over the Assumption Chapel (consecrated in 1818). In 1826, in parallel with the main chapel, Bishop Mikhail of Irkutsk, at the expense of the Yenisei merchant A. I. Kobychiev, the chapel of Innocent of Irkutsk was laid (consecrated in 1827). In 1842, at the expense of the Hereditary Honorary citizen A. A. Kobychiev, the construction of the chapel began the Blessed Prince Alexander Nevsky on the upper tier of the church in parallel with the chapel of the Apostles Peter and Paul (consecrated in 1843). The church was surrounded by a fence erected between 1818 and 1822. The location of the Assumption Church away from the main part of the building saved it from fires. Despite this, the original appearance of the temple subsequently underwent significant changes. The composition of the church reproduced the type of a five-domed temple with a refectory and a bell tower characteristic of Siberian architecture of this period. As in the case of the Transfiguration Church, an unusual image was created by a two-story temple quadrangle, each facade of which ended

with a curved gable with a round window – a reflection of the so-called new manir, the Europeanized metropolitan Baroque. There is an influence of the Totmin architectural traditions. This is the only church in Yeniseisk that combines features of Baroque and classicism, which also symbolized its «metropolitan character» (Archive of the city of Yeniseisk. F. 1. Op. 1. D. 44. L 1, 175. D. 48. L 45; State Archive of the Krasnoyarsk Territory. F. 261. Op. 1. D. 40. L 17; The current archive of the Service for the Protection of Cultural Heritage Sites of the Krasnoyarsk Territory. D. 57).

At the intersection of Bolshaya there was also Krestovozdvizhenskaya Street, which rested on the Krestovozdvizhenskaya Grado-Yenisei cemetery Church. It was located in the south-west of the city of Yeniseisk nearby Sevastyanka on a hill with a beautiful view of the city. On three sides, the area was surrounded by a swamp, a dense forest, and on its northern side was the old-Spiseyskaya postal road, which went through the Yenisei County to the Turukhansky Region. Both the name of the church and the name of the thrones constituted an open “text” for the first inhabitants of Yeniseisk, referring to the memory of the events of the original Christian history. For example, the patronal feasts in the Holy Cross Church were held on September 14 (according to the old style) in honor of the Exaltation of the Honest and Life-Giving Cross of the Lord, then the whole cemetery was treated with a procession with a large gathering of worshippers, on the Feast of the Cross of Great Lent and on May 7 (according to the old style) – in memory of the heavenly appearance of the sign of the Honest Cross in the city Jerusalem (Evtikhiev, 1905).

At the intersection of Bolshaya there was also Krestovozdvizhenskaya Street, which rested on the Krestovozdvizhenskaya Grado-Yenisei cemetery Church. It was located in the south-west of the city of Yeniseisk in the Sevastyanka district on a hill with a beautiful view of the city. On three sides, the area was surrounded by a swamp, a dense forest, and on its northern side was the old-Spiseyskaya postal road, which went through the Yenisei County to the Turukhansky Region. Both the name of the church and the name of the

thrones constituted an open “text” for the first inhabitants of Yeniseisk, referring to the memory of the events of the original Christian history. For example, the patronal feasts in the Holy Cross Church were held on September 14 (according to the old style) in honor of the Exaltation of the Honest and Life-Giving Cross of the Lord, then the whole cemetery was treated with a procession with a large gathering of worshippers, on the Feast of the Cross of Great Lent and on May 7 (according to the old style) – in memory of the heavenly appearance of the sign of the Honest Cross in the city Jerusalem (Evtikhiev, 1905).

Further, at the exit from the city on the eastern outskirts of the city, already beyond the Lazarevka River in the area called Abalak, the Episcopal Entrance-Jerusalem (Abalatsky) Church was located. There were three particularly venerated icons in the church: the Savior Not Made with Hands in a silver-gilded crown; the Abalak icon of the Mother of God in a silver-gilded robe and the Burning Bush in a silver-gilded robe. It is obvious that the name of the locality Abalak refers to Western Siberia. It also draws attention to the fact that among the icons of Abalatskaya, Abalatskaya-Znamenskaya, the most revered icon in Siberia, whose origin also connects Yeniseisk with Tobolsk and the Russian European North (Veliky Novgorod). It was a list of the icon «The Sign» of Novgorod and many lists were made from it, revered in Siberia as miraculous (Cemetery Entrance-Jerusalem Church in the city of Yeniseisk // *Yenisei Diocesan Gazette*, 1901, n. 14).

At the same time, it should be remembered that temples were active objects and therefore for a long time the question of preserving their appearance was not raised. The experi-

ence of living in the temple space was passed down from generation to generation and was of a changeable nature. Of course, at this stage there was a risk of losing historical elements that had already arisen, which was due to both the fragility, vulnerability of the objects themselves, and the over-elaboration of (theoretical and methodological) criteria for the selection and mechanism of protection of cultural objects. Thus, the Jewish churches suffered significant losses already before the revolution, when many of them suffered during the Great Syrian Fire of 1869. Believers and ministers of the church tried to save the Yenisei churches. The Yenisei people sought to restore churches and monastery complexes in the same place and in the form in which the opi arrived before the fire (Dvoretzkaya, 2018).

Conclusion

Temples in historical cities were part of spiritual and material culture. At the same time, they performed liturgical and social functions. In the minds of urban society, they were presented as a historically formed repository of national memory, a kind of collective spiritual heritage, which the community of believers should take care of and which needs to be saved. Temples were built and maintained with donations from believers, with them there were permanent communities that collectively owned all church property. In Yeniseisk, ecclesiastical autonomy was preserved for a very long time, when many important decisions were made at secular meetings and even in city self-government bodies. It is thanks to the communities in Yeniseisk that the best examples of church architecture, icons appear, and the interior decoration of temples is formed.

References

- Aksenova A. V., Gonina N. V., Dvoretkaia A. P., Terskova A. A. *Mir kul'tury g. Enisejska vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. [The world of culture of the city of Yeniseisk in the second half of the 19th – early 20th centuries]*. Krasnoyarsk: KrasGAU, 2019. 542 p.
- Bulankov V., Shumov K. *Eniseisk: Ocherki po istorii razvitiya i zastroike goroda [Yeniseysk: Essays on the history of development and building of the city]*. Krasnoyarsk: Krasn. kn. izd-vo, 1999. 216 p.
- Gorbachev V., Kradin N., Krushlinskii V., Stepanskaya T., Tsarev V. *Gradostroitel'stvo Sibiri [Urban planning of Siberia]*. SPb.: Kolo, 2011. 784 p.

Dvoretckaya A. Vosstanovlenie tserkvei goroda Eniseiska posle pozhara 1869 goda [Restoration of the churches of the city of Yeniseisk after the fire of 1869]. In: *Balandinskie chteniya [Balandinsky readings]*, 2018, 13 (1), 143–148.

Dvoreckaia A. Formirovanie kompleksa cerkvej g. Enisejska [Formation of a complex of churches in the city of Yeniseisk]. In: *Social'no-ekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal Krasnoyarskogo GAU [Socio-economic and humanitarian journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University]*, 2020, 2(16), 180–198.

Evtikhiev D. Grado-Eniseiskaya Krestovozdvizhenskaya tserkov' [Grade Yenisei Holy Cross Church]. In: *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti [Yenisei Diocesan Gazette]*, 1905, 10, 258–273.

Krivoshapkin M. *Eniseiskii okrug i ego zhizn'. Eniseiskii okrug i ego zhizn' [Yenisei District and its life. Yenisei area and its life:]*. SPb.: Izdanie Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, na izhdivenii V. A. Kokoreva, 1865. 650 p.

Kytmanov A. *Kratkaya letopis' Eniseiskogo uezda i Turukhanskogo kraja Eniseiskoi gubernii, 1594–1893 god [Brief Chronicle of the Yenisei Uyezd and Turukhansk Territory of the Yenisei Province, 1594–1893]*. Krasnoyarsk: SFU, 2016. 888 p.

Masiel' Sanches L. Arkhitekturnoe osvoenie Sibiri v nachale XVIII v. [Architectural development of Siberia at the beginning of the 18th century]. In: *Arkhitekturnoe nasledstvo [Architectural heritage]*, 2014, 60, 122–138.

Mikhaleva K. «Istoricheskij gorod» v kontekste gumanitarnogo znaniia [«Historical town» in classical knowledge context]. In: *Iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Art History. Questions of theory and practice]*, 2013, 4 (30), I, 130–133.

Ocherki istorii g. Eniseiska i Eniseiskogo uezda (XVII–XIX v.v.) [Essays on the history of the city of Yeniseisk and the Yenisei district (XVII–XIX centuries)]. Eniseisk [b.i.], 2009. 260 p.

Popova L. Prostranstvo i vremia v kul'ture russkogo goroda (na primere Arkhangel'ska) [Space and time in the culture of the Russian city (on the example of Arkhangelsk)]. In: *Voprosy kul'turologii [Questions of cultural studies]*, 2009, 11, 78–81.

Slabukha A. *Gradostroitel'noe osvoenie Prienisejskogo kraia v XVII–\$ 5X v. [Urban Development of the Yenisei Territory in the 17th – 20th Centuries]*. Krasnoyarsk, 2006. 192 p.

Fast G. *Eniseisk pravoslavnyi [Yeniseisk orthodox]*. Krasnoyarsk: Eniseiskii blagovest, 1994, 238 p.

Carev V., Carev V. Russkie kreposti v Central'noj Sibiri XVII–XVIII vekov: arkhitekturno-planirovochnoe formirovanie [Russian fortresses in Central Siberia in the 17th–18th centuries: architectural and planning formation]. In: *Balandinskie chteniya [Balandinsky readings]*, 2018, 13 (1), 199–204.

Bergmann S. Der sakrale Ort als kritischer Ort. Skizzen zur befreienden Ästh/Ethik heiliger Räume und Atmosphären. In: *Wandel und Wertschätzung. Synergien für die Zukunft von Kirchenräumen*. Hgg. von Albert Gerhards und Kim de Wildt. Regensburg: Schnell & Steiner, 2017. 279–305.

Daelemans B. *Spiritus Loci: a Theological Method for Contemporary Church Architecture*. Leiden; Boston: Brill, 2015. 398 p.

Erne T. *Hybride Räume der Transzendenz. Wozu wir heute noch Kirchen brauchen. Studien zu einer postsäkularen Theorie des Kirchenbaus*. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2017. 254 p.

EDN: AAYGXA
УДК 7.02

Digital Art Studies: A Possible Typology of Art Databases

Natalya N. Pimenova, Anna A. Shpak
and Ksenia A. Degtyarenko*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 11.09.2023, received in revised form 11.09.2023, accepted 13.11.2023

Abstract. Digital databases are currently an integral part of scientific research in the art studies field. The use of information and communication technologies, the information development and analytical systems in art criticism are associated with the scale of the tasks that these means of systematization can solve. The use of artificial intelligence methods for the creation, cataloging, qualitative and quantitative art works analysis is being updated. Specialized art history databases have firmly occupied their niche in the process of authenticating and searching for lost works of art. In this study, domestic and international databases on art were analyzed, including EBSCO, WEB Gallery Of Art, Digital Collection of the State Hermitage Museum, etc. As a review result of representative databases and interactive platforms of art history content, the article presents a possible typology based on the considered art databases. The methodological basis of this research is the source-based method for searching digital collections, databases on art, methods of comparative analysis, typologization.

Keywords: artificial intelligence, digital art studies, digital art market, digital galleries, digital collections, typologization of art databases.

Research area: theory and history of culture and art.

Citation: Pimenova N. N., Shpak A. A., Degtyarenko K. A. Digital art studies: a possible typology of art databases. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2273–2284. EDN: AAYGXA

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: akseniya.krupkina@mail.ru, annaheyy@gmail.com, pimenovapluzhnik@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6398-0259 (Degtyarenko), 0000-0002-2948-8762 (Shpak); 0000-0002-0622-4465 (Pimenova)

Цифровое искусствознание: возможная типология баз данных по искусству

Н.Н. Пименова, А.А. Шпак, К.А. Дегтяренко

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Неотъемлемой частью научных исследований в области искусствознания в настоящее время являются цифровые базы данных. Применение информационно-коммуникационных технологий, развитие информационно-аналитических систем в искусствоведении связаны с масштабностью задач, которые могут решить эти средства систематизации. Актуализируется использование методов искусственного интеллекта для создания, каталогизации, проведения качественного и количественного анализа произведений искусства. Специализированные искусствоведческие базы прочно заняли свою нишу в процессе проверки подлинности и поиске утраченных произведений искусства. В настоящем исследовании были проанализированы отечественные и международные базы данных по искусству, в том числе EBSCO, WEB Gallery Of Art, Цифровая коллекция Государственного Эрмитажа и т.д. В результате обзора репрезентативных баз данных и интерактивных платформ искусствоведческого контента в статье приводится возможная типология на основе рассмотренных баз данных по искусству. Методологическим основанием настоящего исследования выступили источниковедческий метод для поиска цифровых коллекций, баз данных по искусству, методы сравнительного анализа, типологизации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровое искусствознание, цифровой арт-рынок, цифровые галереи, цифровые коллекции, типологизация баз данных по искусству.

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Пименова Н. Н., Шпак А. А., Дегтяренко К. А. Цифровое искусствознание: возможная типология баз данных по искусству. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2273–2284. EDN: AAYGXA

Введение

Актуальность данного исследования заключается во все большей необходимости использования методов искусственного интеллекта для создания, проведения качественного и количественного анализа, и классификации произведений искусства. Междисциплинарный подход в сочетании традиционных методов анализа произведений с методами машинного обучения позволяет более качественно систематизировать произведения, а также создавать наглядные модели развития и использования тех

или иных тенденций в истории искусств. За счет оцифровки большого количества произведений повышается их доступность, а объединение разных искусствоведческих баз данных позволяет проводить аналогии по географическим, историческим, социальным и пр. факторам. Базы данных повышают эффективность работы арт-рынка, но в большей степени онлайн-аукционов. Еще одним аспектом работы специализированных искусствоведческих баз является проверка подлинности и поиск утраченных произведений искусства.

В связи с масштабным развитием цифрового искусствознания одной из основных целей данной исследовательской программы является фиксация и типологизация отечественных и международных искусствоведческих баз данных. Методологическим основанием настоящего исследования выступили источниковедческий метод для поиска цифровых коллекций, баз данных по искусству, метод сравнительного анализа, типологизации.

Базы данных по искусству создаются и исследуются учеными по всему миру, так как их создание очень актуально в связи с темой искусственного интеллекта и NFT, а также в рамках сохранения культурного наследия в мире. Особым требованием в процессе создания такого инструментария является междисциплинарный подход.

Активно исследуются возможности применения методов искусственного интеллекта, практик инновационных технологий в сфере искусства (Pikov, 2022; Sobol', 2022; Leichenko, 2022; Voroshin, Novikova, 2023; Omelik, 2023b; Lutsik, 2023). Отдельное место в научно-исследовательских работах ученых занимает вопрос влияния искусственного интеллекта на творческий процесс создания произведений искусства (Kolesnik, Sitnikova, Andryushina, 2023; Omelik, 2023a).

Некоторые исследователи: А. Assaf, L. Kristoufek, E. Demir, S. Kumar Mitra (Assaf, Kristoufek, Et al., 2021), E. Machotka, P. Panagiotis (Machotka, Panagiotis 2019), M. Mazzone, A. Elgammal (Mazzone, Elgammal, 2019), E. Cetinic, T. Lipic, S. Grgic (Cetinic, Lipic, et al., 2018), J. Hutson, T. Olsen (Hutson, Olsen, 2021) изучают вопросы, связанные в первую очередь с техническим обеспечением и цифровыми возможностями для сохранения большого объема данных. Учеными создаются модели с разным назначением, но их использование может меняться под разные потребности, например, модели, созданные для классификации стилей в искусстве, могут применяться в дальнейшем и для генерации изображений, и наоборот, инструментарий для генерации изображений может применяться

для работы в сфере истории искусств. Важно, что при создании больших баз данных по искусству основными вопросами являются: качественная оцифровка ресурсов, большой объем хранилища, качественная интерпретация знаково-символической системы произведений искусства.

Исследователи М. Baca, А. Helmreich, М. Gill, (Baca, Helmreich, et. al., 2019), В. Holt, К. Weiss, W. Niblack, М. Flickner, D. Petkovic, (Holt, Weiss, et al., 1997), Р. Christiane, (Christiane, 2023), Wasielewski, А. (Wasielewski, 2023), А. Foka (Foka, 2021), А. Teneketzis, (Teneketzis, 2020) рассматривают базы данных по искусствоведению в рамках необходимого инструмента для сохранения культурного наследия. У исследователей также возникают вопросы, связанные с интерпретацией произведений самими искусствоведами и возможностью выделения определенных схем, факторов и особенностей такого анализа, для создания рабочей модели данных, позволяющих проводить качественный анализ. Авторы Р. Madhu, Т. Marquart, R. Kosti, D. Suckow, Bell, P. Maier, А., & Christlein, V. (Madhu, Marquart, et al. 2023) исследуют особенности композиции произведений искусства и при этом сочетают методы машинного обучения и традиционные методы искусствоведческого анализа.

Арт-рынок также является важной сферой искусства и рассматривается у таких авторов, как Victoria Szabo (Szabo, 2012), А. Assaf (Assaf, 2018), Н. J. Van Miegroet, К. P. Alexander, F. Leunissen (Van Miegroet, Alexander, Leunissen, 2019), К. Brown (К. Brown, 2023), Е. Sidorova (Sidorova, 2019), G. David, С. Huemer, К. Oosterlinck (David, Huemer et al., 2020). Создание больших баз данных и каталогов необходимо также и для искусствоведческих исследований, например, не только в контексте истории и стилистической специфики, но и в качестве анализа иконографии, экономической ценности, функционирования объекта искусства в пространстве и времени, а также его влияния на культуру. Использование баз данных по искусству позволяет проводить геопространствен-

ный, количественный и статистический анализы. Эти методы улучшают исследовательский процесс, позволяя выделять новые тренды и свойства, в том числе формируя арт-рынок. В университете Дьюка исследования в этом направлении фокусируются на изучении исторических рынков искусства. Целью проекта является разработка системы, позволяющей интеграцию результатов в цифровые ресурсы для дальнейшего анализа, создания классификаций и визуализации. Такие системы позволяют оценивать мировые, национальные, региональные и локальные тенденции.

В рамках арт-рынка стоит рассмотреть и создание NFT-токенов. Так, например, исследователи L. J. Trautman (Trautman, 2022), L. van Naaften-Schick, A. Whitaker (Van Naaften-Schick, Whitaker, 2022) указывают на такие аспекты, как история и применение в искусстве цифровой валюты, вопросы об интеллектуальной собственности и авторском праве, соответственно, и создание международных баз объектов цифрового искусства. Интересно, что формирование продажи цифровых произведений отличается от традиционных тем, что некоторые традиционные экономические стратегии формирования рынка игнорируются. Для выявления определенных закономерностей арт-рынка, в том числе и цифрового, необходимо создание базы данных, объединяющей разные площадки, такие как аукционы и онлайн-аукционы; дилеры и галереи; художественные классификаторы и художественные ярмарки.

Ценным источником литературы для настоящего исследования, безусловно, является и анализ самих проектов баз данных по искусству: J. D. Bussmann, L. Gala, A. C. Bartelmann (Bussmann, Gala, et al., 2019), E. Barchielli, (Barchielli, 2023), R. H. A. De Oliveira, L. C. De Castro Gil, A. C. S. Arakaki, F. F. De Castro (De Oliveira, De Castro Gil, et al., 2023), C. De Beukelaer, T. Tran (De Beukelaer, Tran, 2022). Часто искусствоведческие базы данных и исследователи в основном работают на основе разных культурных учреждений, галерей, музеев, институтов искусств и т.д.

Результаты

Цифровые базы данных на сегодняшний день – это практически неотъемлемая часть научной работы. Такое развитие применения информационно-коммуникационных технологий в искусствоведении и рост количества цифровых систем связаны с тем, как много задач, помимо каталогизации и публикации каталога, решают эти средства систематизации. Исследование в искусствоведении часто связано с большим числом ограничений из-за того, что все необходимые материалы трудно обнаружить в одном месте и вообще в доступе. И создание информационно-коммуникационных систем существенно повлияло на науку об искусстве. Электронные базы данных позволяют дистанционно получать и обрабатывать большое количество ценных сведений по произведениям искусства, а в случае цифровых копий высокого разрешения – детально знакомиться с ними. Крупнейшие музеи мира сегодня не обходятся без цифровых галерей, считая их создание и пополнение жизненно важной задачей. Базы данных и интерактивные платформы искусствоведческого контента на сегодняшний день представляют собой разнообразные по наполнению и принципам систематизации ресурсы. Одной из очевидных логик анализа баз данных по искусству является рассмотрение их от наиболее общих, содержащих широкий круг информации об искусстве и около него, к частным, т.е. посвященным отдельным феноменам в области искусства – собраниям музеев, художественным традициям, определенным видам и жанрам в искусстве и т.д.

Наиболее обобщающими и обширными по наполнению базами данных являются те, что помимо информации об искусстве содержат множество сопутствующих и важных для исследования искусства данных. Такова, например, популярная библиографическая база EBSCO (EBSCO, 2023), основанная еще в 1998 году, которая имеет специализированный раздел по искусству. В разделе «Art museum image gallery» на этой платформе собраны существующие виртуальные музеи. Сайт сообщает, что

открывает доступ к 156 тысячам изображений в высоком качестве, датированных от 3000 лет до нашей эры до наших дней. Раздел «Искусство и архитектура» представляет базу, в которой собраны не только изображения (63 000 изображений высокого разрешения), но и видеореконструкции архитектурных памятников. А также она дает доступ к полнотекстовым журналам по архитектуре и искусству, не находящимся в открытом доступе, и к полным текстам более 200 книг по тематике раздела.

Также интерес представляет ресурс Консорциума IRIS (IRIS – Association of historical-artistic and humanistic libraries in Florence, 1996–2023), основанного в 1993 году, – ассоциации флорентийских библиотек по истории искусств и гуманитарным наукам. В Консорциум в настоящее время входят 7 организаций: библиотека Беренсона (Центр изучения итальянского Возрождения Гарвардского университета), библиотека Института истории искусств Голландского университета, библиотека Уффици, Библиотека Национального института изучения Ринасименто, библиотека «Уго Прокаччи», библиотека в Винчи и библиотека Нового фонда Россаны и Карло Педретти. На сайте IRIS представлен их объединенный каталог – обширная и уникальная по богатству общая база данных, которая доступна в Сети (IRIS Union Catalog, 1996–2023).

Официальный электронный ресурс Исследовательского института Гетти в США (GETTY. Visual art and cultural heritage for Los Angeles and the world, 2023), ориентированного на разработку крупных баз данных, является сайтом-агрегатором. База данных включает в себя несколько категорий данных: а) книги, журналы и аукционные каталоги; б) архивы и специальные коллекции, включая пособия по поиску; в) записи коллекции фотоархива; г) статьи, изображения и электронные книги. Помимо множества баз, например, библиотечных каталогов, словарей и прочих имеется также раздел «Искусство и архитектура», в котором содержится база «Международная библиография изданий об искусстве». Она

аккумулирует в себе все довольно свежие вышедшие издания начиная с 2008 года. В Институте Гетти имеется богатый фотоархив, база данных фотоархива еще находится в стадии разработки и состоит в основном из описаний. Ряд уникальных, неповрежденных коллекций фотографий, которые представляют большую ценность для исследователей, можно найти в библиотечном каталоге, через который есть также доступ к обширной базе данных под названием «Архив искусства и архитектуры ProQuest», который отмечается специалистами как существенно поддерживающий и способствующий искусствоведческим исследованиям. Тематически фотоархив разделен на 4 раздела, каждый из которых имеет множество рубрик: например, в разделе «Древнее искусство и архитектура» представлено 23 рубрики.

Платформы иного типа – это цифровые своды, коллекции, библиотеки, изначально сформированные как электронные платформы и представляющие собой агрегаторы данных из пространства Сети. Библиотека «Europeana» (Europeana, digital cultural heritage, 2023) является цифровым сводом культурного наследия, собранного по принципу возможности широкой репрезентации. Платформа предоставляет пользователям доступ к миллионам объектов культурного наследия из более чем 4 000 учреждений Европы. Коллекции на сайте представлены объединенными в 14 тем, в каждой из которых есть возможность познакомиться и с отдельными произведениями, и с ними же в контексте коллекции. Механизм агрегации коллекций работает за счет сети партнеров, которые собирают и тщательно проверяют данные, а также снабжают их дополнительной информацией. Например, данными по геолокации или связями с другими материалами, или наборами данных через места, темы, персон. Стоит отметить, что «Europeana», аккумулируя на своей платформе массу данных о культурном наследии, вынуждена приводить к единообразию исходные метаданные об объектах, полученные из первоисточников, поскольку вопрос отсутствия стандар-

тизированного описания, т.е. формата метаданных, и проблема совместимости данных сегодня стоят довольно остро.

В качестве баз данных, посвященных исключительно искусству, стоит привести «WEB Gallery Of Art» (Web gallery of art, 1996). Она интересна тем, что это одна из старейших баз данных, пополняемых по сей день. Существует эта веб-галерея с 1996 года, что заметно по ее интерфейсу. Это виртуальный музей, который является хранилищем информации по европейскому изобразительному искусству, декоративно-прикладному искусству и архитектуре. Изначально она создавалась как коллекция произведений эпохи Ренессанса, но за последнее время значительно расширилась с целью продемонстрировать корни этого искусства и те направления, которые хронологически можно считать «потомками» Возрождения. Сейчас база охватывает период с III по XIX век, а в ее состав включено более 52 000 изображений, а также биографии художников, музыкальные произведения, экскурсии.

Такого же рода предметно сфокусированная на искусстве база данных «International Foundation For Art Research» (International Foundation for Art Research, 1998–2023) помимо каталогов произведений имеет публикацию-гид по работе с провенансом произведений, что немало важно и при коллекционировании, и при изучении, и при экспонировании предметов искусства. Международный фонд исследований в области искусства еще с 1970-х годов является одной из организаций, лидирующих в области исследований происхождения произведений – филиации, атрибуции, истории владения. Предлагаемое на сайте «Руководство по провенансу» является обобщением многолетнего опыта и может служить руководством по проведению таких исследований.

Если в случае «International Foundation For Art Research» ключевой интерес базы данных лежит в области изучения провенанса, то база данных «Art Loss Register» (The International Art and Antique Loss, 2021), занимаясь вопросами филиации и уста-

новления владельца, работает в основном с поиском потерянных и украденных произведений искусства. Реестр утраченных произведений искусства был создан в Лондоне в 1990 году по инициативе представителей арт-рынка и страховщиков. На сегодняшний день ресурс содержит крупнейшую в мире частную базу данных потерянных и украденных произведений искусства, антиквариата и предметов коллекционирования. В ней указано более 700 000 предметов. Эта база преследует несколько задач: проверка произведений искусства с целью предотвратить оборот краденых произведений, регистрация украденных предметов (внеся ценный предмет в базу, можно сообщить о его краже или потере), а также база данных позволяет идентифицировать произведения и их законных владельцев.

В отечественном поле изучения провенанса произведений интерес представляет проект Министерства культуры России «Культурные ценности – жертвы войны» (Internet project Cultural values – victims of war, 2006–2023). Это не только каталог памятников культуры и искусства, на судьбе которых мощно сказалась Вторая мировая война, но и масса сопутствующей информации о культурных ценностях. Правда, в данном случае провенанс также ограничен рамками эпохи Второй мировой войны – тем, кто был владельцем до, во время нее и после. Ресурс сообщает, что в годы Великой Отечественной в России пострадало более 160 музеев, 4 000 библиотек, а также архивы 19 областей. Источником данных этого ресурса стали документально зафиксированные факты российских военных утрат, проиллюстрированные списком пострадавших музеев, по предметным перечням разграбленных и уничтоженных произведений искусства, книг, рукописей, архивных фондов и их восстановленным изображениям, и специальные исследования по данным вопросам, а также данные по возвращенным в Россию и перемещенным (т.е. отданным России в качестве компенсации ущерба) культурным ценностям.

Одними из основных искусствоведческих баз данных, безусловно, являются

цифровые коллекции крупнейших музеев и галерей мира, которые активно пополняются в настоящее время. С развитием цифровых технологий музеи активно обратились к ним, и сейчас огромное количество музеев размещают свои каталоги в Сети. На сайте всемирно известного музея Лувра (Louvre museum, 2023) размещена его цифровая коллекция. Эта база данных содержит информацию о более чем 490 000 произведениях в музее Лувра и Национальном музее Эжена Делакруа. Собрание систематизировано в 8 коллекций по видам искусства и типам предметов. Также в базе доступны 8 тематических альбомов с изображениями, два из которых – приобретения музеев (за 2021 и 2022 годы). Создатели ресурса сообщают, что он является результатом непрерывных исследований групп экспертов двух музеев и пополняется ежедневно. База данных богатейшего музея Европы Прадо (Prado museum, 2023), находящегося в Мадриде, представляет собой интереснейший и проработанный ресурс. На его главной странице представлена тематическая систематизация произведений коллекции, они объединены в 8 тем. Выбрав тему, можно просмотреть все включенные в нее произведения, как, например, все произведения на сюжеты из Ветхого завета, или все, что входит в тему «Королевский портрет». Поиск в цифровой галерее Прадо ведется на основании запроса в виде данных о произведении как музейном предмете, среди которых: автор, тема, эпоха, школа, материалы, техника, вид искусства, каталожный номер предмета, местонахождение (музей, в коллекции которого находится произведение), статус «экспонируется в музее», а также бумажные водяные знаки. Еще одна возможность уточнения поиска в этой базе данных – это поиск по иконографии, в котором можно в качестве запроса задать имеющиеся в изображении элементы. Поиск дает возможность выбирать по пяти категориям элементов: объект, животное, растение, географическое расположение сцены, то есть происходящих на картине событий, и персонажи. Так, известная картина Диего Веласкеса

«Сдача Бреды» находится там во вкладке «Нидерланды». А также сайт музея Прадо дает возможность просмотреть содержимое коллекции в визуализированной ленте времени, где каждое произведение нашло свое место в истории, отмеченное временем его создания. Одна из старейших коллекций европейского искусства – собрание галереи Уффици (Uffizi gallery, 2023) также располагает своей базой данных, размещенной в открытом доступе на сайте музея. Новые цифровые архивы Уффици заменили предыдущие созданные галереей платформы, при этом большое внимание сегодня уделяется интеграции между всеми ранее существовавшими базами данных. Сейчас на сайте галереи доступны следующие базы данных: фотоархив и описи, каталог произведений искусства и база данных чертежей и набросков Eurloos. В перечисленных базах данных помещены коллекции почти десяти музейных собраний. Далеко не все базы данных располагают возможностью скачивания изображений, в этой связи стоит отметить цифровую коллекцию Лондонской национальной галереи (The national gallery, 2006–2023), правда, произведений в ней содержится не так много – 2,5 тысячи.

Российские музеи также располагают своими цифровыми коллекциями, особенно богатые базы данных представлены известными на весь мир Государственным Эрмитажем, Государственным Русским музеем, Государственной Третьяковской галереей, Государственным музеем изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Все они размещают свои электронные галереи на официальных сайтах в открытом доступе. На официальном сайте Государственного Эрмитажа такая галерея размещена под названием «Цифровая коллекция». Поиск по цифровой галерее Эрмитажа предлагает различные возможности для пользователя. Можно выбрать определенную категорию предметов из музейной коллекции, в целом этих категорий 27 – от живописи до технических устройств. Далее можно либо вести поиск исключительно в ней, либо пролистывать все результаты по введенному в строку поиска словесному запросу. Чтобы

конкретизировать результаты, поиск в цифровой коллекции Эрмитажа позволяет ввести множество уточняющих данных. Среди этих уточнений такие: название, техника, автор, материал, дата и место создания, эпоха и производство или мастерская, школа, а также инвентарный номер, присвоенный предмету в музее. А в базе данных Государственного Эрмитажа под названием «Коллекции онлайн» (Hermitage museum, 1998–2023), которая на официальном сайте музея обозначена как цифровая галерея для специалистов, коллекция систематизирована по двум принципам – по отделам и категориям. В коллекции размещены подборки единиц хранения 13 отделов: Археология Восточной Европы и Сибири; Древняя Греция и Рим; Западноевропейская живопись и скульптура; Западноевропейское прикладное искусство; Западноевропейский рисунок; Оружие; Русское изобразительное искусство; Русские монеты; Музей Императорского фарфорового завода; Русское прикладное искусство; Средняя Азия, Кавказ и Крым; Северное Причерноморье; Современное искусство. Также собрание на сайте систематизировано по 9 категориям, среди которых виды искусства и специфика предметов коллекции: Графика; Живопись; Скульптура; Оружие; Предметы археологии; Предметы истории; Предметы нумизматики; Предметы прикладного искусства, быта и этнографии; Редкие книги. В базе данных имеется и возможность расширенного поиска в каждом разделе и в целом по базе, поисковая строка отвечает на 4 категории запросов – автор, страна, дата и материал. Например, по запросу «Рубенс» поиск выдает 768 экспонатов, по запросу «холст» – 8491 предмет коллекции, среди которых не только живопись, но и другие предметы. По запросу «1861» поиск приводит к подборке из 1882 экспонатов, 78074 экспоната демонстрирует база в ответ на запрос «Россия». А также в базе представлено 4 отдельных альбома: «Натюрморт» (28 экспонатов), «Портрет» (30 экспонатов), «Сервиз с зеленой лягушкой» (12 экспонатов), «Французское художественное стекло эпохи модерн» (11 экспонатов). Титульная

страница базы данных сообщает о том, что в ней представлены 56 коллекций и 19 выставок, размещены 868484 экспоната, произведения 22073 авторов, предметы, связанные с 1727 организациями.

Имеются свои цифровые галереи и у музеев современного искусства. Платформы, посвященные актуальной художественной практике, – одни из интереснейших баз данных на сегодня. Они активно пополняются, а некоторые систематизации возникают впервые, поскольку современное искусство богато на эксперименты. В его цифровой галерее одного из старейших музеев современного искусства – Музея Гуггенхайма (The Guggenheim Museums and Foundation, 2023) – представлено свыше 1700 работ. Это база данных избранных произведений искусства из постоянной коллекции Гуггенхайма, насчитывающей около 8000 произведений искусства. Онлайн-коллекция, согласно описанию ресурса, постоянно расширяется, чтобы дать полное представление об основных фондах музея и включить недавние приобретения. Поисковый запрос и просмотр коллекции возможен по ряду категорий: художник, время создания, вид искусства и техника, направление в искусстве, а также место хранения и экспонирования. Возможен поиск и по нескольким основным группам приобретений, которые вошли в фонд с момента его создания в 1937 году – вкладка «Special collections».

Кроме цифровых коллекций музейных собраний обращают на себя внимание базы данных, специализирующиеся на каком-либо конкретном сегменте в искусстве. Естественной является в этом случае фокусировка базы данных на определенном виде искусства. Так, в отношении архитектуры представляет интерес, открытый для доступа и скачивания данных российский проект «Коллекция архитектурных планов» (Collection of architectural plans, 2023), созданный для того, чтобы собрать в единой базе максимум чертежей, значимых в истории памятников архитектуры. На сегодняшний день коллекция содержит графические данные по 1963 объектам, систе-

матизированным по временным периодам (Египет, Античность, Средние века, включая Ренессанс, Новое время и Наше время), по широкому географическому указателю, по мастерам архитектуры, по типологии объектов. Например, рубрика «Особые объекты», включает генпланы, чертежи садов и парков, площадей и комплексов, идеальных городов и так далее.

Также подобного рода узко сфокусированные базы данных зачастую работают с неординарным содержанием, актуальным искусством. Как, например, международная база данных «Архив публич-арта» (РАА) (Public Art Archive, 2023). Она создана относительно недавно, в 2010 году, и посвящена довольно молодому направлению в искусстве. Это бесплатная, постоянно растущая и мобильная база данных завершённых произведений публич-арта. Она объединяет записи общественных художественных организаций и художников. Архив создается под этим главным лозунгом проекта – «Сделай публичное искусство более публичным». Для расширения аудитории публич-арта и знакомства с произведениями большого круга людей он пополняется силами энтузиастов из числа художников и из художественных организаций, которые безвозмездно предоставляют информационные тексты, описывающие произведения, их изображения и дополнительные мультимедийные файлы. Поиск в этой базе данных может вестись по нескольким параметрам: по автору, по коллекции, по времени создания, по месту создания, по данным техник и материалов, по размещению и по типу работы. В дополнение к поиску на сайте архив может использоваться для картирования и руководства по созданию экскурсий-туров по произведениям публич-арта. Для этого есть специализированное веб-приложение Locate Public Art, а также размещаются интерактивные карты местонахождения произведений публич-арта (Public Art Archive. «Have You Seen My Public Art?», 2023). Карта позволяет получить информацию о каждом изображенном произведении при наведении курсора на объект. Окно с данными о произведении содержит название и год соз-

дания, автора, местонахождение объекта, а также активную ссылку на страницу с детальной информацией. Таким же узко сфокусированным, но обширным по охвату информации, можно назвать самый молодой проект среди рассмотренных информационных ресурсов – Открытую базу данных междисциплинарного искусства в России (МИР) (Open interdisciplinary art database in Russia, 2021). Интерес к этому направлению и к созданной базе данных растет синхронно росту популярности прорывных направлений технологического и сайн-арта, то есть научного искусства. «Междисциплинарное искусство» – это объединение художественно-технологических экспериментов и науки. В этом, по мнению создателей проекта, видна преемственность современных экспериментов советским технологически новационным опытом в искусстве. Проявление этой преемственности, изучение уникальной истории российского междисциплинарного искусства и предоставление удобного доступа к этой информации – вот центральные задачи базы данных. Данный проект начал работу в 2020 году при поддержке Фонда Президентских грантов. База включает возможность поиска единицы базы данных, которой здесь выступает событие. В формате расширенного поиска предоставляется возможность выбрать категорию и формат события, населенный пункт, организацию и место проведения, а также уточнить сегмент дат, участников и задать ключевые слова. История междисциплинарного искусства в базе данных представлена через события, на которых художественные проекты, исследования и эксперименты были представлены аудитории. На главной странице платформы размещен таймлайн (Open interdisciplinary art database in Russia, 2021), отсчитывающий историю этого искусства от 1920-х годов. Лента времени позволяет увидеть, что, например, со времени изобретения эмиртона, одного из первых электромузыкальных инструментов в СССР, разработанного внуком знаменитого русского композитора Андреем Владимировичем Римским-Корсаковым, до появления

первого макета синтезатора прошло более 20 лет. По сути, эта база данных охватывает столетие подобных экспериментов. Первым событием в ней отмечена состоявшаяся 10 апреля 1921 года лекция-концерт «Новые пути музыкального творчества» Л.С. Термена, изобретателя терменвокса – первого в мире реально действующего электромузыкального инструмента для концертного применения.

Заключение

В результате обзора репрезентативных баз данных и интерактивных платформ искусствоведческого контента можно систематизировать все это многообразие, объединив их в три типа:

1) **Обширные** базы данных с разделами, посвященными искусству. К этому типу можно отнести как библиографические базы данных, так и базы, содержащие визуальный контент. Такие широкие по типу информации и содержанию коллекции данных востребованы и исследователями, и практиками – деятелями искусства, галерейного дела и арт-рынка.

2) Базы данных, содержащие данные исключительно об искусстве, можно назвать **предметными**. Примеры таких цифровых собраний также рассмотрены, среди них, например, «Web Galery Of Art» и «International Foundation For Art Research».

3) **Специализированные** базы данных, то есть те, область данных в которых

ограничена. Здесь можно выделить как минимум три подгруппы:

а) базы данных с ограничением по принадлежности к коллекции,

б) базы данных с ограничением по специфике бытования произведений и способа работы с ними,

в) базы данных с ограничением по области, направлению, виду искусства.

К первому подтипу можно отнести цифровые галереи музеев. Музейные собрания, размещенные в цифровом формате, по праву можно считать специализированными базами данных уже потому, что область данных в них ограничена собственно хронологическими, тематическими, количественными, технологическими рамками коллекции. Тем не менее они достаточно обширны, ведь собрания классических музеев аккумулируют в себе предметы, относящиеся к разнообразным типам, видам искусства, эпохам, традициям и школам, направлениям в искусстве и стилям и т.д. Второй подтип – это базы данных, связанные со спецификой бытования произведений или работы с ними, например, базы данных особо охраняемых объектов или утраченных произведений искусства. Третий – базы данных узкой направленности, сосредоточенные на определенном периоде, виде или жанре искусства, направлении или школе и т.д. В рамки этого типа попадают такие рассмотренные базы данных, как РРА и отечественная МИР.

Список литературы / References

Assaf A. Testing for bubbles in the art markets: An empirical investigation. In: *Economic Modelling*, 2018, 68, 340–355. doi:10.1016/j.econmod.2017.08.004.

Assaf A., Kristoufek L., Demir E., & Kumar Mitra S. Market efficiency in the art markets using a combination of long memory, fractal dimension, and approximate entropy measures. In: *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*, 2021, 71, 101312. DOI:10.1016/j.intfin.2021.101312

Baca M., Helmreich A., & Gill M. Digital Art History. In: *Visual Resources*, 2019, 1–5. DOI: 10.1080/01973762.2019.1556887

Barchielli E. *On updating Galleria Borghese's online presence through the application of the International Image Interoperability Framework (IIIF)*. 2023. Available at: <http://dspace.unive.it/bitstream/handle/10579/23170/885001-1268394.pdf?sequence=2>

Bussmann J. D., Gala L., & Bartelmann A. C. MathSciNet: A comparative analysis of American Mathematical Society and EBSCO platforms. In: *Journal of Electronic Resources Librarianship*, 2019, 31(1), 1–13.

- Cetinic E., Lipic T., & Grgic S. Fine-tuning Convolutional Neural Networks for fine art classification. In: *Expert Systems with Applications*, 2018, 114, 107–118. DOI: 10.1016/j.eswa.2018.07.026
- Christiane P. *Digital Art*. Thames & Hudson, 2023. 360 p. ISBN 0500779015, 9780500779019
- Collection of architectural plans*. 2023. Available at: <http://kannelura.ru/?ysclid=lm96dll116283993705>
- David G., Huemer C., & Oosterlinck K. (2020). Art dealers' inventory strategy: the case of Goupil, Boussod & Valadon from 1860 to 1914. In: *Business History*, 2020, 1–32. DOI:10.1080/00076791.2020.1832083
- De Beukelaer C., & Tran T. Between cultural trade and cultural development: examining the first decade of UNESCO's International Fund for Cultural Diversity. In: *Cultural Trends*, 2022, 1–20.
- De Oliveira R. H. A., de Castro Gil L. C., Arakaki A. C. S., & de Castro F. F. Análise e correspondência entre as entidades dos modelos conceituais Europeana Data Model, IFLA LRM e BIBFRAME. In: *Encontros Bibli: revista eletrônica de biblioteconomia e ciência da informação*, 2023, 28, 1–22.
- EBSCO. 2023. Available at: <https://www.ebsco.com/>
- Europeana, digital cultural heritage. 2023. Available at: <https://www.europeana.eu/>
- Foka A. Computer Vision Applications for Art History: Reflections and paradigms for future research. In: *Proceedings of EVA*. London, 2021, 73–80.
- GETTY. *Visual art and cultural heritage for Los Angeles and the world*. 2023. Available at: <https://www.getty.edu/>
- Hermitage museum. 1998–2023. Available at: <https://collections.hermitage.ru/>
- Hermitage museum. 1998–2023. Available at: <https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/explore/artworks/?lng=ru>
- Holt B., Weiss K., Niblack W., Flickner M. & Petkovic D. The QBIC Project in the Department of Art and Art History at UC Davis. In: *Proceedings of the ASIST Annual Meeting*, 1997, 34, 189.
- Holt B., Weiss K., Niblack W., Flickner M. & Petkovic D. The QBIC Project in the Department of Art and Art History at UC Davis. In: *Proceedings of the ASIST Annual Meeting*, 1997, 34, 189
- Hutson J., & Olsen T. *Digital humanities and virtual reality: A review of theories and best practices for art history*, 2. 2021. Available at: <https://digitalcommons.lindenwood.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1001&context=faculty-research-papers>
- International Foundation for Art Research. 1998–2023. Available at: <https://www.ifar.org/>
- Internet project Cultural values – victims of war. 2006–2023. Available at: <http://lostart.ru/ru/>
- IRIS – Association of historical-artistic and humanistic libraries in Florence. 1996–2023. Available at: <https://www.iris-firenze.org/>
- IRIS Union Catalog. 1996–2023. Available at: <http://iris-aleph.hosted.exlibrisgroup.com/F>
- Brown K. Art markets, epistemic authority, and the institutional curation of knowledge. In: *Cultural Studies*, 2023, 37:4, 626–646, DOI: 10.1080/09502386.2022.2030777
- Kolesnik M. A., Sitnikova A. A., Andryushina Ya. D. Artificial intelligence as a tool and co-author in the work of contemporary artists: examples of artistic practices and analysis of works of visual art [Iskusstvennyi intellekt kak instrument i soavtor v tvorchestve sovremennykh khudozhnikov: primery khudozhestvennykh praktik i analiz proizvedenii vizual'nogo iskusstva]. In: *Sociology of artificial intelligence [Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta]*, 2023, 4(1), 37–51. DOI 10.31804/2712–939X-2023–4–1–37–51.
- Lang S., & Ommer B. Transforming Information Into Knowledge: How Computational Methods Reshape Art History. In: *DHQ: Digital Humanities Quarterly*, 2021, 15(3).
- Leichenko N. M. Analytical review of domestic practices in the use of neural network and innovative technologies in the field of art [Analiticheskii obzor otechestvennykh praktik primeneniya neurosetevykh i innovatsionnykh tekhnologii v sfere iskusstva]. In *Digitalization [Tsifrovizatsiya]*, 2022, 3(4). 8–19.
- Louvre museum. 2023. Available at: <https://collections.louvre.fr/en/>
- Lutsyk D. N. Analysis of video content using artificial intelligence: research of the issue [Analiz videokontenta s pomoshch'yu iskusstvennogo intellekta: issledovanie voprosa]. In: *Siberian art history journal [Sibirskii iskusstvedcheskii zhurnal]*, 2023, 2(2), 46–55.

- Machotka E., Panagiotis P. “Method in Interdisciplinary Research: Data Science for Digital Art History”. In: *International Journal for Digital Art History*, 2019, 4 (December):5.03–5.11. DOI: <https://doi.org/10.11588/dah.2019.4.72068>.
- Madhu P., Marquart T., Kosti R., Suckow D., Bell P., Maier A., & Christlein V. ICC++: *Explainable feature learning for art history using image compositions*. *Pattern Recognition*, 2023. 136. p.
- Mazzone M., & Elgammal A. Art, Creativity, and the Potential of Artificial Intelligence. In: *Arts*, 2019, 8(1), 26. DOI:10.3390/arts8010026
- Omelik A. A. Factors of influence of artificial intelligence on the creative process [Faktery vliyaniya iskusstvennogo intellekta na tvorcheskii protsess]. In: *Sociology of artificial intelligence [Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta]*, 2023a, 4(1), 52–63. DOI 10.31804/2712–939X-2023–4–1–52–63.
- Omelik A. A. Transformations of visual art under the influence of artificial intelligence [Transformatsii vizual'nogo iskusstva pod vliyaniem iskusstvennogo intellekta]. In: *Northern Archives and Expeditions [Severnye Arkhivy i Ekspeditsii]*, 2023b, 7(2), 126–132.
- Open interdisciplinary art database in Russia. 2021. Available at: <http://mir.eusp.org/>
- Pikov N.O. Representation of cultural heritage: modern approaches [Reprezentatsiya kul'turnogo naslediya: sovremennye podkhody]. In: *Northern Archives and Expeditions [Severnye Arkhivy i Ekspeditsii]*, 2022, 6(1), 174–186.
- Prado museum. 2023. Available at: <https://www.museodelprado.es/>
- Public Art Archive. 2023. Available at: <https://www.publicartarchive.org/>
- Public Art Archive. «Have You Seen My Public Art»? *Map*. 2023. Available at: <https://www.publicartarchive.org/anniversary-map/>
- Sidorova E. The Cyber Turn of the Contemporary Art Market. In: *Arts*, 2019, 8(3), 84. DOI:10.3390/arts8030084
- Sobol O. A. Traditional visual art in the era of digitalization [Traditsionnoe vizual'noe iskusstvo v epokhu tsifrovizatsii]. In: *Digitalization [Tsifrovizatsiya]*, 2022, 3(4), 20–31.
- Szabo V. Transforming Art History Research with Database Analytics: Visualizing Art Markets. *Art Documentation*. In: *Journal of the Art Libraries Society of North America*, 2012, 31(2), 158–175. DOI:10.1086/668109
- Teneketzi A. Exploring the emerging digital scene in Art History and museum practice. In: *Esboços: histórias em contextos globais*, 2020, 27(45), 187–206.
- The Guggenheim Museums and Foundation. 2023. Available at: <https://www.guggenheim.org/>
- The International Art and Antique Loss. 2021. Available at: <https://www.artloss.com/>
- The national gallery. 2006–2023. Available at: <https://www.nationalgallery.org.uk/>
- Trautman, Lawrence J. *Virtual Art and Non-fungible Tokens*. 2022. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3814087>
- Uffizi gallery. 2023. Available at: <https://catalogo.uffizi.it/it/1/home>
- Van Haaften-Schick L., Whitaker A. From the Artist's Contract to the blockchain ledger: new forms of artists' funding using equity and resale royalties. In: *J Cult Econ*, 2022, 46, 287–315 DOI: <https://doi.org/10.1007/s10824–022–09445–8>
- Van Miegroet H. J.; Alexander K. P.; Leunissen F. *Imperfect Data, Art Markets and Internet Research*. *Arts*, 2019, 8, 76. <https://doi.org/10.3390/arts8030076>
- Voroshin S. D., Novikova T. O. Review of modern views on the processes of digitalization and virtualization of artistic heritage [Obzor sovremennykh vzglyadov na protsessy tsifrovizatsii i virtualizatsii khudozhestvennogo naslediya]. In: *Siberian Anthropological Journal [Sibirskii antropologicheskii zhurnal]*, 2023, 7(1), 27–36.
- Wasielewski A. *Computational Formalism: Art History and Machine Learning*. MIT Press, 2023. 187.
- Web gallery of art*. 1996. Available at: <https://www.wga.hu/>

EDN: NTKYIC
УДК 004.55

Reflection of Metanarratives in Youth Online Communities (on the Example of VK and Telegram)

Denis V. Dunas*, Dariana A. Babyna,
Olga A. Boyko, Sergey A. Vartanov,
Darya M. Vyugina, Anna N. Gureeva,
Anna A. Gladkova, Elena A. Salikhova,
Anna V. Tolokonnikova and Geliya S. Filatkina

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

Received 03.11.2023, received in revised form 08.11.2023, accepted 13.11.2023

Abstract. “Digital youth”, or generation Z, makes up almost one third of the Russian population. Media consumption of young Russians is mainly concentrated in the digital space, more precisely, in social media. This study presents media narratives identified in communities popular among young people on the VK and Telegram platforms, reflecting the metanarratives of Russian society. Thus, the agenda of “digital youth” is dominated by media narratives aimed at fostering patriotism, historical memory, traditional family values and a healthy lifestyle. Meanwhile, there are also “unsafe medianarratives” that draw attention to the presence of problems in the country, corruption in the regions, approving the use of alcohol and smoking.

Keywords: metanarrative, medianarrative, social networks, digital youth, media consumption, Telegram, VK.

Research area: media communications and journalism.

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 22–18–00398)

Citation: Dunas D. V., Babyna D. A., Boyko O. A., Vartanov S. A., Vyugina D. M., Gureeva A. N., Gladkova A. A., Salikhova E. A., Tolokonnikova A. V., Filatkina G. S. Reflection of metanarratives in youth online communities (on the example of VK and Telegram). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2285–2297. EDN: NTKYIC

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: denisdunas@gmail.com

Отражение метанарративов в молодежных онлайн-сообществах (на примере VK и Telegram)

Д.В. Дунас, Д.А. Бабына, О.А. Бойко,
С.А. Вартанов, Д.М. Вьюгина, А.Н. Гуреева,
А.А. Гладкова, Е.А. Салихова, А.В. Толоконникова,
Г.С. Филаткина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, Москва

Аннотация. «Цифровая молодежь», или поколение Z, составляет почти треть населения России. Медиапотребление молодых россиян сосредоточено преимущественно в цифровой среде, а именно – в социальных медиа. В данном исследовании представлены медианарративы, выявленные в популярных у молодежи сообществах на платформах VK и Telegram, отражающие метанарративы российского общества. Было определено, что в повестке дня «цифровой молодежи» преобладают медианарративы, направленные на воспитание патриотизма, исторической памяти, традиционных семейных ценностей и здорового образа жизни. Между тем присутствуют и «небезопасные медианарративы», обращающие внимание на наличие в стране проблем, коррупции в регионах, одобряющие употребление алкоголя и курение.

Ключевые слова: метанарратив, медианарратив, социальные сети, цифровая молодежь, медиапотребление, Telegram, VK.

Научная специальность: 5.9.9 – медиакоммуникации и журналистика.

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 22–18–00398)

Цитирование: Дунас Д. В., Бабына Д. А., Бойко О. А., Вартанов С. А., Вьюгина Д. М., Гуреева А. Н., Гладкова А. А., Салихова Е. А., Толоконникова А. В., Филаткина Г. С. Отражение метанарративов в молодежных онлайн-сообществах (на примере VK и Telegram). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2285–2297. EDN: NTKYIC.

Введение

Поколение Z, или «цифровая молодежь», в России составляет значительную часть населения. По данным Росстата, в нашей стране проживает 39 089 719 человек в возрасте до 23 лет¹, то есть родившихся в 2000 году и позже, что объединяет практически 27 % всех россиян, подтверждая важное место «цифровой молодежи» в статистической картине страны. Это поколение, родившееся

в эпоху цифровых технологий, участвует в процессе воспроизводства молодежной медиакультуры в том виде, в каком мы ее знаем.

Изучив мотивы медиапотребления «цифровой молодежи» всего несколько лет назад (Дунас (ред.), 2021), мы обнаружили, что ключевыми потребностями представителей этого поколения являются самоактуализация и социализация в медиакоммуникационном пространстве, которое они не отделяют от социального пространства, поскольку реализа-

¹ <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284>

ция личности и формирование идентичности «человека медийного» имеет гибридную – и социальную, и медийную – природу (Вартанова, 2009, 2015; Дунас, 2022). Функциональное своеобразие социально-сетевому дискурсу, производимому молодежью, формирует особый тип повестки дня, в которой реализуются такие функции, как коммуникативная, рекреационная, развлекательная, социализирующая, организаторская, функции кооперации, управления идентичностью, самоактуализации и самопрезентации (Анненкова, Самсонова, 2023).

Нами было выявлено, что медиапотребление «цифровой молодежи» отличается от привычных другим поколениям паттернов. Дело не только в структуре медиапотребления: поколение Z гораздо активнее погружено в онлайн-среду, предпочитает социальные сети, видеохостинги, стриминговые сервисы, мессенджеры и др. Были важны другие характеристики: молодежь тонко чувствовала социальную несправедливость, ценила «новую искренность», оригинальный контент, свободу самовыражения, знала тенденции развития психологической науки и гендерных исследований. Фактически представители российской «цифровой молодежи» – особенно городской, студенческой – были частью одной глобальной культуры с присущими ей унифицированными моделями потребления, стилем жизни, культурным стилем, способами моделирования индивидуальности и сообществ, способами восприятия, поведения и когнитивными структурами сознания (Вульф, 2008: 227). Цифровая молодежь России была частью единомыренной ментальности, а проявляющиеся культурные различия имели тенденцию к многомерному и многорегиональному взаимному проникновению, приводя к уподоблению производимым странами Северной Америки и Западной Европы образцам, содержащимся в медиапродукции.

Социальные настроения молодежи в период СВО изменились. Исследователи приводят разные характеристики, описывая социальные настроения молодых людей, которые сводятся к одной наиболее чет-

кой мысли: российскую молодежь вывели из зоны комфорта (Карлова, Мясутов, 2023: 1212). С одной стороны, экономические санкции, наложенные на Россию, как это ни парадоксально, существенно повлияли на покупательскую способность и внешний туризм, но не особо трансформировали потребление информации молодежью – она быстро нашла альтернативные каналы и источники получения привычного контента. С другой стороны, современная медиакультура в условиях санкций взяла курс на деглобализацию, деамериканизацию и национализацию, что стало следствием переориентирования медиаполитики на приоритизацию национальных ценностей в правовом регулировании медиасферы (Вартанова, Дунас, 2022; Вартанова, Дунас, 2023). Новые геополитические вызовы обнаружили актуальность патриотического воспитания молодежи, что не могло не стать частью содержания медиаресурсов, направленных на молодежь.

Актуальными вопросами современных медиаисследований продолжают оставаться параметры молодежной медиакультуры в условиях изменений – соотношение ее глобальной и национальной сущностей, качественные характеристики представителей российской молодежи как носителей «западных» и патриотических ценностей, а также попытка определить социальные настроения молодежи и пригодность существующего российского медиaprостранства как среды самоактуализации и социализации молодой личности. И наконец, сегодня как никогда актуальны вопросы определения ценностей, смыслов и идей, отраженных в медиаконтенте, который молодежь потребляет на ежедневной основе.

Теоретико-методологическая основа данного исследования

Социальная реальность в медиакommunikационном пространстве находит отражение не в качестве онтологической реальности, а в виде картины мира, которая репрезентируется семиотическим способом в умах аудитории – медиапотребителей. Медиакommunikационная реаль-

ность опирается одновременно на лингвистическую и аудиовизуальную системы описания мира, используя конкретные семиотические (языковые и внеязыковые) средства в заданной символической системе: в случае нашего исследования – контент на платформах социальных медиа, поскольку именно он является приоритетным в структуре медиапотребления российской молодежи. Производимая медиатехнологиями модель мира реализует картину мира в социокультурной традиции общества и более частно – среди сообщества, представляя результат взаимопроникновения практики в контекст – то есть взаимодействия человека и среды.

Эмпирико-функционализм предполагает, что медиакommunikационные процессы детерминированы социальным контекстом, обусловлены особенностями существующих сфер жизни общества: политической, социальной, экономической, культурной, а также индивидуальными практиками человеческого бытования. В данном исследовании мы придерживаемся медицентричного подхода в эмпирико-функционализме. Не отрицая первостепенность социального мира, мы полагаем, что некоторые процессы социальной реальности могут быть порождены медийной средой.

Кроме того, мы следуем политэкономической парадигме медиаисследований, согласно которой, в медиатекстах находят отражение не только социокультурные ценности или идеологические постулаты, но и частные интересы конкретных элитарных групп, представляющих политическую или экономическую власть в обществе.

Медиакоммуникации формируют систему знаний, которая содержится в дискурсе и имеет языковое (текстовое) выражение. Смыслы, идеи, взгляды, ценности, которые транслируют медиа, являются, с одной стороны, результатом категоризации социальной реальности; с другой стороны, репрезентируемая в медиа реальность может содержать новое социальное знание и влиять на формирование новых моделей социального мира, изменяя социальное поведение людей.

Одним из ключевых понятий в междисциплинарном поле знаний, посвященном изучению дискурса, представленном научной традицией филологии, лингвистики и медиаисследованиями, является представление об «упаковке» знаний в языке, а также когнитивном процессе усвоения знаний человеком (Минский, 1979).

Для этого используется понятие «фрейм», под которым понимается структура знаний, характерная доминирующей культуре; схемы, содержащие интерпретации действительности, организующие коллективный опыт; смысловые рамки, отсылающие к социальным нормам (Минский, 1979; Гофман, 2004).

В отечественной традиции распространение получили объяснения, рассматривающие фрейминг как медиакommunikационный прием манипуляции, предполагающий, что медиа отбирают или подсвечивают определенные нюансы тем, событий, фактов с тем, чтобы сформировать определенное мнение у аудитории (Entman, 2004: 23–24, Асланов, 2020).

В рамках данного исследования мы ограничиваемся метанарративами, выявленными в повестке дня цифровых молодежных сообществ, поскольку фрейм как смысловая рамка, воспринимаемая аудиторией, требует дополнительной верификации аудиторными исследованиями. Метанарратив же представляет собой всеобъемлющую рамку, находящуюся над конкретным повествованием, сконструированную в определенном социокультурном контексте и состоящую из комплекса нарративов, формирующего в том числе базовые установки, понимание человеком «правильного» и «неправильного» (Лиотар, 1998, Троцук, 2023). При этом метанарративы неразрывно связаны с социокультурным контекстом той эпохи, к которой относятся их возникновение (Бурдье, 1986).

Для целей данного исследования предложена авторская операционализация следующих понятий. Под метанарративом мы понимаем стереотипизированный и абстрагированный культурный код, соотносимый с доминирующей системой ценностей и го-

сударственной идеологией, системой ценностей общества, нормами морали и другими весомыми для конкретных культур детерминантами макроконтента. Интегрируя в себя ценности и культурные коды, они имеют весьма устойчивую структуру, фундаментальную основу и являются незыблемыми на протяжении продолжительного периода. Под медианарративом понимается одна из возможных интерпретаций конкретного медиасообщения, предполагающая знание метанарративов как социокультурного контекста, интересов элит, а также актуальной повестки дня.

Эмпирическое исследование

Программа исследования предполагала пошаговое выполнение следующих процедур.

Для формирования выборки была предложена двухступенчатая система отбора сообществ в качестве материалов исследования. На первом этапе мы обратились к данным Brand Analytics (2022), представляющим собой ранжированный список страниц VK на основе не только числа подписчиков, но и их вовлеченности.

Второй этап был посвящён выявлению числа представителей «цифровой молодежи» в сообществах, имевших наибольшую вовлеченность. Для этого мы с помощью механизма ранжирования подписчиков сообществ по указанному ими возрасту рассчитывали процент подписчиков в возрасте от 14 до 22 лет.

Отбор самых популярных у российской молодежи телеграм-каналов проходил в два этапа. На первом этапе был сформирован перечень наиболее востребованных публичных каналов в возрастной группе респондентов 12–22 года с опорой на данные исследовательской компании Mediascope, сервисов TGStat, Telemetr.me и Popsters.

Для исследования повестки дня в данных сообществах была выбрана неделя с 20 по 26 июня 2022 г., не отмеченная государственными праздниками и дополнительными выходными.

В общей сложности были изучены 1134 публикации следующих телеграм-каналов

и публичных страниц: «Топор 18+» – 163 поста, «НЕ МОРГЕНШТЕРН» – 164 поста, «Кровавая барыня» – 142 поста, «Леонардо Дайвинчик» – 96 постов, «Рифмы и панчи» – 283 поста и «Овсянка, сэр!» – 286 постов.

Методом исследования стал контент-анализ, который предполагал изучение содержания представленных публикаций. Контент-анализ проходил в три этапа. На первом этапе был составлен список метанарративов, к которым были отнесены ценности российского общества, перечисленные в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». К традиционным ценностям были отнесены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Этот перечень был соотнесен с данными социологических опросов, в частности о ценностях современной российской молодежи, которые составляют семейные ценности (здоровье членов семьи и безопасность семьи, материальное положение семьи); условия по месту проживания (инфраструктура в месте проживания и возможности для достижения поставленных целей, экологическая ситуация); экономическая ситуация в стране; полноценный досуг; личностное развитие; перспектива продвижения по карьерной лестнице; социальный статус; творческая самореализация; участие в общественной и политической жизни; участие в волонтерской и добровольческой деятельности, помощь другим людям (ВЦИОМ, 2022).

Наконец, метанарративы невозможно представить вне культурного кода. Мы

обратились к карте Инглхарта-Вельцеля, носящей имя американских социологов (2011). Карта предполагает дифференцировать цивилизации по четырем ценностным основаниям, объясняющим межкультурные различия: традиционные ценности vs. секулярно-рациональные ценности; ценности выживания vs. ценности самовыражения. Первая пара ценностей показывает роль государства, религии, семьи в обществе. Вторая пара ценностей показывает степень индивидуализма и самовыражения, уровень развития гражданского общества, развитость экономики, безопасности, толерантности. Карта разграничивает следующие типы цивилизаций: западно-христианскую, восточно-христианскую, латиноамериканскую, конфуцианскую, афро-мусульманскую, западно-азиатскую, южно-азиатскую и англоязычный мир. Ученые относят Россию к восточно-христианской (православной) цивилизации, что не соответствует, на наш взгляд, истине, поскольку Россия объединяет в себе черты одновременно нескольких цивилизаций, в том числе афро-мусульманской.

Перечень ценностей – как в нормативном документе, так и в социологическом опросе и научной рефлексии – позволил исследовательскому коллективу сформировать потенциальный дискурс метанарративов, а также придерживаться уже существующих в социальном пространстве формулировок.

Далее была произведена нарративизация, то есть создание повествования о каждой из 1134 публикаций, составление перечня топиков, относящихся к публикации, членами научного коллектива. Каждая публикация содержала несколько медианарративов, дополняющих друг друга или противоречащих себе. Помимо авторского текста – текста публикации – принимался во внимание и контекст, то есть знание актуальной информационной повестки дня, медиаобраз героя публикации, а также актуальные тренды цифровой среды – текстовые, графические элементы, мемы, эмодзи как свойственные онлайн-коммуникации молодежи маркеры оценки.

Наконец, была произведена кодификация обнаруженных медианарративов по метанарративам. В результате было выявлено 26 «отражений» метанарративов в исследуемых медиатекстах социальных сетей (см. табл. 1).

Результаты:

четыре группы метанарративов

Политические метанарративы. В эту группу были отнесены метанарративы, которые, опираясь на актуальную информационную повестку, обеспечивали влияние ключевых идеологических и ценностных концептов на осмысление актуальных политических процессов – как в стране, так и в мире, конституируя главные постулаты идеологии для массового сознания, что в целом характерно для политических идеологий (Поцелуев Константинов, 2012). Политические метанарративы – это наиболее яркий пример того, как идеология реализует себя через организацию концептуальных схем, выстраивая систему взаимодействий между повседневными, рутинными процессами и ценностной структурой российского государства. Наиболее распространённым оказался тезис «Россия – сильная страна, которая защищает свой суверенитет. В основе ее мощи сильный лидер, устойчивый рубль, закон, порядок и безопасность». Он был обнаружен в 21,7 % от общего числа исследуемых публикаций. Метанарратив объединил в себе одновременно несколько нарративов – цитаты Президента РФ, новости экономики, а также прямые отсылки к метанарративу – патриотизму как ключевой ценности российского общества. Кроме того, он референтен культурному коду сильного государства, что соответствует типу цивилизаций, которому присущи традиционные ценности.

Другим распространённым политическим метанарративом стал следующий: «Россия в окружении врагов. Ее враги, прежде всего, США и Запад. Китай не враг, но относиться к нему следует осторожно. Белоруссия – друг». Он был сформулирован исследовательской группой на основе нескольких медианарративов, топиков ко-

Таблица 1. Перечень выявленных «отражений» метанарративов

Россия – сильная страна, которая защищает свой суверенитет. В основе ее мощи сильный лидер, устойчивый рубль, закон, порядок и безопасность	404	21,7 %
Семья и рождение детей – большое счастье для человека	140	7,5 %
Россия в окружении врагов. Ее враги, прежде всего, США и Запад. Китай не враг, но относиться к нему следует осторожно. Белоруссия – друг	134	7,2 %
У России богатая культура, как исторически, так и сегодня	111	6,0 %
Современная популярная культура глобальна. Российская молодежь хорошо знакома с топовыми американскими блогерами и селебрити, фильмами и музыкой, а также с глобальными брендами	106	5,7 %
Безусловно, в России есть свои проблемы: например, коррупция в регионах, несовершенное законодательство, недобросовестные бизнесмены	98	5,3 %
У России богатая история, которую нужно помнить. Прежде всего, нужно хранить память о ВОВ	96	5,2 %
Маленький человек часто попадает в беду. То на нем наживается крупный бизнес, то происходит природный катаклизм. Маленький человек нуждается в защите государства и общества	92	5,0 %
Рэп и хип-хоп – самое прогрессивное сегодня музыкальное направление в России, которое представляют талантливые музыканты и блогеры	91	4,9 %
Детство – это период жизни человека, который вызывает тёплые ассоциации	81	4,4 %
Природа и животный мир восхищают своей красотой и умиляют	81	4,4 %
Всегда важно во взаимоотношениях с людьми оставаться порядочным человеком: быть уважительным, вести себя достойно, уметь дружить	71	3,8 %
Смерть человека – большое горе, но умершие живут в нашей памяти	68	3,7 %
Важно вести здоровый образ жизни, что включает в себя активные виды отдыха, спорт, правильное питание, отказ от алкоголя и наркотиков	54	2,9 %
Употребление алкоголя и курение допустимы. Особенно по праздникам	49	2,6 %
Выдающиеся спортсмены – люди, достойные восхищения	36	1,9 %
Действующая власть на Украине – это враг России, но это не относится к украинцам как народу, который для россиян остается братским	26	1,4 %
Блогеры напоминают о том, что добиться успеха, славы и денег может каждый	23	1,2 %
Бытовое насилие неприемлемо	21	1,1 %
Высказывать свое мнение публично и иметь возможность свободно говорить все, что ты думаешь, – очень важно	20	1,1 %
Традиционные патриархальные ценности устарели	17	0,9 %
Криптовалюты не принесут ничего хорошего	10	0,5 %
Образование, саморазвитие и прогресс важны как для отдельной личности, так и для всего общества	9	0,5 %
Совершенной демократии на Западе нет	8	0,4 %
Иноагенты остаются значимой частью российской культурной и общественной жизни	6	0,3 %
Старших надо уважать	6	0,3 %
	1858	

Источник: составлено авторами, 2023

торых сводились к информации о внешней политике России.

Существенную долю медианарративов, подтверждающих данный метанарратив, составили публикации об экономических санкциях зарубежных стран в отношении России, которые напрямую затронули права и интересы российского потребителя. Так, экономическая повестка освещалась через призму личных интересов граждан, что соответствует ценности «права и свободы человека», обозначенной в упомянутом выше приказе Президента РФ. Помимо прочего, вопрос экономической безопасности России был встроен в более широкий контекст цивилизационного противостояния, что находит отражение в культурном коде об особом пути России и ее противостоянии как Западу, так и Востоку. Разделение на «своих» и «чужих» является одним из характерных приемов идеологического влияния (Поцелуев, Константинов, 2012: 210), который помогает сформировать определенные взгляды, особенно принимая во внимание тот факт, что у современной молодежи нет опыта глобального цивилизационного противостояния (Карлова, Мясотов, 2023: 1211). Практически тождественный, но все же более тонко расставляющий акценты медианарратив – «Совершенной демократии на Западе нет» – обнажает проблемы стран Запада, связанные с их политическим устройством.

Другой политический тезис в результате нарративизации приобрел следующее выражение: «У России богатая история, которую нужно помнить. Прежде всего, нужно хранить память о ВОВ».

Метанарратив работает с культурной и исторической памятью как инструментом консолидации общества на основе общего исторического прошлого. Причастность к единой культурной ценности, которой является Великая Отечественная война, является одной из основ национальной идентичности и национальной общности. Соотнесим с ним метанарратив «У России богатая культура, как исторически, так и сегодня», который акцентирует внимание на культурном наследии России прошлого

и настоящего, считающегося частью всемирного наследия.

Традиционные ценности. Эта группа метанарративов сосредотачивала внимание на описании значения семьи и деторождения в жизни человека. В качестве примеров использовались селебрити и блогеры как представители российской, так и глобальной популярной культуры.

Другим распространенным метанарративом стал «Старших надо уважать», реализуемый на примере как отечественных, так и зарубежных героев. Уважение к старшим является важной нормой морали и этики во многих культурах по всему миру, но в большей степени характерно для культуры Востока, что вновь актуализирует вопрос цивилизационного пути России.

Важными метанарративами в группе «Традиционные ценности» стали «Маленький человек часто попадает в беду. То на нем наживается крупный бизнес, то происходит природный катаклизм. Маленький человек нуждается в защите государства и общества», «Детство – это период жизни человека, который вызывает тёплые ассоциации», «Всегда важно во взаимоотношениях с людьми оставаться порядочным человеком: быть уважительным, вести себя достойно, уметь дружить».

Первый метанарратив описывает определённую социальную категорию – «маленького человека», что отсылает к известному в отечественной литературе культурному коду – жизнеописанию обычного гражданина, обывателя, человека, который нередко становится жертвой обстоятельств. Второй метанарратив повествует о человеке в контексте определённого возрастного периода – детства. Подобно метанарративу о ВОВ, он задействует память, но не столько историческую, сколько личную, реализуя эффект ностальгии по прошлому – периоду детства, формируя глубокое патриотическое чувство, каким и является ностальгия. Третий метанарратив акцентирует внимание на нравственных качествах человека, описывая его как «порядочного», направляя внимание на традиционные для многих культур нормы морали и этики.

Во всех исследуемых метанарративах группы человек помещается в континуум жизненного пути, на котором ему предстоит столкнуться и с невзгодами, и с достойными нравственными идеалами, и с личным и публичным полем, то есть нарративизации подвергаются разные аспекты жизни и поведения людей традиционных обществ.

Стиль жизни молодежи. В этой группе нашли отражение актуальные состояния российской молодежи на фоне переживания пандемии нового коронавируса, социальной неопределённости, а также ключевых военных, экономических и социальных событий последних лет. В условиях снижения предсказуемости, уверенности в завтрашнем дне, реализуемости долгосрочных жизненных планов в российской молодежной культуре отмечена тенденция к смене аксиологических знаков (Лисовский, 1998: 99; Карлова, Мясоутов, 2023: 1209). Уже сформированная «культура желаемого настоящего» (Карлова, Мясоутов, 2022), базирующаяся на культе потребления западного типа, в силу ее нежизнеспособности привела к нереализованности стремлений молодых людей, что находит отражение в социальных настроениях молодежи.

Следует отметить, что упомянутые метанарративы создают весьма обширную «зону комфорта» для современной молодежи, в которой находят место различные практики социальной жизни молодежи – от ведения здорового образа жизни и занятий спортом до умиления животными и заботой о саморазвитии. Эти практики позволяют молодежи дистанцироваться от экзистенциальных переживаний, принять новый образ политической реальности, основываясь на образах виртуальной среды (Карлова, Мясоутов, 2023: 1220).

Надо понимать, что метанарративы о стиле жизни отнесены к этой группе весьма условно. Так или иначе, многие метанарративы, вне зависимости от группы, направлены на вовлечение молодежи в практики нового российского патриотизма и принятия новой геополитической роли России на международной арене.

В то же время эти метанарративы объединяют нарративы, выражающие ценности и убеждения, которые считаются важными и положительными в обществе: свобода высказывания, здоровый образ жизни, сознательное отношение к окружающей среде, ценность образования и саморазвития. Политическая культура выстраивается на основе положительных, а не отрицательных образцов, что обеспечивает ей безусловное принятие и устойчивость в долгосрочной перспективе.

«Небезопасные» метанарративы. В эту группу были включены те метанарративы, которые противоречат культурному коду, другим метанарративам или даже целым группам метанарративов.

На наш взгляд, эти метанарративы потенциально могут спровоцировать риски двоемыслия, то есть такой вид речевой деятельности, в которой одновременно сосуществуют противоположные точки зрения. Например, метанарратив о несовершенстве власти в регионах России может вступить в потенциальное противоречие с представлением о сильном лидере и его централизованной власти, сформировать суждение об отсутствии цельности и системности политической системы.

Метанарратив о допустимости алкоголя, хотя, конечно, и можно подтвердить соответствующим культурным кодом, особенно распространённым в народной культуре, реализующей стереотип о героизации русского пьянства, но все же противоречит концепции здорового образа жизни.

Излишнее внимание к иноагентам, осуждение их творческой деятельности в положительном ключе, включение их в повседневную информационную повестку дня нивелирует сам статус иноагента как публично порицаемого за иностранное влияние лица. То же относится к популяризации хип-хоп-культуры, которая является продуктом глобализации американского шоу-бизнеса.

Тезис о бесполезности мужчин стал одним из наиболее распространенных в феминистском дискурсе (Case, Lippard, 2009) и напрямую связан с преодолением систематического господства мужчин над

женщинами в различных сферах жизни – от семейной до рабочей. При этом патриархат имеет весьма разнообразные формы и не сводится исключительно к подавлению женщин, поскольку современные социологические теории обнаружили общие основания для выстраивания идентичности или опыта женщин всего мира, чтобы построить некую универсальную теорию социального положения женщины.

Не связан ли с этим риск становления культуры двоемыслия? Предложенный Дж. Оруэллом термин «двоемыслие» стал использоваться не только в публицистическом, но и в академическом дискурсе. Его положительной ролью является формирование нормы, в которой находят отражения диалектические вопросы жизни. Ю. Левада связывал двоемыслие с особенностями функционирования социальных норм в социокультурных контекстах переходного типа, с преобладанием запретов над разрешениями и, как следствие, стремлением их обойти, вырабатывая новые комфортные поведенческие ниши, а также с отсутствием жёстких и конвенционально разделяемых представлений о социально одобряемом и социально порицаемом поведении (Левада, 2000).

Однако признаки двоемыслия возможно обнаружить не только при описании российского общества, но и первобытного (Маслова, Усова, 2014; Lévi-Strauss, 1966). К. Леви-Стросс при изучении мифологического сознания обратил внимание на тип мышления, основанный на бинарных оппозициях. Такой тип мышления обеспечивает постижение мира через преодоление его противоречий и способствует его принятию. Диалектика Гегеля предполагала, что только на основе объединения тезиса и антитезиса, которое философ называл синтезом, возможно порождение нового знания. Подходы медиаисследователей также поощряют полярные точки зрения, способствующие плюрализму мнений и формированию привычки к обсуждению, налаживанию диалога и выстраиванию консенсуса (Curran, 2002).

Становление не только содержательной, но и системной двойственности пред-

ставляет собой своеобразную тенденцию развития отечественных медиа на современном этапе. Медиасистема пронизана противоречиями: институционализованные и неинституционализованные медиа, старые и новые, государственные и коммерческие, массовые и фрагментированные и т.д. – все они находят место в сложной структуре. Симбиоз разных по своему статусу, но имеющих общую природу субъектов медиасреды оказывается вполне свойственным современному состоянию российской медиасистемы, однако в случае содержательных противоречий вызывает небезосновательную обеспокоенность.

Выводы

Формируемая в пространстве цифровых медиа проанализированная нами молодежная медиакультура является прочной, глубоко идеологизированной средой. В ней находят отражение практически все закодированные в официальных нормативных документах, культурных кодах и общественном мнении идеи, взгляды, ценности, господствующие в обществе. Важно подчеркнуть, что мы понимаем идеологию не в духе теории гегемонии А. Грамши, который рассматривал ее исключительно в качестве инструмента манипулирования массами. Мы понимаем идеологию в духе современной нормативной социологической традиции: идеология как наиболее распространенные в обществе идеи, которые, безусловно, соответствуют интересам правящих групп и элит, но в первую очередь представляют собой взгляды здравого смысла (Гидденс, Саттон, 2019: 222). Продолжая в большей степени традицию М. Фуко, а не К. Маркса, мы полагаем, что идеология в некотором смысле синонимична социальному дискурсу и дискурсивным практикам, а не культурному воспроизводству взглядов господствующего класса.

Нарративизация идеологии в текстах, размещаемых на исследуемых платформах, стала одним из наиболее очевидных и нетрудно верифицируемых открытий проведенного исследования. Метанарративы, закодированные в широком массиве соци-

окультурного контекста, экстраполированы в пространство нарративов медиатекста, которые, в свою очередь, формируют дискурс, воспроизводящий базовую социальную культуру общества.

Медиакультура в нашем современном обществе обладает глобальным характером: она достигает всех уголков земного шара при помощи современных технологий. Однако, несмотря на развитие процесса глобализации, отчетливо прослеживается доминирование традиционных ценностей и национальных приоритетов в медиаполе каждой отдельной страны.

Рассуждая о соотношении глобального и национального, сложно упрекнуть медиакультуру в попытке ассимиляции или полной гомогенизации, скорее на поверхности обнаруживается тонкая, но устойчивая грань, отделяющая глобальную форму и традиционное содержание, формирующая баланс между национальным и универсальным. Тем не менее приходится отметить, что выбор часто делается в пользу национального содержания, а не глобальной упаковки, таким образом оказывается влияние на форму медиатекста и формы медиакommunikации, но не на его суть.

Важный элемент изученной медиакультуры – политическая экономия. Несмотря на общепринятое мнение о сетевой структуре медиакультуры, исследуемые нами сообщества подчиняются принципам организации сверху, а в медиатекстах считаются интересы и логика законодателей. В медиакommunikации присутствует явное доминирование редакционной структуры публикаций и модерации комментарийного дискурса. Фактически нами было

выявлено, что исследуемые сообщества выполняют стратегическую функцию – патристическое воспитание молодежи.

Еще одним свойством изученной медиакультуры является комплексное единство медиакommunikационного текста. Дискурс в таких текстах формируется не только традиционными нормами языка, но и с помощью эмодзи и комментариев, равноценно участвующих в формировании коммуникативного смысла текста, что соответствует семиотико-коммуникативным параметрам социально-сетевому дискурсу онлайн-сообществ (Анненкова, Самсонова, 2023).

Однако все эти особенности медиакультуры несут в себе потенциальные угрозы. Бинарные оппозиции метанарративов, например, могут создавать условия для созревания культуры двоемыслия, где одно утверждение может иметь несколько интерпретаций. Метанарративы к тому же могут быть противоречивы, но в целом их соотношение все же свидетельствует о сохранении баланса и устойчивости как внутри определенных сообществ, так и в масштабах всего общества.

В заключение отметим, что медиапотребление «цифровой молодежи» контекстуально – оно складывается из использования, интерпретации и производства содержания, исходя из актуальной повестки дня. Таким образом, медиапотребление становится тесно связано с исполнением социальной роли, одобряемой сообществом и обществом, что оказывается центральным механизмом формирования социокультурной динамики общества, в которую весьма успешно, эффективно и деликатно интегрируется молодежь.

Список литературы / References

Annenkova I. V. & Samsonova E. A. Funkcii social'no-setevogo diskursa i social'no-setevaya kartina mira (na primere molodezhnogo segmenta novyh media) [Functions of social-network discourse and social-network picture of the world (on the example of the youth segment of new media)]. In: *Medi@l'manah*, 2023, 2 (115): 18–26.

Aslanov I. A. Metaforicheskiy frejming v mediatekstah i kommunikacii o depressii: rezul'taty kontent-analiza i eksperimenta [Metaphorical framing in media texts and communication about depression: results of a content analysis and an experiment]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism], 2020, 6, 3–22.

Bourdieu P. *Biographical Illusion [L'illusion biographique]*. In: *Actes de la recherche en science sociales*, 1986, 69–72.

Brand Analytics. 2022. Available at: <https://br-analytics.ru/mediatrends/authors/vk/202206/ER/public> (accessed: 28 sept. 2023)

Case C. E., & Lippard C. D. Humorous assaults on patriarchal ideology. In: *Sociological Inquiry*, 2009, 79(2), 240–255.

Curran J. *Media and Power*. London: Routledge, 2002.

Dunas D. V. Media i socializaciya: pervichnaya, vtorichnaya ili samosocializaciya? Opyt izucheniya mediapotrebleniya cifrovoj molodezhi Rossii [Media and Socialization: primary, secondary or self-socialization? Experience of studying the media consumption of Russia's digital youth]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Bulletin of Tomsk State University. Philology]*, 2022, 78, 200–224.

Dunas D. V. (Ed.) *Mediapotreblenie «cifrovoj molodezhi» v Rossii: monogr. / pod red. D. V. Dunasa. [Media Consumption of the 'Digital Youth' in Russia]*. Moscow, Faculty of Journalism, MSU, 2021.

Entman R. *Projection of Power: Framing News, Public Opinion, and U. S. Public Policy*, 2004.

Giddens E., Satton F. *Osnovnye ponyatiya sociologii [Basic concepts of sociology]*, Moscow: Izd-vo NIU VSHE [HSE Pub.], 2019.

Gofman I. *Analiz frejmov: esse ob organizacii povsednevnogo opyta [Frame Analysis: Essay of Everyday Experience Organization]*, Moscow: Institut sociologii RAN [Sociological Institute of Russian Academy of Sciences], 2004.

Inglehart R., Welzel K. *Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya [Modernization, cultural changes and democracy]*, Moscow: Novoe izdatel'stvo [New Publishing House], 2011.

Karlova O. A. & Myasoutov O. V. Sovremennaya molodezhnaya kul'tura v diskurse filosofstvovaniya Fedora Dostoevskogo [Modern Youth Culture in the Discourse of Fyodor Dostoevsky's Philosophizing]. In: *ZHurnal SFU. Gumanitarnye nauki [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities]*, 2022, 15(2), 254–264.

Karlova O. A. & Myasoutov O. V. Rossijskaya molodezh' vne zony komforta: perezhivanie neopredelennosti i politicheskie fantomy [Russian Youth Out of the Comfort Zone: Experiencing Uncertainty and Political Phantoms]. In: *ZHurnal SFU. Gumanitarnye nauki [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities]*, 2023, 7, 1208–1221.

Levada Yu. CHelovek lukavyj: dvoemyslie po-rossijski [The Evil Man: doublethink in the Russian way]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change]*, 2000, 1, 19–28.

Lévi-Strauss C. *From Milk to Dust [Du miel au cendres]*. Paris: Plon, 1966.

Lisovskij V. T. Dinamika social'nyh izmenenij (opyt sravnitel'nyh sociologicheskikh issledovanij rossijskoj molodezhi) [Dynamics of social change (experience of comparative sociological studies of Russian youth)]. In: *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Research]*, 1998, 5, 99–105.

Lyotard J. F. *Sostoyanie postmoderna [The State of Postmodernity]*, Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii [Institute of Experimental Sociology Pub.], 1998.

Maslova S. V., & Usova A. V. Binarnye oppozicii v sovremennom massovom soznanii [Binary Oppositions in Modern Mass Consciousness]. In: *Vestnik nauki Sibiri [Bulletin of Siberian Science]*, 2014, 4(14).

Minsky M. *Frejmy dlya predstavleniya znanij [Frames for Knowledge Representation]*, Moscow: Energiya [Energy], 1979.

Pocelue, S. P., & Konstantino, M. S. Moral'nye frejmy politicheskikh ideologij: bazovye ponyatiya i metodologiya issledovaniya [Moral Frames of Political Ideologies: Basic Concepts and Research Methodology]. In: *Politicheskaya konceptologiya [Political Conceptology]*, 2012, 3, 206–211.

Trocu, I. V. Metanarrativ [Metanarrative]. In: *Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya [The Big Russian Encyclopedia]*, 2023. Available at: <https://bigenc.ru/c/metanarrativ-f6bcb3>

Vartanova E. L. & Dunas D. V. Rossiya. Sredstva massovoj informacii. Mediapolitika [Russia. Mass Media. Media Policy]. In: *Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya [The Big Russian Encyclopedia]*, 2023. Available at: <https://bigenc.ru/c/rossiia-sredstva-massovoi-informatsii-mediapolitika-fe2351>

Vartanova E.L. & Dunas, D.V. Rossijskaya mediasistema v nachale 2020 gg.: vyzovy epohi neo-predelelnosti [The Russian Media System in the Early 2020s: Challenges of an Era of Uncertainty]. In: *Medi@l'manah*, 2022, 6 (113), 8–19.

Vartanova, E.L. O neobhodimosti razvitiya innovacionnyh podhodov v issledovaniyah massovyh kommunikacij [On the need to develop innovative approaches in mass communication research]. In: *Medi@l'manakh*, 2009, 1, 6–9.

Vartanova E.L. CHelovek medijnyj kak rezul'tat social'nogo razvitiya? [The media man as a result of social development?]. In: *Medi@l'manah*, 2015, 5 (70): 8–11.

WCIOM. 2022. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (accessed: 28 sept.2023)

Wulf K. *Antropologiya: istoriya, kul'tura, filosofiya* [Anthropology: History, Culture, Philosophy], Saint-Petersburg, University of Saint-Petersburg Pub., 2008.

EDN: CAXMIZ
УДК 94(571.51).084

Housing Conditions of Divnogorsk Residents in the Late 80s of the XX Century

Ruslan V. Pavliukevich, Aleksandra V. Sabenina^{*}
and Mikhail D. Sever'ianov

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 10.07.2023, received in revised form 12.10.2023, accepted 25.11.2023

Abstract. Based on the materials of the 1989 census from the funds of the State Archive of the Krasnoyarsk Territory, the quality of housing in the city of Divnogorsk is analyzed in comparison with the conditions of the capital of the Krasnoyarsk Territory (Krasnoyarsk). As evaluation criteria, the following were identified: the size of the living space per inhabitant, the type of residential premises, such as an individual house, part of an individual house, a separate apartment, a communal apartment and a dormitory. The level of home improvement is considered, as well as the material of the external walls of residential buildings and the year of their construction. As a result, it should be noted that most of the population of Divnogorsk was provided with decent living conditions. At the same time, the level of improvement of Divnogorsk is higher than in Krasnoyarsk. This is explained by the specifics of Divnogorsk – a young small town.

Keywords: population, Divnogorsk, housing quality, housing issue, landscaping, small young city.

Research area: history

The study was carried out with the support of the Krasnoyarsk Regional Foundation for the Support of Scientific and Scientific-Technical Activities within the framework of the project “History of the municipality of Divnogorsk” No. 2023031609644

Citation: Pavliukevich R. V., Sabenina A. V., Sever'ianov M. D. Housing conditions of Divnogorsk residents in the late 80s of the XX century. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2298–2306. EDN: CAXMIZ

Жилищные условия населения Дивногорска в конце 80-х гг. XX в.

Р.В. Павлюкевич, А.В. Сабенина, М.Д. Северьянов

Сибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. На основе материалов переписи 1989 г. из фондов государственного архива Красноярского края анализируется качество жилья города Дивногорска в сравнении с условиями столицы Красноярского края (г. Красноярск). В качестве критериев оценки были выделены: размер жилой площади, приходящейся на каждого жителя, тип жилых помещений, таких как индивидуальный дом, часть индивидуального дома, отдельная квартира, коммунальная квартира и общежитие. Рассматривается уровень благоустройства жилья, а также материал внешних стен жилых домов и год их постройки. В итоге следует отметить, что большая часть населения Дивногорска была обеспечена достойными условиями жизнедеятельности. При этом уровень благоустройства Дивногорска выше, чем в Красноярске. Это объясняется спецификой Дивногорска – молодой малый город.

Ключевые слова: население, Дивногорск, качество жилья, жилищный вопрос, благоустройство, малый молодой город.

Научная специальность: 5.6.1 – отечественная история.

Исследование осуществлено при поддержке КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках проекта «История муниципального образования г. Дивногорска» № 2023031609644

Цитирование: Павлюкевич Р.В., Сабенина А.В., Северьянов М.Д. Жилищные условия населения Дивногорска в конце 80-х гг. XX в. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2298–2306. EDN: SAХMIZ

Введение

Когда речь заходит об уровне жизни населения, комфорте того или иного города для проживания, первым делом поднимается вопрос о жилищных условиях горожан. Данная социальная проблема остро стояла для советского населения. В рамках сталинской индустриализации произошли коренные изменения в размещении населения СССР, вследствие которых резко выросло число городского населения, но не количество жилья и уровня его благоустройства. Непосредственные требования совершения индустриального рывка, а затем события Великой Отечественной войны оттеснили данный вопрос, отодвинув

улучшение жилищных проблем населения на потом.

После Великой Отечественной войны данный вопрос, а точнее проблема, встала в полный рост как одна из центральных для советского населения. Народ, победивший в войне, заслуживал достойных жилищных условий, этого требовало и развитие индустриального общества в СССР вместе со складыванием элементов советского общества потребления. Как отмечал в своем фундаментальном труде один из основоположников изучения вопросов жилищного строительства в СССР новосибирский исследователь А.А. Долголюк: «За 70-летний срок существования СССР советская власть

не смогла обеспечить значительную часть населения достаточным жильем» (Dolgoliuk, 2008: 81).

В эпоху Н. С. Хрущева началось активное жилищное строительство, но решение требовало не только строительства новых квадратных метров жилья, но и уровня его благоустройства, соответствующего уровню развития промышленности и социальной сферы СССР. Страна, выступавшая в качестве одного из полюсов мироустройства, должна была доказывать превосходство своей системы, в том числе и решением социальных проблем, таких как обеспечение общества доступным и дешевым жильем.

Своеобразие данные процессы имели в Сибири. Здесь в послевоенное время шла форсированная индустриализация, особенностью которой стало возникновение новых городов, создаваемых под нужды хозяйственного освоения региона. Одним из таких городов оказался Дивногорск, получивший статус города в 1963 г. Сам город был полностью построен под нужды обслуживания строящейся Красноярской ГЭС. Он, как и ряд других подобных поселений в отечественной историографии, получил название молодого малого города. Центральной особенностью данных городов являлось то, что они создавались буквально с нуля, представляя собой моногорода. Отличительной чертой самого Дивногорска стало то, что он был построен в непосредственной близости от Красноярска. С момента создания здесь поселка гидростроителей и вплоть до 1963 г. данные территории номинально относились к Кировскому району города, выступая частью красноярской агломерации.

Источники и методы исследования

В качестве методологической основы авторами была избрана теория модернизации. Данная теория предполагает, что развитие общества происходит путем перехода от одной формации к другой. На протяжении XX в. в СССР отмечены несколько этапов индустриальной модернизации, в которых происходил переход общества от традиционной стадии в индустриаль-

ную, в рамках которой впоследствии шло взрывание предпосылок уже следующего этапа развития. При этом данные процессы распределены неравномерно по гигантской территории страны: в одних регионах они начинались раньше, в других позже. На конец 1980-х гг. в Красноярском крае уже был завершён индустриальный переход, и развитие общества должно было находиться на высоком уровне, в том числе и в области жилищных условий. Второй особенностью здесь был сам город Дивногорск – продукт индустриальной модернизации Сибири.

Источниковой базой исследования выступают материалы Красноярской краевой статистической комиссии, а именно результаты переписи жилищных условий населения в 1989 г., хранящиеся в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК).

Цели и рамки исследования

Целью статьи выступает анализ качества жилищных условий населения Дивногорского городского совета в сравнении с условиями столицы Красноярского края (г. Красноярска) на основе материалов переписи 1989 г.

Историография вопроса

Историографию вопроса можно условно разбить на две части. Первую группу представляют работы, посвященные истории решения квартирного вопроса в СССР. Данную проблему исследуют специалисты новосибирской исторической школы в лице ее представителей: А. А. Долголюка, С. С. Букина, М. М. Ефимкина и А. И. Тимошенко. Своеобразным итогом их исследовательской деятельности по рассматриваемому вопросу стала коллективная монография «Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв.» (Isaevetal., 2008). В ней авторы дали комплексный анализ развития решения жилищной проблемы на протяжении фактически всего советского периода. Активно развивается данное направление исследований в трудах сибирских историков-урбанистов, в частности в работах Н. В. Гониной, где отражен анализ

решения квартирного вопроса и развитие благоустройства городов Восточной Сибири (Gonina, 2017; Gonina, 2012). Отдельные аспекты проблемы рассматривает в своих трудах И.Н. Стась (Stas', 2013). Упоминания требуют работы Г.А. Реута (Reut, 2014) и В.Н. Кузнецова (Kuznetsov, 2014).

Вторая группа работ посвящена феномену малых молодых сибирских городов. Большинство публикаций по Дивногорску представлены исследованиями демографов и урбанистов. Среди исторических трудов следует отметить новосибирскую исследовательницу Н.В. Гонину, которая в своей статье анализирует демографическую динамику в малых исторических и молодых индустриальных городах, в частности Братске и Дивногорске (Gonina, 2019), а также работу Н.А. Ипполитовой, где проанализированы основные результаты динамики численности населения малых городов в регионах Восточной Сибири за более чем 30-летний период (Ippalitova, 2023). В работе Е.К. Захарченко на примере ряда малых молодых городов, в том числе и Дивногорска, показаны процессы территориальных преобразований малых городов Центральной Сибири во второй половине XX в. (Zakharchenko, 2018).

Основная часть работы

Во второй половине XX в. в Сибири происходит резкая урбанизация, одной из особенностей которой стало массовое жилищное строительство и возникновение новых малых молодых городов.

С момента своего основания Дивногорск строился как образцовый город. Государство полагало, что его жители должны были быть обеспечены лучшим из возможного жильем. По этой причине в городе возводились многоквартирные дома, рассчитанные на индивидуальные квартиры. Для анализа был выбран 1989 г. в связи с доступностью материалов переписи и с тем, что на данное десятилетие приходится закат советской эпохи. При этом в рамках исследования проводится сравнение с краевым центром, к которому примыкал и сам Дивногорск, а также рабочий поселок Овсянка, располагающийся между Дивногор-

ском и Красноярском и ныне относящийся к Дивногорскому городскому совету.

Для анализа нами был выбран ряд показателей, которые помогли оценить уровень качества жилищных условий Дивногорска: количество квадратных метров на человека, доступность коммунальных благ, материал внешних стен жилища и год постройки жилья.

Размер жилой площади

Центральной характеристикой при оценке качества жилищных условий выступает размер жилья, а точнее, среднее количество квадратных метров, приходящихся на одного жителя. От данного параметра зависит не только качество жилищных условий. В советскую эпоху данный параметр выступал в качестве одного из центральных показателей санитарной пригодности жилья, находившихся под строгим контролем со стороны государства. Так, еще в первые годы после революции советская власть стремилась обеспечить население рекомендованной санитарной нормой в 6 кв.м. Одним из последних жилищных кодексов СССР, действовавших на 1989 г., в статье 38 установилась рекомендованная норма в 12 кв.м жилья на одного человека (Zhilishchnyykodeks RSFSR, 1938).

Следует заметить, что в начале 50-х гг. XX в. данный показатель в столице края был крайне низок и едва достигал 4 кв.м на человека (Dolgoliuk, 2008: 104). Но в строящемся Дивногорске данный показатель изначально был на достаточно высоком уровне. Город строился с нуля, сразу с учетом оптимального количества населения для обслуживания Красноярской ГЭС и самого города. По мере роста населения росло и число доступного для дивногорцев жилья. В представленной далее табл. 1 отражены для сравнения данные по количеству общей и непосредственно жилой площади, количеству квадратных метров на человека по Дивногорскому городскому совету, Дивногорску, рабочему поселку Овсянке и Красноярску.

В целом, как мы видим из представленных данных, средняя жилая площадь,

Таблица 1. Жилищная площадь на 1989 г.*

Поселение	Население	Общая жилая площадь кв.м		Квадратных метров на человека	
		Общая	Жилая	Общая	жилая
Красноярск	893462	13645184	8736278	15	10
Дивногорский горсовет	34828	500415	328446	15	10
В том числе: Дивногорск	28614	438213	284396	15	10
Рабочий поселок Овсянка	4617	62202	44050	15	10

*ГАКК. Ф.Р. 1300 оп. 5, д. 5857, л.3; д. 5068, л. 3; д. 5069, л. 3.

доступная на душу населения, по всем рассматриваемым объектам была одинаковой и составляла 15 кв.м общей жилой площади на жителя, или 10 кв.м непосредственно жилой. Следует отметить, что непосредственно под жилой площадью понимались только жилые комнаты, исключая коридоры и прочие помещения. Таким образом, доступная населению площадь жилья незначительно, но превышала рекомендуемые государством 12 кв.м, следовательно, условия жизни дивногорцев по этому показателю не уступали краевому центру и были достаточно комфортабельными.

Тип жилого помещения

Другой центральной характеристикой для оценки жилищных условий населения городов позднего СССР выступает тип жилья. Так, в конце 1980-х гг. в городах Советского Союза существовало пять возможных типов жилья, а именно: индивидуальный дом, часть индивидуального дома, отдельная квартира, коммунальная квартира и общежитие (табл. 2).

Под индивидуальным домом понимались отдельные одноэтажные дома, рассчитанные, как правило, на одну семью. Сегодня в Красноярском крае скопления подобных домов принято называть частным сектором. В подобных домах в отдельных случаях могло проживать несколько семей, занимая разные части дома или отдельные его комнаты.

В совокупности данный тип жилья был более распространён в рабочем поселке Овсянка, что, собственно, и неудивительно (16 % всего населения Овсянки проживало в индивидуальном доме). Овсянка – это поселение, возраст которого близок возрасту самого Красноярска, оно было основано еще в 1671 г., то есть существовало до появления Красноярской ГЭС, Дивногорска и его предприятий. Поэтому и совокупная доля индивидуальных домов здесь выше, чем в самом Дивногорске и Красноярске. Совокупная доля проживающих в подобном жилье в Красноярске в целом равна доле по Дивногорскому городскому совету (5 %), в то время как в самом Дивногорске незначительно, но все же ниже. Как раз

Таблица 2. Распределение населения по типу жилья, %*

Поселение	Индивидуальный дом	Часть индивидуального дома	Отдельная квартира	Коммунальная квартира	Общежитие
Красноярск	3 %	2 %	78 %	12 %	5 %
Дивногорский горсовет	5 %	0	79 %	1 %	15 %
В том числе: Дивногорск	4 %	0 %	79 %	1 %	16 %
Рабочий поселок Овсянка	16 %	1 %	75 %	0 %	8 %

*ГАКК. Ф.Р. 1300, оп. 5, д. 5855, л. 1; д. 5856, л. 2; д. 5856, л.1.

Овсянка и тянула вниз общий показатель по городу, в то время как в самом Дивногорске такие дома были наследием первых лет существования поселения гидростроителей. Начиная с 1963 г. подобное жилье уже в городе не сооружалось.

Во многом по этой же причине доля коммунальных квартир здесь в разы ниже против Красноярска (12 % и 1 %). «Коммуналки» во многом были наследием эпохи первой половины XX в., когда в условиях нехватки жилья население было вынуждено обитать в подобных условиях. В конце 1980-х гг. в Красноярске такое жилье еще продолжало сохраняться в достаточном количестве, в то время как в молодом малом городе доля «коммуналок» была крайне незначительна.

В то же время здесь выше доля общежитий, чем в Красноярске. Дивногорск и прилегающие к нему территории представляли собой классические моногорода, жизнь которых была сосредоточена вокруг промышленных предприятий. В свою очередь, предприятия обладали собственными общежитиями, которые предоставлялись всем нуждающимся. Количество квартир здесь также несколько выше, чем в Красноярске, во многом по уже названным причинам.

Таким образом, в рамках указанной характеристики жилищных условий населения Дивногорск в первую очередь подтверждал свой статус молодого города.

Жизнь в нем была комфортнее, чем в Красноярске за счет меньшего количества индивидуальных домов и коммунальных квартир. В свою очередь, доля проживающих в общежитиях также была выше. Но последние, как правило, были достаточно комфортны, да и жила в них преимущественно заводская молодежь, ожидающая собственные квартиры.

Уровень благоустройства жилья

Комфортность жилья в конце 1980-х гг. была обусловлена не только его типом или количеством квадратных метров, но и доступностью коммунальных благ. Базовый набор состоял из электричества, центрального отопления, водопровода, канализации, горячей воды, ванной и наличия плиты для приготовления пищи (табл. 3).

В целом, как мы видим из представленных данных, электричеством было обеспечено практически полностью население всех анализируемых поселений. Так, в самом Дивногорске только два человека из всего населения города не обладали доступом к нему. Электричество в рассматриваемый период воспринималось обществом как обязательный атрибут жилья, тем более в условиях его дешевизны и доступности благодаря Красноярской ГЭС.

Гораздо более разнообразная картина была в области центрального отопления. Наиболее полно им было обеспечено население

Таблица 3. Доля населения, обладающая доступом к различным видам благ в 1989 г., %*

Удобство	Красноярск	Дивногорский горсовет	В том числе: Дивногорск	Рабочий поселок Овсянка
Электричество	99,9 %	99,9 %	99,9 %	99,9 %
Центральное отопление	91,3 %	88,4 %	95,7 %	39,1 %
Водопровод	90 %	88 %	95,5 %	37,7 %
Канализация	90,2 %	87,7 %	95,2 %	37,3 %
Горячее водоснабжение	88,6 %	82 %	93,4 %	5 %
Газ или напольная электроплита	88,3 %	88,2 %	89,5	79,3 %
В том числе напольная	62,8 %	85 %	89,5 %	54,5 %
Ванная или душ	85 %	80,5 %	91,7 %	4,7 %

*ГАКК. Ф.Р. 1300, оп. 5, д. 5856, л. 2-9; д. 5855, л. 2-9; д. 5857, л. 2-9; д. 5040, л. 10-15; д. 5041, л. 1-15; д. 5042, л. 10-15; д. 5043, л. 10-15; д. 5044, л. 10-15; д. 5045, л. 10-15. 50469 л. 10-15.

ние Дивногорска, чуть хуже дело обстояло в краевом центре и хуже всего в Овсянке. В большинстве своем жители, не обладавшие доступом к нему, проживали в индивидуальных домах и отапливали свое жилье за счет угля и дров. Помимо индивидуальных домов без центрального отопления был и ряд квартирных домов наиболее старых проектов строительства, которые также отапливались придомовыми печами. Большинство подобных многоквартирных домов были построены в конце 1950 – начале 1960-х гг., позднее такое жилье уже не сооружали.

Расхождение присутствует в показателях и по наличию водопровода, канализации, горячей воды, а также ванной или душа. Наилучший показатель у Дивногорска, наихудший у Овсянки. Причина в уже упомянутых индивидуальных домах и жилье по старым проектам. Именно рабочий поселок Овсянка тянул вниз и совокупный показатель по Дивногорскому городскому совету.

В целом с позиции доступности коммунальных благ Дивногорск даже несколько обходит Красноярск. Это было обусловлено молодостью города.

Материал внешних стен жилых домов и год их постройки

Следующей характеристикой анализа условий жилья населения Дивногорска выступает материал внешних стен, из которых было построено жилье (табл. 4).

Следует заметить, что данная характеристика также играет важную роль в ком-

форте жилья. Наиболее удобным и комфортным для жителей Советского Союза были дома, построенные из камня или кирпича. Данные дома, как правило, гораздо лучше удерживали тепло внутри квартир, что было особенно важно для холодного климата Сибири. К тому же дома из этого материала обладали обычно и большей звукоизоляцией. Это позволяло в большей степени сохранять интимность жизни населения. Следом, исходя из этих качеств, шли дома из бетона и панелей, деревянные же оказывались хуже всех остальных, особенно с учетом высокой влажности в Дивногорске и рабочем поселке Овсянке.

Следует заметить, что данная характеристика тесно связана еще и с возрастом жилья (табл. 5).

Опять же главный вывод, который подтверждают данные таблицы, что Дивногорск – молодой город. Только чуть более 1 % населения жили в домах постройки до 1951 г., то есть до десятилетия, когда было принято решение о размещении здесь в будущем города, обслуживающего нужды будущей Красноярской ГЭС, после чего начинается активное сооружение нового жилья, пик строительства которого приходится на 1960–1970 гг., когда происходит основной рост населения и самого города. Фактически эти данные указывают, что к 1989 г. население города жило в относительно новом жилье.

Несколько иначе обстоят дела с рабочим поселком Овсянка, где 26,5 % населения проживали в домах, построенных

Таблица 4. Материал внешних стен, %*

Материал внешних стен	Дивногорский горсовет	В том числе: Дивногорск	Рабочий поселок Овсянка
Из кирпича и камня	41,7 %	47,3 %	3,5 %
Из бетона, железобетона, блоков, панелей	22 %	24 %	8,4 %
Из дерева	35,5 %	28,9 %	87,7 %
Из смешанного материала	0,03 %	0,02 %	0,09 %
Из самана и глины	0,015 %	0,02 %	0 %
Из другого материала	0,04 %	0,02 %	0,2 %

*ТАКК. Ф.Р. 1300, оп. 5, д. 5068, л 1–9; д. 5069, л. 1–9; д. 5857, л. 1–9.

Таблица 5. Распределение населения по году постройки жилья, %

Период постройки	Дивногорский горсовет		В том числе: Дивногорск		Рабочий поселок Овсянка	
	Количество населения	Доля населения	Количество населения	Доля населения	Количество населения	Доля населения
Дома до 1918	96	0,3 %	0	0	96	2,3 %
1918–1940	99	0,3 %	0	0	99	2,3 %
1941–1950	164	0,5 %	7	0,02 %	157	3,7 %
1951–1960	4748	14,5 %	3978	13,9 %	770	18,2 %
1961–1970	12589	38,3 %	10325	36 %	2264	53,5 %
1971–1980	9663	29,4	9245	32,3 %	416	9,8 %
1981–1988	5488	16,7 %	5059	17,7 %	429	10,1 %

* ГАКК. Ф.Р. 1300, о. 5, д. 5068, л. 1–9; д. 5069, л. 1–9; д. 5857, л. 1–9.

до 1950 г. Впрочем, основной пик строительства, исходя из представленных данных, здесь приходится на то же десятилетие. Это было обусловлено фактором строительства Красноярской ГЭС, Дивногорска и общего развития Красноярской агломерации под влиянием очередного витка индустриальной модернизации.

Заключение

Анализ жилищных условий населения Дивногорского городского совета в целом и Дивногорска в частности на материалах переписи 1989 г. подтверждает главную характеристику города. Дивногорск – это молодой малый город. Он возник быстро, местное население практически сразу было обеспечено достойными условиями жизни. Если сравнивать уровень благоустройства Дивногорска и Красноярска, то можно увидеть, что он здесь даже выше, чем в крае-

вом центре. При этом в Восточной Сибири Красноярск по данным показателям обходил многие другие региональные центры (Pavliukevich, 2021: 165).

Конечно же, условия в рабочем поселке Овсянке были хуже, чем в рассматриваемых городах. Но и сама Овсянка являлась поселком, а не городом. При этом условия для населения в нем были на голову выше, чем во многих других поселках Красноярского края. Это было связано с тем, что он входил в Красноярскую агломерацию и размещался, по сути, между двумя анализируемыми городами.

В целом большинство жителей Дивногорского городского совета проживало в комфортных отдельных квартирах, построенных из бетонных панелей и кирпича во второй половине XX в. по типовым проектам, которые включали полный набор коммунальных благ.

Список литературы / References

Dolgoliuk A. A. Individual'noye zhilishchnoye stroitel'stvo v Sibiri v 1946–1970 gg. [Individual housing construction in Siberia in 1946–1970]. In: *Opyt resheniya zhilishchnoy problemy v gorodakh Sibiri v XX – nachale XXI vv. [Experience of solving the housing problem in the cities of Siberia in the XX – beginning of the XXI centuries]*, 2008, 81–103.

Gonina N. V. Sovetskaya zhilishchnaya politika i yeye realizatsiya v 1954–1984 gg. v gorodakh Irkutskoy oblasti [Soviet housing policy and its implementation in 1954–1984 in the cities of the Irkutsk region]. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij yezhegodnik [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]*, 2012, 169–174.

Gonina N. V. Blagoustroystvo gorodov i kvartirnyy vopros v Krasnoyarskom krae vo vtoroy polovine 1950-kh – nachale 1980-kh gg. [Urban improvement and housing issues in the Krasnoyarsk Territory in the

second half of the 1950s – early 1980s.]. In: *Izvestiya altayskogo gosudarstvennogo universiteta [News of the Altai State University]*, 2017, 2, 75–79.

Gonina N. V. Demograficheskie processy v malyh istoricheskikh gorodakh Angaro-Enisejskogo regiona vo vtoroj polovine 1950-h – konce 1970-h gg. [Demographic processes in historic towns of the Angaranisei region in 1950s-1970s.]. In: *Istoricheskij kur'er [Historical courier]*, 2019, 4, 129–142.

Ippolitova N. A. Prostranstvennaja dinamika chislennosti naselenija malyh gorodov sibirskih regionov [Spatial dynamics of the population of small towns in the siberian regions]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region [News of higher educational institutions. North Caucasian region]*, 2023, 1, 70–78.

Isaev V. I. et al. *Opyt resheniya zhilishchnoy problemy v gorodakh Sibiri v XX – nachale XXI vv. [Experience of solving the housing problem in the cities of Siberia in the XX – beginning of the XXI centuries]*. Novosibirsk, Parallel', 2008. 216 p.

Kuznetsov V. N. Protsess stroitel'stva zakrytykh gorodov na Urale i ikh zaseleniye zhitelyami [The process of construction of closed cities in the Urals and their settlement by residents]. In: *Istoricheskaya demografiya [Historical demographics]*, 2014, 2, 43–46.

Pavlyukevich R. V. Zhilishchnyye usloviya krasnoyartsev v kontse 80-kh gg. XX v. [Housing conditions of Krasnoyarsk residents in the late 80s. twentieth century]. In: *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU [Socio-economic and humanitarian journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University]*, 2021, 1, 155–157.

Reut G. A. Problemy raspredeleniya zhil'ya v zakrytykh gorodakh Sibiri v 1950–1980-kh gg. [Problems of housing distribution in closed cities of Siberia in the 1950–1980-ies.]. In: *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Bulletin of the Krasnoyarsk State Agrarian University]*, 2014, 2, 224–228.

Stas' I. N. Rozhdeniye neftyanykh gorodov Khanty-mansiyskogo okruga v period neftegazovogo osvoeniya Tyumenskoy obrasti [The birth of the oil cities of the Khanty-Mansiysk district during the oil and gas development of the Tyumen region]. In: *Arkhitektura i stroitel'stvo Rossii [Architecture and construction of Russia]*, 2013, 6, 30–40.

Zaharchenko E. K. Etapy territorial'nykh preobrazovaniy malykh gorodov tsentral'noi Sibiri vo vtoroi polovine XX v. [Stages of territory transformations of small towns in Central Siberia in the second half of 20th century]. In: *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie [Bulletin of the Tomsk State University. Cultural studies and art history]*, 2018, 31, 46–55.

Zhilishchnyy kodeks RSFSR [Housing Code of the RSFSR]. In: *Postanovleniye Vserossiyskogo Tsentral'nogo Iсполnitel'nogo Komiteta i Soveta narodnykh komissarov RSFS [Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFS]*. Moscow, 1938.